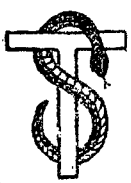
ВОПРОСЫ ТЕОСОФІИ

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ
ПО ТЕОСОФІИ
(Выпускъ 2-ой) ВЪ ПАМЯТЬ

Елены Петровны

БЛАВАТСКОЙ.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1910

СОДЕРЖАНІЕ.

		стран.
1.	Предисловіе къ „Сборнику“ *отъ Редакціи*	3
2.	Елена Петровна Блаватская, *Е. П.*	7
3.	Миссія Е. П. Блаватской, *Alba*	53
4.	Отзывы учениковъ	60
5.	Извлеченіе изъ письма *Е. П. Блаватской*	90
6.	Введеніе къ „Тайной Доктринѣ“, пер. *Alba*	93
7.	Прологъ (Проэма) къ Тайной Доктринѣ“, пер. *Е. П.*	122
8.	Семь Стансъ „Книги Dzyan“, пер. *П. Батюшковъ*	146
9.	Извлеченія изъ „Голоса Безмолвія“, *Е. П. Блаватской*, пер. *Е. П.*	161
10.	Практическій оккультизмъ, *Е. П. Блаватской*, пер. *Р. Т.*	174
11.	Есть ли душа у животныхъ, *Е. П. Блаватской*, пер. *А. Борніо*	181
12.	Заколдованная жизнь (сказка) *Е. П. Блаватской*, пер. *Е. П.*	208

Къ „Сборнику“ приложены два портрета Е. П. Блаватской, одинъ портретъ ея вмѣстѣ съ Г. Олькотт'омъ, автографъ Е. П. Блаватской, видъ дома международнаго Теософическаго Общества въ Адьярѣ, рабочій кабинетъ Е. П. Блаватской и урна, въ которой хранится пепелъ отъ сожженія ея тѣла.

Поправка. Статья И. Я. „Правда о Е. П. Блаватской“ помѣщена въ „Ребусѣ“ не за 1882 г., какъ сказано въ „Сборникѣ“ на стр. 8, а за 1883 г. въ №№ 40, 41, 43, 44, 46—48.

Предисловіе къ Сборнику.

Настоящій Сборникъ мы посвящаемъ памяти Е. П. Блаватской, основательницѣ Теософическаго Общества.

Въ первой его части мы даемъ нѣсколько статей, бросающихъ свѣтъ на личность Елены Петровны, до сихъ поръ совершенно незнакомую въ ея истинномъ значеніи русскому обществу. Первая статья, которую можно назвать попыткой охарактеризовать личность и значеніе Е. П. Блаватской, принадлежитъ перу Е. П., переводчицы „Голоса Безмолвія“ и постоянной сотрудницы „Вѣстника Теософіи“, основательно изучившей всѣ матеріалы, которые относятся къ жизни, дѣятельности и литературнымъ трудамъ Елены Петровны, и лично знакомой съ ея наиболѣе выдающимися учениками, какъ г-жа А. Безантъ, Джоржъ Мидъ, Бертрамъ Китлей, г-жа Куперъ-Ооклей и др.

Вторая статья, Alba, имѣетъ задачей выяснить читателямъ миссію великаго піонера теософическаго движенія.

Рядомъ съ этимъ, мы даемъ отзывы нѣкоторыхъ учениковъ Елены Петровны, которые, пожелавъ почтить ея память, издали вскорѣ послѣ ея смерти книгу „In Memoriam“. Мы выбираемъ изъ нея наиболѣе значительные отзывы и характеристики, выпуская тѣ мѣста, которыя являются менѣе интересными или повторяютъ уже сказанное. Эта книга написана вскорѣ послѣ смерти горячо любимаго учителя, чѣмъ и объясняется пылкій энтузіазмъ, которымъ проникнуты всѣ отзывы благодарныхъ учениковъ.

Тѣмъ болѣе значительной и цѣнной считаемъ мы статью Джоржа Мида, которая написана 13 лѣтъ послѣ смерти Елены Петровны, когда все личное, эмоціональное, должно было уже давно улечься и уступить мѣсто спокойному объективному анализу.

Д. Мидъ—извѣстный ученый и писатель, всю жизнь изучавшій эзотерическую философію и написавшій много теософическихъ изслѣдованій, которыя высоко цѣнятся въ ученомъ мірѣ. Онъ, какъ видно изъ его статьи, былъ нѣсколько лѣтъ личнымъ секретаремъ Елены Петровны; если прибавить къ этому, что онъ обладаетъ чрезвычайно скептическимъ и тонкимъ умомъ и никогда не былъ, по его собственному выраженію, „поклонникомъ героевъ" (heroworshipper), то станетъ яснымъ, почему мы придаемъ такое значеніе этой статьѣ и рекомендуемъ читателю обратить на нее особенное вниманіе.

Въ концѣ 1-й части печатаемъ извлеченія изъ ея письма, обращеннаго къ покойному издателю „Ребуса", В. И. Прибыткову. Въ этомъ письмѣ Елена Петровна отвѣчаетъ на нѣкоторыя взведенныя на нее обвиненія, въ числѣ которыхъ было обвиненіе и въ томъ, что она отреклась отъ христіанства и проповѣдуетъ буддизмъ.

Вторая часть Сборника состоитъ изъ образчиковъ произведеній Елены Петровны, написанныхъ ею на англійскомъ языкѣ и совершенно незнакомыхъ русской читающей публикѣ. Во главѣ этихъ образчиковъ ея разнообразнаго и блестящаго литературнаго творчества мы помѣщаемъ *Вступленіе и Проэму,* которыя составляютъ введеніе въ I-й томъ ея Тайной Доктрины и указываютъ на характеръ главнаго ея труда, а также первую часть *Станцевъ Дзіанъ.*

Особенный интересъ представляютъ „Станцы Дзіанъ", не бывшіе еще въ рукахъ ни одного европейца. Эти Станцы принадлежатъ къ священной литературѣ, скрытой въ храмахъ и доступной только посвященнымъ, что несомнѣнно указываетъ на то, что Е. П. Блаватская была посвящена въ эзотеризмъ Востока. Комментаріи къ этимъ Станцамъ и составляютъ содержаніе трехъ томовъ Тайной Доктрины. Для характеристики ея многосторонней, журнальной дѣятельности мы выбираемъ двѣ ея статьи, взятыя изъ издававшагося ею въ 80-хъ годахъ журнала Lucifer „Путь Оккультизма" и „Душа животныхъ".

Первая статья указываетъ на то, какъ Е. П. Блаватская подходила къ оккультизму и какія большія и серьезныя требованія она ставила своимъ ученикамъ. Ея методъ работы не имѣлъ ничего общаго съ пріемами моднаго современнаго оккультизма, призывающаго всѣхъ къ развитію скрытыхъ внутри человѣка психическихъ силъ и въ большинствѣ случаевъ приводящаго лишь къ развитію въ высшей степени нежелательнаго медіумизма. Для нея

путь оккультизма былъ путемъ подвижника и потому требовалъ прежде всего раскрытія духовности. Суровость ея требованій объясняетъ въ значительной степени ту вражду, которую она вызывала къ себѣ въ людяхъ, подходившихъ къ ней съ надеждой, что она укажетъ имъ немедленно способы развить свои психическія силы и творить „чудеса".

Статья „Душа животныхъ" указываетъ на любовное отношеніе автора ко всему живому. Въ статьѣ этой слышится страстный протестъ противъ убійства и мучительства животныхъ,—главнымъ образомъ противъ вивисекціи.

Помѣщаемъ также извлеченія изъ „Голоса Безмолвія", этой „жемчужины Востока", которая въ высоко поэтической формѣ даетъ глубокія душевныя переживанія восточнаго подвижника. Мы приводимъ эти извлеченія не смотря на то, что книга уже имѣется въ русскомъ переводѣ („Голосъ Безмолвія", перев. съ англійскаго Е. П. Калуга, 1908) потому, что они необходимы для вѣрной характеристики духовнаго опыта учениковъ восточной эзотерической школы, къ числу которыхъ принадлежала и Е. П. Блаватская.

Кромѣ того, чтобы дать представленіе о художественномъ талантѣ Елены Петровны, мы помѣщаемъ одну изъ ея сказокъ: „Заколдованная жизнь". Во время болѣзни неутомимая энергія Елены Петровны сказалась въ томъ, что она, неспособная оставаться безъ дѣла и желая отвлечься отъ мучительныхъ болей, писала, лежа въ постели, рядъ фантастическихъ разсказовъ, которые были напечатаны подъ общимъ названіемъ „Nightmare Tales" (Кошмарныя сказки).

Изъ составленной ею книжечки „Драгоцѣнные камни Востока" выбираемъ, для украшенія настоящаго Сборника, нѣкоторыя изъ собранныхъ ею индусскихъ пословицъ и изреченій мудрецовъ.

Прилагаемъ къ нашему изданію рядъ фотографій и снимковъ, которые намъ удалось получить главнымъ образомъ благодаря любезному содѣйствію Надежды Андреевны Фадѣевой, тетки Е. П. Блаватской, и стараніямъ нашего сотрудника А. В. Борніо.

Мы здѣсь не отводимъ отдѣльнаго мѣста для разбора тѣхъ обвиненій, которыми были отравлены послѣдніе годы жизни Елены Петровны, такъ какъ подобный разборъ занялъ бы слишкомъ много мѣста и еще потому, что мы имѣемъ намѣреніе дать русскимъ читателямъ переводъ недавно вышедшей на англійскомъ языкѣ книги, которая издана президентомъ Теософическаго Общества А. Безантъ: „Е. П. Блаватская и Учителя Мудрости" (H. P.

Blavatsky and the Masters of Wisdom) и которая представляетъ собою тщательно собранныя и провѣренныя на мѣстѣ изслѣдованія фактовъ, относящихся до подробностей надѣлавшаго въ свое время много шума отчета Общества Психическихъ Изслѣдованій. Отчетъ этотъ набросилъ совершенно незаслуженную тѣнь на доброе имя Елены Петровны Блаватской. Къ этой книгѣ мы и отсылаемъ интересующихся читателей. Съ своей стороны мы думаемъ, что лучшимъ отвѣтомъ на всѣ эти недоразумѣнія и несправедливыя обвиненія будетъ выясненіе того, *что* дала намъ Елена Петровна и на какихъ высотахъ происходила ея пламенная работа на пользу міра. „Судите о деревѣ по его плодамъ", завѣщалъ намъ Христосъ. Плоды дѣятельности Е. П. Блаватской налицо: это—еще неизвѣстные въ Россіи, но высоко цѣнимые въ остальныхъ странахъ литературные труды *) и міровое духовное движеніе, лозунгомъ котораго является *братство и единеніе*.

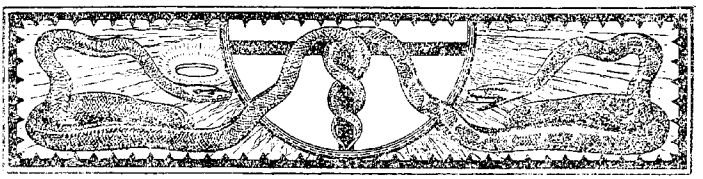
Мы знаемъ, что настанетъ время, и это время приближается, когда дѣло жизни Е. П. Блаватской предстанетъ въ совершенно новомъ свѣтѣ и вызоветъ къ себѣ и въ Россіи то серьезное вниманіе и добросовѣстное изслѣдованіе, на которое оно имѣетъ неоспоримое право.

Да будетъ сборникъ, посвященный памяти Елены Петровны Блаватской, первымъ камнемъ къ возстановленію несправедливо попраннаго имени той, которую, мы твердо вѣримъ, каждый русскій будетъ современемъ вспоминать не иначе, какъ съ гордостью и съ глубокою благодарностью!

*) Мы счастливы, что имѣемъ возможность приступить къ изданію Тайной Доктрины, главнаго труда ея жизни, о чемъ помѣщаемъ въ сборникѣ подробное объявленіе.

Редакція.

Е. П. Блаватская.



Елена Петровна Блаватская.

Вся окруженная любовью и ненавистью партій,
Въ лѣтописяхъ мировой исторіи личность ея
грядетъ безсмертная.
Шиллеръ.

Глава I.

Первый періодъ жизни Е. П. Блаватской.

Трудно себѣ представить что-либо необычайнѣе и несправедливѣе того упорнаго непониманія и даже враждебности, съ которыми русское образованное общество продолжаетъ относиться къ своей геніальной соотечественницѣ, Еленѣ Петровнѣ Блаватской.

Прошло уже 18 лѣтъ со дня ея смерти, а съ основанія ею Теософическаго Общества болѣе 30 лѣтъ, срокъ совершенно достаточный для того, чтобы вызвать серьезныя разслѣдованія относительно дѣятельности и трудовъ той русской женщины, которая боролась съ такой неукротимой силой противъ сковавшаго человѣческую мысль матеріализма, которая вдохновила столько благородныхъ умовъ и съумѣла создать духовное движеніе, продолжающее расти, развиваться и оказывать вліяніе на сознаніе современниковъ. Плоды ея дѣятельности на виду, и только по нимъ можно сдѣлать истинную оцѣнку Е. П. Блаватской: она первая обнародовала сокровенныя ученія, на которыхъ основаны всѣ религіи, и первая сдѣлала попытку дать религіозно-философскій синтезъ всѣхъ вѣковъ и народовъ; она вызвала возрожденіе древняго Востока и создала международный братскій Союзъ, въ основу котораго положено уваженіе къ человѣческой мысли, на какомъ бы языкѣ она не выражалась, широкая терпимость ко всѣмъ членамъ единой человѣческой семьи и стремленье воплотить не мечтательный, а конкрет-

ный идеализмъ, проникающій всѣ области жизни. Передъ такими плодами должна бы умолкнуть всякая вражда и возникнуть глубокій интересъ къ необычайнымъ силамъ той души, которая смогла дать такой могучій толчокъ человѣческой мысли. А между тѣмъ, имя Е. П. Блаватской продолжаетъ вызывать въ Россіи попрежнему одно недовѣріе, и до сихъ поръ не нашлось ни одного значительнаго голоса, чтобы сказать вѣсское слово въ пользу той, которая, по справедливости, должна быть славой и гордостью своей родины.

Изъ всѣхъ ея литературныхъ трудовъ, благодаря которымъ Западная Европа впервые познакомилась съ сокровенными ученьями древняго Востока, въ Россіи только въ прошломъ году явился первый переводъ ея „Голоса Безмолвія“, и до сихъ поръ ея литературное имя соединяется у насъ только съ очерками Индіи, которые, подъ названіемъ „Изъ пещеръ и дебрей Индостана“, печатались въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, если не ошибаюсь, въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ. И все, что мнѣ удалось найти въ русской литературѣ по поводу Елены Петровны, ограничивается враждебнымъ памфлетомъ романиста Всеволода Соловьева „Разоблаченная жрица Изиды“, его же статьи противоположнаго характера въ „Ребусѣ“ за іюль 1884 г., да двухъ статей въ словарѣ Венгерова; одна изъ нихъ, изъ третьихъ рукъ составленная біографическая статья, не имѣющая никакой цѣнности, а другая—замѣтка Владиміра Соловьева, основанная на чистѣйшемъ недоразумѣніи, о которомъ рѣчь впереди. Если къ этому прибавить малоизвѣстный біографическій очеркъ ея родной сестры Вѣры Петровны Желиховской, напечатанный въ „Русскомъ Обозрѣніи“ въ 1891 г., ея же книгу, написанную въ отвѣтъ на упомянутый памфлетъ Всеволода Соловьева, „Е. П. Блаватская и современный жрецъ Истины“ и двѣ ея статьи въ „Ребусѣ“ за 1881—82 г.—вотъ и всѣ матеріалы на русскомъ языкѣ, касающіеся Е. П. Блаватской.

Несравненно пріятнѣе было бы совсѣмъ не касаться названной книги Всеволода Соловьева, которая отмѣчена такой печатью предательства, что, читая ее, становится неловко, словно самъ участвуешь въ очень нехорошемъ дѣлѣ. Но она сыграла слишкомъ роковую роль во мнѣніи русскаго общества относительно Е. П. Блаватской; бойко и ярко написанная, она многими была прочтена, и такъ какъ очерненную Елену Петровну на родинѣ совсѣмъ не знали, и защититься изъ могилы она не могла,—пущенная клевета обошла безпрепятственно всю Россію, и одни—изъ его книги, а другіе—по наслышкѣ отъ читавшихъ ту же книгу, стали утверждать, что Е. П. Блаватская—уличенная обманщица, и ученія ея, идущія изъ такого мутнаго источника, не могутъ быть чистыми. Но самое опасное въ этой дурной книгѣ то, что она опирается на „документы“. Благодаря этому, даже разборчивые

люди, возмущенные тономъ книги, все же подпадаютъ подъ ея вліяніе. Цѣнность главнаго документа,—„Отчета Общ-ва Психическихъ Изслѣдованій“ мы разберемъ позднѣе, а теперь необходимо сказать нѣсколько словъ о пріемахъ Всеволода Соловьева. Чтобы напасть съ оскорбленьями на женщину, которая—по его же словамъ—относилась къ нему съ материнской лаской, онъ дождался ея смерти и, по странному недосмотру, издалъ свою статью въ Россіи и на русскомъ языкѣ, тогда какъ, по его же словамъ, похвальной цѣлью этой книги было—охранить довѣрчивыхъ людей отъ губительнаго вліянія Е. П. Блаватской. Поэтому нужно думать, что книга его назначалась не для русскихъ, которые совсѣмъ не знали Е. П. Б. и не могли даже пользоваться ея сочиненіями и по условіямъ тогдашней цензуры, и потому, что они были написаны на англійскомъ языкѣ,—а для тѣхъ, которые или уже подпали, или могли легко подпасть подъ ея губительное вліяніе, т. е. для англичанъ. Но этого мало: надѣясь, что его русская книга не дойдетъ до англичанъ, онъ сослался въ ней на двухъ живыхъ свидѣтелей, г-жу Куперъ—Ооклей и г-на Гебхарда, хорошо знавшихъ Елену Петровну; но онъ ошибся въ расчетѣ, и они утверждаютъ, что онъ ссылался на нихъ ложно *). Въ виду этого, нужно съ большой осторожностью относиться и къ главному „документу“ его книги, т. е. къ письмамъ Е. П. Блаватской, большая часть которыхъ приведена безъ всякой даты. Что стоило, при такомъ безцеремонномъ отношеніи къ истинѣ, сдѣлать легкія измѣненія, которыя могли совершенно измѣнить смыслъ письма? Во всякомъ случаѣ всѣхъ, читавшихъ книгу Соловьева, убѣдительно прошу во имя справедливости къ русской женщинѣ, горячо любившей свою родину, и къ теософамъ всего міра, которымъ дорого ея имя, прочесть отвѣтъ В. П. Желиховской „Е. П. Блаватская и современный жрецъ Истины“ и книгу А. Безантъ: *„H. P. Blavatsky and the Masters of Wisdom“*. Послѣдняя книга—подробное, подкрѣпленное многочисленными живыми свидѣтелями разслѣдованье на мѣстѣ, т. е. въ Адьярѣ, надѣлавшаго когда то много шума слѣдствія г-на Ходжсона, напечатаннаго въ отчетѣ Общества для Психическихъ Изслѣдованій.

Когда мнѣ пришлось впервые познакомиться съ Теософіей, а затѣмъ и съ главнымъ трудомъ Е. П. Блаватской *The Secret Doctrine*, меня сразу поразило полное несоотвѣтствіе между развернувшейся передо мной большой величиной и тѣмъ—до странности неподходящимъ представленіемъ, которое упорно сохраняется въ русскомъ обществѣ, какъ относительно самого теософическаго движенія, такъ и

*) Желающіе получить подтвержденіе сказанному—могутъ обратиться къ г-жѣ Куперъ—Ооклей черезъ редакцію журнала „Вѣстникъ Теософіи“, С.-Петербургъ, Кабинетская, № 7.

относительно его создательницы. Это вызвало во мнѣ рѣшимость, какъ можно основательнѣе познакомиться съ ея жизнью и трудами и выяснить, насколько возможно, истинный образъ той, которая съумѣла вызвать къ себѣ всѣ оттѣнки человѣческихъ чувствъ, отъ обожанія до ненависти, отъ глубокаго почитанія до презрительной насмѣшки включительно. Съ тѣхъ поръ прошло нѣсколько лѣтъ и мнѣ не только удалось познакомиться приблизительно со всѣмъ, что было написано о ней, но и лично узнать наиболѣе значительныхъ изъ ея учениковъ, какъ А. Безантъ, Джоржъ Мидъ, г-жа Куперъ-Ооклей, Бертрамъ Китлей, Гюббе-Шлейденъ и др. Одновременно съ этимъ я продолжала изучать ея сочиненія и многочисленныя комментаріи къ ея Тайной Доктринѣ, изъ которыхъ образовалась обширная литература на трехъ европейскихъ языкахъ. И чѣмъ болѣе я знакомилась со всѣми матерьялами, тѣмъ яснѣе становилось для меня, что для *истинной* біографіи Е. П. Блаватской, которая передала бы ея *вѣрный образъ*, время еще не пришло. Ея необыкновенная психическая организація, проявлявшая такія силы, которыя у огромнаго большинства людей находятся еще въ скрытомъ состояніи,—настолько опередила типъ современнаго интеллигентнаго человѣка, что разгадать ее вполнѣ и безошибочно опредѣлить ея свойства будетъ въ состояніи лишь психологія будущаго. Исторія говоритъ, что и прежде появлялись отъ времени до времени люди, одаренные невѣдомыми для остальныхъ людей силами, какъ Калиостро, Яковъ Бёме, Сведенборгъ и др., но разница между ними и г-жей Блаватской огромная: тѣ жили въ иныя времена, когда общеніе между людьми было медленное и трудно провѣряемое, а критическій анализъ находился еще въ зачаткѣ, и до насъ могли дойти только смутныя легенды объ ихъ чудесныхъ силахъ. Елена Петровна появляется на сценѣ жизни въ такое время, когда умственное общеніе обѣгаетъ земной шаръ съ необычайной быстротой, когда каждое сколько-нибудь выдающееся явленіе дѣлается немедленно достояніемъ всего міра; и жила Елена Петровна—послѣдовательно въ трехъ частяхъ свѣта—совершенно открыто, принимала у себя всѣхъ, кто только желалъ ее видѣть, была лично извѣстна множеству людей всѣхъ національностей и профессій. Ее знали многіе ученые Америки, Азіи и Европы. И сама она, и ея жизнь, и ея такъ называемыя чудеса, были у всѣхъ на виду. Замолчать ее, или отдѣлаться смутными легендами было уже невозможно. Но и до сихъ поръ мало кто сознаетъ, что не только принесенныя ею съ Востока ученія, но и она сама, ея личность, ея необычайныя психическія свойства представляютъ для нашей эпохи явленіе величайшей важности. Она—не теорія, а фактъ. И фактъ этотъ говоритъ слишкомъ настоятельно, что наука должна широко

раздвинуть свои границы, принять въ свои предѣлы не только физическія, но и сверхфизическія явленія, и рядомъ съ эволюціей формы признать и эволюцію психическую и духовную, или же—сложить оружіе и объявить себя безсильной передъ явленіями высшаго порядка. Съ этой точки зрѣнія, т. е., какъ явленіе по внутреннимъ своимъ свойствамъ далеко опередившее свое время и дающее глубоко интересныя указанія на будущія линіи человѣческаго развитія, Елена Петровна должна бы представлять огромный интересъ для современныхъ психологовъ; *какъ* этотъ интересъ проявился въ дѣйствительности, мы увидимъ далѣе изъ отчета „ученаго" Общества Психическихъ Изслѣдованій; иного проявленія со стороны присяжныхъ ученыхъ во всѣхъ собранныхъ мною матерьялахъ мнѣ не попадалось.

Когда сталкиваешься съ воспоминаніями и отзывами знавшихъ Елену Петровну людей, какъ друзей, такъ и враговъ, или когда разспрашиваешь живыхъ свидѣтелей ея жизни, болѣе всего поражаешься разнообразіемъ ихъ мнѣній, словно передъ вами проходитъ не одна, а множество личностей съ однимъ и тѣмъ же именемъ „Елена Петровна Блаватская". Для однихъ она—великое существо, открывающее міру новые пути, для другихъ—вредная разрушительница религіи, для однихъ—увлекательная и блестящая собесѣдница, для другихъ—туманная толкователь ница непонятной метафизики; то—великое сердце, полное безграничной жалости ко всему страдающему, то—душа, не знающая пощады, то—ясновидящая, проникающая до дна души, то—наивно довѣряющая первому встрѣчному; одни говорятъ о ея безграничномъ терпѣніи, другіе о ея необузданной вспыльчивости и т. д. до безконечности. И нѣтъ тѣхъ яркихъ признаковъ человѣческой души, которые бы не соединялись съ именемъ этой необыкновенной женщины.

Никто не зналъ ее *всю,* со всѣми ея свойствами. Одиночество ея доходило до того, что даже самые близкіе, дорогіе люди относились съ недоумѣніемъ и даже съ недовѣріемъ къ ея свойствамъ. Трагизмъ этого одиночества бросается въ глаза, когда читаешь біографическій очеркъ, написанный ея горячо любимой сестрой: рядомъ съ добрымъ чувствомъ, сколько въ немъ недоумѣнья, а порой и смущенья, сколько *вынужденнаго* довѣрія только потому, что она видѣла „неопровержимыя доказательства"... и какое удивленіе прорывается у этой любящей сестры, когда она встрѣчается съ очень высокой оцѣнкой ея личности... какъ ей хочется извиниться и сказать: „ну, это ужъ слишкомъ!"

И это вполнѣ естественно. Свойства ея выходили изъ обычнаго уровня настолько, что были слишкомъ чужды для огромнаго большинства. Кто то сказалъ про нее, что „она поднималась на высоты, гдѣ способны парить одни орлы человѣчества, и кто не въ силахъ былъ

подняться вмѣстѣ съ ней, тотъ видѣлъ лишь пыль ея подошвъ". Даже ближайшій ея сотрудникъ и помощникъ, полковникъ Олькоттъ, признается въ своемъ дневникѣ, что, не смотря на многіе годы совмѣстной жизни, онъ до конца не могъ отвѣтить на часто задаваемый себѣ вопросъ: *кто* была Елена Петровна? До того не поддавалась никакимъ установленнымъ опредѣленіямъ ея многогранная натура, до того не обычайны были многія ея свойства и проявленія. Но въ нѣкоторыхъ опредѣленіяхъ сходятся всѣ, знавшіе ее: всѣ утверждаютъ, что она обладала необычайной душевной силой, подчинявшей себѣ все окружающее, что она была способна на невѣроятный трудъ и сверхчеловѣческое терпѣніе, когда дѣло шло о служеніи идеѣ, объ исполненіи воли Учителя; и также единодушно сходятся всѣ на томъ, что она обладала поразительной, не знавшей границъ, искренностью. Искренность эта сказывается въ каждомъ проявленіи ея пламенной души, никогда не останавливавшейся передъ тѣмъ, *что* о ней подумаютъ, *какъ* отнесутся къ ея словамъ и поступкамъ, она сказывается въ необдуманныхъ выраженіяхъ ея писемъ, она сквозитъ въ каждой подробности ея бурной, многострадальной жизни. Искренность ея и довѣрчивость доходили до размѣровъ совершенно необычайныхъ для души, собравшей такое не бывалое въ исторіи разнообразіе жизненнаго опыта: начиная съ впечатлѣній свѣтской русской дѣвушки временъ крѣпостнаго права и затѣмъ — совершенно сказочныхъ переживаній въ Индіи и Тибетѣ въ роли ученицы восточныхъ мудрецовъ, до не менѣе необычайнаго положенія духовнаго учителя и провозвѣстника древней Мудрости среди высококультурныхъ Англичанъ въ самомъ трезвомъ изъ европейскихъ центровъ—Лондонѣ.

Одна изъ чертъ Елены Петровны, которая для близкихъ людей представляла необыкновенную привлекательность, но въ то же время могла сильно повредить ей, былъ ея мѣткій, блестящій юморъ, большей частью добродушный, но иногда и задѣвавшій мелкія самолюбія.

Знавшіе ее въ болѣе молодые годы вспоминаютъ съ восторгомъ ея неистощимо веселый, задорный, сверкающій остроуміемъ разговоръ. Она любила пошутить, подразнить, вызвать переполохъ. Ея племянница, Надежда Владимировна Желиховская, сообщаетъ: „у тети была удивительная черта: ради шутки и краснаго словца она могла насочинить на себя что угодно. Мы иногда хохотали до истерики при ея разговорахъ съ репортерами и интервьюверами въ Лондонѣ. Мама ее останавливала: „зачѣмъ ты все это сочиняешь?" — А ну ихъ, вѣдь всѣ они голь перекатная, пусть заработаютъ дѣтишкамъ на молочишко!— А иногда и знакомымъ своимъ теософамъ въ веселыя минуты разсказывала, просто для смѣха, разныя небывальщины. Тогда мы смѣя-

лись,—но съ людской тупостью, которая шутокъ не понимаетъ, изъ этого произошло много путаницы и непріятностей". Не только „непріятностей", но весьма возможно, что изъ тѣхъ, которые не понимаютъ шутокъ, бывали и задѣтые ея шутками, и тѣ переходили въ лагерь ея враговъ.

Враговъ ея можно раздѣлить на двѣ категоріи: на враговъ ея ученія и на личныхъ недоброжелателей. Изъ числа первыхъ, самыми ярыми были миссіонеры, жившіе въ Индіи, вліяніе которыхъ подрывалось ея стремленіемъ объединить въ общемъ эзотеризмѣ всѣ древнеарійскія вѣрованья и доказать происхожденіе всѣхъ религій изъ *единаго* божественнаго источника. Наряду съ миссіонерами, врагами ея были и правовѣрные спириты, ученія которыхъ она подрывала и въ многочисленныхъ статьяхъ, и въ устныхъ бесѣдахъ, никогда не стѣсняясь—по своему обыкновенію—въ выраженіяхъ. Ея личными врагами была и та часть англійскаго общества въ Индіи, которую она уже по свойству своей свободо-любивой, ненавидѣвшей этикетъ натуры должна была шокировать и которые не могли ей простить, что она предпочитала презрѣнныхъ въ ихъ глазахъ Индусовъ; кромѣ того, ея врагами являлись и всѣ тѣ, которые подходили къ ней съ корыстными цѣлями, и неудовлетворенные въ своемъ желаніи получить отъ нея оккультныя знанія, благодаря которымъ она проявляла свои „чудеса",—уходили отъ нея съ затаенной враждой. Результатомъ всей этой вражды и появился нагремѣвшій такъ сильно процессъ Куломбъ—Паттерсонъ—Ходжсонъ. Но о немъ рѣчь впереди, а теперь я приведу вкратцѣ тѣ біографическія данныя, которыя мнѣ удалось провѣрить благодаря любезному содѣйствію ея ближайшихъ родственниковъ.

Всю жизнь ея можно раздѣлить на три ясно разграниченные періода. Дѣтство и отрочество со дня рожденія въ 1831 году и до замужества въ 1848 г. составляютъ первый періодъ; второй,—таинственные годы, по поводу которыхъ не имѣется почти никакихъ опредѣленныхъ данныхъ, длившійся, съ четырехлѣтнимъ перерывомъ, когда она пріѣзжала къ своимъ родственникамъ въ Россію, болѣе 20 лѣтъ, начиная съ 1848 года по 1872 годъ, и третій періодъ съ 1872 года до смерти, проведенный въ Америкѣ, Индіи, а послѣднія шесть лѣтъ въ Европѣ, среди многочисленныхъ свидѣтелей, близко знавшихъ Елену Петровну. Относительно этого послѣдняго періода существуетъ много біографическихъ очерковъ и статей, написанныхъ близко знавшими ее людьми.

Гораздо труднѣе составить себѣ ясное представленіе о дѣтствѣ Елены Петровны. Изъ двухъ книгъ ея родной сестры В. П. Желиховской—„Какъ я была маленькая" и „Мое отрочество", въ которыхъ она описываетъ свою семью, нельзя вынести почти никакого предста-

вленія о характерѣ и переживаніяхъ Елены Петровны въ дѣтствѣ. Объясняется это отчасти тѣмъ, что Вѣра Петровна была моложе на четыре года и не могла сознательно наблюдать за сестрой, которая, судя по ея же разсказамъ, какъ старшая, жила совершенно отдѣльной жизнью; кромѣ того, въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, когда протекало дѣтство обѣихъ сестеръ, на сверхнормальныя психическія силы ребенка должны были смотрѣть какъ на нѣчто очень нежелательное, и отъ другихъ дѣтей той же семьи онѣ должны были тщательно скрываться. Другой источникъ, книга Синнетта *Incidents in the life of Madame Blavatsky*, даетъ нѣсколько очень интересныхъ подробностей, но авторъ писалъ свою книгу, основываясь на случайныхъ разсказахъ Елены Петровны, и насколько вѣрно онъ запомнилъ и точно передалъ ея слова, это провѣрить трудно.

Изъ сверстницъ Елены Петровны, ея родная тетка, Надежда Андреевна Фадѣева, которая только на три года старше Елены Петровны и жила съ ней въ самой интимной близости, когда обѣ были еще дѣтьми, подтверждаетъ необыкновенныя явленія, окружавшія Елену Петровну въ дѣтствѣ, и въ письмѣ *), помѣченномъ: Одесса 8—20 мая 1877 года, она высказывается такъ: „Феномены, производимые медіумическими силами моей племянницы Елены—чрезвычайно замѣчательны, истинныя чудеса, но они не единственные. Много разъ слышала я и читала въ книгахъ, относящихся къ спиритуализму, и священныхъ и свѣтскихъ, поразительные отчеты о явленіяхъ, схожихъ съ описываемыми Вами, но то были отдѣльные случаи. Но столько силъ, сосредоточенныхъ въ одной личности, соединеніе самыхъ необычайныхъ проявленій, идущихъ изъ одного и того же источника, какъ у нея, это, конечно, небывалый случай, возможно и неимѣющій равныхъ себѣ. Я давно знала, что она владѣетъ величайшими медіумическими силами, но когда она была съ нами, силы эти не достигали такой степени, какой онѣ достигли теперь. Моя племянница Елена совсѣмъ особое существо и ее нельзя сравнивать ни съ кѣмъ. Какъ ребенокъ, какъ молодая дѣвушка, какъ женщина, она всегда была настолько выше окружавшей ее среды, что никогда не могла быть оцѣненной по достоинству. Она была воспитана какъ дѣвушка изъ хорошей семьи, но объ учености не было даже и рѣчи. Но необыкновенное богатство ея умственныхъ способностей, тонкость и быстрота ея мысли, изумительная легкость, съ которой она понимала, схватывала и усваивала наиболѣе трудные предметы, необыкновенно развитый умъ, соединен-

*) Приведенная выдержка изъ этого письма напечатана въ книгѣ А. Безантъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom, London 1907.*

ный съ характеромъ рыцарскимъ, прямымъ, энергичнымъ и открытымъ—вотъ что поднимало ее такъ высоко надъ уровнемъ обыкновеннаго человѣческаго общества и не могло не привлекать къ ней общаго вниманія, слѣдовательно и зависти и вражды всѣхъ, кто въ своемъ ничтожествѣ не выносилъ блеска и даровъ этой поистинѣ удивительной натуры"...

Физическая наслѣдственность Елены Петровны интересна въ томъ отношеніи, что среди ея ближайшихъ предковъ были представители историческихъ родовъ Франціи, Германіи и Россіи. По отцу она происходила отъ владѣтельныхъ Мекленбургскихъ князей Hahn von Rottenstein-Hahn. Со стороны матери—пробабушка Елены Петровны была урожденная Бандре-дю-Плесси—внучка эмигранта гугенота, вынужденнаго покинуть Францію вслѣдствіе религіозныхъ гоненій. Она вышла въ 1787 году замужъ за князя Павла Васильевича Долгорукаго, и дочь ихъ, княжна Елена Петровна Долгорукая, въ замужествѣ за Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ, была родная бабушка Елены Петровны и сама воспитывала рано осиротѣвшихъ внучекъ. Она оставила по себѣ память замѣчательной и глубоко образованной женщины, необыкновенной доброты и совершенно исключительной для того времени учености; она переписывалась со многими учеными, между прочимъ съ президентомъ Лондонскаго Географическаго Общества Мурчисономъ, съ извѣстными ботаниками и минералогами, одинъ изъ которыхъ (Гомеръ-де-Гель) назвалъ въ честь ея найденную имъ ископаемую раковину *Venus-Fadeeff*. Она владѣла пятью иностранными языками, прекрасно рисовала и была во всѣхъ отношеніяхъ выдающейся женщиной. Дочь свою, Елену Андреевну, рано умершую мать Елены Петровны, она воспитывала сама и передала ей свою талантливую натуру; Елена Андреевна писала повѣсти и романы подъ псевдонимомъ Зинаиды Р. и была очень популярна въ началѣ сороковыхъ годовъ; ея ранняя смерть вызвала всеобщее сожалѣніе, и Бѣлинскій посвятилъ ей нѣсколько хвалебныхъ страницъ, назвавъ ее „русской Жоржъ-Зандъ". О семьѣ Фадѣевыхъ мнѣ пришлось много слышать отъ Марьи Григорьевны Ермоловой, обладавшей необыкновенно отчетливой памятью и знавшей хорошо всю семью, когда послѣдняя жила въ Тифлисѣ, гдѣ мужъ г-жи Ермоловой былъ губернаторомъ въ сороковыхъ годахъ. По ея отзывамъ, юная тогда Елена Петровна была блестящая дѣвушка, но крайне своевольная, никому и ничему неподчинявшаяся, а семья ея дѣдушки пользовалась прекрасной репутаціей, и бабушку Елены Петровны ставили такъ высоко за ея выдающіяся качества, что „не взирая на то, что сама она ни у кого не бывала, весь городъ являлся къ ней на поклонъ". У Фадѣевыхъ, кромѣ дочери Елены, вышедшей

замужъ за артиллерійскаго офицера Ганъ, и другой дочери, въ замужествѣ Витте, были еще дочь Надежда Андреевна, живущая въ настоящее время въ Одессѣ, и сынъ Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ *), которыхъ Елена Петровна такъ горячо любила, что, по мнѣнію ея біографа Олькотта, они и ея сестра Вѣра Петровна Желиховская съ дѣтьми были ея единственной привязанностью на землѣ.

Въ семьѣ своего дѣдушки Фадѣева рано осиротѣвшая Елена Петровна провела бо́льшую часть дѣтства, сперва въ Саратовѣ, гдѣ онъ былъ губернаторомъ, а позднѣе въ Тифлисѣ. Судя по тому, что дошло до насъ, дѣтство ея было чрезвычайно свѣтлое и радостное. На лѣто вся семья переѣзжала на губернаторскую дачу—большой старинный домъ, окруженный садомъ, съ таинственными уголками, прудомъ и глубокимъ оврагомъ, за которымъ темнѣлъ спускавшійся къ Волгѣ лѣсъ. Вся природа жила для пылкой дѣвочки особой таинственной жизнью; часто разговаривала она съ птицами и животными, а когда наступала зима, необыкновенный кабинетъ ея ученой бабушки представлялъ такой интересный міръ, который способенъ былъ воспламенить и не такое живое воображеніе. Въ этомъ кабинетѣ было много диковинныхъ вещей: стояли чучела разныхъ звѣрей, виднѣлись оскаленныя головы медвѣдей и тигровъ, на одной стѣнѣ пестрѣли, какъ яркіе цвѣты, прелестные маленькіе колибри, на другой—какъ живыя сидѣли совы, соколы и ястребы, а надъ ними, подъ самымъ потолкомъ, распростеръ крылья огромный орелъ. Но страшнѣе всѣхъ былъ бѣлый фламинго, вытягивавшій длинную шею совсѣмъ какъ живой. Когда дѣти приходили въ бабушкинъ кабинетъ, онѣ садились на набитаго чернаго моржа или на бѣлаго тюленя, и въ сумерки имъ казалось, что всѣ эти звѣри начинали шевелиться и много страшныхъ и увлекательныхъ исторій разсказывала про нихъ маленькая Елена Петровна, особенно про бѣлаго фламинго, крылья котораго казались обрызганными кровью. Кромѣ особенно живой связи съ природой, которую видѣли всѣ, были въ ея дѣтствѣ явленія, видимыя только для нея одной. Съ самаго ранняго дѣтства передъ ясновидящей дѣвочкой появлялся величественный образъ Индуса въ бѣлой чалмѣ, всегда одинъ и тотъ же, и она знала его такъ же хорошо, какъ и своихъ близкихъ, и называла своимъ Покровителемъ, утверждая, что именно онъ спасалъ ее въ минуты опасности. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ, когда ей было около 13-ти лѣтъ: лошадь, на которой она каталась верхомъ, испуга-

*) Р. А. Фадѣевъ, артиллерійскій генералъ, былъ виднымъ дѣятелемъ въ славянскихъ земляхъ и извѣстнымъ военнымъ писателемъ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ. Оставилъ по себѣ память глубоко образованнаго, остроумнаго и привлекательнаго человѣка.

лась и понесла; дѣвочка не смогла удержаться и, запутавшись ногой въ стремя, повисла на немъ; но вмѣсто того, чтобы разбиться, она ясно почувствовала чьи-то руки вокругъ себя, которыя поддерживали ее до тѣхъ поръ, пока лошадь не была остановлена. Другой случай произошелъ гораздо раньше, когда она была совсѣмъ еще крошкой. Ей очень хотѣлось разсмотрѣть картину, висѣвшую высоко на стѣнѣ и завѣшанную бѣлой матеріей. Она просила раскрыть картину, но просьба ея не была уважена. Разъ, оставшись въ этой комнатѣ одна, она придвинула къ стѣнѣ столъ, втащила на него маленькій столикъ, а на столикъ поставила стулъ, и ей удалось на все это вскарабкаться; упираясь одной рукой въ пыльную стѣну, другой она уже схватила уголокъ занавѣски и отдернула ее, но въ это мгновенье потеряла равновѣсіе, и больше она ничего уже не помнила. Очнувшись, она лежала совершенно невредимая на полу, оба стола и стулъ стояли на своихъ мѣстахъ, занавѣска передъ картиной была задернута, и единственнымъ доказательствомъ, что все это произошло наяву, былъ слѣдъ, оставшійся отъ ея маленькой руки на пыльной стѣнѣ, пониже картины. Такимъ образомъ, дѣтство и юность Елены Петровны протекли при очень счастливыхъ условіяхъ въ просвѣщенной, и по всѣмъ признакамъ очень дружной семьѣ, съ гуманными традиціями и чрезвычайно мягкимъ отношеніемъ къ людямъ. Замужество ея на 18-мъ году съ человѣкомъ сравнительно пожилымъ и нелюбимымъ, съ которымъ она не могла имѣть ничего общаго, объясняется вѣрнѣе всего желаніемъ вырваться на волю. Если представить себѣ условія жизни русской дѣвушки тѣхъ временъ въ провинціальномъ „высшемъ свѣтѣ“, хотя бы и въ самой хорошей семьѣ, со всѣми предразсудками и стѣснительнымъ этикетомъ, какимъ должно было отличаться тогдашнее общество, не трудно понять, до чего эти условія должны были давить такую пламенную, рвущуюся изъ всякихъ рамокъ, вольнолюбивую натуру, какою должна была обладать молодая Елена Петровна. Послѣдующее только подтверждаетъ это предположеніе: черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы Елена Петровна бѣжала отъ мужа. и этимъ бѣгствомъ заканчивается первый періодъ ея жизни и начинается второй, который весь состоитъ изъ безконечныхъ скитаній по морямъ и сушамъ, то въ одной части свѣта, то въ другой.

Глава II.

Второй періодъ.

Если взять географическую карту и отмѣчать на ней передвиженія Елены Петровны за періодъ отъ 1848 до 1872 г., получится такая картина: отъ 1848 по 51 годъ*) путешествіе по Египту, Аѳинамъ, Смирнѣ и Малой Азіи; *первая* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ; въ 51 году (дата дана въ ея собственныхъ замѣткахъ) она ѣдетъ въ Англію, и тамъ происходитъ ея первая встрѣча съ Учителемъ, который появлялся ей въ дѣтствѣ и котораго она звала своимъ Покровителемъ; съ 1851 по 53 г. путешествіе по южной Америкѣ и переѣздъ въ Индію, *вторая* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ и возвращеніе черезъ Китай и Японію въ Америку; отъ 1853 по 55 или 56 г. странствованія по сѣверной и центральной Америкѣ и переѣздъ въ Англію; отъ 1855 или 56 по 58 г.—возвращеніе изъ Англіи черезъ Египетъ въ Индію и *третья* неудавшаяся попытка проникнуть въ Тибетъ. Вотъ здѣсь является противорѣчіе: граф. Вахтмейстеръ, ближе всѣхъ стоявшая къ Еленѣ Петровнѣ въ послѣдніе годы ея жизни, въ своей рѣчи, произнесенной въ Теософ. Об-вѣ въ Лейпцигѣ 30 сентября 1899 года, передавала, что первое ея путешествіе въ Тибетъ произошло въ 1856 году**). Въ декабрѣ 1858 г. Елена Петровна появляется неожиданно въ Россіи у своихъ родныхъ и остается сперва въ Одессѣ, а потомъ въ Тифлисѣ до 1863 года. Въ 1864 году она проникаетъ наконецъ въ Тибетъ, оттуда уѣзжаетъ на короткое время (въ 1866 г.) въ Италію, затѣмъ снова въ Индію и, черезъ горы Кумлунъ и озеро Палти, снова въ Тибетъ. Въ 1872 году она ѣдетъ черезъ Египетъ и Грецію къ своимъ роднымъ въ Одессу, а оттуда, въ слѣдующемъ 1873 году, уѣзжаетъ въ Америку, и этимъ кончается второй періодъ ея жизни.

Всматриваясь въ это 20-лѣтнее скитаніе (если вычесть 4 года, проведенные съ родными) по земному шару, совершенно безцѣльное съ виду, такъ какъ мы имѣемъ дѣло не съ ученымъ изыскателемъ, а съ

---

*) Года взяты мной изъ книги A. Безантъ H. P. Blavatsky and the Masters of Wisdom, изданной въ 1907 г. И въ другихъ статьяхъ, посвященныхъ ей, даются приблизительно тѣ же даты.

**) Гр. Вахтмейстеръ привела интересную подробность этого путешествія: такъ какъ чужестранцы не могли проникать внутрь страны, то явившіеся за ней въ Дарджилингъ Индусы положили ее въ повозку, закрыли сѣномъ и подъ такимъ прикрытіемъ повезли.

женщиной, не имѣвшей никакихъ опредѣленныхъ занятій,—единственнымъ указателемъ на истинную цѣль всѣхъ этихъ скитаній является снова и снова возобновляющіяся попытки проникнуть въ Тибетъ. Помимо этого указанія не существуетъ никакихъ опредѣленныхъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ ея жизни. Даже горячо любимыя ею родственницы, ея сестра и тетка, съ которыми ее связывала самая нѣжная дружба, и тѣ не знали ничего опредѣленнаго объ этой эпохѣ ея жизни. Одно время онѣ были увѣрены, что ея нѣтъ уже въ живыхъ.

Въ воспоминаніяхъ Маріи Григорьевны Ермоловой *), лично знавшей всѣ обстоятельства дѣвичьей жизни Елены Петровны, есть одна подробность, неупоминаемая нигдѣ, которая могла сыграть большую роль въ ея судьбѣ. Одновременно съ Фадѣевыми въ Тифлисѣ жилъ родственникъ тогдашняго намѣстника Кавказа, кн. Голицынъ, который часто бывалъ у Фадѣевыхъ и сильно интересовался оригинальной молодой дѣвушкой. Онъ слылъ, по словамъ г-жи Ермоловой, „не то за масона, не то за мага или прорицателя“ **).

Непосредственно за отъѣздомъ кн. Голицына изъ Тифлиса послѣдовало неожиданное рѣшеніе Елены Петровны выйти замужъ за совершенно неподходящаго для нея пожилого Блаватскаго. Если сопоставить эти обстоятельства и послѣдующее бѣгство изъ дома мужа черезъ три мѣсяца послѣ свадьбы, можно съ большой вѣроятностью предположить, что въ разговорахъ съ „магомъ“ кн. Голицынымъ, слѣдовательно съ человѣкомъ, свѣдущимъ въ области медіумизма и ясновидѣнья, или по крайней мѣрѣ интересующимся подобными явленіями, Елена Петровна могла получить много указаній, которыя и подѣйствовали на ея рѣшеніе во что бы то ни стало вырваться изъ стѣснительныхъ условій свѣтской дѣвичьей жизни. Весьма вѣроятно, что она разсказала заинтересованному собесѣднику о своихъ видѣніяхъ и о своемъ „Покровителѣ“ и получила отъ него рядъ указаній, можетъ быть и адресъ того египетскаго копта, о которомъ упоминаютъ какъ объ ея первомъ учителѣ по оккультизму. Подтвержденіемъ этому служитъ и то обстоятельство, что, доѣхавъ до Керчи съ своими слугами, Елена Петровна отсылаетъ ихъ подъ выдуманнымъ предлогомъ съ парохода и, вмѣсто того, чтобы ѣхать къ отцу, какъ предполагали ея родственники и слуги, отправляется на Востокъ въ Египетъ и путешествуетъ не одна, а съ своей знакомой—гр. Киселевой. Возможно, что встрѣча

*) См. выше, стр. 15.

**) Родственницы Е. П. Блаватской отвѣтили на мой запросъ, что кн. Голицынъ дѣйствительно бывалъ часто у Фадѣевыхъ передъ замужествомъ Е. П., но былъ ли онъ оккультистомъ,—этого онѣ не знаютъ, хотя прибавляютъ, что это было вполнѣ возможно.

ихъ была случайная, но возможно, что было и предварительное соглашеніе. Если мое предположеніе вѣрно, весь характеръ ея исчезновенія на Востокъ совершенно мѣняется: вмѣсто безцѣльнаго исканія приключеній является опредѣленное стремленіе къ намѣченной цѣли.

Черезъ три года происходитъ самое важное событіе этой эпохи ея жизни—ея первая встрѣча съ Учителемъ. Объ этой встрѣчѣ, которая произошла въ Лондонѣ въ 1851 году, упоминаютъ Олькотъ, гр. Вахтмейстеръ и г-жа Безантъ.

Все значеніе этой встрѣчи выясняется лишь въ связи съ героическимъ характеромъ пламенной, никогда неслабѣвшей, преодолѣвавшей всѣ препятствія, вѣрной до послѣдняго вздоха преданности ея своему Учителю. Эта преданность, раскрывающая весь размѣръ ея души, и была тѣмъ ярко зажженнымъ маякомъ, который направлялъ всѣ дѣйствія ея послѣдующей жизни. При свѣтѣ этого маяка всѣ ея скитанія, вся необычайность ея переживаній, ея снова и снова возобновлявшіяся попытки проникнуть въ Тибетъ, гдѣ она надѣялась приблизиться къ нему, все это получаетъ совершенно новый, глубокій смыслъ.

Ея враги, а также и всѣ судящіе по однѣмъ видимостямъ, предполагаютъ, что таинственность ея жизни скрываетъ за собой нѣчто предосудительное, иначе „почему бы ея жизнь не была открытой, какъ у всѣхъ добрыхъ людей"? Да, ей было что́ хранить втайнѣ, но не пошлыя исканія приключеній наполняли эту таинственную часть ея жизни, а неукротимая тяга большой души къ большой цѣли.

Чтобы вѣрно понять эту сторону ея жизни, необходимо знать, что̀ такое „ученичество", въ чемъ оно состоитъ, какого рода обязательства оно налагаетъ на ученика и каково на Востокѣ отношеніе ученика оккультной школы къ своему Учителю.

Безъ приблизительнаго хотя бы понятія объ этихъ вещахъ невозможна вѣрная оцѣнка жизни Елены Петровны, которая несомнѣнно была ученицей высокихъ адептовъ восточной Мудрости *(Brahma-Vidya)*.

Для европейцевъ, утерявшихъ всякое понятіе объ эзотеризмѣ, представляется какой-то сказкой самое существованіе восточныхъ Учителей, живущихъ совершенно особой жизнью, гдѣ-то среди неприступныхъ Гималаевъ, никому невѣдомыхъ, кромѣ горсти теософовъ-мечтателей. Но это представленіе совершенно мѣняется, когда начинаешь знакомиться съ внутреннимъ смысломъ религіозныхъ ученій Индіи. Разница умственной и духовной жизни матерьялистическаго Запада и мистическаго Востока очень глубока, и непониманіе со стороны Запада самыхъ существенныхъ особенностей Востока вполнѣ естественно. На Востокѣ никто не сомнѣвается въ существованіи высокихъ адеп-

товъ божественной Мудрости. Въ газетѣ *Boston Courier* отъ 18 іюля 1886 года, какъ разъ по поводу обвиненія Елены Петровны въ фиктивности ея общенія съ несуществующими Учителями Мудрости, появился протестъ, подписанный семьюдесятью пандитами изъ Негапатама, разсадника знатоковъ древнихъ религіозныхъ ученій Индіи, въ которомъ они утверждаютъ, что „Махатмы или Садху не измышленіе г-жи Блаватской, а Высшія Существа (Superior Beings), въ существованіи которыхъ никто изъ просвѣщенныхъ Индусовъ не сомнѣвается, которыхъ знали наши дѣды и прадѣды, съ которыми и въ настоящее время многіе Индусы, ничего общаго съ теософическимъ обществомъ не имѣющіе, находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ" *). Это—свидѣтельство ученыхъ Востока. Но и западные ученые, по крайней мѣрѣ наиболѣе передовые, не отрицаютъ возможности сверхнормальныхъ психическихъ способностей, которыя у большинства людей находятся въ скрытомъ состояніи и только современемъ разовьются до полнаго своего проявленія; а если это такъ, совершенно нелогично отрицать возможность все болѣе и болѣе высокихъ ступеней психической и духовной эволюціи, слѣдовательно и появленія такихъ „Высокихъ Существъ", душевныя силы и свойства которыхъ еще невѣдомы на *нашей* низшей ступени развитія. Многихъ смущаетъ тайна, окружающая ихъ. Но на это существуютъ важныя причины, изъ числа которыхъ наиболѣе понятной для европейскаго ума должно быть естественное утонченіе всей нервной системы; въ какой степени такая утонченная организація должна страдать отъ нашихъ современныхъ условій жизни, это поймутъ всѣ, обладающіе „тонкими нервами". Если взять ту же чувствительность, только въ неизмѣримо усиленной степени, нетрудно представить себѣ предѣлъ, за которымъ шумы и вибраціи городской суеты и скопленія множества негармонично настроенныхъ людей станутъ даже опасными для сильно утончившихся нервныхъ проводниковъ. Въ этомъ главная причина того факта, что люди, достигавшіе святости, которая неизбѣжно сопровождается утонченіемъ всей нервной системы, всегда стремились въ уединеніе, скрывались въ пустыняхъ и джунгляхъ. Когда же человѣку съ исключительно тонкимъ психическимъ развитіемъ—по свойствамъ его жизненной задачи—все же приходится оставаться среди многолюдья, онъ долженъ сильно страдать, а на очень высокой ступени развитія, безъ предосторожностей, извѣстныхъ оккультисту, онъ даже и не могъ бы выдержать грубыхъ шумовъ современной городской жизни **).

*) Подлинникъ этого документа со всѣми подписями хранится въ библіотекѣ Адъяра.

**) О томъ, какъ сильно Е. П. Б. страдала отъ физическихъ шумовъ, хорошо извѣстно ея ближайшимъ ученикамъ.

Если разсматривать весь характеръ жизни Е. П. Блаватской, владѣя хотя бы самыми элементарными понятіями объ оккультныхъ явленіяхъ, можно съ увѣренностью сказать, что весь второй періодъ ея жизни былъ сначала подготовленіемъ къ ученичеству, а затѣмъ и самимъ ученичествомъ; что же касается послѣднихъ лѣтъ ея жизни, они носятъ на себѣ ясную печать опредѣленной духовной миссіи. Доказательствомъ служатъ многія обстоятельства ея жизни, а также и характеръ ея литературнаго творчества; во 1-хъ Станцы *Дзіана*, къ которымъ всѣ три тома ея Тайной Доктрины служатъ комментаріями, могли быть доступны лишь ученику высокаго адепта, который по соображеніямъ высшаго порядка—нашелъ своевременнымъ обнародовать ихъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Будь это не такъ, Станцы эти были бы давно уже извѣстны если не западнымъ ученымъ, то по крайней мѣрѣ восточнымъ пандитамъ, а этого не было, и Станцы эти *дѣйствительно* впервые даются міру черезъ Е. П. Блаватскую. Иначе въ Индіи давно уже поднялись бы громкіе протесты со стороны ученыхъ брамановъ, которые не преминули бы раскрыть самозванство женщины, къ тому же изъ презираемой ими въ душѣ расы варваровъ *), которая приписала себѣ *первую* передачу такого драгоцѣннаго древнѣйшаго документа. Другая ея книга, „Голосъ Безмолвія", не раскрываетъ ея „ученичества" только для европейцевъ, совершенно утерявшихъ религіозный эзотеризмъ; для тѣхъ же, которые понимаютъ истинный смыслъ евангельскаго изреченія: *узокъ путь и тѣсны врата, ведущія въ Жизнь, и немногіе находятъ ихъ*, и знаютъ, что такое восточный религіозный „путь", совершенно очевидно, что Е. П. Блаватская была ученицей эзотерической школы Востока, ибо только тамъ могла она пріобрѣсти эти изреченья, насквозь проникнутыя духовностью древняго Востока, которыя несомнѣннѣе всякихъ документовъ говорятъ за то, что она соприкоснулась съ этой духовностью и черпала свое вдохновеніе не изъ вторыхъ рукъ, а изъ первоисточника. Только истинный *чела*, съ великимъ напряженіемъ перестраивающій всю свою душевную жизнь по новымъ линіямъ, сжигающій всю свою низшую природу въ огнѣ внутренней битвы, способенъ выразить опытъ духовнаго подвига такъ, какъ выразила его Е. П. Блаватская въ своей книгѣ *Голосъ Безмолвія*.

II. Вторымъ доказательствомъ подлинности ея „ученичества" служатъ ея постоянныя сношенія съ учителями Востока, удостовѣренныя множествомъ свидѣтелей, какъ европейцевъ, такъ и индусовъ. Сношенія эти носили различный характеръ: рѣже всего они были непосредственно физическія, чаще—письменныя и еще чаще ясновидяще-психическія:

*) Miechcha.

въ широкую область послѣднихъ входятъ и астральныя сношенія (ясно видѣнъ образъ и слышенъ голосъ физически отсутствующаго), и внутренно психическія, намекомъ на которыя можетъ служить „внушеніе". Но на той ступени развитія, которой достигали психическія силы Елены Петровны, сношенія послѣдняго рода между Учителемъ и ученикомъ, или *Гуру* и *челой*, какъ выражаются на Востокѣ, могутъ достигнуть такой же отчетливости и непрерывности, какъ и физическія общенія. Между ними устанавливается нѣчто въ родѣ безпроволочнаго телеграфа. Существуетъ множество свидѣтельствъ, какъ, даже во время оживленнаго разговора, когда вниманіе Елены Петровны было устремлено на опредѣленный предметъ, она внезапно останавливалась, какъ бы прислушиваясь, и вслѣдъ за тѣмъ каждый разъ появлялось или письмо, или внутреннее указаніе, которое она и спѣшила выполнить. Никто при этомъ не слыхалъ какихъ-либо звуковъ, кромѣ нея; лишь до ея раскрытаго внутренняго слуха ясно доносились внутренно произносимыя слова Учителя, которыя и передавались посредствомъ соединявшихъ ихъ магнетическихъ токовъ. Всѣ такія явленія, какъ ясновидѣнье и яснослышанье, психометрія, телепатія, внушеніе и т. д., казавшіяся еще недавно явленіями сверхъестественными, начинаютъ зарегистровываться въ лѣтописи научныхъ наблюденій, но объяснить ихъ современная наука не будетъ въ состояніи до тѣхъ поръ, пока не начнетъ считаться съ духовной природой человѣка, съ его *духовной эволюціей*. До сихъ поръ одни только оккультисты разбираются правильно во всѣхъ „ненормальныхъ" психическихъ явленіяхъ, но они не считаютъ ихъ *ненормальными*, а лишь преждевременно и односторонне, поэтому и негармонично развивающимися свойствами человѣческой души. При естественномъ ходѣ эволюціи силы эти будутъ раскрываться очень медленно и постепенно, и притомъ въ опредѣленныхъ взаимныхъ сочетаніяхъ. При ускоренной эволюціи онѣ могутъ проявляться или негармонично, а слѣдовательно и нежелательно, какъ у большинства медіумовъ, у которыхъ *развитіе проводниковъ опередило развитіе духа*, или же онѣ могутъ пройти черезъ *правильную внутреннюю культуру*. Въ послѣднемъ случаѣ необходимъ Учитель, самъ прошедшій черезъ такую культуру, необходимо то, что можно назвать посвященіемъ въ высшую область духа, и если у идущаго по этому „пути" хватитъ душевныхъ силъ, чтобы вынести огромное напряженіе сознательной внутренней перестройки всей своей психики, тогда онъ можетъ *чрезвычайно* опередить свою расу,—и тѣ силы, которыя у остальныхъ дѣйствуютъ еще стихійно, у него будутъ подчиняться его собственной волѣ; онъ станетъ господиномъ надъ ними, и вслѣдствіе этого освободитъ огромное количество энергіи на высшую работу духа. Наоборотъ, тѣ психическія силы, которыя развились преждевременно и остаются стихій-

сдѣланный какъ бы водяными красками, голубымъ, краснымъ и зеленымъ карандашами, чернилами и золотомъ. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, сосредоточенное воображеніе является творцомъ, сила и матерія—его работающими орудіями. Всѣ эти способы извѣстны только въ восточныхъ школахъ оккультизма, ни одинъ западный медіумъ не владѣетъ ими. *г.* Явленія, требующія знанія первичныхъ свойствъ природы, силы сцѣпленія, образующей различные агломераты изъ атомовъ, и знанія эфира, его состава и потенціальности. Другія ея психическія силы излишне и перечислять, такъ какъ объяснить ихъ могъ бы только тотъ, кто знаетъ столько же, сколько знала сама Е. П. Блаватская.

IV. Слѣдующимъ доказательствомъ ея высокаго оккультнаго развитія служитъ ея упорное молчанье относительно всѣхъ обстоятельствъ этого таинственнаго періода ея жизни. Это доказательство особенно важно въ виду ея характера, до такой степени откровеннаго и несдержаннаго, что она—по словамъ ея близкихъ—никогда не разбирала, что и передъ кѣмъ говорила, и тѣмъ чрезвычайно себѣ вредила, сама давая противъ себя оружіе своимъ недоброжелателямъ. Кто знакомъ съ условіями оккультнаго обученія, для того подобное умалчиванье не только въ порядкѣ вещей, но оно одно изъ самыхъ вѣрныхъ показателей, что данный человѣкъ *дѣйствительно* ученикъ оккультной школы. Можно прожить съ нимъ подъ одной кровлей всю жизнь и не узнать о его принадлежности къ школѣ, и, наоборотъ, когда встрѣчаются оккультисты, а такіе въ послѣднее время встрѣчаются нерѣдко, чуть не на улицахъ объявляющіе черезъ своихъ приближенныхъ о своемъ „посвященіи", можно быть совершенно увѣреннымъ, что здѣсь нѣтъ ничего серьезнаго. *Ни одинъ истинный Чела никогда, ни при какихъ условіяхъ, не говоритъ о своей принадлежности къ школѣ и ни о чемъ, относящемся до его оккультнаго обученія.* Это—необходимое условіе, которое имѣетъ очень серьезныя основанія. А когда далеко стоящіе отъ тонкихъ явленій высшаго сознанія бросаютъ упреки по поводу „тайны", ссылаясь на то, что все хорошее должно совершаться *явно*, на этотъ упрекъ можно отвѣтить одно: ок. школа *дѣйствительно* развиваетъ высшія силы въ своихъ ученикахъ, а среди этихъ силъ есть и такія, какъ способность видѣть въ аурѣ человѣка его истинный характеръ и всѣ его скрытыя свойства, а также способность внушать людямъ свою волю и свои мысли. Нетрудно себѣ представить, какіе потоки новыхъ бѣдствій устремились бы на безъ того уже трудную земную жизнь, если бы развитіе скрытыхъ силъ стало доступно для всѣхъ, вплоть до эгоистовъ съ нечистыми намѣреньями!

V. Слѣдующимъ доказательствомъ служатъ ея постоянныя и неизмѣнныя заявленія, что *не она* авторъ своихъ книгъ, что она только

орудіе, только пишущая подъ диктантъ и т. д. Если бы это было не вѣрно, если бы за ней не стояли Учителя и она сама придумала свою „Тайную Доктрину", со всѣми ея безчисленными ссылками и цитатами, она оказалась бы не только обладательницей огромной учености, неизвѣстно гдѣ пріобрѣтенной, но и величайшимъ геніемъ, потому что такого индивидуальнаго творчества, какъ ея „Тайная Доктрина", не найти ни въ одной эпохѣ. И что могло заставить ее лишать себя заслуженной славы, почета и уваженія своихъ современниковъ и упорно приписывать свое личное творчество несуществующимъ призракамъ? Какія силы могли бы заставить человѣка, который собственными усиліями пріобрѣлъ такую массу знаній, отрекаться отъ нихъ въ пользу созданія своей фантазіи, вызывая лично къ себѣ оскорбительное недовѣріе, насмѣшки и непониманіе со всѣхъ сторонъ, даже со стороны близкихъ и дорогихъ людей? Только одно безнадежное сумасшествіе могло бы вызвать такое невѣроятное положеніе вещей, а между тѣмъ Елену Петровну обвиняли въ очень многихъ грѣхахъ, но въ *этомъ* ее не обвиняли никогда.

Приведенныхъ доказательствъ, вѣроятно, достаточно, чтобы освѣтить истинный смыслъ второго, таинственнаго періода ея жизни, а тѣ немногія фактическія подробности, которыя близкіе люди знали объ этомъ періодѣ, указываютъ на тѣ же черты, которыми отличались и послѣдніе годы Елены Петровны, протекавшіе на виду у многочисленныхъ свидѣтелей: та же желѣзная воля, та же героическая отвага, та же беззавѣтная преданность идеѣ и пламенный энтузіазмъ, та же неукротимая энергія. Весьма возможно, что эта вторая часть жизни Елены Петровны была богата и личными яркими переживаньями, хотя можно поручиться, что они не были ни мелкими, ни пошлыми, но все это совершенно не важно въ сравненіи съ тѣмъ внутреннимъ смысломъ ея жизни, который раскрывается передъ нами.

Одинъ изъ эпизодовъ ея путешествія по Монголіи, который упоминается въ „*Isis Unveiled*", даетъ понятіе о томъ, въ какихъ положеніяхъ приходилось ей бывать во время ея скитаній. Это было въ 1855 г., когда ей было 24 года и когда она *въ третій* разъ пыталась проникнуть въ Тибетъ. Изъ Калькутты она трогается въ путь съ тремя товарищами, и они ѣдутъ черезъ Кашмиръ подъ эгидой татарскаго шамана. Товарищи ея уѣхали недалеко: двоихъ вернули назадъ правительственные агенты, а третій заболѣлъ жестокой лихорадкой, и отважная Елена Петровна отправилась далѣе одна съ шаманомъ, стремясь все въ ту же „запретную страну". Во время отдыха въ монгольской степи, подъ раскинутой палаткой, шаманъ склонился на просьбу своей молодой спутницы показать дѣйствіе своего талисмана, который онъ по-

стоянно носилъ при себѣ; вмѣсто всякихъ объясненій, онъ *проглотилъ* его, и почти немедленно впалъ въ глубокій трансъ. Два часа провела молодая женщина съ его окоченѣлымъ тѣломъ въ одиночествѣ, среди монгольской степи, и провела, повидимому, очень интересно, потому что заставляла астральное тѣло шамана путешествовать по свѣту и разсказывать ей, что дѣлаютъ ея друзья. Одна изъ нихъ, старая румынская дама, появилась даже собственной особой въ углу палатки съ письмомъ въ рукахъ. Впослѣдствіи оказалось, что дама эта во время чтенія означеннаго письма потеряла сознаніе и „увидала Елену въ какомъ-то пустынномъ мѣстѣ подъ цыганской палаткой". Подъ конецъ Елена Петровна отправила астральнаго шамана за помощью; и дѣйствительно, черезъ нѣкоторое время цѣлая партія всадниковъ подъѣхала къ палаткѣ и освободила ее изъ становившагося непріятнымъ положенія.

Прежде чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ годамъ жизни Елены Петровны, приведу интересный документъ, относящійся ко второму ея пребыванію въ Тибетѣ, между 1866 и 1871 годами, который напечатанъ въ недавно вышедшей книгѣ А. Безантъ „*H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom*". Документъ этотъ былъ доставленъ необычайнымъ образомъ любимой теткѣ Елены Петровны, Надеждѣ Андреевнѣ Фадѣевой, которая слѣдующимъ образомъ описываетъ его появленіе въ письмѣ, помѣченномъ 26 іюня *): „Я писала г-ну Синеттъ... по поводу письма, полученнаго мной чудеснымъ образомъ, когда моя племянница была на противоположномъ концѣ свѣта, или, вѣрнѣе сказать, когда никто не зналъ, гдѣ она находилась; обстоятельство, которое повергло насъ въ большую тревогу. Всѣ наши старанія узнать, гдѣ она, не привели ни къ чему. Мы уже готовы были считать ее мертвой, когда— я думаю, что это было приблизительно въ 1870 г.—я получила письмо отъ того, кого вы называете Учителемъ, принесенное ко мнѣ самымъ необычайнымъ и таинственнымъ образомъ въ мой собственный домъ посланникомъ съ азіатскимъ лицомъ, который тутъ же исчезъ съ моихъ глазъ. Это письмо, въ которомъ меня просятъ не безпокоиться и увѣряютъ, что она здорова, находится у меня, но осталось въ Одессѣ. Когда я вернусь, я перешлю его къ Вамъ и буду очень рада, если оно пригодится. Извините меня, но мнѣ съ трудомъ вѣрится, чтобы были люди настолько неразумные, чтобы думать, что моя племянница или Вы выдумали этихъ людей, которыхъ вы называете Махатмы.

„Мнѣ неизвѣстно, какъ долго Вы знали ихъ лично, но моя племянница говорила мнѣ о нихъ, и очень обстоятельно, много лѣтъ тому

---

*) *H. P. Blavatsky and the Masters of Wisdom. стр. 8.*

ными, *не* подчиненными сознанію и волѣ, могутъ служить только во вредъ тому, кто обладаетъ этими силами: не онъ распоряжается ими, а онѣ владѣютъ имъ и вводятъ въ смятеніе. И хотя до его *преждевременно* развитаго внутренняго слуха и зрѣнія и достигаютъ наиболѣе грубыя свѣтовыя и звуковыя явленія невидимаго міра, но отъ этого онъ не становится ни духовнѣе, ни умнѣе. Онъ не разбирается въ нихъ и не понимаетъ взаимной связи въ фактахъ сверхфизическаго міра.

Правильная *культура* высшихъ психическихъ силъ имѣетъ свою науку, свои строго обоснованныя дисциплины, свой многовѣковый опытъ, своихъ учителей и свои школы; въ одну изъ такихъ восточныхъ школъ и была принята Е. П. Блаватская, доказательствомъ чему служатъ послѣдніе годы ея жизни, когда уже совершенно ясно обнаружились результаты систематической культуры ея чрезвычайно сильныхъ медіумическихъ способностей. „Тогда (рѣчь идетъ о 1859 и 60 годѣ) всѣ эти феномены были внѣ ея власти и контроля", сообщаетъ ея сестра В. П. Желиховская, „а когда мы снова увидали ее въ 1884 году, то всѣ эти проявленія силъ невидимыхъ агентовъ... были ей вполнѣ покорны и *никогда* не проявлялись безъ ея воли и прекращались мгновенно по ея желанію. Та же перемѣна проявлялась и въ случаяхъ ея ясновидѣнья. Ранѣе она, *не желая*, часто видѣла вещи, ни ее, и никого особенно не интересовавшія, а двадцать лѣтъ спустя она переносилась духовнымъ взоромъ туда, куда хотѣла, и видѣла то, что *хотѣла* видѣть". *)

III. Именно эти психическія силы, развитыя до полной сознательности и вполнѣ подчинявшіяся ея волѣ, и служатъ самымъ неоспоримымъ доказательствомъ, что психическое ея развитіе прошло черезъ правильную культуру оккультной школы. Силы эти можно раздѣлить на нѣсколько группъ: *а.* Внушеніе, вызывающее различныя иллюзіи—свѣтовыя, звуковыя, осязательныя, вкусовыя и иллюзіи обонянія у того, кто подвергается внушенію. *б.* Ясновидѣнье всѣхъ видовъ, чтеніе чужихъ мыслей и настроеній (измѣненія въ аурѣ наблюдаемаго). *в.* Сношенія на разстояніи съ лицами, одаренными такимъ же, или бо̀льшимъ психическимъ развитіемъ. *г.* Сильно развитая интуиція (сверхсознаніе), дававшая ей возможность черпать знанія недоступнымъ для большинства способомъ (чтеніе космической хроники въ свѣтѣ *Akasha*). *д.* Запечатлѣніе объективныхъ представленій актомъ воли (осажденіе — precipitation—на бумагѣ или иномъ матерьялѣ). Картины, произведенныя Еленой Петровной такимъ способомъ, т. е. наложеніемъ руки на чистый листъ бумаги, были представлены экспертамъ въ 1895 году, черезъ промежутокъ въ 17 лѣтъ, и можно было ясно различить рисунокъ,

*) Русское Обозрѣніе, 1891 г.

назадъ. Она писала мнѣ, что возобновила отношенія съ нѣкоторыми изъ нихъ ранѣе, чѣмъ написала *Isis*. Зачѣмъ бы ей придумывать ихъ? Съ какой цѣлью? И какъ бы они могли сдѣлать ей столько добра, если бы они не существовали? Ваши враги, можетъ быть, недурные и небезчестные люди, но они во всякомъ случаѣ неумные, если обвиняютъ Васъ въ этомъ. Если я, которая надѣюсь остаться до могилы ревностной христіанкой, вѣрю въ существованіе этихъ людей (хотя и не во всѣ чудеса, приписываемыя имъ), почему бы и другимъ не вѣрить? По крайней мѣрѣ существованіе одного изъ нихъ я могу засвидѣтельствовать лично. Кто могъ прислать то письмо въ моментъ, когда я такъ сильно нуждалась въ успокоеніи, если не одинъ изъ этихъ адептовъ, о которыхъ они толкуютъ? Правда, я не знаю почерка, но способъ, которымъ оно было передано мнѣ, былъ такъ необычаенъ, что никто, кромѣ адепта оккультныхъ знаній, не могъ совершить ничего подобнаго. Оно обѣщало мнѣ возвращеніе моей племянницы и обѣщаніе это было исполнено. Во всякомъ случаѣ я пришлю Вамъ письмо черезъ двѣ недѣли и Вы получите его въ Лондонѣ".

Письмо было получено черезъ десять дней, завернутое въ письмо самой г-жи Фадѣевой; оно было написано на китайской рисовой бумагѣ, наложенной на глянцевитую бумагу ручного производства, какая употребляется въ Кашмирѣ и въ Пенджабѣ, и вложено въ конвертъ изъ той же бумаги. Адресъ былъ такой: Высокочтимой Госпожѣ Надеждѣ Андреевнѣ Фадѣевой въ Одессу *(To the Honourable, very Honourable Lady Nadeijda Andriewna Fadéeff, Odessa)*. Въ углу конверта замѣтка рукой г-жи Фадѣевой на русскомъ языкѣ, сдѣланная карандашомъ: *Получено въ Одессѣ 7-го ноября объ Учителѣ, вѣроятно изъ Тибета, 11-го ноября 1870 года. Надежда Ф.* Самое письмо слѣдующаго содержанія: „Благородные родственники Е. Блаватской не должны печалиться. Она жива и желаетъ передать тѣмъ, кого любитъ, что она здорова и чувствуетъ себя очень счастливой въ далекомъ и неизвѣстномъ убѣжищѣ, которое она избрала. Пусть принадлежащія къ ея семьѣ госпожи (ladies) успокоятся. Ранѣе чѣмъ пройдутъ 18 новыхъ лунъ, она возвратится въ свой домъ". Письмо и адресъ написаны хорошо знакомымъ для многихъ почеркомъ Махатмы К. Х.

Глава III.

Третій періодъ.

Третій періодъ жизни Е. П. Блаватской, который она, начиная съ 1873 года, провела послѣдовательно въ Америкѣ (1873—1878 г.), въ Индіи (1878—1884) и въ Европѣ (1884—1891), былъ настолько

извѣстенъ, имѣлъ такое множество свидѣтелей, постоянно окружавшихъ ее, что его можно прослѣдить день за днемъ во всѣхъ подробностяхъ. Какъ на болѣе цѣнные матерьялы для ея біографіи можно указать на дневникъ полковника Олькотта „Old Diary Leaves“ въ трехъ томахъ, на книгу граф. Вахтмейстеръ „Reminiscenes of. H. P. B. and the Secret Doctrine“*), на книгу Синнетта „Incidents in the Life of madame Blavatsky“ и на изданное въ 1907 году президентомъ Теос. Об-ва, г-жей А. Безантъ, разслѣдованіе процесса Куломбъ-Паттерсонъ подъ заглавіемъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom.*

Въ 1873 году, по указанію своего Учителя, Елена Петровна отправилась изъ Парижа въ Нью-Іоркъ. Переѣздъ ея въ Америку ознаменовался на этотъ разъ такимъ характернымъ эпизодомъ, что я не могу не привести его для русскихъ читателей, какъ образчикъ ея совершенно необыкновенной доброты. У нея никогда не было лишнихъ денегъ, и на этотъ разъ, по пріѣздѣ въ Гавръ, у нея въ кошелькѣ оказался только одинъ пароходный билетъ 1-го класса да нѣсколько франковъ. На пароходной пристани она замѣтила плачущую женщину съ двумя дѣтьми. На ея разспросы женщина разсказала, что мужъ прислалъ ей денегъ на ея проѣздъ съ дѣтьми въ Америку, но что купленные въ городѣ у агента билеты оказались поддѣльными, ее не берутъ на пароходъ, и вотъ она—безъ гроша въ чужомъ городѣ. Не долго думая, Елена Петровна пригласила женщину итти за собой на пароходъ и тамъ заставила пароходнаго агента обмѣнять ея билетъ 1-го класса на палубные билеты 3-го класса для себя и для женщины съ дѣтьми. Такъ она и переѣхала черезъ океанъ на палубѣ, въ толпѣ переселенцевъ.

Въ началѣ ея пребыванія въ Америкѣ ей пришлось порядочно бѣдствовать, но она никогда не унывала и пока не получила деньги изъ дома, занималась то шитьемъ галстуковъ, то изготовленіемъ искусственныхъ цвѣтовъ. Ко времени ея появленія въ Сѣверной Америкѣ, въ штатѣ Вермонтъ въ Читтенденѣ происходилъ рядъ поразительныхъ медіумическихъ явленій, которыя привлекли къ себѣ всеобщее вниманіе. Они происходили въ коттэджѣ фермеровъ, двухъ братьевъ Эдди, людей совершенно необразованныхъ и темныхъ, но обладавшихъ такимъ сильнымъ медіумизмомъ, что въ ихъ присутствіи постоянно происходили сильные спиритическіе феномены, до матерьялизаціи включительно. Въ ихъ домѣ Елена Петровна впервые встрѣтилась съ полковникомъ Олькоттомъ, который съ этого времени сталъ ея вѣрнымъ

*) Кромѣ личныхъ воспоминаній граф. Вахтмейстеръ, къ ея книгѣ приложены отзывы 16-ти знавшихъ Е. П. лицъ.

помощникомъ и сотрудникомъ. Генри Олькоттъ служилъ въ сѣверо-американскомъ войскѣ во время войны за освобожденіе негровъ, а по окончаніи войны онъ былъ адвокатомъ и корреспондентомъ одной изъ большихъ нью-іоркскихъ газетъ. По порученію этой газеты онъ и пріѣхалъ въ Читтенденъ, чтобы разслѣдовать надѣлавшія большого шума спиритическія явленія на фермѣ братьевъ Эдди. Познакомившись съ Еленой Петровной, Г. Олькоттъ заинтересовался такъ сильно ея обширными оккультными знаніями и необычайными явленіями, которыя постоянно проявлялись въ ея присутствіи, что предложилъ ей свое сотрудничество сперва въ ея литературной дѣятельности (онъ выправлялъ англійскій текстъ ея Изиды), а затѣмъ, познакомившись черезъ нее съ ученіями Теософіи, принялъ дѣятельное участіе въ ея разнообразной и неутомимой борьбѣ съ царившимъ въ то время матерьялизмомъ.

Знакомясь съ тѣмъ, какъ Е. П. Блаватская начинала осуществлять свою миссію, и слѣдя за дальнѣйшей ея дѣятельностью, нетрудно догадаться, что тѣми психическими проявленіями, которыми она такъ поражала окружавшихъ, она надѣялась достигнуть опредѣленной цѣли: расшатать невѣріе въ невидимый міръ, доказать, что, рядомъ съ физическими, существуютъ и иныя, несравненно болѣе тонкія, но не менѣе реальныя явленія. Большинство окружавшихъ ее тогда людей были уже заинтересованы спиритизмомъ. Въ 1-мъ томѣ дневника полковника Олькотта (Old Diary Leaves I, стр. 13) помѣщено ея письмо, въ которомъ она говоритъ, что была послана изъ Парижа въ Америку (въ то время, когда явленія на фермѣ Эдди вызвали къ себѣ всеобщее вниманіе), чтобы свидѣтельствовать истинность спиритическихъ явленій и обнаружить неправду спиритической теоріи, по которой явленія эти объясняются появленіемъ духовъ усопшихъ. Чтобы доказать, что теорія эта основана на заблужденіи, она производила подобныя же явленія при полномъ сознаніи *силою воли*—и исключительной *способностью сосредоточенья*, прибавлю я отъ себя. Въ явленіяхъ на фермѣ братьевъ Эдди поразительно было то, что съ появленіемъ среди зрителей Е. П. Блаватской, матеріализованные „духи“ начали принимать видъ жителей Кавказа, курдовъ, осетинъ, а также русскихъ; это служитъ подтвержденьемъ, что матерьялизаціи, которыя на спиритическихъ сеансахъ принимаются за духовъ усопшихъ, могутъ принимать ту или другую форму подъ вліяніемъ *силы мысли* того изъ присутствующихъ, который способенъ думать *отчетливо и съ большой сосредоточенностью*. А Елена Петровна, по заявленію знавшихъ ее, обладала совершенно необыкновенной способностью сосредоточиваться. Она умѣла собирать все свое вниманіе на одной вещи съ такой энергіей, что все остальное для нея уже не существовало; „нужно добиваться—говорила

она своимъ ученикамъ—чтобы, если вы думаете о коробкѣ спичекъ, для васъ не было бы въ мірѣ ничего, кромѣ этой коробки и вашего я". Далѣе, на стр. 15-й того же дневника, есть указаніе, что Елена Петровна примкнула временно къ спиритизму для того, чтобы показать спиритамъ всѣ опасности медіумическихъ сеансовъ и всю разницу, которая существуетъ между спиритическими явленіями и истинной духовностью. Она была увѣрена, что спиритизмъ, какъ ученіе, не въ состояніи повліять на одухотвореніе жизни, и считала своей миссіей ложный западный медіумизмъ замѣнить восточной духовностью (Brahma Vidyâ). Къ тому же ея отрицательное отношеніе къ спиритизму основывалось не на отвлеченныхъ теоріяхъ, а на ясновидѣніи: въ связи съ отдѣленіемъ изъ тѣла медіума астральной субстанціи, она видѣла часто такія нежелательныя явленія, которыя легко могутъ объяснить всю страстность ея нападеній на спиритическіе сеансы. Ея рѣшеніемъ бороться съ развитіемъ медіумизма можно объяснить и то обиліе феноменовъ, которые она производила въ ту пору своей жизни. Она хотѣла ими доказать, что опытный оккультистъ можетъ творить то же, что и „духи" спиритовъ. Среди различныхъ явленій, которыя она показывала съ этой цѣлью, были мгновенныя исчезновенія людей или предметовъ, напр. исчезновеніе человѣка, несущаго лампу, что производило впечатлѣніе, что лампа движется одна по комнатѣ. Западные ученые *) отказываются объяснить подобныя явленія, а между тѣмъ на Востокѣ они извѣстны многимъ, и Елена Петровна объясняла это тѣмъ, что восточный оккультизмъ знаетъ несравненно больше о *внутреннемъ человѣкѣ*, о томъ, который черезъ физическія чувства—эти „окна души"—сообщается съ внѣшнимъ міромъ, и поэтому восточный оккультистъ можетъ дѣйствовать непосредственно *на него*; онъ можетъ на время прекращать нервные токи такимъ образомъ, что передача сознанія у того, на кого устремлено его воздѣйствіе, временно пріостанавливается — какъ бы обрѣзаются проволоки внутренняго телеграфа, и человѣкъ перестаетъ видѣть то, на что направлено запрещеніе оккультиста.

Елена Петровна прекрасно знала, какую бурю вражды и нареканій она навлечетъ на себя своимъ противодѣйствіемъ спиритизму, и все же съ обычнымъ безстрашіемъ и энергіей шла навстрѣчу этой бурѣ. Что это было такъ, доказываютъ слѣдующія строки изъ ея письма, помѣщеннаго въ I-мъ томѣ дневника Олькотта (стр. 25): „Получила приказаніе сообщать публикѣ правду о спиритическихъ феноменахъ и

*) Въ книгѣ „Животный магнетизмъ" Бине и Фере, авторы заявляютъ о невозможности объяснить подобное явленіе.

ихъ медіумахъ. И отнынѣ начнется мое мученичество! Всѣ спириты возстанутъ на меня въ добавокъ къ христіанамъ и ко всѣмъ скептикамъ. Твоя воля, Учитель, да будетъ исполнена!"

Но рядомъ съ серьезной цѣлью убѣдить людей въ реальности невидимыхъ міровъ, производимые ею „феномены" имѣли и отрицательную сторону: они вызывали большой наплывъ любопытныхъ, которые разносили слухи о ея „чудотвореніяхъ" и привлекали къ ней не столько серьезныхъ людей, сколько жаждавшихъ увидать ея феномены. Сама же она относилась къ нимъ скорѣй съ пренебреженьемъ, утверждая, что эти феномены лишь ничтожная и подчиненная сторона Теософіи, что психологическіе эксперименты стоятъ въ такомъ же отношеніи къ духовной философіи, въ какомъ химическіе эксперименты стоятъ къ наукѣ химіи. Но они, тѣмъ не менѣе, сослужили для многихъ важную службу, ставъ мостомъ, черезъ который люди переходили отъ западнаго спиритизма къ восточному спиритуализму, и они же помогали серьезнымъ ея послѣдователямъ понимать возвышенныя ученія Теософіи.

Въ 1875 году, 7-го сентября, произошло открытіе Теософическаго Общества. Въ скромной квартирѣ Елены Петровны собралось 17 человѣкъ: нѣсколько редакторовъ и писателей, ученый еврейскій раввинъ, президентъ Нью-Іоркскаго Об-ва для разслѣдованія спиритизма, два врача и еще нѣсколько лицъ. Одинъ изъ присутствующихъ, г-нъ Фельтъ, прочелъ докладъ о „потерянномъ канонѣ пропорцій у древнихъ Египтянъ", а затѣмъ полковникъ Олькоттъ произнесъ рѣчь, въ которой очертилъ современное духовное состояніе міра, конфликтъ между матерьялизмомъ и духовностью съ одной стороны, и религіей и наукой съ другой; ихъ безвыходнымъ препирательствамъ онъ противопоставилъ философію древнихъ теософовъ, умѣвшихъ слить воедино оба полюса жизни. Затѣмъ онъ предложилъ учредить Общество оккультистовъ и при немъ библіотеку для изученія скрытыхъ законовъ природы, которые были извѣстны древнимъ и совсѣмъ утрачены для насъ. Предложеніе его было принято и его выбрали президентомъ Теософическаго Общества. Въ тотъ первый вечеръ было выработано семь основныхъ положеній, но въ нихъ и тогда уже были ясно намѣчены тѣ три главныхъ цѣли, которыя позднѣе были поставлены на знамени Теософическаго Общества.

Въ началѣ развитіе Общества пошло медленно, но это нисколько не ослабляло энергіи его русской основательницы и ея американскаго помощника. Въ слѣдующемъ, 1876 году, Елена Петровна начала писать *Изиду*, а въ 77-мъ году Изида была уже издана въ Нью-Іоркѣ и вызвала къ себѣ большое вниманіе въ американской прессѣ. Писала Елена Петровна свою книгу всегда въ присутствіи Олькотта, который

занимался въ той же комнатѣ и помогалъ ей, выправляя англійскій стиль каждаго листа.

Онъ сообщаетъ много интереснаго по поводу этой совмѣстной работы, хотя наблюденія его чисто внѣшнія и дать имъ какое-либо объясненіе онъ совсѣмъ не могъ. Такъ, въ передаваемыхъ ему для редакціи листахъ онъ наблюдалъ *четыре* разныхъ почерка, хотя общій характеръ письма оставался во всѣхъ четырехъ одинъ и тотъ же: одинъ почеркъ былъ мельче и ровнѣе, другой—болѣе размашистый, третій—средней величины и очень четкій, и наконецъ, четвертый—очень неразборчивый. И въ достоинствѣ англійскаго стиля замѣчалась большая разница, смотря по тому, которымъ изъ четырехъ почерковъ страница была написана; нѣкоторыя страницы требовали многихъ поправокъ, а нѣкоторыя были такъ совершенно выражены, что не нуждались совсѣмъ въ исправленіи.

Каждое измѣненіе стиля и почерка совпадало всегда или съ удаленіемъ Елены Петровны изъ комнаты, или съ опредѣленнымъ выраженіемъ глазъ, которые поражали въ такія минуты своей безжизненностью. Въ одномъ изъ своихъ писемъ она выражается такъ: „Я живу съ открытыми глазами въ волшебномъ мірѣ видѣній и картинъ, владѣя при этомъ всѣми своими чувствами... Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, чтобы не забылось то, чему меня научили, передо мной постоянно возникало все, что мнѣ было нужно. Днемъ и ночью картины прошлаго проносились передъ моими внутренними глазами. Медленно, въ скользящемъ движеніи, подобно образамъ въ волшебной панораммѣ, вѣка проходятъ передо мной... и каждое важное, а иногда и неважное событіе фотографируется въ моемъ умѣ словно отпечатанное въ неизгладимыхъ краскахъ... Я рѣшительно отказываюсь приписывать все это своимъ собственнымъ познаніямъ или памяти, потому что одна я никогда не достигла бы ничего подобнаго“.

Въ 1878 г. основатели Теософическаго Общества рѣшили переселиться въ Индію. Къ этому времени у нихъ уже завязались заочныя сношенія съ нѣсколькими индусскими пандитами, и они пришли къ тому, что лучшей почвой для возрожденія древне-восточной духовности должна быть именно Индія.

Перебравшись въ Индію, они поселились въ началѣ въ Бомбеѣ, и вскорѣ множество посѣтителей изъ мѣстныхъ брамановъ, буддистовъ, парсовъ и др. толпились вокругъ Е. П. Блаватской, слушая ея эзотерическія толкованія на древніе тексты. Помощь, которую послѣдователи различныхъ вѣрованій находили при этомъ въ однихъ и тѣхъ же теософическихъ объясненіяхъ, служила для всѣхъ нихъ самымъ существеннымъ доказательствомъ, что Теософія дѣйствительно основа всѣхъ религій.

Въ началѣ Еленѣ Петровнѣ приходилось терпѣть отъ любознательности мѣстной полиціи, которой казалось очень подозрительнымъ, что русская дама вступила въ такія оживленныя сношенія исключительно съ туземцами Индусами. Но черезъ нѣкоторое время умные англійскіе полицейскіе разобрали, что дѣло идетъ о религіи, и оставили ее въ покоѣ.

Работа у Елены Петровны и ея сотрудника съ самаго начала ихъ переселенія въ Индію закипѣла такая горячая, вліяніе ихъ въ Индіи росло такъ быстро, и они были такъ завалены письмами, что уже на другой годъ рѣшено было основать свой журналъ, и въ октябрѣ 1879 г. возникъ *Theosophist*, который выходитъ и до сихъ поръ въ Индіи, а съ 1907 года, т. е. послѣ смерти Г. Олькотта, поступилъ подъ редакцію новаго Президента, А. Безантъ. Къ этому же времени относится знакомство Елены Петровны съ издателемъ главнаго англо-индусскаго органа *Pioneer*, Синнеттомъ, который подъ ея вліяніемъ изъ позитивиста и скептика сталъ теософомъ; сочувствіе г-на Синнетта было чрезвычайно полезно для зарождающагося теософическаго движенія, такъ какъ онъ занималъ почетное положеніе среди мѣстнаго общества и пользовался всеобщимъ довѣріемъ и уваженіемъ.

Результатомъ посѣщенія Елены Петровны его лѣтняго дома въ Симлѣ, была первая книга по оккультизму, написанная Синнеттомъ, *The occult World*, въ которой онъ подробно описываетъ необыкновенныя явленія, происходившія въ присутствіи Елены Петровны въ его домѣ. Не смотря на ея рѣзкіе внѣшніе пріемы, которые очень не нравились Синнетту, такъ какъ представляли полный контрастъ съ сдержаннымъ самообладаніемъ лэди его среды, онъ описываетъ свои впечатлѣнія отъ тогдашней Елены Петровны въ такихъ выраженіяхъ: „она владѣетъ великолѣпными психическими дарами и несокрушимымъ мужествомъ, которое выноситъ ее изъ всѣхъ подавляющихъ испытаній, а ея духовный энтузіазмъ такъ великъ, что онъ сводитъ всѣ ея страданія и весь напряженный трудъ въ пыль и прахъ по сравненію съ ея непоколебимой вѣрностью невидимому Учителю". Черезъ нее Синнетъ вступилъ и самъ въ сношенія съ „невидимыми Учителями", и плодомъ этихъ сношеній была его книга *Esoteric Buddhism*, которая представляетъ первую попытку дать систематическій очеркъ эзотерической космогоніи.

Здѣсь будетъ умѣстно упомянуть, какія нежелательныя послѣдствія повлекло за собой неудачно выбранное названіе этой книги и неправильная орѳографія слова *Buddhism*. Именно эта книга и пропущенная въ ея названіи ошибка вызвали распространившееся повсюду мнѣніе, которое раздѣлялъ и Владиміръ Соловьевъ, когда писалъ свою статью

въ словарѣ Венгеровой*), что принесенная Е. П. Блаватской Теософія есть замаскированный Буддизмъ. А между тѣмъ, слово *Buddhism*, которое стоитъ въ заглавіи книги Синнетта, должно означать вовсе не ученіе Гаутамы Будды, а *эзотерическую Мудрость* отъ *Budha*, Мудрость (санскритскій корень *budh*—знать). Эта ошибка вызвала совершенно невѣрное представленіе, что тѣ эзотерическія религіозныя ученія, которыя впервые обнародованы Е. П. Блаватской, принадлежатъ Буддизму, религіи, исповѣдуемой на Востокѣ. Въ дѣйствительности, божественная Мудрость, Теософія, Brahma Vidyâ, доступную для современнаго сознанія часть которой Е. П. Блаватская старалась изложить въ своей „Тайной Доктринѣ", является общимъ для *всѣхъ* религій эзотерическимъ ученіемъ, той „твердой пищей", о которой Апостолъ Павелъ упоминаетъ въ своемъ Посланіи къ Коринфянамъ (I посл. III, 2), одинаково присущей и Браманизму, и Буддизму, и Зороастріанизму, и Христіанству. Статья Влад. Соловьева написана—если не ошибаюсь—17 или 18 лѣтъ назадъ: съ тѣхъ поръ духовное движеніе, созданное Е. П. Блаватской, продолжало расти и развиваться, и въ настоящее время, когда вся обширная теософическая литература на дѣлѣ доказала, съ какой серьезной любовью теософы изучаютъ эзотеризмъ *всѣхъ* религій, подобный упрекъ въ замаскированной проповѣди Буддизма былъ бы уже невозможенъ.

Слѣдующія пять лѣтъ до 1884 года прошли въ энергичной пропагандѣ Теософіи внутри Индіи. Оба основателя Теософическаго Общества разъѣзжали по всей Индіи, стараясь вездѣ возбудить интересъ къ высокой красотѣ древне-индусскихъ вѣрованій и вызвать воспоминаніе о былой славѣ великаго народа.

Такое отношеніе Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, полное любви и энтузіазма къ религіи угнетеннаго народа, произвело огромное впечатлѣніе среди населенія Индіи. Когда основатели Теософическаго Общества явились въ Цейлонъ, имъ была устроена такая восторженная встрѣча, словно ихъ пріѣздъ былъ народнымъ событіемъ, и все духовенство острова съ Первосвященникомъ во главѣ привѣтствовало и благословляло ихъ.

Въ концѣ 1882 г., благодаря сырому климату Бомбея, оказавшемуся очень вреднымъ для здоровья Елены Петровны, она тяжко заболѣла. Это была первая изъ ея смертельныхъ болѣзней, когда доктора давали ей жить лишь нѣсколько часовъ и затѣмъ признавались, что ея быстрое выздоровленіе, при такомъ состояніи организма, было для нихъ совершенно непостижимо. И этотъ разъ доктора объявили ее без-

*) См. выше, стр. 14.

надежной; но въ самый разгаръ болѣзни, она исчезла изъ своей комнаты, гдѣ лежала въ безсознательномъ состояніи, а затѣмъ, дня черезъ три или четыре—вернулась домой совершенно здоровая. Исчезновеніе ея объясняютъ тѣмъ, что она безъ вѣдома своихъ домашнихъ была увезена на сѣверъ отъ Дарджилинга въ мѣсто, никому изъ нихъ неизвѣстное, и тамъ была вылечена своимъ Учителемъ. Ея сестра, Вѣра Петровна Желиховская, получила отъ нея какъ разъ около этого времени письмо изъ Дарджилинга (на границѣ Тибета), въ которомъ подтверждается это предположеніе близкихъ ей людей.

Въ одномъ изъ многочисленныхъ передвиженій по Индіи, еще до болѣзни Елены Петровы, ей и Олькотту очень приглянулось небольшое помѣстье, по нашему вѣрнѣе—усадьба, въ окрестностяхъ Мадраса, расположенная на морскомъ берегу; съ помощью мѣстныхъ индусскихъ членовъ Теософическаго Общества мѣсто это было куплено для Общества и въ немъ былъ устроенъ постоянный пріютъ для его представителей. Это и былъ *Адьяръ*, хорошо извѣстная „главная квартира" (Head-quarters) Общества, въ которой до самой смерти прожилъ первый президентъ, а въ настоящее время живетъ его преемница, А. Безантъ, въ промежуткахъ между своими путешествіями въ Европу и Америку *); какъ разъ въ началѣ текущаго года владѣнія Адъяра расширились: благодаря стараніямъ новаго президента пріобрѣтены два участка, примыкающіе къ прежнему владѣнію Адъяра, которые въ честь основателей Теософическаго Общества названы „садами Блаватской" и „садами Олькотта". На этихъ участкахъ, по иниціативѣ г-жи А. Безантъ построено въ тѣни деревьевъ нѣсколько домовъ для пріѣзжихъ теософовъ, чтобы дать возможность серьезнымъ работникамъ воспользоваться всѣми преимуществами Адъяра, между прочимъ прекрасной адъярской библіотекой, наполненной рѣдкими книгами всѣхъ вѣковъ по вопросамъ восточныхъ религій, философій и по оккультизму.

Послѣ переселенія въ Адъяръ, 19 декабря 1882 г., здоровье Елены Петровны оставалось настолько неудовлетворительнымъ, что потребовалась перемѣна климата и она переселилась „на время„—какъ тогда всѣ думали—въ Европу. 7-го февраля 1884 года покинула она Адъяръ, провела лѣто того же года въ Лондонѣ, осень въ Эльберфельдѣ у своихъ друзей Гебхардовъ, и только и думала о томъ, чтобы скорѣй приняться за свою *Тайную Доктрину*, когда изъ Адъяра получилось извѣстіе о состоявшемся противъ нея заговорѣ, къ изложенію котораго мы сейчасъ и перейдемъ. Получивъ это извѣстіе, Елена Петровна

*) Въ настоящее время она находится въ Америкѣ, а въ началѣ іюня этого лѣта предсѣдательствовала на международномъ теософическомъ конгрессѣ въ Буда-Пештѣ.

отправилась въ Индію, чтобы защитить свое доброе имя отъ взведенной на нее клеветы. Но новая болѣзнь вынудила ее снова покинуть Индію и, по настоянію доктора, вернуться въ Европу. Здѣсь, едва оправившись отъ перенесенныхъ волненій и болѣзни, она съ жаромъ принялась за свою *Тайную Доктрину*. Чтобы работать надъ ней безъ помѣхи, она выбрала уединенный Вюрцбургъ. На эту работу она смотрѣла какъ на главное дѣло своей жизни. Она была увѣрена, что человѣчество подошло къ нравственному кризису, что все усиливавшійся матеріализмъ могъ закристаллизовать сознаніе въ такой степени, что возвратъ къ духовности становился бы все труднѣе и труднѣе. Нужно было помочь ему, пробить окно въ духовный міръ, раскрыть передъ людьми невидимыя для нихъ дали. Такъ понимала Елена Петровна порученную ей задачу и съ свойственными ей энергіей и энтузіазмомъ принялась за дѣло. Зиму 1885 г. она провела въ Вюрцбургѣ сперва одна, а потомъ вдвоемъ съ графиней Вахтмейстеръ, которая взяла на себя заботу о ея матеріальныхъ нуждахъ. Совсѣмъ больная, страдающая отъ остраго ревматизма, который грызъ все ея измученное тѣло, она съ неослабѣвающимъ самоотверженіемъ сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ съ ранняго утра и до вечера, не давая себѣ никакого отдыха среди дня. Въ разгарѣ этого труда, поглощавшаго ее всю безъ остатка, на нее неожиданно обрушился второй страшный ударъ, который навѣрно раздавилъ бы каждую менѣе сильную душу.

Вотъ какъ граф. Вахтмейстеръ описываетъ это страшное для Елены Петровны утро въ декабрѣ 1885 г. „Никогда не забуду я словно застывшаго на лицѣ ея выраженія неописуемаго страданія, съ которымъ она взглянула на меня, когда я вошла къ ней утромъ и застала ее съ только-что полученнымъ отчетомъ г-на Ходжсона въ рукахъ. „Вотъ, воскликнула она, какова карма Теософическаго Общества! Она обрушивается на меня, и я—козелъ отпущенія! Я должна нести на себѣ грѣхи Общества, и теперь, когда меня заклеймили величайшей обманщицей, да еще русской шпіонкой вдобавокъ, *кто* будетъ слушать меня, кто будетъ читать Тайную Доктрину? Какъ буду я продолжать дѣло Учителя? О, проклятые феномены, которые я дѣлала, чтобы удовлетворить друзей и поучать окружающихъ! Какъ я вынесу такую страшную карму? Какъ переживу все это? Если я умру, пострадаетъ дѣло Учителя и Общество погибнетъ!“ *)

Отчетъ, который потрясъ ее такимъ образомъ, принадлежалъ слѣдователю Ходжсону, посланному Лондонскимъ Обществомъ для Пси-

*) Reminiscences of H. P. Blavatsky by Countess Wachtmeister London 1893 г. стр. 25 и 26.

хическихъ Изслѣдованій въ Индію, съ цѣлью провѣрить на мѣстѣ обвиненія Куломбовъ въ поддѣльности всѣхъ необычайныхъ явленій, которыя происходили въ Адьярѣ. Отчетъ признавалъ всѣ эти явленія результатомъ мошенническихъ подлоговъ, совершенныхъ Еленой Петровной съ помощью помощниковъ и при посредствѣ продѣланныхъ отверстій и задвижныхъ дверей. Въ такомъ видѣ результатъ слѣдствія былъ представленъ Совѣту Общества Психическихъ Изслѣдованій и, санкціонированный этимъ Совѣтомъ, былъ напечатанъ въ его протоколахъ. Теперь, когда прошло столько времени и когда выяснились всѣ подробности этого процесса, въ которомъ на одной сторонѣ были: ясно обнаруженный подкупъ (миссіонеръ Паттерсонъ не скрывалъ, что платилъ Куломбамъ за доставленныя ими письма, приписанныя Е. П. Блаватской), подложныя письма, и, въ качествѣ единственныхъ обвинителей, двое расчитанныхъ за дурное поведеніе слугъ, а съ другой стороны свидѣтельства всѣхъ ближайшихъ сотрудниковъ Е. П. Блаватской и Г. Олькотта, д-ра Ф. Гартманъ, Джеджа, Ледбитера, Броуна, Домадара, Субба-Рао и др., большинство которыхъ жило въ адьярскомъ домѣ, затѣмъ—всѣми уважаемыхъ г-на Синнетта и генералъ-маіора Моргана, бывшаго секретаря министерства по дѣламъ Индіи г-на Лэнъ-Фокса *), инженера Четти и др. вплоть до инспектора полиціи, и множества извѣстныхъ и уважаемыхъ Индусовъ, которые всѣ единодушно утверждали, что обвиненія мужа и жены Куломбъ—ложь и вздорная клевета; когда все это знаешь, является потребность узнать, какъ могъ цѣлый синклитъ ученыхъ съ извѣстнымъ Майерсомъ во главѣ не усмотрѣть всей несостоятельности слѣдствія, произведеннаго Ходжсономъ; какъ могли они не замѣтить, что все его обвиненіе, налагавшее на доброе имя обвиняемой позорное клеймо мошенничества, было основано исключительно на показаніяхъ двухъ лицъ, которыя сами признавали себя за ея сообщниковъ... Это осталось бы неразгаданной тайной, если бы все дѣло не происходило въ первой половинѣ 80-хъ годовъ истекшаго столѣтія, когда матеріалистическій гипнозъ въ наукѣ былъ настолько силенъ, что все, недоступное провѣркѣ физическихъ чувствъ, отвергалось какъ „не выдерживающее научной критики“.

Суть дѣла состояла въ томъ, что послѣ отъѣзда Е. П. Блаватской и Г. Олькотта изъ Адьяра въ Европу, который состоялся 7 февраля 1884 годъ, оставшіеся въ Адьярѣ ближайшіе сотрудники ихъ, въ серединѣ мая того же года порѣшили удалить изъ дома экономку Куломбъ и ея мужа, которые надоѣли имъ своими интригами, дурнымъ харак-

*) Лэнъ-Фоксъ помѣстилъ въ Times 9 октября 1884 г. письмо, опровергающее взведенныя на Е. П. Блаватскую обвиненія.

теромъ и нечестностью. Взяты они были Еленой Петровной изъ состраданія къ ихъ бѣдственному положенію, а когда Е. П. Блаватская уѣхала изъ Адъяра, они, подъ предлогомъ ремонта, завладѣли ея комнатами, и зная, что ихъ положеніе въ домѣ становится все болѣе шаткимъ, рѣшились отомстить, судя же по дальнѣйшему ихъ поведенію, надѣялись, вѣроятно, извлечь и матеріальную пользу изъ этой мести. Съ этой цѣлью столяръ Куломбъ принялся ломать стѣну въ спальнѣ Елены Петровны и дѣлать разныя приспособленія, которыя должны были доказать, что она производила свои феномены съ помощью потайныхъ дверей и другихъ мошенническихъ пріемовъ. Къ счастью, имъ не удалось докончить начатаго, и когда отъ нихъ потребовали ключи отъ комнатъ Елены Петровны, и нѣсколько теософовъ, въ числѣ которыхъ были д-ръ Гартманнъ, Субба-Рао, судья Сринаваза-Рао, г-нъ Броунъ, Дамодаръ и другіе, вошли въ ея спальню, они увидѣли слѣдующее: въ стѣнѣ, заставленной шкафомъ, было пробито отверстіе, которое было недодѣлано и должно было, по всей вѣроятности, пройти насквозь въ сосѣднюю, такъ-называемую „оккультную комнату", въ которой—какъ разъ противъ сдѣланнаго отверстія—висѣлъ на противоположной сторонѣ стѣны небольшой шкафъ, гдѣ чаще всего происходили различные феномены. Цѣль Куломбовъ была ясна: въ шкафу, стоявшемъ въ спальнѣ, они уже устроили подвижную стѣнку, которая, впрочемъ, скрипѣла и плохо двигалась; вѣроятно, такую же стѣнку они предполагали сдѣлать и въ шкафу, висѣвшемъ въ оккультной комнатѣ, а стѣну, отдѣлявшую оба шкафа, они уже начали ломать съ цѣлью сдѣлать отверстіе, черезъ которое можно бы сообщаться изъ спальни съ „оккультной комнатой" черезъ висѣвшій тамъ шкафъ. Но это имъ не удалось, и въ теченіе всего лѣта 1884 года многочисленные посѣтители Адъяра разсматривали и начатую дыру въ стѣнѣ, которая была такого размѣра, что 10-лѣтній мальчикъ могъ съ трудомъ въ нее влѣзть, и подвижную спинку шкафа, которая скрипѣла и не хотѣла скользить. Осенью 1884 г., слѣдовательно до возвращенія Елены Петровны *и до появленія въ Индіи слѣдователя Ходжсона,* В. Джеджъ, замѣнявшій президента на время его отсутствія, рѣшилъ уничтожить слѣды дѣятельности Куломбовъ; съ этой цѣлью онъ пригласилъ тридцать свидѣтелей, которые всѣ подписались подъ протоколомъ, свидѣтельствовавшимъ о продѣланномъ въ стѣнѣ отверстіи, послѣ чего приглашенный имъ каменщикъ задѣлалъ пробитую стѣну и комнату оклеили новыми обоями. Но все это не помѣшлго командированному Обществомъ Психическимъ Изслѣдованій Ходжсону, который пріѣхалъ въ Адъяръ *весной 1885 года* и не могъ видѣть ничего, кромѣ гладкой стѣны, такъ какъ отверстіе было сдѣлано осенью 1884 года, приложить къ своему

отчету планъ комнаты (стр. 220) съ пробитой стѣной, вводя читателей отчета въ заблужденіе, будто онъ самъ видѣлъ отверстіе и самъ набросалъ планъ, тогда какъ планъ этотъ былъ составленъ Джеджемъ *до* задѣлки отверстія. Между тѣмъ, Куломбы, потерпѣвъ неудачу въ своемъ первомъ предпріятіи, придумали новое: они поддѣлали цѣлый рядъ писемъ *), будто бы написанныхъ Еленой Петровной къ своей сообщницѣ г-жѣ Куломбъ, въ которыхъ дѣлаются признанія въ различныхъ мошенничествахъ. Это предпріятіе удалось: письма были куплены іезуитомъ миссіонеромъ Паттерсономъ и напечатаны въ Christian College Magazine. Но самое непонятное изъ этой вторичной попытки предать и продать Елену Петровну выпадаетъ на долю самого слѣдователя Ходжсона: не смотря на то, что Е. П. Блаватская клятвенно отрицала подлинность этихъ писемъ, не смотря на всѣ признаки поддѣлки (орѳографическія ошибки во французскихъ словахъ, перепутанныя имена и т. д.), не смотря на взрывъ негодованія всѣхъ знавшихъ Елену Петровну порядочныхъ людей, г-нъ Ходжсонъ не согласился показать эти письма ни ей, ни ея близкимъ, и въ то же время всѣ свои обвиненія строилъ на нихъ. Другое обвиненіе Ходжсона состояло въ томъ, что письма Учителей писались самой Еленой Петровной, и это обвиненіе поддерживалось имъ не смотря на то, что берлинскій экспертъ Шютце утверждалъ, что „нѣтъ ни малѣйшаго сходства между почеркомъ этихъ писемъ и почеркомъ Е. П. Блаватской". Но самымъ интереснымъ является конечный выводъ Ходжсона: отвергнувъ цѣлый рядъ психологическихъ мотивовъ, которые могли бы заставить Е. П. Блаватскую пуститься въ такія продѣлки, онъ рѣшаетъ, что она была агентомъ русскаго правительства и дѣйствовала въ пользу русскихъ интересовъ, въ доказательство чего и представляетъ „документъ" (опять-таки выкраденный г-жей Куломбъ изъ бумагъ Елены Петровны). Къ несчастью для г-на Ходжсона редакторъ газеты *Pioneer* узналъ въ этомъ документѣ отрывокъ изъ перевода Елены Петровны „Путешествіе въ центральную Азію" полковника Гродекова, который она дѣлала для его газеты. Вѣроятно вышла неудачная страница и она выбросила ее въ корзину для бумагъ, откуда „документъ" и попалъ въ руки проницательнаго слѣдователя.

Я не могу останавливаться долѣе на подробностяхъ этого процесса; прибавлю только, что онъ вызвалъ въ свое время со стороны заинтересованныхъ лицъ новыя разслѣдованія на мѣстѣ, которыя опровергли всѣ выводы слѣдователя Ходжсона. Протоколы этихъ разслѣдо-

*) Знающіе Куломбовъ говорятъ о большомъ сходствѣ почерка мужа Куломбъ съ почеркомъ Е. П. Блаватской.

ваній и многочисленные протесты, появившіеся въ то время въ газетахъ Индіи и Америки, составили цѣлую литературу. Наиболѣе цѣнныя данныя изъ всѣхъ тогдашнихъ разслѣдованій были, послѣ тщательной провѣрки, собраны новымъ президентомъ Теософическаго Общества А. Безантъ и изданы въ 1907 году подъ заглавіемъ *H. P. Blavatsky and the Masters of the Wisdom.* Въ этой книгѣ интересующіеся могутъ узнать правду относительно процесса Куломбъ-Ходжсона.

Какъ бы то ни было, а дѣло было сдѣлано: клевета была пущена гулять по свѣту и люди, стоявшіе далеко отъ истиннаго положенія вещей, долго еще продолжали повторять невѣжественныя обвиненія Ходжсона, ровно ничего не понимавшаго въ восточномъ оккультизмѣ. Тѣхъ же, которые старались вникнуть въ дѣло, чрезвычайно смущалъ вопросъ: отчего *ясновидящая* Елена Петровна не знала, что готовится противъ нея заговоръ? И отчего не спасли ее Учителя, къ которымъ она относилась съ такой глубокой преданностью? Въ отвѣтъ на первый вопросъ можно указать на тотъ случай ясновидѣнья, который сестра Елены Петровны приводитъ въ біографіи Е. П. Б. *) Она сильно безпокоилась за своего сына. Замѣтивъ это, Елена Петровна попросила ее помолчать, закрыла глаза, и, послѣ нѣсколькихъ мгновеній сосредоточеннаго вниманія, сказала сестрѣ, чтобы она не тревожилась, что сынъ ея живъ. *Для ясновидѣнья нужна такая же фиксація вниманія, какъ и для физическаго зрѣнія.* Каждый испыталъ на себѣ, какъ ускользаютъ отъ человѣка окружающіе объекты, когда вниманіе его занято однимъ опредѣленнымъ предметомъ, а мы знаемъ, что Елену Петровну въ то время занимали чрезвычайно серьезныя задачи. И она конечно не думала о продѣлкахъ оставшихся въ Адъярѣ Куломбовъ. Великодушные люди всегда довѣрчивы; а когда узнаешь, какихъ большихъ размѣровъ была душа у Елены Петровны, становится вполнѣ понятно, что ей не хотѣлось устремлять свое вниманіе на мелкія предательства, о которыхъ ее не разъ предупреждали. Она просто не останавливалась на нихъ и пользовалась своимъ ясновидѣніемъ для болѣе достойныхъ и интересныхъ цѣлей.

Гораздо труднѣе отвѣтить на второй вопросъ, такъ какъ онъ относится до психическихъ законовъ высшей ступени сознанія, на которой многое проявляется совершенно иначе, чѣмъ на нашей низшей ступени, хотя для понимающаго законъ кармы не трудно догадаться, почему Учитель никогда не пользуется *своими высшими силами* для измѣненія человѣческой судьбы. Законъ кармы учитъ, что все, происхо-

*) „*Русское Обозрѣніе*“ Ноябрь, Декабрь 1891 г.

щее съ человѣкомъ во время его земной жизни, есть результатъ имъ же совершеннаго въ прежнихъ существованіяхъ, есть возстановленіе имъ же нарушеннаго равновѣсія или справедливости, что одно и тоже. Поэтому, Адепты Мудрости не считаютъ себя въ правѣ вліять на совершающуюся карму кого бы то ни было *своими оккультными силами*. Въ предѣлахъ всѣмъ доступнаго человѣческаго участія и состраданія они могутъ дѣйствовать, и въ этихъ предѣлахъ они сдѣлали все, что можно было сдѣлать, предупреждая неоднократно и остававшихся въ Адьярѣ, и уѣхавшаго въ Европу Олькотта *). Иное вмѣшательство было бы нарушеніемъ духовнаго Закона, который въ *Голосѣ Безмолвія* выражается такъ: „Она (стезя отреченья) приводитъ Архата къ неизреченной душевной печали; печали за „живого мертвеца" **) и безсильной жалости къ страдающему человѣчеству, подлежащему всѣмъ бѣдствіямъ кармы; ибо мудрые знаютъ, что плоды кармы не могутъ быть устранимы". И дальше: „Научай не создавать новыхъ причинъ; но волнѣ послѣдствій, подобно великой волнѣ прилива, ты не долженъ ставить преградъ, дабы завершился ея естественный бѣгъ" ***). Прибавлю къ этому и еще одно указаніе: на тѣхъ высшихъ ступеняхъ человѣческаго духа, о которыхъ идетъ рѣчь, мѣра, которой мы мѣряемъ событія, не имѣетъ значенія, и то, что для насъ кажется чрезвычайно важнымъ, является совсѣмъ не важнымъ тамъ.

Чтобы покончить совсѣмъ съ этимъ тяжелымъ эпизодомъ изъ жизни Е. П. Блаватской, нужно сказать нѣсколько словъ о ея поѣздкѣ осенью 1884 года въ Индію, о которой было упомянуто лишь вскользь. Узнавъ о продѣлкахъ Куломбъ и о поддѣльныхъ письмахъ, напечатанныхъ Паттерсономъ въ *Christian College Magazine*, она поѣхала туда съ надеждой привлечь Куломбовъ и Паттерсона къ судебной отвѣтственности, выяснить на судѣ всю правду и возстановить свое доброе имя. Но ей пришлось еще разъ пожертвовать собой. Комитетъ, состоявшій изъ 24 наиболѣе уважаемыхъ членовъ Теософическаго Общества, Европейцевъ и Индусовъ, рѣшилъ, что искъ съ ея стороны выдвинетъ на сцену вопросъ о Махатмахъ, и они сами, а также ихъ отношенія къ ученикамъ, станутъ темой для пересудовъ и насмѣшекъ совершенно невѣжественныхъ въ вопросахъ восточнаго оккультизма англійскихъ судей, а это обстоятельство можетъ оскорбить чувства Индусовъ. Этотъ мотивъ былъ для нея важнѣе ея личной судьбы и—она покорилась. Необходимо къ этому прибавить, что она обрадовалась,

*) См. разсказъ В. П. Желиховской о письмѣ къ Олькотту. *„Русское Обозрѣніе"* 1891 г.

**) Не пробужденный духовно человѣкъ.

***) Голосъ Безмолвія. Стр. 43 и 44.

когда узнала, что Общество Психическихъ Изслѣдованій посылаетъ въ Индію своего повѣреннаго для разслѣдованья всего дѣла на мѣстѣ, что и выражала въ своихъ письмахъ. Изъ этого читатель пойметъ, до чего неожиданъ былъ ударъ, который ей нанесъ отчетъ Ходжсона.

Чрезвычайно важнымъ доказательствомъ вздорности всѣхъ обвиненій слѣдователя Ходжсона и правоты Елены Петровны служатъ тѣ овацiи и знаки уваженія и сочувствія, съ которыми Индусы встрѣтили Елену Петровну, когда она пріѣхала въ Мадрасъ уже послѣ клеветъ, взведенныхъ на нее Куломбами и Паттерсономъ. Если бы въ обвиненіяхъ слѣдователя была хотя искра правды, Индусы должны бы забросать не цвѣтами, какъ это было въ дѣйствительности, а камнями ту женщину, которая изъ личныхъ темныхъ цѣлей надругалась надъ ихъ священными завѣтами. Самая идея Махатмъ и сношенія съ ними имѣютъ для Индусовъ такое высокое значеніе, что они никогда не простили бы тому, кто сдѣлалъ изъ этихъ сношеній поводъ для подлога и шутовского маскарада, въ чемъ обвиняли Елену Петровну Куломбы и чему повѣрилъ Ходжсонъ.

А между тѣмъ, Индусы встрѣтили ее со всѣми признаками глубокаго уваженія и въ обращенныхъ къ ней привѣтственныхъ рѣчахъ опредѣляли ея дѣятельность совершенно иначе, чѣмъ лондонскій ареопагъ ученыхъ; они благодарили ее за „возрожденіе санскритской литературы, за старанія примирить религію съ наукой, за пролитіе свѣта на потустороннюю судьбу человѣка, за соединеніе различныхъ индусскихъ кастъ въ одно братское чувство взаимной симпатіи, за вѣрную передачу арійской Мудрости, которая подвергалась такимъ искаженіямъ со стороны Европейцевъ".

Нужно думать, что это благодарное отношеніе Индусовъ принесло нѣкоторое утѣшеніе Еленѣ Петровнѣ; но нравственное потрясеніе было настолько сильно, что она тяжко заболѣла. Лечившій ее докторъ настоялъ на ея немедленномъ возвращеніи въ Европу, и друзья перенесли ее въ носилкахъ на пароходъ, который и увезъ ее навсегда изъ привлекавшей ее съ юныхъ лѣтъ „страны чудесъ". Въ Европѣ она, какъ уже было сказано, избрала тихій Вюрцбургъ, чтобы безъ помѣхи писать *Тайную Доктрину*, и прожила сперва въ этомъ нѣмецкомъ городкѣ, а потомъ въ Остендѣ, вдвоемъ съ граф. Вахтмейстеръ до своего переселенія въ 1887 году въ Лондонъ. Въ Остендѣ на глазахъ гр. Вахтмейстеръ произошло ея третье чудесное выздоровленіе. Два доктора нашли ея положеніе безнадежнымъ и только удивлялись, какъ она могла жить съ такими сложными недугами. Ночью съ ней началась агонія; долго сидѣла около нея гр. Вахтмейстеръ, пока не забылась. „Когда я открыла глаза, первые утренніе лучи прокрались въ комнату и на

меня напалъ страхъ, что я спала, а въ это время Е. П. Б. могла умереть... Я съ ужасомъ повернулась къ ея кровати, но вмѣсто трупа увидѣла Е. П. Б., смотрящую на меня спокойно своими ясными сѣрыми глазами. „Графиня, идите сюда", сказала она. Я бросилась къ ней. „Что случилось? Вы совсѣмъ не та, что были ночью"!—Она отвѣтила: „Да, Учитель былъ здѣсь; Онъ предложилъ мнѣ на выборъ или умереть и освободиться, если я того хочу, или жить еще и кончить „*Тайную Доктрину*", Онъ сказалъ мнѣ, какъ тяжелы будутъ мои страданія и какое трудное время предстоитъ мнѣ въ Англіи—я вѣдь должна буду туда поѣхать. Но когда я подумала о тѣхъ людяхъ, которымъ мнѣ разрѣшено передать мои знанія и о Теософическомъ Обществѣ, которому я уже отдала кровь своего сердца, я рѣшилась пожертвовать собой"... Окончила она свою рѣчь веселой шуткой, а когда пришелъ докторъ и еще нѣсколько лицъ и она встрѣтила ихъ на ногахъ и завела съ ними шутливый разговоръ, удивленіе ихъ не знало границъ *).

И она „промучилась" еще пять лѣтъ, потому что съ земной точки зрѣнія тотъ напряженный трудъ, который она несла до послѣдняго часа, несмотря на жестокія физическія страданія, нельзя назвать иначе, какъ мученичествомъ. За эти пять лѣтъ многое было сдѣлано: написаны три тома „*Тайной Доктрины*", изъ которыхъ два были напечатаны при ней, а третій послѣ ея смерти; написаны: „*Ключъ къ Теософіи*" и „*Голосъ Безмолвія*" и множество статей въ журналѣ „*Lucifer*", который она начала издавать немедленно послѣ водворенія въ Лондонѣ. Кромѣ этого литературнаго труда, который бралъ у нея, по показаніямъ многочисленныхъ свидѣтелей послѣднихъ лѣтъ ея жизни, по 12 часовъ въ день, она по вечерамъ была окружена посѣтителями, въ числѣ которыхъ было много литераторовъ и ученыхъ. Въ это время англійскій отдѣлъ Теософическаго Общества былъ уже вполнѣ сформированъ и по четвергамъ собиралась первая Теософическая Ложа, которая и до сихъ поръ носитъ названіе „*Blavatsky Lodge*"; на этихъ вечернихъ собраніяхъ всегда присутствовала Елена Петровна, давая отвѣты на многочисленные вопросы, съ которыми члены ложи обращались къ ней. Къ этому же времени относится появленіе среди теософовъ, окружавшихъ Елену Петровну, г-жи А. Безантъ, ставшей послѣ ея смерти главой и сердцемъ теософическаго движенія.

Въ маѣ 1891 года, почти безъ всякой предупреждающей болѣзни, Елена Петровна скончалась въ своемъ рабочемъ креслѣ, какъ истинный воинъ Духа, какимъ она была всю жизнь. Ея тѣло было предано сожженію и пепелъ былъ раздѣленъ на 3 части: одна часть сохра-

*) Reminiscences of H. P. B. by countess Wachtmeister p. 75, 76.

няется въ Адьярѣ, другая въ Нью-Іоркѣ, третья оставлена въ Лондонѣ. День ея успокоенія чествуется въ трехъ частяхъ свѣта подъ названіемъ *Дня Бѣлаго Лотоса*. Теософы всего міра стараются ознаменовать этотъ день добрыми дѣлами. Въ Бомбеѣ, Адьярѣ и Калькуттѣ, въ этотъ день даютъ обѣды тысячамъ бѣдняковъ и раздаютъ имъ Бхагаватъ-Гиту; въ Нью-Іоркѣ, Филадельфіи и еще въ нѣсколькихъ городахъ Соединенныхъ Штатовъ происходитъ тоже самое, но особенно горячо чествуютъ ея память на Цейлонѣ, гдѣ все населеніе чтитъ ея имя.

Глава IV.

Міровое значеніе Е. П. Блаватской.

Чтобы вѣрно оцѣнить міровое значеніе принесенныхъ Е. П. Блаватской откровеній, необходимо знать, насколько они были нужны и своевременны именно для нашей эпохи, а для этого слѣдуетъ схватить общій смыслъ всего переживаемаго человѣчествомъ на нашихъ глазахъ. Но несчастье современнаго европейскаго сознанія въ томъ, что оно раскололось на такое множество точекъ зрѣнія, ничѣмъ несвязанныхъ между собой, съ которыхъ разсматривается и оцѣнивается вся текущая дѣйствительность, что прійти къ чему либо общему и согласованному, для него чрезвычайно трудно. Необходимость объединенія на чемъ-либо общемъ—едва ли не важнѣйшая духовная потребность нашего времени, и хотя двѣ главныя системы мысли, одна—приводящая всѣ явленія къ матерьяльнымъ процессамъ, а другая—къ духовнымъ, и служатъ къ извѣстному обобщенію, покрывая своимъ знаменемъ множество противорѣчивыхъ теорій и воззрѣній, но, развиваясь въ противоположныхъ направленіяхъ, онѣ раскалываютъ сознанье и неизбѣжно будутъ все болѣе удаляться отъ полноты истины, если не найдется нѣчто связывающее, какая-либо общая основа, которая примирила бы ихъ и соединила въ одну цѣльную согласованную систему. А между тѣмъ, это связывающее *нѣчто* существуетъ, и сама европейская наука подошла уже совсѣмъ вплотную къ тому объединяющему началу, которое проникаетъ одинаково и матерьяльную жизнь, и жизнь духовную. Это объединяющее начало, эта скрытая пружина всякой жизни есть *эволюція*, развитіе изъ простого въ сложное, изъ несовершеннаго въ совершенное, какъ въ мірѣ формъ, такъ и въ мірѣ духа, ведущее насъ къ разумной и благой цѣли. Принявъ одновременную эволюцію формы и

жизни за мѣрило человѣческаго прогресса, мы сразу поднимемся надъ всѣмъ противорѣчіемъ современной мысли и станемъ на такой наблюдательный постъ, откуда возможно окинуть *весь* процессъ жизни въ его цѣломъ.

Если мы захотимъ отыскать корни всего, что совершается на нашихъ глазахъ, мы должны искать ихъ очень глубоко, въ той древности, которая служила колыбелью нашей расы. Въ тѣ незапамятныя времена, когда арійская раса была еще въ своемъ младенческомъ возрастѣ, цивилизація ея достигала чрезвычайной высоты и блеска; объ этомъ все яснѣе говорятъ раскопки послѣднихъ десятилѣтій. Судя по сохранившимся образцамъ, не было той отрасли человѣческаго творчества, въ которой древніе народы не достигли бы высокаго совершенства. Стоитъ лишь вспомнить ихъ неподдающіяся времени колосальныя постройки, которыя требовали не только знанія высшей механики и математики, но еще какихъ-то знаній, которыми не владѣютъ современные инженеры; или ихъ удивительные водопроводы, превращавшіе раскаленную почву юга въ цвѣтущіе сады. А по научнымъ разслѣдованьямъ послѣднихъ лѣтъ, не только всѣ наши религіозныя идеи и символы, но и всѣ мелочи нашего домашняго обихода, до игръ и развлеченій включительно, все это было уже извѣстно, все это такъ или иначе проникло къ намъ съ древняго Востока *).

Какъ же объяснить это явленіе? Вѣдь несомнѣнно, что тѣ древніе народы были родоначальники нашей расы, несомнѣнно, что въ нихъ выразилась ея юность. Какъ же могли они достигнуть такого совершенства культуры и знать уже въ дѣтствѣ то, что знаемъ черезъ многія тысячелѣтія мы, ихъ взрослые потомки? Логика вещей и наблюденія надъ процессами природы, у которой ничего не пропадаетъ даромъ и ничто не повторяется на одной и той же ступени, заставляетъ думать, что тѣ древнія цивилизаціи имѣли совершенно иныя задачи, чѣмъ наша современная цивилизація. Ученія Теософіи подтверждаютъ эту догадку; они учатъ, что земная жизнь *всего* человѣчества представляетъ изъ себя нѣчто цѣлое, имѣющее одну общую цѣль: *развитіе всѣхъ сторонъ сложнаго человѣческаго сознанія*. Для этого дается поле дѣйствія—земля, и на этомъ полѣ всѣ отдѣльные народы, въ различныя эпохи, путемъ разнообразныхъ культуръ, работаютъ—каждый надъ своей особой задачей, содѣйствуя осуществленію единаго, общаго для всего человѣчества разумнаго плана.

*) Это—утвержденье не только теософовъ, но и представителей позитивной науки; такъ, проф. Випперъ высказалъ какъ разъ эту увѣренность въ своей публичной лекціи въ Москвѣ 2 ноября 1906 г. Лекція эта напечатана въ отдѣльной брошюрѣ подъ заглавіемъ „Съ Востока Свѣтъ".

Въ той древности, гдѣ нужно искать корни всего, что мы переживаемъ въ настоящее время, масса человѣчества была еще въ состояніи дѣтства, индивидуальное начало было еще въ зачаткѣ, сознаніе работало смутно и мечтательно, создавая неопредѣленныя мысли, лишенныя отчетливыхъ граней, какія бываютъ у маленькихъ дѣтей, но зато человѣчество пользовалось огромнымъ преимуществомъ: оно дѣйствовало подъ непосредственнымъ наблюденіемъ высокихъ Руководителей, сверхчеловѣческою мудростью и великими знаніями которыхъ и объясняется поражающая насъ высокая ступень древнихъ культуръ. Руководителей этихъ называютъ общимъ именемъ „Посвященные"; имя это происходитъ отъ того, что старшій „посвящалъ" младшаго, т. е. передавалъ ему свои знанія, если послѣдній по своимъ нравственнымъ качествамъ былъ достоенъ вступить въ число руководителей юнаго человѣчества. Въ эзотерическихъ преданіяхъ всѣхъ древнихъ народовъ есть множество указаній на то, что во главѣ всѣхъ отдѣловъ общественной жизни стояли именно такіе „Посвященные", поднявшіеся надъ эгоизмомъ и надъ личными интересами.

Въ сущности, мы не имѣемъ никакого представленія о тѣхъ временахъ, и лишь смутное воспоминаніе о нихъ сохранилось въ легендахъ о „золотомъ вѣкѣ" человѣчества. Мы узнаемъ древнія цивилизаціи, когда онѣ уже заканчивали свою внутреннюю задачу—воспитать юное человѣчество, когда сохранились лишь внѣшнія формы, которыя всегда переживаютъ одушевлявшую ихъ когда-то жизнь. Оттого эти цивилизаціи и производятъ на насъ впечатлѣніе дряхлости. Самая раса можетъ быть въ общемъ очень молода, а формы ея жизни будутъ отжившими, дряхлыми, если онѣ уже сыграли свою роль и ихъ поддерживаютъ искусственно, когда растущая жизнь требуетъ уже новыхъ формъ; по той же причинѣ и отдѣльныя народности, которыя не ищутъ новыхъ путей и слишкомъ долго задерживаются на старыхъ, приходятъ въ упадокъ.

Когда дѣтство арійской расы приблизилось къ концу и на очередь стало развитіе *личнаго начала и самостоятельной инициативы*, тогда Руководители человѣчества стали отступать отъ него все далѣе, и для него настало время самому создавать свои задачи и осуществлять ихъ по своему.

Въ эзотеризмѣ есть выраженіе: *человѣчество осиротѣло*. Это и означаетъ упомянутый переходъ къ самостоятельному творчеству.

Чтобы могла осуществиться главная цѣль земного творчества—развитіе всѣхъ сторонъ человѣческаго сознанія, потребовалась вся та неоглядная вереница историческаго опыта, который выразился въ смѣнѣ господствующихъ народностей, въ насажденіи разнообразныхъ культуръ,

въ созданіи различныхъ типовъ общественнаго строя. Съ этимъ ключомъ вся человѣческая исторія читается по новому, и можно догадаться, какую задачу пришлось осуществлять и нашей западно-европейской культурѣ. Она развивала ту сторону сознанія, которую вѣрнѣе всего назвать *земной разумъ*, низшій *manas*, она доводила его до полной *отчетливости*, до совершенства, и напряженностью своихъ эгоистическихъ задачъ, и высокими формами своихъ научныхъ дисциплинъ отточила аналитическое мышленіе до художественнаго совершенства.

На зарѣ своей юности, наша арійская раса пользовалась непосредственныхъ руководствомъ; мы имъ *не* пользуемся, но, отъ времени до времени, когда сознаніе людей проходитъ черезъ острые кризисы, когда новыя начала жизни вступаютъ въ борьбу съ отживающимъ, людямъ дается высшая помощь въ формѣ разнообразныхъ духовныхъ воздѣйствій, иногда посылаются въ міръ ученики съ совершенно опредѣленной миссіей. Такая миссія была возложена на Елену Петровну Блаватскую въ концѣ истекшаго столѣтія. Если мы оглянемся на ту эпоху, когда Елена Петровна основала Теософическое Общество, мы увидимъ всѣ особенности западно-европейской культуры доведенными до своего полнаго расцвѣта: благодаря эгоистическому царству капитала и матерьялистическому строю мышленія, внѣшняя жизнь приняла уродливыя формы ожесточенной борьбы за существованіе, безпощадной конкуренціи, взаимной вражды и озлобленности, а въ области духа шло постепенное угасаніе идеала и безпощадное вытравленіе всякаго религіознаго начала...

Плоды этого расцвѣта созрѣли на нашихъ глазахъ, мы присутствуемъ при небывалой еще картинѣ всемірной революціи, и на нашихъ же глазахъ, въ бездонныхъ глубинахъ мысли и сердца всего культурнаго человѣчества, начинается поворотъ и поднятіе на новую ступень сознанія. Если представить себѣ картину европейскаго будущаго въ случаѣ, если бы дальнѣйшее развитіе продолжалось по тѣмъ же линіямъ безудержнаго эгоизма и угашенія всѣхъ духовныхъ запросовъ, станетъ понятнымъ, что никогда не было такой острой нужды въ высшемъ воздѣйствіи. Въ отвѣтъ на эту нужду и явилось раскрытіе древнихъ тайныхъ ученій и основаніе Теософическаго Общества. Незадолго до этого времени, въ разныхъ мѣстностяхъ Америки и Европы, начали обращать на себя вниманіе спиритическія явленія. Спиритизмъ появился въ тѣ года со своими потрясающими медіумическими феноменами не случайно; онъ представлялъ собою тотъ таранъ, которой пробивалъ первую брешь въ сознаніи, онъ долженъ былъ расшатать заполонившій умы матерьялизмъ и заставить людей задуматься. И мы видимъ, какой общій переполохъ въ общественномъ мнѣніи и

какую тревогу среди ученыхъ вызвали въ то время явленія спиритизма. Вѣра въ существованіе одного лишь физическаго міра была расшатана. Но этого было мало. Вся жизнь требовала перестройки, а внѣшнему строительству должно предшествовать внутреннее преображеніе. Послѣднее же требуетъ вѣры, энтузіазма, высокаго идеала. Религіозныя идеи, выросшія на европейской почвѣ, оторванныя отъ жизни и науки, были безсильны повліять на сознаніе. Необходимъ былъ притокъ новой духовной энергіи. Такой энергіей проникнуты эзотерическія ученія древнихъ посвященныхъ, которыя вдохновляли творчество всѣхъ античныхъ арійскихъ народовъ. Раскрыть впервые ихъ тайный смыслъ выпало на долю русской женщинѣ. И, какъ и слѣдовало ожидать, ея миссія вызвала къ себѣ вниманіе во всемъ мірѣ, вплоть до африканскаго Трансвааля прежде, чѣмъ ее признали на родинѣ. А между тѣмъ, нигдѣ жажда духовнаго обновленія не чувствуется съ такой глубокой искренностью, какъ у насъ, и можетъ быть ни у кого нѣтъ такой органической духовной связи съ древней Индіей, какъ у русскихъ. Лучшіе русскіе люди были всегда идеалисты, а древняя Индія вся проникнута высокимъ идеализмомъ своей чистой, пламенной, безбрежной религіозной философіи.

Если вдуматься въ тѣ три главныя цѣли, которыя основательница Теософическаго Общества поставила на его знамени, мы найдемъ въ нихъ поразительное соотвѣтствіе главнымъ духовнымъ нуждамъ нашего времени. Мы изстрадались отъ вражды партій, классовъ и народовъ; Теософія ставитъ на своемъ знамени *всеобщее братство* безъ различія національности, религіи и касты. Мы жаждемъ примиренія между мыслью и сердцемъ, сліянія идеала съ дѣйствительностью. Теософія приноситъ намъ научно-религіозный синтезъ древняго Востока, въ которомъ всѣ стороны человѣческой жизни, и матерьяльной, и духовной, представляютъ нѣчто цѣльное, неразрывно связанное единствомъ религіознаго сознанія. Мы переросли наши психологическія понятія, усложнившаяся душевная жизнь современнаго человѣка требуетъ новыхъ пріемовъ воспитанія, новыхъ методовъ внутренней культуры, Теософія даетъ намъ совершенно новую для европейскаго сознанія психологію, *опытно* провѣренную и научно обоснованную на законѣ духовной эволюціи.

Въ состояніи ли Теософія выполнить свои обѣщанія? Отвѣтомъ на это служитъ болѣе чѣмъ 30-лѣтнее существованіе Теософическаго Общества. Такая провѣрка уже давно обнаружила бы ея несостоятельность; но союзъ теософовъ продолжаетъ крѣпнуть и расти, несмотря на то, что онъ не имѣетъ никакихъ внѣшнихъ формъ, никакихъ догматовъ, ничего—съ обыденной точки зрѣнія—завлекательнаго, даже не требуетъ никакихъ обѣтовъ; невидимая духовная связь, соединяющая ея членовъ, оказывается настолько крѣпкой, что въ состояніи связать

въ одну семью людей различныхъ національностей, говорящихъ на разныхъ языкахъ, принадлежащихъ къ различнымъ религіямъ и культурамъ. Другимъ отвѣтомъ на тотъ же вопросъ служитъ большая, блестящая теософическая литература, имѣющая своихъ талантливыхъ представителей во всѣхъ странахъ міра, хотя прошло еще такъ немного времени съ тѣхъ поръ, какъ Е. П. Блаватская заложила фундаментъ этой литературы двумя своими трудами: Isis Unveiled (изд. въ 1877 г). и Secret Doctrine (въ 1888 году).

Въ чемъ же сила Теософіи? Приноситъ она новую религію, или, какъ нѣкоторые думали, вводитъ къ намъ въ замаскированной формѣ буддизмъ?

Сила ея въ томъ, что она даетъ сокровенныя ученія древнихъ Мудрецовъ, знанія которыхъ обнимаютъ *весь циклъ эволюціи нашей расы до конца*. Вотъ почему она въ состояніи дать отвѣты на всѣ запросы нашего современнаго сознанія, вплоть до мучительныхъ загадокъ жизни и смерти, которыя стояли до сихъ поръ неразрѣшенными передъ человѣческимъ сознаніемъ. Я не могу вдаваться въ изложеніе самихъ ученій, но могу указать интересующимся на обширную теос. литературу, которая разрабатываетъ со всѣхъ сторонъ отдѣльныя положенія древней Мудрости; давъ себѣ трудъ и время, читатель имѣетъ полную возможность провѣрить мои слова. Прибавлю лишь нѣсколько словъ для тѣхъ, которые—по недоразумѣнію—могутъ подумать, что Теософія зоветъ человѣчество назадъ, въ его младенческое состояніе.

Да, она зоветъ его назадъ, но только въ томъ смыслѣ, въ какомъ каждый человѣкъ возвращается къ тѣмъ высокимъ истинамъ, которыя онъ въ дѣтствѣ воспринималъ безсознательно, отъ которыхъ въ молодости отступалъ потому, что онѣ были слишкомъ глубоки для него, которыя позднѣе пропускалъ черезъ критическую оцѣнку, а въ зрѣломъ возрастѣ принималъ уже сознательно и добровольно. Каждый законченный эволюціонный циклъ обѣгаетъ такой полный кругъ и наше сознаніе близится къ тому, чтобы обойти свой полный кругъ и, послѣ огромнаго опыта, растянувшагося на многія тысячелѣтія, прошедшаго черезъ многія цивилизаціи, черезъ восхожденія и паденія, расцвѣтъ и утомленіе,—повернуть назадъ къ исходной точкѣ своего отправленія и слиться съ ней, но уже *сознательно и добровольно.*

Въ заключеніе, мнѣ хотѣлось указать на тѣ результаты миссіи Е. П. Блаватской, которые успѣли уже обнаружиться. За послѣднія два десятилѣтія всѣ интересующіеся Индіей наблюдаютъ различные признаки пробужденія среди кореннаго населенія Индіи и небывалое прежде стремленіе къ объединенію. Совершенно непричастные къ Теософіи наблюдатели, стоящіе на противоположномъ полюсѣ мысли, и тѣ

соглашаются, что въ подкладкѣ современнаго движенія въ Индіи лежитъ недавно возникшая тенденція къ религіозному объединенію. Въ жизни Индіи религія играла всегда первенствующую роль; множество сектъ и подраздѣленій, на которыя разбились шесть основныхъ религіозныхъ системъ браманизма, и распаденіе буддизма на сѣверный и южный отдѣлы, поддерживали духъ разъединенія въ средѣ Индусовъ. Поворотъ къ единству и толчокъ къ внутреннему возрожденію, о которомъ сейчасъ упонянуто, былъ данъ впервые Е. П. Блаватской, ея обнародованіемъ *общаго всѣмъ расколовшимся религіознымъ вѣрованіямъ единаго эзотерическаго начала* и ея энергичной пропагандой—совмѣстно съ Генри Олькоттомъ—религіознаго объединенія Индіи. Покойный президентъ Теософическаго Общества былъ выдающійся организаторъ; онъ чрезвычайно удачно работалъ среди Индусовъ въ пользу названнаго единства, создалъ много школъ, гдѣ обученіе велось въ томъ же духѣ, собралъ множество драгоцѣнныхъ манускриптовъ, которые благодарные Индусы не переставали приносить въ даръ теософической библіотекѣ, и неутомимо популяризировалъ красоту и высокій идеализмъ древнихъ религіозныхъ ученій Индіи.

Подъемъ религіознаго сознанія, который былъ вызванъ этимъ непривычнымъ для Индусовъ любовнымъ вниманіемъ къ ихъ духовнымъ сокровищамъ, продолжается и до сихъ поръ, а за послѣдніе годы возрожденіе древне-индусской самобытности приняло очень широкіе размѣры благодаря неутомимой дѣятельности настоящаго президента Теософическаго Общества, г-жи Безантъ; ея стремленія направлены къ тому, чтобы положить въ основу воспитанія индусскаго юношества лучшіе завѣты древней Индіи, и съ этой цѣлью она создала нѣсколько колледжей, въ которыхъ индусскіе юноши знакомятся съ неисчерпаемыми богатствами древне-арійской религіозной мысли.

Возрожденіе древняго Востока и пробудившійся на Западѣ интересъ къ его духовнымъ сокровищамъ сыграетъ великую роль въ ближайшемъ будущемъ и поможетъ человѣческому сознанію подняться на высшую ступень.

Трудно даже представить себѣ всѣ послѣдствія, которыя могутъ произойти отъ сліянія широкихъ объединяющихъ идей древняго Востока съ точнымъ анализомъ европейскаго Запада, его высокаго научнаго развитія съ глубиной религіознаго сознанія древности.

Начало этого сліянія совершается на нашихъ глазахъ благодаря эзотерическимъ ученіямъ, которыя Е. П. Блаватская принесла западному міру, какъ даръ отъ древняго Востока.

Ученія эти, которыя на современномъ языкѣ вѣрнѣе всего назвать религіозно-научнымъ синтезомъ, приводятъ въ гармонію всѣ сто-

роны человѣческой жизни, согласуя матерьяльныя задачи человѣка съ его духовными запросами.

А кто станетъ отрицать, что самая повелительная задача нашего времени, отъ вѣрнаго рѣшенія которой зависитъ все будущее человѣчества, есть приведеніе въ гармонію этическихъ проблемъ съ проблемами соціальными, нравственнаго идеала человѣка съ его жизненной практикой?

Вся сила Теософіи и состоитъ въ томъ, что ея ученія въ состояніи разрѣшить эту задачу, *не убивая живыхъ интересовъ*. Теософія должна стать впереди человѣческой мысли потому, что она соединяетъ въ себѣ всю полноту опыта современнаго Запада и древняго Востока, полный кругъ сознанія арійскихъ народовъ, какъ религіознаго, такъ и научнаго, дающаго въ соединеніи—*Мудрость*.

Если спросятъ, почему именно Е. П. Блаватская была избрана для такой высокой миссіи? Потому, что она одна изъ всѣхъ современниковъ обладала соединеніемъ той тонкой психической организаціи, которая необходима для общенія на высшихъ ступеняхъ сознанія, и тѣхъ нравственныхъ качествъ, безъ которыхъ великія духовныя задачи не могутъ быть доведены до конца. Она обладала исключительной отзывчивостью на духовныя вліянія и въ то же время могучей волей и необыкновенной силой терпѣнія; пламенный энтузіазмъ и преданность идеѣ, которой она служила, соединялись въ ней съ безграничнымъ самоотверженіемъ; вотъ что давало Еленѣ Петровнѣ Блаватской право на ея высокое полномочіе и на глубокую благодарность всѣхъ, кто зналъ и понималъ ее.

Е. П.

Драгоцѣнные камни Востока.

(Genis of the East).

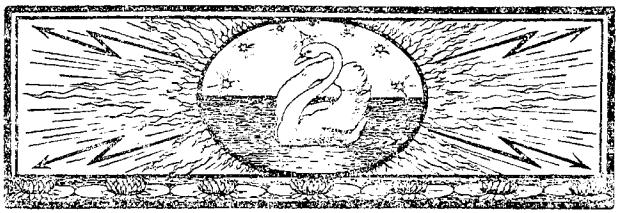
(Изреченія, собранныя *Е. П. Блаватской*.)

Встань! Проснись!

Ищи Учителя! Бодрствуй и жди! Путь узокъ, какъ лезвіе ножа, и трудно ступать по нему! Но кто разъ Его увидѣлъ, Его, Которому нѣтъ имени, Который невидимъ, неосязаемъ, безплотенъ, неизмѣненъ, непостижимъ, безъ начала и безъ конца, выше высоты и глубже глубины, тотъ—спасенъ. Смерть не имѣетъ больше власти надъ нимъ.

Тайна смерти (Катопанишадъ).

Е. П. Блаватская.



Миссія Е. П. Блаватской.

Посвящается памяти „той, которая принесла намъ свѣтъ“ *).

Теософія, т. е. Богомудріе, существовала во всѣ вѣка: она составляетъ сокровенную часть всѣхъ религій, тотъ вѣковой вселенскій гнозисъ, изъ котораго всѣ мистики и пророки черпали свое вдохновеніе. Это—та мистическая философія, которая скрыта во всѣхъ міровыхъ религіозныхъ системахъ и которая даетъ духовной жизни философское и этическое обоснованіе.

Въ концѣ XIX вѣка, въ самый разгаръ торжества матеріализма, Е. П. Блаватская основала теософическое движеніе, задача котораго напомнить человѣчеству о единомъ источникѣ всѣхъ религіозныхъ концепцій и обнародовать тѣ положенія, которыя всегда лежали въ основѣ Богомудрія (Теософіи) и которыя связываютъ всѣ религіи одной глубокой мистической нитью. Эти положенія, вытекающія изъ всесторонняго пониманія великаго космическаго закона эволюціи, выливаются въ стройную философскую систему, краеугольный камень которой составляетъ научно-религіозный синтезъ, т. е. примиреніе разума и сердца. Твердо поставить этотъ синтезъ и безстрашно его провозгласить въ самый скептическій изъ всѣхъ вѣковъ—было заслугой основательницы Теософическаго Общества, Елены Петровны Блаватской.

Итакъ, это движеніе возникло въ тотъ самый сложный историческій моментъ, когда человѣчество, развивъ до полнаго расцвѣта свое на-

*) Выраженіе, которымъ А. Безантъ привѣтствуетъ всегда въ своихъ рѣчахъ Е. П. Блаватскую. Она ее называетъ: „The light-bringer“.

чало интеллектуальное, подошло къ поворотной точкѣ и готовилось къ раскрытію новаго начала—духовнаго. Теософическое движеніе есть знаменіе времени, указаніе на то, что синтезъ долженъ смѣнить анализъ и что мы подвигаемся къ новой зарѣ, новой культурѣ, основная нота которой будетъ—*единство*. Проводникомъ, посредникомъ, глашатаемъ этихъ великихъ перемѣнъ и была Е. П. Блаватская.

На чемъ же основанъ этотъ геніальный синтезъ? На изученіи эзотеризма, той сокровенной мудрости, которую В. Соловьевъ удачно называетъ „отшельнической теософіей". Это изученіе приводитъ къ признанію полнѣйшаго единства религіозныхъ концепцій всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Если мы обратимся къ этикѣ, то мы увидимъ, что всюду, на Востокѣ и на Западѣ, религія призываетъ къ очищенію помысловъ и желаній, къ любви, чистотѣ и милосердію: эти требованія составляютъ азбуку духовной жизни.

„Благословляйте проклинающихъ васъ и молитесь за оскорбляющихъ и гонящихъ васъ", сказалъ Іисусъ Христосъ.

„Благословляйте проклинающихъ васъ", говоритъ Кришна.

„Ненависть не побѣждается ненавистью, она побѣждается только любовью", говоритъ Будда.

„Отвѣчайте добротой на ненависть", говоритъ Лао-Тсе.

„Кто герой? Превращающій въ друга врага своего", гласитъ Талмудъ.

„Совершенство религіи состоитъ въ желаніи добра другимъ" былъ девизъ Магомета.

Почему такое поразительное сходство въ религіозной этикѣ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ? Потому, что эта этика не красивый и случайный вымыселъ той или другой яркой индивидуальности или плодъ углубленной работы нѣсколькихъ геніальныхъ мечтателей: она есть неизбѣжное проявленіе въ жизни того духовнаго вѣдѣнія, которое ясновидцы духа обрѣли на высшихъ планахъ бытія. Такъ, какъ изъ элементовъ даннаго уравненія непремѣнно должна вылиться та или другая математическая формула, такъ и изъ знанія космическихъ законовъ неизбѣжно вытекаетъ незыблемая основа міровой этики, обнимающая собой какъ личную, такъ и общественную этику. Разъединять и противопоставлять другъ другу эти части одного цѣлаго, какъ это постоянно дѣлаетъ наша журналистика, такъ же несообразно, какъ вынимать камни изъ строящагося дома и противопоставлять ихъ этому дому. Такое противопоставленіе указываетъ на непониманіе неразрывной связи законовъ и міровыхъ явленій и на полную оторванность человѣка отъ вселенной,—оторванность, изъ которой вытекаетъ весь трагизмъ душевныхъ переживаній современнаго человѣчества. Тщательно отстраняя

все то, что не поддается непосредственному чувственному воспріятію, и искусственно разъединяя физическій міръ отъ всѣхъ соприкасающихся съ нимъ сферъ, мы наводимъ на него, какъ въ фокусѣ, яркій свѣтъ электрическаго фонаря, а затѣмъ ужасаемся и недоумѣваемъ, почему этотъ ярко-освѣщенный обрывокъ дѣйствительности, который мы такъ искренно мечтаемъ превратить въ рай, вызываетъ въ насъ такое глубокое чувство неудовлетворенности, и невольно напрашивается тоскливый вопросъ: „Будетъ ли когда-нибудь человѣкъ счастливѣе?"

Люди съ сильнымъ общественнымъ чувствомъ обыкновенно отвѣчаютъ: „Будетъ ли человѣкъ счастливѣе или нѣтъ, мы не знаемъ: это не наше дѣло; наше дѣло—строить домъ, чтобы было, гдѣ укрыться отъ непогоды. Мы не мечтатели, а только строители".

По силѣ любви и отреченію, трудъ „строителей" несомнѣнно отмѣчается печатью свыше, печатью духа. Эта печать и даетъ имъ право на гордое наименованіе „богостроителей". Каковы бы ни были утилитарныя платформы строителей, творчество ихъ несомнѣнно имѣетъ религіозный источникъ, такъ какъ движущій ихъ категорическій императивъ есть мотивъ сверхличный, т. е. сила идеальная. Но какъ бы идеально не были настроены строители, ихъ работа не можетъ быть прочной, если они не будутъ ясно видѣть, *что* кладутъ они въ основу своего зданія. Для разумнаго строительства, зрѣніе нужно не меньше энтузіазма. А видятъ ли пламенные строители, на чемъ они строятъ, если они такъ упорно разъединяютъ явленіе отъ его источника, если, не признавая Бога, они хотятъ осуществить Его Правду?

Отдѣлять Бога отъ Его Правды, Любовь отъ проявленій любви, это то же, что желать отдѣлить Солнце отъ его лучей. Богъ есть духовное Солнце вселенной, и тѣ силы, которыми мы пытаемся замѣнить Его (любовь, красота, правда),—ничто иное, какъ видимые лучи Его. Тѣ, кто ищутъ Бога и не пытаются внести Его Правду въ жизнь, не знаютъ Бога; и тѣ, кто пытаются осуществить Его Правду на землѣ, отрицая Его Самого, также не знаютъ Его. Богоисканіе и Богостроительство неудержимо сливаются воедино въ душѣ того, кто нашелъ Бога въ себѣ, кто нашелъ незримыя нити, соединяющія нашего скрытаго Бога съ Богомъ вселенной. Ибо Богоисканіе и Богостроительство сливаются въ Богопознаніи, а познать Бога человѣкъ можетъ только, познавъ самого себя. Познавъ себя, свое „высшее я", человѣкъ свободно и сознательно становится на тотъ путь истиннаго Богостроительства, который В. Соловьевъ называетъ „богочеловѣческимъ процессомъ", а Теософія именуетъ „путемъ ученичества".

Для исцѣленія и обновленія жизни нужно нѣчто большее, чѣмъ любовь и состраданіе: нужны знаніе и вдохновеніе. Не только худож-

ники и поэты, но и дѣятели во всѣхъ сферахъ жизни должны стать жрецами и пророками. Это относится и къ нашимъ строителямъ. Величайшее изъ всѣхъ искусствъ, *искусство строить жизнь*, требуетъ для своей творческой работы боговдохновенныхъ строителей, не простыхъ архитекторовъ-любителей, а пророковъ и жрецовъ, способныхъ видѣть и понимать тѣ силы, которыя они будутъ вкладывать въ свое творчество; сознательно управляя ими, они будутъ и вполнѣ сознательно творить новую жизнь.

Лучшіе русскіе люди не способны безъ отчаянія отдѣлять Бога отъ воплощенія Его правды. Истина безъ Добра и Красоты для нихъ такъ же невозможна, какъ и Добро безъ Красоты, или Красота безъ Добра. Не въ этомъ ли кроется тайна тоски, такъ сильно гнетущей душу многихъ нашихъ общественныхъ дѣятелей?

Мы переживаемъ совершенно особое время: время, когда рушатся вѣками утвержденные авторитеты, когда происходитъ переоцѣнка всѣхъ цѣнностей, всѣхъ идеаловъ, а надъ кажущимся хаосомъ разрушенія уже проносится вѣяніе новой, могучей жизни. Утеря путей, страстное исканіе, колебаніе между гордымъ самоутвержденіемъ и столь же пламеннымъ самоотрицаніемъ,—все это явные признаки того, что въ человѣчествѣ совершается какой то кризисъ, что оно стоитъ на порогѣ новыхъ и чрезвычайно важныхъ переживаній. Разсудочная культура, достигшая на Западѣ своего апогея, не въ силахъ болѣе удовлетворить человѣка; она должна уступить мѣсто новой, высшей культурѣ. Каждой культурѣ соотвѣтствуетъ извѣстная ступень сознанія, а раскрытіе новаго сознанія сопровождается настоящими родовыми муками духа, муками, при которыхъ неминуемо происходитъ полная утрата гармоніи. Возьмемъ одинъ изъ многихъ признаковъ этого перелома: такъ называемый „кризисъ индивидуализма“. Этотъ кризисъ, отмѣченный и въ соціологіи, и въ психологіи, и въ литературѣ, есть ничто иное, какъ явно выраженный переходъ отъ обособленной жизни къ единенію всечеловѣческому, отраженіе въ общественной психологіи великаго космическаго момента. Въ этомъ свѣтѣ и соціалистическія теоріи и стремленія суть лишь проэкція на физическомъ планѣ того великаго духовнаго преображенія, которое готовится совершиться въ иныхъ сферахъ бытія. Зарождающіяся формы общественности неизбѣжно выльются въ жизнь вслѣдъ за новымъ сознаніемъ человѣчества, но соціальное преображеніе установится на твердыхъ основахъ только тогда, когда оно выльется, какъ естественное послѣдствіе обновленія и одухотворенія человѣчества, а не тогда, когда оно опередитъ сознаніе. „Міръ не долженъ быть спасенъ насильно“, сказалъ В. Соловьевъ. Мы бы сказали: „Міръ не *можетъ* быть спасенъ насильно“,

ибо условіе духовнаго творчества есть свобода. Свободно и радостно творить новую жизнь можетъ только религіозное сознаніе.

Въ свѣтѣ Теософіи раскрытіе сознанія совершается въ томъ же порядкѣ, какъ и раскрытіе Божества, ибо человѣкъ есть храмъ Бога живаго, „градъ Брахмы". Сперва проявляется Св. Духъ дѣятельности, затѣмъ рождается Сынъ Божій, мудрость (знаніе и любовь), Св. Софія; наконецъ проявляется Воля Отца, Которая совершаетъ то, что духу раскрылось въ знаніи и любви. Таковъ вѣнецъ эволюціи.

Св. Духъ дѣятельности уже раскрылся въ человѣчествѣ. Въ высшей степени ярко сказался онъ въ Западно-Европейскомъ творчествѣ. Въ настоящій моментъ мы стоимъ наканунѣ раскрытія новаго начала, того, о которомъ молится апостолъ Павелъ въ словахъ: „Молюсь, братія, чтобы родившійся въ душѣ вашей Христосъ выросъ до полнаго возраста Христова". Христосъ, которому суждено родиться въ насъ, это тотъ пламенный духъ единенія, который разбиваетъ всѣ стѣны между націями и людьми и который творитъ новую жизнь, основанную на братствѣ и любви. Этому духу одинаково чужды и партійныя распри, и національная вражда, и религіозный фанатизмъ, потому что всѣ стѣны пали, всѣ люди—братья: одни просвѣтленные, другіе еще не прозрѣвшіе, но всѣ—дѣти единаго Бога.

Достоевскій и В. Соловьевъ, которымъ былъ близокъ Духъ Христовъ, говорятъ о „вселенскомъ христіанствѣ" въ противоположность „домашнему и храмовому" христіанству, т. е. внѣшнему. „Истинная Церковь, которую проповѣдывалъ Достоевскій, говоритъ В. Соловьевъ, есть *всечеловѣческая* прежде всего въ томъ смыслѣ, что въ ней должно въ конецъ исчезнуть раздѣленіе человѣчества на соперничествующіе и враждебные между собою племена и народы. Всѣ они, не теряя своего національнаго характера, а лишь освобождаясь отъ своего національнаго эгоизма, могутъ и должны соединиться въ одномъ общемъ дѣлѣ всемірнаго возрожденія".

Всѣ религіи міра призывали къ этому всечеловѣческому единенію, надъ всѣми виталъ св. духъ единенія, духъ „Христа", и каждая религія давала, въ зависимости отъ историческаго момента и особенностей данной культуры, божественное откровеніе объ этомъ славномъ единеніи, объ этомъ рожденіи Христа грядущаго. Экзотерически всѣ религіи разныя; въ сокровенной своей глубинѣ онѣ даютъ одно и то же духовное вѣдѣніе, одну и ту же Теософію. Неисповѣдимость Первопричины, имманентность проявленнаго Бога, ученіе о духовной эволюціи и вытекающее отсюда ученіе о Богочеловѣчествѣ, таковы основы религіознаго эзотеризма всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Центральное мѣсто

въ немъ занимаетъ ожиданіе Христа, ученіе о „св. дитяти, которому суждено родиться въ сердцѣ человѣчества", о „скрытой жемчужинѣ въ глубинахъ человѣческаго сердца", о „бѣломъ лотосѣ", который „дремлетъ подъ водами Майи" и которому суждено „подняться надъ Майей" и распуститься въ цвѣтокъ божественной красоты и славы. Этотъ *цвѣтокъ*, эта *жемчужина*, это *святое дитя*, это—то высшее начало, которое уже раскрылось въ апостолахъ и пророкахъ и которое готовится къ рожденію въ душѣ всего человѣчества.

Истина многогранна и сверкаетъ въ каждомъ духовномъ движеніи, въ каждомъ искреннемъ порывѣ человѣческаго сердца. До безконечности разнообразны проявленія этихъ отдѣльныхъ лучей, но всѣ они родились изъ единаго бѣлаго Свѣта. Пока человѣчество развивало святой духъ дѣятельности и работа творческаго разума проявлялась въ созиданіи разсудочной культуры, то естественно и неизбѣжно на первомъ планѣ стоялъ духъ анализа, критицизма, самоутвержденія и обособленія. Эгоцентрическая тенденція ярко сказывалась и въ культѣ личности, и въ національнзмѣ, и въ религіозной розни. Все это проявленіе самости во всѣхъ сферахъ бытія, на всѣхъ „планахъ", по теософической терминологіи. Въ свѣтѣ Теософіи все это—явленія данной ступени, ибо въ проявленномъ мірѣ нѣтъ абсолютнаго зла и добра, а есть лишь Правда осуществляющаяся и Истина, къ которой мы двигаемся. То, что идетъ съ эволюціей—добро; то, что противится ей—зло, иного опредѣленія нѣтъ. Человѣчеству нужно было пройти черезъ періодъ крайняго обособленія и самоутвержденія, потому что въ немъ должно было во всей полнотѣ своей раскрыться личное интеллектуальное начало. Но теперь, когда человѣчество подходитъ къ поворотному пункту и вступаетъ въ новый фазисъ развитія, оно должно подняться надъ *эгоцентрическимъ* сознаніемъ и вступить въ сферу *сверхличныхъ* переживаній. Вотъ почему *синтезъ* долженъ былъ замѣнить *анализъ*; настало время привести воедино разбросанныя сокровища Добра и Красоты, собрать разсѣянные лучи божественнаго многогранника и зажечь ими ту звѣзду, которая всегда загорается на небѣ въ минуты великихъ историческихъ кризисовъ, въ часъ космическаго перелома. Такую минуту мы переживаемъ, и въ ней кроется вся сила и значеніе теософическаго движенія. Миссія Е. П. Блаватской заключалась въ томъ, чтобы установить научно-религіозный синтезъ и перебросить мостъ отъ эгоистической современной культуры къ культурѣ будущаго, постепенно преобразуя разсудочное сознаніе человѣчества въ сознаніе духовное, то, которое на Востокѣ называется „сострадательнымъ разумомъ" (Buddhi). Пламенный призывъ къ этому преображенію мы слышимъ въ ея книгѣ „Голосъ Безмолвія".

„Да внимаетъ душа твоя каждому крику страданія, подобно священному лотосу, обнажающему сердце свое, чтобы упиться лучами утренняго солнца.

„Не допускай, чтобы палящее солнце осушило хотя единую слезу страданія прежде, чѣмъ ты самъ не сотрешь ее съ очей скорбящаго.

„И да ниспадетъ каждая жгучая слеза человѣческая въ глубину твоего сердца и да пребываетъ она тамъ; не удаляй ее, пока не устранится печаль, ее родившая".

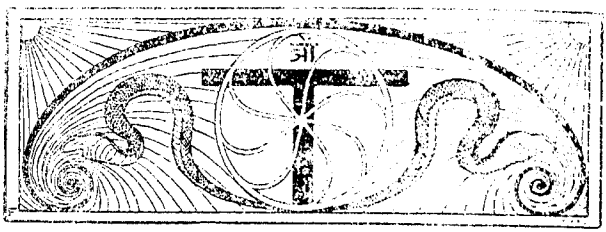
Въ этой объединяющей работѣ великое значеніе и великая заслуга Е. П. Блаватской передъ будущими поколѣніями. Сама она никогда не считала себя творцомъ своей системы; она была глубоко убѣждена, что знаніе, которое она сообщала, было знаніе міровое, хранившееся въ божественной сокровищницѣ: вселенской Теософіи. Себя она считала лишь маленькой передаточной станціей, проводникомъ Силъ высшихъ, смиренной ученицей Тѣхъ, Кого на Востокѣ принято называть „Учителями Состраданія".

Въ современной русской литературѣ не мало было споровъ о „человѣкобожествѣ" и „Богочеловѣчествѣ", при чемъ первое ставилось какъ идеалъ, выразитель современныхъ броженій; второе—какъ совершившійся историческій фактъ. Но для теософа то, что въ исторіи было исключительнымъ подвигомъ Богочеловѣка, является лишь прообразомъ того высшаго Пути, на который суждено сознательно и свободно стать всему человѣчеству. Учителя состраданія уже совершили этотъ путь; мы стоимъ на порогѣ его. И именно потому, что мы стоимъ на порогѣ, явилась въ міръ Е. П. Блаватская и создала Теософическое движеніе, которое не отнимаетъ ни у одной религіи своего вѣнца и потрясающей силой своего синтеза заставляетъ всѣхъ признать загорѣвшуюся на небѣ звѣзду духовности и всѣмъ протянуть руку, какъ братьямъ по духу, какъ дѣтямъ одного Отца. Вмѣстѣ съ vade mecum Pastoral *), Е. П. Блаватская могла бы произнести:

„Вмѣстѣ съ язычниками, поклоняющимися восходящему солнцу, и съ магометанами, молящимися съ вершинъ своихъ минаретовъ, съ евреями, обращающими всѣ молитвы къ Новому Іерусалиму, и съ христіанами, которые молятся передъ Распятіемъ, я каждое утро повергаюсь ницъ передъ зарей и громко восклицаю: „Восходящее на Востокѣ Солнце Правды, Свѣтъ міра, я поклоняюсь Тебѣ!"

Alba.

*) См. Вѣстникъ Теософіи 1908, № апрѣль, Теософія во Франціи.



Отзывы учениковъ.

Генри Олькоттъ *).

(Пожизненный президентъ Теософическаго Общества).

Никто, изъ знавшихъ Е. П. Блаватскую, не можетъ забыть ее, никто—не можетъ замѣнить ее: есть люди, которые обладаютъ нѣкоторыми изъ даровъ ея, но *всѣми* ея дарами—не обладаетъ никто. Ея жизнь, какою я узналъ ее въ теченіе послѣднихъ 17 лѣтъ, какъ другъ, товарищъ и сотрудникъ, была сплошнымъ мученичествомъ изъ любви къ людямъ. Она пылала ревностью къ ихъ духовному благу и къ ихъ духовной свободѣ и, далекая отъ какого бы то ни было эгоистическаго мотива, посвящала жизнь и силу дѣлу любви, не ожидая ни благодарности, ни награды. За это она и была преслѣдуема клеветами ханжей и фарисеевъ до самой смерти, которую они и ускорили своей злобой. И даже мертвой они не даютъ покоя, они стараются загрязнить ея прахъ, очернить ея память лживыми описаньями ея жизни. Но не удается имъ этого, слишкомъ много осталось у нея живыхъ свидѣтелей, которые готовы постоять за нее и *доказать* чистоту ея намѣреній.

Никто не можетъ сдѣлать этого съ такой полнотой, какъ я, потому что съ 1874 г. мы оставались съ ней тѣсными друзьями, жили и

*) Г. Олькоттъ былъ полковникомъ американской арміи, участвовалъ въ борьбѣ за освобожденіе негровъ, затѣмъ былъ журналистомъ, въ 1875 году вмѣстѣ съ Е. П. Блаватской основалъ Теософическое Общество, пожизненнымъ президентомъ котораго и состоялъ до своей смерти. Съ 1894 года жилъ въ Индіи въ домѣ Теософическаго Общества въ Адьярѣ. Умеръ въ 1907 году въ домѣ Теософическаго Общества въ Адьярѣ.

Е. П. Блаватская и Генри Олькоттъ.

работали вмѣстѣ и стремились къ одной цѣли. По темпераменту и свойствамъ совершенно противоположные люди, мы часто расходились съ ней въ подробностяхъ. Но въ отношеніи совмѣстной нашей работы и въ преданности нашимъ Учителямъ, мы составляли съ ней одну душу и одно сердце.

Она обладала во всѣхъ отношеніяхъ двойственной натурой, одна изъ которыхъ была мнѣ вовсе не симпатична. При постоянной своей болѣзненности и при желаніи все же соприкасаться съ людьми, она бывала раздражительна, вспыльчива, и, какъ мнѣ казалось, не всегда справедлива, но даже и въ этомъ, въ недостаткахъ своихъ, она всегда оставалось необыкновенной.

Я любилъ въ ней другое, высшее существо, которое было въ высокой степени таинственно! Не смотря на видимое полное довѣріе между нами, на 17-лѣтнюю совмѣстную жизнь и ежедневную общую работу, она оставалась для меня загадкой до послѣдняго дня жизни. Иногда мнѣ казалось, что я узналъ ее хорошо, но вслѣдъ затѣмъ я убѣждался, что въ ней таились еще болѣе глубокія глубины, которыя мнѣ были невѣдомы. Никогда я не могъ узнать, *кто* она, т. е. не Е. П. Блаватская, урожденная Ганъ, внучка генерала Фадѣева и княжны Долгорукой, но та таинственная индивидуальность, которая писала книги и совершала чудеса.

Я помогалъ Е. П. при составленіи ея первой книги: „Разоблаченная Изида", видѣлъ каждую строчку, каждое предложеніе, какъ она писала ихъ и потомъ исправляла въ корректурныхъ листахъ. Возникновеніе этой книги съ безчисленными цитатами, которыя она писала при мнѣ прямо изъ головы, было достаточно чудеснымъ, чтобы убѣдить меня въ обладаніи ею психическихъ силъ высшаго порядка.

Но она давала мнѣ и еще болѣе наглядныя доказательства. Часто, когда мы работали вдвоемъ до глубокой ночи, она иллюстрировала свои описанія скрытыхъ въ человѣкѣ и въ природѣ оккультныхъ силъ чудесами, безъ малѣйшихъ предварительныхъ приготовленій.

Когда я раздумываю объ этомъ теперь, мнѣ ясно, что у нея могла быть только одна цѣль: желая моей литературной помощи при составленіи „Разоблаченной Изиды", она хотѣла сдѣлать для меня вполнѣ понятными законы скрытыхъ силъ, которыя списывались въ этой книгѣ, и цѣлымъ рядомъ экспериментовъ доказать мнѣ, что она стоитъ на строго научной почвѣ.

При этомъ я получилъ знанія, которыя никто не могъ бы дать мнѣ, кромѣ нея. Не понятно ли послѣ этого, что всѣ вздорныя выдумки объ ея обманахъ не могли повліять на мою твердую вѣру въ несомнѣнность ея психическихъ силъ?

И что удивительнаго, если я, получавшій эти цѣнныя доказательства ея силъ чаще, чѣмъ всѣ остальные ея ученики, узнавшій черезъ нее реальность трансцендентальной физики и химіи и дѣйствительное существованіе невѣдомыхъ намъ силъ человѣческаго духа, воли и души, я, приведенный ею на свѣтлый путь истины, по которому съ тѣхъ поръ и иду съ радостью, я, которому благодаря ей досталось счастье видѣть лицомъ къ лицу Учителей Востока и говорить съ ними—удивительно ли, что я любилъ ее какъ друга, высоко цѣнилъ какъ учителя и навсегда сохраню память о ней, какъ о святынѣ!.. *)

Съ этихъ поръ нашъ дорогой другъ не видѣла больше Индіи. До самой смерти она хворала и боролась съ жестокими физическими страданіями. Но, не смотря на эти страданія, она работала, не переставая, по 12 часовъ у своего письменнаго стола. Памятниками ея трудовъ за это время, отъ 1885 г. до 1891 г., остались: 2 тома „Тайной Доктрины", „Ключъ къ Теософіи", „Голосъ Безмолвія", „Драгоцѣнные камни Востока", множество статей въ ея журналѣ „Люциферъ", который она вела и редактировала сама, ея русскія и французскія статьи въ газеты и журналы; множество неизданныхъ еще манускриптовъ для третьяго тома ея „Тайной Доктрины" и, кромѣ того, обученіе оккультной философіи, которая привлекла къ ней въ послѣднее время множество учениковъ. Не эта ли безустанная работа ума и души на пользу ближнихъ, которымъ она хотѣла передать свои знанія, называется шарлатанствомъ? Если такъ, то мы должны молить Бога, чтобы онъ посылалъ намъ чаще *такихъ* шарлатановъ. Могъ ли хотя одинъ не предубѣжденный человѣкъ допустить, чтобы та, которая обладала *такими* знаньями и способна была на *такое* самопожертвованье, могла унизиться до мелкихъ плутней, какъ ее обвиняютъ ея враги! Оставьте, Бога ради, мертвую львицу въ покоѣ и ищите для оплеванья другую, менѣе благородную могилу!..

День ея оправданія еще не пришелъ, и не мнѣ, ея ближайшему другу, достанется эта честь.

Но придетъ день, когда имя ея будетъ записано благодарнымъ потомствомъ не среди шарлатановъ и обманщиковъ, а на самой высокой вершинѣ, среди избранныхъ, среди тѣхъ, которые *умѣли* жертвовать собой изъ чистѣйшей любви къ человѣчеству!

Могучій духъ Е. П. воспламенялъ нашу вялую кровь, энтузіазмъ ея былъ неугасаемымъ пламенемъ, отъ котораго всѣ современные теософы зажигали свои факелы...

---

*) Опускаемъ исторію процесса Куломбовъ и слѣдствія Ходжсона, которыя такъ тяжело повліяли на здоровье Е. П. Блаватской, что друзья, по совѣту доктора, поспѣшили увезти ее изъ Индіи.

Гербертъ Бурроу *)

(Членъ парламента).

Чѣмъ она была для меня.

Только два года прошло съ того момента, какъ я ее узналъ. Но эти два года были для меня такъ полны, что кажется мнѣ—цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ, какъ я впервые увидѣлъ ее. Если вѣрно, что жизнь человѣческая должна измѣряться по періодамъ духовнаго развитія, то время, съ того дня какъ я первый разъ пожалъ руку Е. П. Блаватской и до той минуты, какъ я помогалъ убирать ея гробъ пальмами ея любимаго Востока, были для меня богаче, содержательнѣе и длиннѣе цѣлой человѣческой жизни. Я пришелъ къ ней матеріалистомъ, а ушелъ—теософомъ; черезъ *эту* пропасть она съумѣла построить мостъ въ моей душѣ.

Она была моей духовной матерью, и не могло быть матери болѣе любящей, терпѣливой и нѣжной.

Я и г-жа А. Безантъ были въ то время заняты проблеммами жизни и духа, рѣшить которыя наше матерьялистическое міровоззрѣніе было безсильно, и мы оба искали иного свѣта. Мы слышали о Е. П. Блаватской, но, пріученные къ скептицизму и строгой критикѣ долгими годами политической жизни, воспитавшіе въ себѣ потребность въ строгихъ доказательствахъ относительно всего, что лежало внѣ сферы нашего опыта, Теософія казалась намъ не только чуждой, но и вполнѣ недоступной областью. Но—кончилось тѣмъ, что мы пошли къ Е. П.; нѣсколькихъ бесѣдъ съ ней было достаточно, чтобы для меня засвѣтился новый свѣтъ: она ввела меня въ духовный міръ, показала мнѣ силу истиннаго самоотверженія и дала послѣдовательную жизненную философію, цѣльное знаніе человѣка и его связи съ духовнымъ міромъ. Вотъ *что* привлекало меня къ ней, а вовсе не ея чудотворныя силы, которыхъ я лично даже и не видалъ. Но въ первый разъ, въ теченіе всего моего духовнаго развитія, я нашелъ въ ней учителя, который сумѣлъ разрозненныя нити моего мышленія соединить въ ясную и цѣльную ткань.

Она не выносила, когда ее хвалили, и единственный недостатокъ, который я лично нашелъ въ ней, это—ея вспыльчивость, которая по

*) Членъ парламента, рабочій, работавшій съ г-жей А. Безантъ въ періодъ ея бурной общественной дѣятельности и вмѣстѣ съ нею примкнувшій къ теософическому движенію;—живетъ въ Лондонѣ.

временамъ вырывалась у нея, подобно вихрю или циклону. Но и этимъ она овладѣла къ концу жизни. Въ ней все было—искренность и правда. Ея полное равнодушіе къ условностямъ и внѣшнимъ формамъ происходило отъ полноты ея духовнаго вѣдѣнья.

Я хорошо сознаю, что все, что я сказалъ, и несовершенно, и недостаточно. Истинная Е. П. показывалась намъ только изрѣдка и случайно, и единственный ключъ къ пониманію этой необыкновенной натуры—въ томъ живомъ примѣрѣ, который она давала намъ своей самоотверженной жизнью. Жизнь эта научила насъ видѣть цѣль не въ личномъ благѣ, а въ служеніи міру, въ служеніи безъ ропота, до самаго конца.

Анни Безантъ.

(Президентъ Теософическаго Общества).

Какъ я ее знала.

> Умѣнье переносить—величайшая изъ способностей; умѣнье терпѣть—даръ благородной души.

Умѣнье переносить тяжелое безъ ропота, умѣнье терпѣть—было главной способностью Е. П. Блаватской, какою я узнала ее въ послѣдніе годы ея жизни. Самой выдающейся чертой ея характера была сила, устойчивая, твердая, какъ скала.

Я знала слабыхъ людей, которые жаловались на ея суровость, но я видѣла ее въ присутствіи злѣйшаго ея врага, пришедшаго къ ней въ минуту нужды, и видѣла, какимъ неземнымъ свѣтомъ состраданія освѣтилось все лицо ея. Суровость, которая можетъ быть въ то же время такъ мягка и нѣжна,—и есть то свойство, котораго недостаетъ нашему разслабленному Западу.

Ея терпимости къ мелочамъ и къ внѣшнимъ проявленіямъ—не было границъ; за то въ вопросахъ важныхъ она была неуклонна и опредѣленна, какъ никто.

Если бы враги ея знали, *что* они закидываютъ грязью! Такое тонкое чувство чести, какое было у нея, нужно искать въ тѣхъ мечтахъ, которыя создаютъ образъ „рыцаря безъ страха и упрека"... Ея правдивость и чистота ея намѣреній были поразительны, и въ то же время сила ея характера не поддавалась никакимъ ударамъ судьбы. *Ее*—обвиняютъ во лжи! Могла ли она унизиться, когда для нея было рѣшительно все равно, *что* про нее говорятъ, и всѣ внутренніе мотивы,

которые заставляютъ обыкновенныхъ людей прибѣгать ко лжи—были уже давно пережиты ею...

Ее обвиняли въ томъ, что ея сила идетъ изъ нечистаго источника; въ такомъ случаѣ Нечистый долженъ былъ сильно обѣднѣть, потому что служеніе ея плохо оплачивалось. Она была такъ бѣдна, что постоянно нуждалась въ деньгахъ, а когда деньги были—они немедленно исчезали. Щедрость ея была воистину царская; все, что у нея было: вещи, деньги, платье, все отдавалось первому встрѣчному, находившемуся въ нуждѣ.

Въ ея натурѣ преобладали мужественныя свойства: прямая, опредѣленная, быстрая, съ сильнымъ хотѣньемъ, свѣтлая, живая, свободная отъ желчи и отъ всякой мелочности,—въ ней не было ни одной черты обыкновенной женщины.

Всегда она разсуждала съ высшей точки зрѣнія, была снисходительна и терпима къ чужой мысли и къ чужому характеру и не обращала вниманія на внѣшнее человѣка, если внутри у него все было въ порядкѣ.

Мнѣ лично она принесла великую пользу, приведя меня къ самопознанію. Мнѣ всегда казалось забавнымъ, когда говорили о ея способности ошибаться въ людяхъ и довѣрять такимъ, которые впослѣдствіи обманывали ее. Они не понимали, что она считала долгомъ давать каждому человѣку случай къ исправленію и нисколько не интересовалась тѣмъ, что, въ случаѣ неудачи, она можетъ оказаться въ неудобномъ положеніи. Я наблюдала ее въ сношеніяхъ съ людьми, искавшими только ея феноменовъ, приходившими къ ней съ нечистыми мотивами; она говорила съ ними такъ же непринужденно и искренно, какъ съ своими друзьями, но я замѣчала при этомъ, съ какимъ проникновеннымъ выраженіемъ она вглядывалась въ такого человѣка и съ какимъ грустнымъ вздохомъ отводила отъ него глаза, когда убѣждалась въ его неискренности.

Если же кто искренно искалъ самаго труднаго изъ всѣхъ познаній—*самопознанія*, тогда она приходила къ нему на помощь съ своимъ рѣдкимъ даромъ проникновенія, предупреждала его относительно скрытыхъ опасностей, обращала его вниманіе на затаенныя черты, распутывала перекрещивающіяся нити плохо понятыхъ свойствъ и ошибокъ и поддерживала ученика самымъ дѣятельнымъ образомъ въ его усиліяхъ познать самого себя. Мнѣ самой она помогла разобраться въ себѣ и всѣмъ, кто умѣлъ безъ обидчивости переносить ея рѣдкую наблюдательную и критическую проницательность, она приносила великую пользу.

Какъ учительница, Е. П. никогда не была дидактична; она умѣла вызывать къ дѣятельности собственную мысль ученика и давала ей

только направленіе. Она учила съ успѣхомъ лишь тѣхъ, кто былъ способенъ войти съ ней въ духовную связь и кто могъ самъ воспол-нять пробѣлы, которые возникали благодаря ея пріему давать свои поученія въ смѣлыхъ широкихъ чертахъ.

Если такая духовная связь завязывалась, Е. П. давала ученику безконечную полноту знаній и богатство мыслей. При поверхностномъ отношеніи къ ея мыслямъ, онѣ часто казались оторванными и нагро-можденными одна на другой, но при дальнѣйшей переработкѣ онѣ явля-лись, какъ звенья одной непрерывной цѣпи, изъ которыхъ однѣ были ярче освѣщены, другія же—оставались въ тѣни; и если ученикъ былъ способенъ освѣтить и то, что оставалось въ тѣни, своимъ собствен-нымъ сознаніемъ,—въ такомъ случаѣ уроки Е. П. приносили ему ве-личайшую пользу.

Но если учащійся не былъ способенъ отозваться на ея мысль, если ея быстрые и сильные удары не были способны извлечь искру изъ его ума, въ такомъ случаѣ Е. П. оставалась для него загадочной, темной, запутанной, и онъ оставался столько же неудовлетвореннымъ ею, сколько она чувствовала себя безнадежной относительно него.

Графиня Вахтмейстеръ *)

Кто зналъ Е. П. Б. ближе, тотъ испыталъ на себѣ очарованіе ея личности, ея удивительной сердечной доброты. Иногда она радовала всѣхъ окружающихъ своимъ дѣтски-веселымъ настроеніемъ и тогда на ея лицѣ свѣтились и сверкали радость и остроуміе, какихъ я никогда не видала на другомъ человѣческомъ лицѣ, и тогда она завоевывала всѣ сердца, какъ бы въ бурномъ порывѣ.

Замѣчательно, что она съ каждымъ была другая: никогда я не видала ее одинаковой съ двумя разными людьми. Она немедленно за-мѣчала слабыя стороны человѣка и удивительно умѣла испытывать ихъ... Кто былъ съ ней часто, тотъ постепенно пріобрѣталъ даръ само-познанія...

Въ 1885 году я посѣтила Е. П. въ Вюрцбургѣ. Я нашла ее сла-бой, страдающей тѣломъ и духомъ и утомленной; она сознавала, какъ

---

*) Жена шведскаго посланника, одна изъ первыхъ ученицъ Е. П. Блаватской. Живетъ въ настоящее время въ Лондонѣ.

необъятна ея задача и какъ трудно найти людей, которые согласились бы пожертвовать собой для великой цѣли.

Когда я спрашивала ее: *почему* она продолжаетъ страдать, когда въ ея распоряженіи всѣ. средства, чтобы облегчить свои страданія? Почему, работая надъ такимъ важнымъ трудомъ (она писала тогда „Тайную Доктрину"), который требуетъ спокойствія и здоровья, она пальцемъ не пошевелитъ, чтобы улучшить условія своей жизни и прогнать слабость и физическую боль, которыя каждаго, кромѣ нея, давно бы довели до полнаго изнеможенія?

Отвѣтъ ея на такіе вопросы былъ всегда одинъ и тотъ же: „Каждый ученикъ оккультизма даетъ торжественное обѣщаніе *никогда* не употреблять полученныя знанія и силы для своего *личнаго* блага. Сдѣлать это все равно, что ступить по крутому спуску, который ведетъ въ пропасть... Я дала этотъ обѣтъ и никогда не нарушу его, потому что знаю его святой смыслъ... И гораздо легче для меня перенести всевозможныя мученія, чѣмъ нарушить его. И не только тѣлесныя мученія, но и гораздо болѣе тяжелую нравственную пытку: быть посмѣшищемъ и предметомъ поруганія".

Въ этихъ словахъ не было и тѣни преувеличенія. Въ нее, стоявшую всегда впереди всѣхъ въ Теософическомъ Обществѣ, попадали всѣ ядовитыя стрѣлы насмѣшки и клеветы, какъ въ живой щитъ, который принималъ на себя *всѣ* удары и прикрывалъ собой всѣхъ слабыхъ и споткнувшихся. Она была, такъ сказать, добровольная жертва, на незаслуженныхъ мученіяхъ которой строилась и крѣпла жизнь и успѣхъ Теософическаго Общества. Немногіе знаютъ это. Только тѣ, которые какъ я, день за днемъ, жили съ ней, которые видѣли ея постоянныя тѣлесныя страданія и нравственныя муки, переносимыя ею съ такимъ мужествомъ и непобѣдимымъ терпѣніемъ, и которые въ то же время могли наблюдать за ростомъ и успѣхомъ Общества, возникшаго единственно благодаря ея великой душѣ, только они поймутъ, какъ великъ нашъ долгъ передъ ней и какъ мало сознается этотъ долгъ...

Чарльзъ Джонстонъ *).

Первое мое впечатлѣніе отъ Е. П. Блаватской было впечатлѣніе необыкновенной силы, и это впечатлѣніе все расло. Нашъ первый раз-

*) Американскій писатель, работающій надъ религіозно-философскими вопросами. Переводчикъ Упанишадъ и авторъ многихъ талантливыхъ статей по Теософіи. Онъ женатъ на племянницѣ Е. П. Блаватской, Вѣрѣ Владиміровнѣ, которая издаетъ Теософическій журналъ „Quarterly" въ Нью-Іоркѣ.

говоръ шелъ о ничтожествѣ матеріалистическаго міровоззрѣнія и не столько ея рѣчи убѣждали меня, сколько впечатлѣніе, что передо мной воистину безсмертный духъ, однимъ своимъ присутствіемъ разрушающій отрицаніе духовной жизни.

Это чувство ея силы нисколько не давило и не унижало слабыхъ, это было впечатлѣніе глубины и такого размѣра души, который охватываетъ всякую суть до самаго первоисточника.

Это первое впечатлѣніе силы постепенно смягчалось ея удивительной сердечной добротой, всегда готовой забыть себя и отдаться нуждающемуся.

Всѣ, кто когда либо поднимались по дикой горной тропинкѣ, знаютъ какъ ускользаетъ величіе горъ и глубина долинъ отъ вниманія путника, прикованнаго къ ближайшимъ деревьямъ, птицамъ и цвѣтамъ, пока онъ не поднимется на самую высоту, откуда его взору сразу откроется вся необъятная ширина пейзажа.

Такія поразительныя минуты подъема на духовныя высоты я испытывалъ часто въ присутствіи Е. П., хотя во время самой бесѣды очарованіе ея личности заставляло временно думать, что находишься въ присутствіи *только* привлекательной собесѣдницы.

Съ непреодолимой силой и энергіей утверждала она существованіе безсмертнаго духа и учила реальности духовнаго міра, сама проявляя такія свойства, какихъ я не могъ себѣ даже представить у смертнаго человѣка. Съ небывалой мощью возставала она противъ темной тучи зла и невѣжества, окутывающей со всѣхъ сторонъ земную жизнь; проломъ, который сдѣланъ ею въ этой свинцовой тучѣ, проломъ, показавшій намъ сіяющій свѣтъ въ небесахъ, доказываетъ, съ *какой* силой наносила она свои удары. Для нея былъ единственнымъ обязательнымъ закономъ дѣйствительность духовной природы; деспотизму физической природы она не подчинялась никогда.

Ничему изъ всѣхъ ея необыкновенныхъ свойствъ я такъ не удивлялся, какъ ея глубокому смиренію, ея постоянной готовности радоваться достоинствамъ въ другихъ и всегда забывать свои собственные великолѣпные дары. Е. П. Б. была похожа на горный потокъ, вытекающій изъ глубокаго свѣтлаго озера, скрытаго за облаками и несущаго богатства заоблачныхъ сферъ въ земныя долины. Вмѣстѣ съ водой, быстрый потокъ свергаетъ съ горныхъ высотъ зерна золота и драгоцѣнныхъ камней и разсыпаетъ ихъ по пескамъ долины. Находя эти драгоцѣнности, жители долинъ начинаютъ вѣрить, что тамъ, на горахъ, много сокровищъ и до самой смерти стремятся къ нимъ...

Бертрамъ Китлей *).

Что она для меня сдѣлала.

Съ первой минуты, когда я взглянулъ въ ея глаза, я почувствовалъ къ ней безграничное довѣріе и никогда это чувство не покидало меня; наоборотъ, оно все болѣе расло и становилось все могущественнѣе по мѣрѣ того, какъ я узналъ ее ближе.

Благодарность моя къ ней за то, *что* она сдѣлала для меня, такъ велика, что потребовалось бы нѣсколько жизней, полныхъ безграничной преданности, чтобы заплатить ей мой долгъ.

Выступивъ въ жизнь съ скептическимъ умомъ конца 19 стол., отвергавшимъ все, что не могло быть доказаннымъ, въ особенности религіозное представленіе о безсмертіи души, вооруженный только той моралью, которую мы получаемъ въ хорошо воспитанной семьѣ, съ неясными мечтами объ альтруизмѣ, которыя безпощадная логика матеріализма постепенно выѣдала изъ моего сердца, что выработалось бы изъ меня? Конечно—величайшій эгоистъ.

До того, какъ я узналъ ее, жизнь не имѣла для меня никакой идеальной цѣли: полное уничтоженіе, которое видѣлось въ концѣ міроваго процесса, убило во мнѣ всякое благородное стремленіе... Я видѣлъ только безсмыслицу и безцѣльность міровой борьбы.

Я видѣлъ земную жизнь, окруженную со всѣхъ сторонъ мучительными сфинксами, угрожающими поглотить ту расу, которая не сумѣетъ разгадать ихъ темный смыслъ. Я видѣлъ, какъ лучшія наши намѣренія вызывали зло вмѣсто добра, я видѣлъ, какъ густая тьма окутываетъ насъ. Гдѣ было искать свѣта?

Изъ этого состоянія вывела меня, какъ и многихъ другихъ, Е. П. Блаватская своими ученьями, а еще больше—полнымъ могучей силы примѣромъ своей личной жизни.

Она указала намъ мерцающій свѣтъ звѣзды, который освѣтилъ нашъ жизненный путь, она научила тѣхъ, кто умѣлъ слушать, *какъ* отыскать лучи этого свѣта внутри себя, указала дорогу, направленіе и опасности этой дороги, заставила насъ признать, что только тотъ, кто умѣетъ забывать себя и любить, найдетъ ключъ къ пониманію запутаннаго лабиринта жизни, потому что только при этомъ условіи

*) Живетъ въ Индіи и продолжаетъ быть ревностнымъ поборникомъ Теософіи. Много пишетъ, читаетъ лекціи. Подробная его біографіи въ Theosophist (сентябрь, 1909 года).

начинаетъ расти духъ и сердце человѣка, и сознаніе его способно наполниться мудростью.

Вотъ чему научила насъ Е. П. Не достойна ли она за это высочайшаго почитанія?

Говоря о ней, я не въ состояніи выразить мои болѣе глубокія чувства... Только равное ей по силамъ существо могло бы начертить ея вѣрный образъ, передать ее такою, какой она была для насъ и какъ вѣрный другъ, и какъ мудрый учитель, и какъ любящая мать. Но не смотря на всю свою любовь, она никогда не колебалась употребить въ дѣло ножъ хирурга, когда того требовала наша польза; проницательная, она всегда безошибочно узнавала слабости своего ученика и вылѣчивала ихъ.

Ежечаснымъ примѣромъ она зажигала душу того, кого хотѣла возвысить до высокаго сознанія долга и самоотверженнаго служенія истинѣ.

Одна изъ самыхъ ея поразительныхъ чертъ была удивительная сердечная простота; она была въ полномъ смыслѣ слугой каждаго человѣка, который искренно искалъ ея помощи.

Даже самые ожесточенные ея враги—обратись они къ ней въ нуждѣ—нашли бы у нея помощь... Я увѣренъ, что она сняла бы платье съ себя, отвела бы кусокъ отъ своего рта, чтобы одѣть и накормить злѣйшаго изъ враговъ своихъ.

Ей и прощать не приходилось, потому что всякая злоба была также далека отъ нея, какъ далеко отъ земли до небесной звѣзды.

А безкорыстно работать она умѣла *такъ*, что этимъ однимъ воспитывала душу и волю окружающихъ.

Я *не могу* выразить словами всей глубины моей благодарности, да и не нужно словъ: ученики ея должны доказать свою благодарность на дѣлѣ.

Она хотѣла, чтобы не разрывалась цѣпь любви, связывающая насъ, и чтобы мы помогали другимъ, какъ она помогала намъ: будемъ же бодры и дѣятельны и распространеніе того свѣта, который она принесла намъ, будетъ лучшимъ памятникомъ для почившаго нашего учителя.

Вильямъ Кингсландъ *).

Чему она насъ учила.

Много людей испытывали притягательную силу Е. П. Блаватской; на однихъ дѣйствовала ея сила, другихъ привлекалъ ея необыкновенный умъ, третьихъ—ея даръ обаятельной бесѣды.

Но меня притягивало къ ней иное: благая вѣсть, которую она намъ принесла, заставила меня полюбить ее, и я смотрѣлъ на Е. П. не только, какъ на друга и учителя, но и какъ на нѣчто безконечно болѣе высокое.

И я попробую, хотя слабо, выразить то, что она ставила передо мной и передъ многими другими, какъ цѣль стремленій, и что насъ соединило съ ней связью, которую не разорветъ никакая смерть.

Прежде всего и впереди всего она научила насъ понимать *цѣль жизни*. Я хочу этимъ сказать, что она показала намъ истинную цѣну временной жизни и пробудила въ насъ вѣру въ жизнь вѣчную. Кто проникнется сознаніемъ, какъ обманчива временная жизнь, тотъ начинаетъ черпать свое вдохновеніе изъ источника гораздо болѣе глубокаго, чѣмъ міръ внѣшнихъ формъ. Безъ нея мы всѣ бродили въ потемкахъ и не видѣли въ жизни ничего, кромѣ безнадежной загадки. И она не только дала намъ новую философскую систему, она сдѣлала гораздо больше: тѣ нити, которыя тянутся назадъ въ прошлое, и впередъ, въ будущее, и которыя мы не могли уловить, она собрала ихъ воедино, показала намъ узоръ, который возникаетъ отъ перекрещиванія этихъ нитей и разъяснила, для какой благой цѣли совершается эта ткань.

Она давала намъ Теософію не какъ ученіе, не какъ религію, философію или гипотезу, а какъ живую силу, которая должна проникать въ самыя нѣдра нашей жизни.

Благая вѣсть, передаваемая міру, должна неминуемо облечься въ рядъ ученій и получить внѣшнюю форму. Но не внѣшнему учила она насъ; она заставляла насъ видѣть далѣе формы и дѣлать побужденіемъ для нашей дѣятельности живой принципъ. Она понимала подъ Теософіей безконечно болѣе того, что изложила въ своихъ книгахъ. Ближе всего къ ея духу стоитъ „Голосъ Безмолвія“, но и эта

*) Живетъ въ Лондонѣ; продолжаетъ работать, издавая свои книги и статьи по вопросамъ Теософіи. Только что вышла его книга: „The Gospel of Rightousness“ (Евангеліе праведности).

книга не выражаетъ всего, что она могла передать, если бы умѣли слушать ее.

Основная нота всѣхъ ея ученій и всей ея жизни—*самопожертвованіе.*

Вотъ что говоритъ „Голосъ Безмолвія": „Остановись ученикъ и и послушай еще одно слово. Можешь ли ты вырвать изъ своего сердца божественное состраданіе? Состраданіе не качество; оно законъ изъ законовъ, вѣчная гармонія, самъ Богъ (Alaya's Self); безграничная вселенская сущность, свѣтъ пребывающей правды, ладъ всѣхъ вещей, законъ вѣчной любви".

„Наклони свою голову и слушай всѣми силами, о Бодисаттва—состраданіе говоритъ: можетъ ли быть блаженство, когда все, что живетъ, должно страдать? Согласишься ли ты спастись, пока въ ушахъ твоихъ раздается крикъ міровой скорби"?

И если теософическія ученія говорятъ намъ о Девакане и о Нирванѣ, объ отдыхѣ для усталаго, измученнаго бурями жизни странника, и о конечномъ блаженствѣ, которое выше всякаго представленія,—тѣмъ, кто можетъ вмѣстить, они говорятъ еще больше: трижды великъ тотъ, кто поднялся по крутой тропинкѣ Aryahata, но еще больше тотъ, кто отстранилъ отъ себя заслуженную награду и жертвуетъ собой до самаго конца.

Подъ Теософами понимаютъ обыкновенно людей, вѣрящихъ въ перевоплощеніе и карму. Но Е. П. никогда не соединяла съ этимъ словомъ ограниченнаго смысла. Она не разъ указывала намъ на людей, которые не только не примыкали къ теософическому движенію, но даже были его противниками; *на нихъ* она указывала, какъ на истинныхъ теософовъ. Она давала свои ученія для того, чтобы люди могли освободиться изъ подъ власти внѣшнихъ формъ, жили духовно, видѣли въ человѣкѣ брата и искали общенія съ Богомъ. Удивительно—ли, что она, такъ пламенно вѣрившая въ божественную природу человѣка и въ божественный законъ любви, относилась съ такимъ презрѣніемъ къ матеріализму и всякой догматической узости?

И она пожала неизбѣжную мзду: непонятая, оклеветанная и опозоренная, она вела жизнь героя и умерла, какъ мученица.

Такъ она учила насъ Теософіи не словами, а примѣромъ. Она сама была величайшимъ изъ теософовъ не потому, что создала теософическое движеніе и принесла міру сокровища древней Мудрости, а потому, что способна была на великое самоотреченіе.

Кэмпбель феръ Планкъ *).

Вліяніе Е. П. Б. на разстояніи.

Въ первый разъ я узналъ ея имя изъ отчетовъ „Общества для Психическихъ Изслѣдованій". Эти отчеты вызвали во мнѣ два впечатлѣнія. Одно—о полной недоступности ея ученія для меня; мои предки въ теченіе многихъ поколѣній были юристы и у меня глубоко вкоренилась привычка къ очевидностямъ и къ вещественнымъ доказательствамъ. Другое впечатлѣніе шло отъ ея личности. Читая отчеты, я не могъ не увидать, *какая* это сила. Эта сила и энергія ея характера поразили мое воображеніе и я захотѣлъ услыхать ученіе женщины, которая не только одолѣла преслѣдованія и трудности всякаго рода, но и пересилила самое смертоносное орудіе нашего вѣка: насмѣшку, презрительный хохотъ, раздавшійся въ двухъ частяхъ свѣта.

Въ тотъ же вечеръ я отправился въ частное собраніе, гдѣ А. Гебхардъ читалъ рефератъ о Теософіи.

Все, что я узналъ тогда, до того озарило мой внутренній міръ, что я вернулся домой потрясеннымъ, всѣ мои мысли были заняты услышаннымъ и меня перестало мучить любопытство относительно загадочной личности Е. П. Блаватской.

Только позднѣе, когда новое ученіе—путеводная звѣзда и утѣшеніе моей жизни—раскрывалось передо мной все полнѣе и шире, я открылъ въ своемъ сердцѣ глубокую, прямо пламенную благодарность къ вѣстнику, который на все дерзнулъ, все перенесъ, чтобы дать намъ благо истиннаго свѣта. Она сдѣлалась моей матерью, моей благодѣтельницей, моимъ руководителемъ.

Желаніе выразить ей чѣмъ либо мою безграничную благодарность превратилось въ потребность подражать ей, слѣдовать за ней, работать по мѣрѣ силъ, чтобы тотъ хлѣбъ жизни, который она давала мнѣ, давать и другимъ голоднымъ.

Мнѣ казалось,что между ею и мной, жившими на противоположныхъ концахъ земного шара, нѣтъ разстоянія, что великая волна ея духовной дѣятельности захватила и меня, и я чувствую ее.

Только тотъ, кто испытывалъ на себѣ такое вліяніе, можетъ понять, какъ великъ подъемъ энергіи, который происходитъ отъ соприкосновенія съ великой душой.

---

*) Членъ Американской Секціи Теософическаго Общества.

Только позднѣе, читая злобныя нападки ея враговъ, ко мнѣ вернулось съ прежней силой желаніе разгадать ее и оправдать, но не передъ свѣтомъ, а въ собственномъ умѣ, т. е. отнестись къ ней *сознательно*. Разгадать ее я могъ только однимъ способомъ, ища разъясненія ея личности въ ея ученіи. Ибо по законамъ духа, гдѣ единство представляетъ законъ изъ законовъ, вѣсть и вѣстника нельзя отдѣлять. Конечно, можно учить истинѣ и самому не слѣдовать истинѣ, но никто не можетъ передать истину такъ, чтобы она вызывала въ другихъ живые плоды, если онъ самъ не сдѣлался частью этой истины. Нельзя давать того, чего у самого нѣтъ.

Она всегда дѣйствовала въ высшей области, мы же судили ее здѣшней мѣрой, отсюда всѣ ошибочныя заключенія. Но когда я брался судить ее съ высшей точки зрѣнія, я ни разу не нападалъ на противорѣчія, и если я не могъ слѣдовать за ея могучей природой, я все же ясно различалъ, что съ ея свойствами можно существовать только жить согласно съ духовнымъ закономъ и невозможно жить, становясь въ противорѣчіе съ нимъ.

Я никогда не видалъ ее, ни разу не заглянулъ въ ея глаза. Слова не могутъ выразить моего сожалѣнія; но она писала мнѣ изъ собственнаго побужденія какъ человѣкъ, который хочетъ навѣстить тоскующаго въ отдаленіи друга.

Тонкій ароматъ ея души достигалъ къ намъ черезъ океаны и оживлялъ каждое въ созвучіи бившееся сердце, укрѣплялъ наши силы, зажигалъ въ насъ отвагу. Мы, которые знаемъ ея вліяніе на нашу жизнь, можемъ только улыбаться, слушая ея враговъ. Никогда она не могла бы вызвать въ насъ стремленіе къ истинѣ и къ добру, если бы сама была далека отъ нихъ.

Приведу слова одного человѣка, который жилъ съ ней вмѣстѣ: „что бы ни говорили о ея личности, я лучшей не зналъ. Въ ней была крѣпость и достоинство древняго Друида и лучше всего ее опредѣляетъ девизъ Друидовъ: „за истину—противъ всего міра". Хотя я не зналъ ее во плоти, но она одна изъ всѣхъ вождей человѣчества дала мнѣ истинное познаніе и научила меня стоять за правду передъ лицомъ всего міра. Душа, которая способна сотворить такое изъ далека, не можетъ быть зависимымъ лучемъ, она—одинъ изъ тѣхъ большихъ свѣтовыхъ центровъ, которые никогда не умираютъ, хотя бы мы нѣкоторое время и называли ее по невѣдѣнью „Еленой Блаватской".

Раи Б. К. Лахири *).

Мнѣніе Индуса, Брамана, написанное во время нападокъ на нее по поводу процесса Куломбъ.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Е. П. Блаватская обладаетъ чудесными тайными силами, которыя она могла получить только преодолѣвъ безконечно великія трудности. Нѣтъ ничего труднѣе въ наше время въ Индіи, какъ найти настоящаго Іога и сумѣть получить отъ него его знанія, тѣмъ болѣе эта трудность непреодолима для женщины изъ расы варваровъ (Mlechcha). Но что ей удалось,—*какъ*, я не знаю—овладѣть ключемъ къ истинной Индусской философіи и къ тайному ученію Будды, для меня—несомнѣнно.

Съ членами Теософическаго Общества Индіи, Англіи и Америки я не знакомъ, но Е. П. Б. знаю хорошо. Я не русскій, не англичанинъ и не американецъ и не имѣю никакого земного побужденія говорить о комъ либо злое или хорошее, если я въ томъ не убѣжденъ.

А если подумаютъ о томъ, что я—Индусъ и притомъ Браманъ высшей касты, то ясно, что ничто, кромѣ истины, не могло заставить меня сказать слово въ пользу личности, которая высокія ученія моихъ предковъ выдаетъ тѣмъ, кто, не смотря на всю науку и цивилизацію, все же—насквозь варвары.

Но кто называетъ Е. П. Б. обманщицей, тотъ не понимаетъ, что говоритъ.

Я бы отдалъ *все* въ жизни тому, кто научилъ бы меня *такъ* обманывать.

И неужели людямъ Запада недостаточно, если гордый Браманъ, который никогда, ни передъ кѣмъ не склонялъ головы, кромѣ Высшаго Существа, если онъ передъ этой бѣлой Іогиней Запада складываетъ руки, какъ послушное дитя?

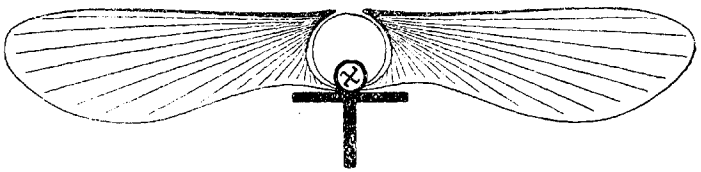
Что же побуждаетъ его къ этому?

То, что въ нашихъ глазахъ она болѣе не женщина варваровъ; она переступила порогъ и каждый Индусъ, даже чистѣйшій изъ чистѣйшихъ Брамановъ, сочтетъ для себя честью и радостью назвать ее матерью.

Легко завидовать пріобрѣтенному могуществу, но трудно, безконечно труднѣе, чѣмъ я могу это выразить, — пріобрѣсти такое могущество.

---

*) Раи Лахири сталъ впослѣдствіи членомъ Т. О-ва и долго въ немъ ревностно работалъ. Одно время онъ былъ членомъ Совѣта.



По поводу Елены Петровны Блаватской *).

(Летучія мысли по Теософіи).

Джорджа Мида.

Любящихъ меня я (мудрость) люблю, и ищущіе меня найдутъ меня.

Притчи Соломона VIII, 17.

Гдѣ есть тайна, тамъ предполагается обыкновенно и зло.

Байронъ.

Обратимся мысленно къ той женщинѣ, безъ которой не было бы—по всей вѣроятности—никакого теософическаго движенія, какъ мы понимаемъ его. Разсмотримъ легкомысленно задаваемый вопросъ: „Вѣрите ли вы въ Блаватскую"?

Для меня этотъ вопросъ звучитъ странно, и даже—если позволено такъ выразиться—вульгарно. „Блаватскую"? Никто изъ знавшихъ ее не позволялъ себѣ называть ее такъ безцеремонно. Даже для своихъ враговъ она была при жизни *Madame Blavatsky*, или по крайней мѣрѣ H. P. Blavatsky; тогда какъ для друзей и почитателей она была *Hèlèna Petrovna* или *H. P. B.* (Эчъ Пи Би), или „Старая Лэди", что дало поводъ одному изъ моихъ друзей съострить, что было бы крайне неудобно, если бы *она* была *онъ* **).

Когда такой несообразный вопросъ предлагается намъ, какимъ образомъ мы, близко знавшіе ее, можемъ отвѣчать на него, оставаясь вполнѣ добросовѣстными и одинаково далекими какъ отъ слѣпого

*) Эта статья помѣщена въ „Theosophical Review", Апрѣль, 1904 г.

**) Игра словъ, основанная на томъ, что англичане даютъ названіе *Old Gentleman* сатанѣ.

Прим. перев.

предубѣжденія, которое, воображая себя непогрѣшимымъ, выкрикиваетъ какъ попугай: „обманщица! фокусница"! такъ и отъ еще болѣе непріятнаго—лично для меня—слѣпого обожанія, которымъ одно время отличались многіе теософы, создавшіе нѣчто вродѣ священнаго клича: „Эчъ-Пи-Би сказала"! Было время, когда эта „мантра" являлась спасеніемъ отъ всякаго зла и разрѣшеніемъ самыхъ сложныхъ проблемъ. Къ счастью, этотъ видъ уклоненія отъ здраваго смысла сошелъ уже давно со сцены.

Единственный отвѣтъ, который большинство изъ современныхъ членовъ Теософическаго Общества могло бы дать на подобный вопросъ, можно выразить приблизительно такъ: „Мы никогда не знали госпожу Блаватскую лично, а въ виду совершенно противорѣчивыхъ заявленій со стороны ея друзей и враговъ нельзя и ожидать, чтобы мы могли правильно отвѣтить на вопросъ, который сбивалъ съ толку даже самыхъ интимныхъ ея друзей, и разрѣшить загадку, столь же непостижимую, какъ тайна древняго сфинкса. Мы знаемъ одно, что несмотря на нелѣпыя обвиненія и оскорбленія, которыми въ теченіи почти четверти вѣка забрасывали имя этой женщины, основы Теософіи стоятъ такъ же непоколебимо, и это потому, что они совершенно не зависятъ отъ г-жи Блаватской. Насъ интересуетъ Теософія, а Теософія сохранила бы неизмѣнно и свою силу, и свою благую помощь, осталась бы неистощимымъ родникомъ для изученія и благороднѣйшимъ изъ всѣхъ путей, если бы даже оказалось возможнымъ—чего не случилось—доказать, что Елена Петровна Блаватская была тончайшая фокусница и величайшая обманщица своего вѣка.

Загадочность Е. П. Б. для всѣхъ, кто ее зналъ даже самымъ интимнымъ образомъ, не разрѣшима, какъ въ этомъ можетъ убѣдиться каждый читатель, который захотѣлъ бы познакомиться съ объективнымъ и вполнѣ правдивымъ отчетомъ, даннымъ ея ближайшимъ многолѣтнимъ сотрудникомъ Генри Олькоттомъ въ его дневникѣ *Old Diary Leaves*. Никто не давалъ такого вѣрнаго портрета Е. П. Б. какъ нашъ президентъ; это—отчетъ безусловно честный, ничего не скрывающій, рисующій смѣлыми линіями образъ той, которая для меня лично была соединеніемъ самыхъ необъяснимыхъ противорѣчій. И несмотря на это, я любилъ это поражающее смѣшеніе мудрости и безумія; этого сфинкса, любившаго прикрываться веселой шуткой, этого энергичнаго піонера истинно духовнаго движенія, которая съ виду такъ мало была способна на такую роль, не только по той радости, съ которой она переступала черезъ всѣ границы общественныхъ условностей, но и потому, что весь ея обликъ рѣзко противорѣчилъ всѣмъ установленнымъ признакамъ духовнаго учителя; я любилъ эту удивительную натуру, приводившую

порой въ отчаяніе самыхъ преданныхъ своихъ друзей и, несмотря на это, остававшуюся для меня самымъ увлекательнымъ существомъ, когда-либо видѣннымъ мною на землѣ.

Что же касается до знаменитаго „Отчета Общества Психическихъ Изслѣдованій", когда меня спрашиваютъ о немъ—хотя долженъ признаться, что это бываетъ очень рѣдко въ настоящее время—отвѣтъ мой бываетъ приблизительно слѣдующій.

Вѣрящіе въ этотъ Отчетъ утверждаютъ, что Е. П. Блаватская была обманщицей, но вѣдь они не знали ее лично, точно также не зналъ ее и комитетъ Общества Психическихъ Изслѣдованій, признавшій Отчетъ слѣдователя Ходжсона. И даже самъ слѣдователь, по пріѣздѣ въ Мадрасъ, пользовался данными, полученными отъ посторонніхъ лицъ, а на нихъ-то онъ и построилъ свою теорію. Такимъ образомъ, все это—свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ, и самъ слѣдователь основывается не на личныхъ непосредственныхъ наблюденіяхъ. Подобно слѣдователю Ходжсону и подобно всѣмъ, вѣрящимъ въ его теорію, я тоже не былъ тамъ; слѣдовательно и я не обладаю данными изъ первоисточника. Я могу только опираться на обильныя письменныя свидѣтельства и еще болѣе многочисленныя устныя показанія ея друзей, бывшихъ въ Адьярѣ, которыя всѣ говорятъ въ пользу Е. П. Б. Всѣ эти показанія лично присутствовавшихъ свидѣтелей совершенно уничтожаютъ обвиненія двухъ только что разсчитанныхъ слугъ; обвиненія эти были приняты миссіонерами, а позднѣе они же были пущены въ ходъ слѣдователемъ О. П. И., который въ тѣ времена былъ очевидно незнакомъ даже съ самыми элементарными психическими явленіями и предпочиталъ исчерпать всевозможныя гипотезы обмана, вплоть до самыхъ нелѣпыхъ, прежде чѣмъ допустить малѣйшее сомнѣніе въ пользу г-жи Блаватской.

Но съ тѣхъ поръ произошла такая перемѣна въ понятіяхъ самого Об-ва П. И. относительно психическихъ явленій, и самъ г-нъ Ходжсонъ такъ фундаментально измѣнилъ свое отношеніе къ нимъ, благодаря позднѣйшему личному опыту *), что было бы странно и совершенно несовмѣстимо съ здравымъ смысломъ предпочитать его не-

*) Въ спиритическомъ журналѣ *Light*, за 5 января 1907 года, № 1350, приводятся подлинныя слова Ходжсона, сказанныя имъ полковнику Бунди, издателю *„Religio—Philosophical Journal"*. „Я считаю вполнѣ вѣроятнымъ, что не пройдетъ много времени, какъ появятся многія цѣнныя доказательства въ пользу заявленія спиритовъ, что для нашихъ умершихъ друзей возможно познакомить насъ съ своимъ загробнымъ существованіемъ. Я убѣжденъ, что такое сообщеніе возможно". Замѣчательное признаніе для человѣка, основавшаго все свое слѣдствіе надъ Е. П. Блаватской на отрицаніи возможности сверхфизическихъ явленій. Прим. перев.

опытную гипотезу относительно Е. П. Блаватской многолѣтнимъ показаніямъ въ ея пользу, которыя давали и не перестаютъ давать ея многочисленные друзья во всѣхъ странахъ свѣта.

Да, могутъ сказать подпавшіе подъ вліяніе этого прославленнаго Отчета,—но всѣ они были введены въ заблужденіе, и всѣ были подъ гипнозомъ. Ей, по показаніямъ Отчета, помогали многіе искусные сообщники во всѣхъ частяхъ свѣта; все это была хитрая система надувательства.

Да, въ этомъ—центръ тяжести всѣхъ гипотезъ, выставленныхъ Отчетомъ; всегда и вездѣ—сообщники, западни, потайныя двери, гипнотизмъ и такъ далѣе. Все на свѣтѣ, только не простое предположеніе, что Е. П. Блаватская могла, хотя бы по временамъ, обладать свойствами обыкновеннаго спиритическаго медіума! Нѣтъ; необходимо было доказать, что она была даже ниже медіума, что она не могла быть ничѣмъ инымъ, какъ обманщицей чистой воды во всѣхъ отношеніяхъ. Даже самый равнодушный наблюдатель, и тотъ при такихъ условіяхъ почувствуетъ желаніе воскликнуть: *Surtout pas trop de zèle, messieurs les inquisiteurs!* Вы поставили передъ нами образъ плутоватой фокусницы съ тщательно приготовленными и искуссно задуманными сюрпризами, выполненными ея хитрыми сообщниками; правда, что этотъ сонмъ сообщниковъ никогда не былъ привлеченъ къ суду; всѣ они испарились въ невидимое пространство, и даже не метафорически; если только не допустить, что они и не существовали нигдѣ, кромѣ невидимаго пространства: не даромъ же Е. П. Б. называла ихъ „элементалями"?

Но какъ бы то ни было, для себя лично я всегда предпочиталъ свѣдѣнія *изъ первыхъ рукъ*. Поэтому, въ противоположность всѣмъ, принявшимъ на вѣру упомянутый Отчетъ, я изслѣдовалъ Е. П. Блаватскую, если позволено такъ выразиться, изъ первыхъ рукъ. Въ теченіе трехъ лѣтъ я въ полномъ смыслѣ не отходилъ отъ нея; я работалъ съ нею въ величайшей интимности и былъ ея личнымъ секретаремъ.

Образъ, который нарисованъ въ Отчетѣ подъ названіемъ Е. П. Блаватской, самымъ рѣшительнымъ образомъ противорѣчитъ всѣмъ моимъ личнымъ наблюденіямъ надъ нею, и потому мнѣ не остается ничего иного, какъ признать этотъ Отчетъ совершенно непріемлемымъ для себя.

Я пошелъ къ ней черезъ три года послѣ опубликованія Отчета, когда еще раздавались громкіе его отголоски и недовѣріе къ ней еще висѣло въ воздухѣ; ибо широкая публика тѣхъ дней, не вѣрившая въ возможность психическихъ феноменовъ, естественно склонялась къ об-

виненію Е. П. Б. безъ всякаго разслѣдованія. Я пошелъ къ ней со всѣми тщательно разработанными гипотезами Отчета въ моей головѣ; иначе и быть не могло. Но достаточно было нѣсколькихъ мѣсяцевъ непосредственнаго знакомства съ Е. П. Б., чтобы убѣдиться, до какой степени самыя несовершенства ея характера дѣлали для нея невозможнымъ всякій заранѣе обдуманный обманъ, если бы она даже и желала обманывать; не говоря уже о хитроумныхъ фокусахъ, связанныхъ съ разными механическими изобрѣтеніями и съ дѣйствіемъ ловкихъ сообщниковъ.

Она очень часто была совсѣмъ не мудрая въ своей манерѣ говорить, и когда гнѣвалась, говорила необдуманно все, что ей приходило въ голову, не обращая вниманія на то, что ее могли услыхать посторонніе. Она, повидимому, не придавала ни малѣйшаго значенія тому, *что* могутъ подумать о ней, и иногда обвиняла себя во всевозможныхъ грѣхахъ, ошибкахъ и проступкахъ, но никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже въ самыхъ необузданныхъ настроеніяхъ своихъ, не вырвалось изъ ея устъ ни единаго звука, который могъ бы подтвердить обвиненія г. Ходжсона. Я твердо убѣжденъ, что если бы она дѣйствительно была причастна къ вещамъ, въ которыхъ ее обвиняютъ, она не могла бы не выдать—въ одномъ изъ взрывовъ своего бурнаго темперамента и своей удивительной откровенности—какимъ-либо брошеннымъ словомъ или намекомъ свою преступную дѣятельность. Двѣ вещи въ хаотическомъ богатствѣ ея натуры оставались непоколебимо твердыми для всѣхъ знавшихъ ее близко: первая—что ея Учителя дѣйствительно существовали, и вторая—что она никогда не обманывала.

Но непримиримые могутъ сказать: о, она была слишкомъ хитра для васъ; и кромѣ того, она околдовала васъ.

У непримиримыхъ остается конечно привиллегія высказывать все, что продиктуетъ ихъ фантазія; несравненно легче сохранять кажущуюся мудрость и воображать вещи такими, какими желаешь ихъ знать, чѣмъ—подобно мнѣ—разрѣшать дѣйствительную загадку, которая ежедневно стояла предъ моими глазами въ теченіе болѣе трехъ лѣтъ. Но еще болѣе загадочнымъ, чѣмъ сама Е. П. Б., былъ для меня ея литературный трудъ, который происходилъ на моихъ глазахъ и каждую страницу котораго мнѣ приходилось перечитывать, а нѣкоторыя части и самому издавать.

Но что для меня лично было неопровержимымъ доказательствомъ *bona fides* Е. П., это—совершенно объективная вещь, которую невозможно устранить, досадливо отмахиваясь отъ ея психологическаго значенія. На основаніи провѣренныхъ объективныхъ свѣдѣній, я имѣю всѣ основанія быть убѣжденнымъ, что Е. П. приняла меня въ сотруд-

Рабочій кабинетъ Е. П. Блаватской.

ники безъ малѣйшаго предварительнаго разслѣдованія моей личности. Я легко могъ оказаться тайнымъ эмиссаромъ ея враговъ, и это могло быть тѣмъ легче, что я навѣрно зналъ, какъ много шпіоновъ приходило къ ней. Во всякомъ случаѣ, будь она причастна къ обманамъ, она должна была знать, какъ опасно допускать неиспытаннаго человѣка въ самую интимную свою среду. Но она не только сдѣлала это, она буквально подавляла меня полнотой своего довѣрія. Она передала мнѣ всѣ свои ключи, довѣрила мнѣ всѣ свои рукописи, свой письменный столъ и всѣ выдвижные ящики стола, въ которыхъ держала свою самую интимную корреспонденцію; мало того, желая продолжать свою работу въ покоѣ, она кончила тѣмъ, что категорически отказалась отъ своей обширной корреспонденціи и передала мнѣ все веденіе ея, предоставивъ даже право первому распечатывать всѣ ея письма. Она не только метафорически, но иногда и дѣйствительно бросала оскорблявшими ее посланіями прямо въ меня. Мнѣ поручалось не только распечатывать и читать всѣ ея письма, но и отвѣчать на нихъ какъ я вздумаю, ибо эта странная старая лэди требовала съ громкими криками, чтобы ее освободили отъ писанія писемъ и оставили въ покоѣ, что она желаетъ писать свои статьи и книги, и она приходила каждый разъ въ великій гнѣвъ и выгоняла меня вонъ, когда я надоѣдалъ ей просьбой отвѣтить на какое-либо неотложное письмо, или дать мнѣ по крайней мѣрѣ идею, какъ отвѣчать отъ ея имени.

Я не хочу этимъ сказать, что, получая ежедневно большое количество писемъ, изъ которыхъ многія содержали интимныя мысли людей, стремившихся къ ней буквально со всѣхъ концовъ свѣта и довѣрявшихъ ей всевозможныя тайны своей внутренней жизни *),—она была права, когда довѣряла эти письма молодому человѣку, сравнительно неопытному въ жизни и часто совершенно неспособному разобраться въ нихъ. Я часто бывалъ въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи, когда мнѣ приходилось вторгаться въ логовище льва—ибо старая лэди была изъ самой настоящей львиной породы—и настаивать, развертывая передъ ея глазами самыя нужныя изъ полученныхъ писемъ, вызывая въ ней все усиливающуюся досаду, которая нерѣдко кончалась періодическими взрывами, когда оба—и корреспонденція и секретарь посылались въ преисподнюю, и только въ концѣ концовъ дѣло кое-какъ улаживалось и мы мирились на какомъ-либо взаимномъ соглашеніи.

*) Когда ея жесточайшіе враги дѣлали на нее нападенія, тѣ самые, которые изливали передъ ней свои интимныя тайны,—тогда она нерѣдко восклицала въ моемъ присутствіи: „Боже, какъ они должны уважать меня!“ И дѣйствительно, всѣ знали, что она не воспользуется оказаннымъ ей довѣріемъ для самозащиты.

Тогда я ропталъ, но теперь я радуюсь, потому что благодаря этому обстоятельству я получилъ въ короткое время столько жизненнаго опыта, сколько пришлось бы пріобрѣтать въ теченіе долгихъ лѣтъ. Но мнѣ казалось, и теперь кажется, что такое отношеніе къ корреспондентамъ было нѣсколько жестко, если не считать, что во многихъ случаяхъ глупости требовали и соотвѣтственнаго отвѣта, и что я въ то время былъ полезнымъ орудіемъ для веденія *этой* стороны ея корреспонденціи.

Но какъ бы то ни было, все это убѣдило меня непоколебимо и навсегда, что чѣмъ бы ни была Е. П. Блаватская,—обманщицей или фокусницей она ни въ какомъ случаѣ быть не могла, ибо она ничего не скрывала. Для женщины, которая, если вѣрить главной гипотезѣ отчета О. П. И., имѣла сообщниковъ во всемъ мірѣ и вела жизнь интригующей искательницы приключеній, было бы не только невѣроятной смѣлостью, но и положительнымъ безуміемъ проводить всю свою корреспонденцію черезъ руки третьяго лица, даже предварительно не распечатывая адресованныхъ ей писемъ.

Все это, и еще многое другое убѣждаетъ меня неопровержимо, что Е. П. Блаватская не была обманщицей, по крайней мѣрѣ несомнѣнно не была таковой, пока я ее зналъ, и по всей вѣроятности никогда не была обманщицей и въ прошломъ, когда я ее не зналъ. Въ одной вещи я убѣжденъ несомнѣнно, что я знаю несравненно больше Е. П. Блаватскую, ея жизнь и ея дѣятельность, чѣмъ тѣ члены О. П. И., которые настойчиво дѣлали все возможное, чтобы опозорить ее въ глазахъ всего міра, и что ихъ гипотезы до смѣшного недостаточны для того, чтобы разгадать этотъ сфинксъ XIX столѣтія, Е. П. Блаватскую, которая по самому скромному расчету была не менѣе интересна, чѣмъ цѣлая дюжина различныхъ медіумовъ, на которыхъ О. П. И. потратило такъ много своей энергіи; нѣтъ, подобнымъ гипотезамъ не объяснить ту, которая открыла передъ нами такъ много оконъ въ великій просторъ вселенной, бывшихъ наглухо закрытыми до нея и изъ которыхъ ни одно уже не закроется снова; въ послѣднемъ порукой самъ главный ея поноситель изъ числа членовъ О. П. И., жизненный опытъ котораго все болѣе подтверждаетъ ея же ученія *).

„Вѣрите ли вы въ Эчъ Пи Би?—Да, я вѣрю въ Эчъ Пи Би. Что же касается г-жи Блаватской, то я приблизительно такого же мнѣнія о ней, какого была и она сама, ибо она рѣзко отличала одну отъ другой; и тѣмъ не менѣе, я съ негодованіемъ отвергаю нелѣпую попытку объяснить и личность г-жи Блаватской вульгарными обвиненіями

*) См. примѣчаніе по поводу Ходжсона, котораго авторъ имѣетъ въ виду.

въ шарлатанствѣ. Я твердо вѣрю въ *bona fides* Е. П. Блаватской, но болѣе всего на свѣтѣ, всѣми силами моей души, вѣрю въ великія идеи, за которыя она боролась, въ глубокія мистеріи, провозвѣстникомъ которыхъ была она. Хотя я и предпочитаю излагать ихъ по своимъ собственнымъ линіямъ мысли и доказывать ихъ иначе, чѣмъ это дѣлала она, т. к. нерѣдко расхожусь съ ея методой и пріемами.

Е. П. Б. была переполнена несовершенствами, такъ же, какъ и мы всѣ, но при этомъ она обладала *величіемъ*. Вотъ почему и самыя несовершенства ея указывали на очень большіе размѣры души,—а когда она касалась высотъ, это были дѣйствительно *очень* большія высоты. Въ ней было временами нѣчто колоссальное, титаническое, можно даже сказать—космическое; и иногда мнѣ приходила причудливая мысль, что она не принадлежитъ къ нашей планетѣ и совсѣмъ не соотвѣтствуетъ масштабу нашей эволюціи. И въ самомъ дѣлѣ, кто разгадаетъ тайну Е. П. Б? Есть ли такая вещь, которой бы она не касалась по временамъ? Въ ней—сложная личность соприкасалась съ многоликостью настолько же сложной, какъ и вся человѣческая природа, всѣми своими гранями отразившаяся въ ней!

Поверхностнымъ критикамъ я, пожалуй, готовъ подарить признаніе въ недостаткахъ ея писательской манеры, склонной къ словопреніямъ; вѣрно и то, что она не была патентованнымъ ученымъ, не проходила даже правильнаго курса обученія въ колледжѣ или университетѣ; ученые труды были ей чужды, и она едва ли продѣлала хотя бы одинъ опытъ въ химической лабораторіи; она не была математикомъ *), не была ученымъ философомъ, и не могла бы, по всей вѣроятности, опредѣлить разницу между положеніями Канта и Шопенгауера, если бы ее спросить о томъ;—и тѣмъ не менѣе, она писала обо всѣхъ этихъ вещахъ, и часто съ величайшей проницательностью.

Все это я охотно уступаю плохо расположенному критику; но все это неважно и принадлежитъ къ области, подлежащей измѣненію и уже измѣнившейся до нѣкоторой степени, такъ какъ наука сильно выросла въ послѣдніе годы и отрицаетъ многое изъ того, что отрицала и она, и утверждаетъ многое, что она утверждала двадцать лѣтъ назадъ. Но

*) Ея любимый способъ счета былъ—по пальцамъ; однажды, когда она писала одну изъ главъ „*Тайной Доктрины*“, она позвала свою племянницу и обратилась къ ней—приблизительно—съ такими словами: „ну ка, поди сюда, милочка! вѣдь ты у насъ математическій пандитъ: куда нужно поставить *запятую*? Я совершенно увѣрена въ знакахъ, но не могу разглядѣть, куда приходится проклятая запятая“? Рѣчь шла о π(отношеніе окружности къ діаметру) и каждый, кто читалъ ученыя изслѣдованія по этому вопросу въ „*Тайной Доктринѣ*“, будетъ вѣроятно очень удивленъ, что авторъ до того мало зналъ по математикѣ, что недоумѣвалъ, куда поставить запятую!

„Теософію", тогда какъ все поле оріентализма лежало открытымъ передо мной, и я, по его лестному предположенію, могъ съ пользой для дѣла работать на немъ; но болѣе всего его удивляло (и онъ просилъ объясненія), *почему* я отношусь такъ серьезно къ этой шарлатанкѣ, г-жѣ Блаватской, надѣлавшей столько вреда истиннымъ оріенталистамъ своими пародіями на Буддизмъ и Веданту, которыя она перемѣшала съ западными идеями. Вся ея Теософія, по словамъ профессора, лишь подогрѣтое блюдо изъ плохо понятыхъ переводовъ санскритскихъ и палійскихъ текстовъ.

На это я отвѣтилъ, что, имѣя въ виду служить одной лишь истинѣ, я сдѣлаю все возможное, чтобы довести его доказательства до свѣдѣнія всего теософическаго міра, если онъ убѣдитъ меня, что Теософія г-жи Блаватской лишь невѣжественная обработка санскритскихъ и палійскихъ текстовъ, ибо я конечно не хочу посвящать свою жизнь „мошенничеству",—эпитетъ, который профессоръ однажды употребилъ на конгрессѣ оріенталистовъ по адресу *„Эзотерическаго Буддизма"* *). Въ виду этого, я просилъ его сдѣлать мнѣ любезность и указать тѣ оригинальные тексты на санскритскомъ, палійскомъ или иномъ языкѣ, которые легли въ основу *Стансевъ Дзіанъ* (Stanzas of Dzyan) и ихъ комментаріевъ въ *Тайной Доктринѣ*, или же тѣ тексты, изъ которыхъ г-жа Блаватская составила три трактата, обнародованные ею подъ заглавіемъ *Голосъ Безмолвія* **). Я самъ, въ теченіе многихъ лѣтъ, разыскиваю какіе либо слѣды оригиналовъ или по крайней мѣрѣ отрывки, сходные съ ними, и до сихъ поръ не нашелъ ничего подобнаго. Если бы мы могли добыть оригиналы, больше ничего и не требовалось бы, мы имѣли бы въ рукахъ то, что намъ нужно.

На это профессоръ Максъ Мюллеръ отвѣтилъ короткимъ письмомъ, указывая въ немъ на два стиха изъ *Голоса Безмолвія*, которые, по его мнѣнію, носятъ печать западной мысли и этимъ доказываютъ поддѣлку.

Я отвѣтилъ на это письмо, выразивъ свое огорченіе, что профессоръ такъ и не указалъ текстовъ, на которыхъ основаны изреченія *„Голоса Безмолвія"* или *„Книги Дзіанъ"*; но что, тѣмъ не менѣе, я прошу позволенія опубликовать его критику, предоставляя себѣ право прибавить къ ней и свои примѣчанія.

На это профессоръ прислалъ немедленно отвѣтъ, въ которомъ просилъ, чтобы я не дѣлалъ этого и поскорѣй возвратилъ его письмо, т. к. онъ желаетъ написать нѣчто болѣе достойное нашего *Обозрѣнія*.

*) Книга Синетта, одна изъ первыхъ попытокъ изложить божественное творчество съ эзотерической точки зрѣнія. Прим. перев.

**) Имѣется въ русскомъ переводѣ. Изданіе 1908 г. Переводъ Е. П.

Я конечно возвратилъ ему письмо, но съ тѣхъ поръ я тщетно ждалъ обѣщаннаго доказательства, что Е. П. Б. въ этомъ удивительномъ литературномъ творчествѣ была не болѣе, какъ жалкая кропательница, изъ обрывковъ плохо понятыхъ переводовъ мастерившая фантастическій нарядъ, годный лишь для сумасшедшихъ. И я могу прибавить къ этому, что мой вызовъ остается въ полной силѣ для всѣхъ оріенталистовъ, которые пожелали бы поддержать забавныя, на мой взглядъ, препирательства покойнаго Нестора оріентализма.

Я съ полной обдуманностью даю этимъ произведеніямъ Е. П. Б. названіе *удивительнаго литературнаго творчества*, и не съ точки зрѣнія энтузіаста, несвѣдущаго въ восточной литературѣ и незнакомаго съ великими космогоническими системами прошлаго или съ Теософіей міровыхъ религій,—а какъ зрѣлое сужденіе человѣка, который въ теченіе почти двадцати лѣтъ спеціально изучалъ *именно эти* вопросы. Точно также нельзя допустить, чтобы *Стансы* и ихъ *Комментаріи*, а также и *Отрывки* изъ такъ называемой книги „*Золотыхъ Правилъ*“ (Голосъ Безмолвія) могли быть отнесены къ медіумической литературѣ: они совсѣмъ не похожи на эту послѣднюю и принадлежатъ къ совершенно иному роду творчества.

Стансы представляютъ собою космогенезисъ и антропогенезисъ, которые своимъ величавымъ объемомъ и всѣми подробностями оставляютъ далеко позади себя всѣ существующія повѣствованія подобнаго рода; въ нихъ нельзя признать только талантливое сочетаніе различныхъ архаическихъ отрывковъ, сохранившихся въ священныхъ книгахъ и у классическихъ авторовъ; въ нихъ видна своя собственная индивидуальность, и въ то же время онѣ носятъ на себѣ явственную печать древности и свидѣтельство о міровомъ порядкѣ, который западнымъ міромъ считался давно уже упраздненнымъ. Далѣе, Стансы заключены въ атмосферу комментаріевъ, повидимому переведенныхъ или пересказанныхъ съ древнихъ восточныхъ нарѣчій, и онѣ производятъ общее впечатлѣніе такой несомнѣнной подлинности, что ученому, преодолѣвшему свое предубѣжденіе настолько, чтобы приняться за изученіе ихъ, весьма трудно не признать эту подлинность.

Что касается трехъ Отрывковъ изъ книги *Золотыя Правила, (Голосъ Безмолвія, семь Вратъ и два Пути)*, содержаніе ихъ заставляетъ думать, что они принадлежатъ къ числу трактатовъ буддійской школы мистиковъ, и на нихъ также лежитъ несомнѣнная печать подлинности во всемъ, вплоть до признанія въ сектантскомъ характерѣ. Гораздо труднѣе повѣрить, что мы имѣемъ передъ собой подлогъ, задуманный въ западномъ мозгу, чѣмъ предположить, что отрывки эти, если и не буквальные переводы, то по крайней мѣрѣ вольная передача

подлинныхъ документовъ, принадлежащихъ, можетъ быть, школѣ Aryasanga—вѣроятнѣе всего проповѣди для учениковъ, вступившихъ на Путь.

Когда спрашиваешь людей, которые громко обвиняютъ Е. П. Б., читали ли они *Тайную Доктрину* или *Голосъ Безмолвія*? они почти всѣ безъ исключенія отвѣчаютъ: „О, я не стану ломать себѣ голову надъ писаніями женщины, которая была обманщицей;“ или: „Нѣтъ, я этого не читалъ; къ тому же я не спеціалистъ въ восточныхъ литературахъ, но профессоръ Максъ Мюллеръ въ *„Девятнадцатомъ Вѣкѣ„* и т. д. и т. д.

Все это говоритъ скорѣе въ пользу Е. П. Б., чѣмъ противъ нея, ибо нужно обладать совершенно исключительными свойствами, чтобы вызвать такое слѣпое предубѣжденіе въ людяхъ, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ благонамѣренныхъ. Загадочность Е. П. Б., которую не только одинъ отчетъ О. П. И., но даже и тысячи такихъ отчетовъ не могутъ разрѣшить, ставитъ передъ нами—среди другихъ загадокъ—и такой вопросъ: откуда получила Е. П. Б. всѣ эти свѣдѣнія?

Какая простѣйшая гипотеза могла бы отвѣтить на этотъ вопросъ? Если допустить, что она была спиритуалистическимъ медіумомъ, тогда этотъ терминъ придется расширить до необъятныхъ размѣровъ, придать ему значеніе великаго внутренняго достоинства и поднять его на высоту благороднѣйшей геніальности, ибо ничто ниже этого опредѣленія не сможетъ удовлетворить непредубѣжденнаго изслѣдователя.

Я испробовалъ самыя разнообразныя предположенія, дѣлалъ всевозможныя комбинаціи изъ всѣхъ гипотезъ, которыя мнѣ были извѣстны или которыя я самъ придумывалъ, чтобы объяснить эти поистинѣ великія вещи въ литературной дѣятельности Е. П. Б., и я долженъ сказать, что единственное объясненіе, выдерживающее критику, состоитъ въ томъ, что вещи эти были ей продиктованы или психически запечатлѣны живыми учителями, большинство которыхъ она знала физически. Вѣрно и то,—какъ она и сама признавалась,—что по временамъ она перепутывала нѣкоторыя подробности, но она стремилась сдѣлать все, что было въ ея силахъ, и по большей части преодолѣвала самыя большія трудности.

Однимъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ во всей этой загадкѣ было то, что она сама наслаждалась красотой своихъ ученій и поражалась ихъ широкимъ обхватомъ не менѣе, чѣмъ всѣ окружавшіе ее. Если бы она сама изобрѣла ихъ—нерѣдко говорила она своимъ близкимъ—то она была бы міровымъ геніемъ и великимъ учителемъ, вмѣсто того, чтобы быть несовершенной слугой, вся задача которой—показать, что есть истинные учителя, которымъ слѣдуетъ служить. Отъ этого заявленія она не отступала никогда. Несомнѣнно, что она кое-что не-

гигантскій обхватъ общаго плана мірозданія, титаническимъ взмахомъ очерченный міровой процессъ, нагроможденіе гипотезъ на гипотезы, пока ея умозрительныя Оссы и Пеліоны не достигали высочайшаго изъ небесъ, той свѣжей атмосферы жизненности и реальности, которой вѣяло всегда отъ ея величавыхъ изложеній, всего этого достаточно, чтобы на долгія времена прославить ея имя. Она была настоящимъ титаномъ въ толпѣ смертныхъ; она указала истинный путь и мнѣ, и многимъ другимъ, и вотъ за что мы любимъ ее. Продолжая идти по этому пути, мы знаемъ что указанное ею направленіе было вѣрное. Правда, нашъ титанъ обладалъ лишь стихійными свойствами, чѣмъ впрочемъ отличаются и всѣ титаны, но когда кладутся основы, нужны гиганты, когда же идетъ гигантъ, онъ не можетъ не опрокидывать идоловъ, разставленныхъ на алтаряхъ пигмеевъ.

Теперь я перейду къ предмету, въ которомъ понимаю по всей вѣроятности не менѣе самыхъ компетентныхъ критиковъ Е. П. Б.— именно, къ ея литературнымъ трудамъ. Я съ величайшимъ вниманіемъ читалъ все, что она писала; многое мнѣ пришлось самому издавать, многое я перечитывалъ по нѣскольку разъ; думаю, что не совершая никакой нескромности, имѣю право сказать, что никто не знаетъ лучше меня тѣхъ книгъ, изъ которыхъ она брала цитаты, и того примѣненія, которое она дѣлала изъ этихъ цитатъ. Совершенно вѣрно, что большинство ея цитатъ принадлежитъ болѣе или менѣе среднимъ вѣкамъ или даже первымъ вѣкамъ христіанства; допустимъ это полностью, хотя я долженъ прибавить, что въ этомъ отношеніи замѣчается наклонность къ преувеличенію. Но то, что я нахожу самымъ интереснымъ изъ всѣхъ ея писаній, какъ разъ и не принадлежитъ къ источникамъ, извѣстнымъ намъ, и вотъ это то обстоятельство и представляетъ для меня самое главное въ загадочности Е. П. Б. Я постоянно задаю себѣ вопросъ: *откуда* могла она брать свои свѣдѣнія, повидимому переводы текстовъ и комментаріевъ, оригиналы которыхъ совершенно неизвѣстны западному міру?

Приблизительно десять лѣтъ назадъ, покойный профессоръ Максъ Мюллеръ, которому всѣ любители священныхъ книгъ Востока обязаны величайшей благодарностью, напечаталъ чрезвычайно интересную серію лекцій подъ заглавіемъ *Теософія или Психологическая Религія*. Я подробно разобралъ эти лекціи въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Theosophical Review*. Маститый профессоръ прислалъ мнѣ по поводу этихъ статей любезное письмо, не соглашаясь со мной лишь въ одномъ или двухъ мѣстахъ, и затѣмъ мы обмѣнялись нѣсколькими письмами. Въ одномъ изъ нихъ онъ выразилъ удивленіе, что я, по его мнѣнію, расточаю то, что онъ любезно назвалъ моими талантами, на

ясно разслышала, а нѣкоторое передала несовершенно, потому что она вѣчно была больна и измучена, вѣчно была предметомъ нескончаемыхъ нападеній, предательствъ и неблагодарности. Все это, вмѣстѣ взятое, въ довершеніе къ ея и безъ того огненной и бурной натурѣ, дѣлало еще болѣе удивительнымъ, что такъ много было ею выполнено и сравнительно такъ мало не докончено. Силы, справившіяся съ такой большой задачей, должны быть очень велики, и можетъ быть, онѣ послужатъ для насъ мѣриломъ того, *что* можетъ быть совершено западнымъ умомъ, когда представится къ тому необходимость, и въ то же время все сдѣланное Е. П. Б. опрокидываетъ вкоренившееся убѣжденіе, что для духовнаго просвѣтленія необходима жизнь созерцателя.

Е. П. Б. была воиномъ, а не жрицей, скорѣй пророчицей, чѣмъ наставницей, и, кромѣ того, она была орудіемъ, которое должно было вызвать въ человѣческой памяти многое изъ того, что было наиболѣе святого и мудраго въ древности.

Я увѣренъ, что въ этой жизни уже никогда не увижу ничего подобнаго ей; она вызывала во мнѣ чувство соприкосновенія съ чѣмъ-то огромнымъ, титаническимъ... Нерѣдко я задавалъ себѣ вопросъ: принадлежитъ ли вообще это странное существо къ нашему человѣчеству?— а между тѣмъ она была такъ необыкновенно человѣчна и такъ полна любви. Не сбѣжала ли она съ какой-либо другой планеты? Кто знаетъ?!

Никто изъ насъ, знавшихъ и любившихъ ее, не сможетъ дать опредѣленный отвѣтъ на вопросъ: кто была Е. П. Б.? Она остается нашимъ сфинксомъ, нашей тайной, нашей любимой „Старой Лэди". Она не была учителемъ въ обыкновенномъ смыслѣ слова, и у нея не было ни малѣйшаго намѣренія давать методическія, приведенныя въ систему знанія; она не выносила даже самой мысли о роли духовнаго или этическаго учителя, она ненавидѣла всякія почести и буквально содрагалась при попыткахъ торжественно чествовать ее; помню, какъ она закричала въ неподдѣльномъ страхѣ, когда одинъ изъ восторженныхъ поклонниковъ собирался опуститься передъ ней на колѣни.

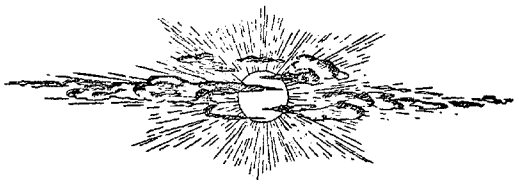
Нѣтъ! Она была гораздо болѣе того, ибо она была тѣмъ естественнымъ огнемъ, отъ котораго зажигался нашъ энтузіазмъ, наше стремленіе къ болѣе обширной жизни міра; она была той яркой силой, которая, углубляя наше самопознаніе, проводила глубокія борозды въ нашей душѣ; она вызывала въ насъ тягу домой, на настоящую родину человѣка, которую она прославляла, какъ истинный бардъ. Всѣмъ этимъ она была по временамъ, тогда какъ по временамъ она же способна была вызывать въ нашихъ умахъ замѣшательство.

Прошло 13 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Е. П. Б. покинула свое многострадальное тѣло, а между тѣмъ съ годами моя любовь къ ней

лишь увеличивается, и я постоянно возвращаюсь къ ней и къ дѣлу ея жизни, чтобы почерпнуть изъ этого воспоминанія новое вдохновеніе; чтобы оживить то чувство величія и широкаго настроенія, и ту свѣжую атмосферу свободы и отсутствія всякихъ условностей, которыя для меня лично соединились съ весеннимъ временемъ, съ періодомъ роста и расторженія всѣхъ оковъ, съ напоромъ жизненныхъ соковъ, когда молодые ростки вырываются изъ сѣмени, чтобы съ силой проложить себѣ путь къ свѣту и жизни. Такова была ея мужественная жизнь, широта ея взглядовъ, живость ея отзывчивости, духъ товарищества, жизнь на бивуакахъ той чудной ранней поры—вотъ что заставляло кровь обращаться быстрѣе по жиламъ и нервы напрягаться для горячей работы и для стремительнаго движенія навстрѣчу областямъ все болѣе и болѣе далекимъ и манящимъ...

Но почему я, который никогда не увлекался культомъ героевъ, позволяю себѣ съ такимъ энтузіазмомъ писать о моей „оккультной тещѣ", какъ она юмористически называла себя? Не знаю; можетъ быть потому, что собирался дать нѣсколько бѣглыхъ мыслей по Теософіи, а мои мысли часто возвращаются къ той, которая поставила меня на Путь, и когда я началъ писать о ней, невольно ожили во мнѣ болѣе глубокія чувства, которыя я не имѣлъ намѣренія пробуждать.... *).

Пер. **Е. П.**



Мудрые люди подобны свѣтильникамъ.

Праведная и святая жизнь — лучшій изъ всѣхъ драгоцѣнныхъ камней.

(Драгоцѣнные Камни Востока).

---

*) Конецъ статьи мы опускаемъ, такъ какъ дальнѣйшее касается частнаго вопроса о празднованіи дня *Бѣлаго Лотоса*, т. е. дня кончины Е. П. Блаватской. Въ опущенной части статьи, Дж. Мидъ предлагаетъ сдѣлать День Бѣлаго Лотоса также и Днемъ Поминовенія всѣхъ выбывающихъ изъ рядовъ теософическаго братства.

Редакція.

Извлеченіе изъ письма Е. П. Блаватской.

Адьяръ, Мадрасъ, 7 апрѣля 1883 г.

Милостивый Государь
Викторъ Ивановичъ.

Съ великимъ удовольствіемъ получила я ваше радушное письмо. Все, что приходитъ мнѣ съ родины, съ которой ужъ никогда не увижусь,—дорого мнѣ. Поэтому и спѣшу отвѣчать на всѣ вопросы.

Съ великимъ удовольствіемъ вамъ дала бы (да и даю) позволеніе печатать всѣ выброшенныя изъ моихъ „Писемъ изъ Индіи“ мѣста, коли такія найдутся. Но, до сихъ поръ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ еще ничего не выбросилъ. Только въ послѣднемъ письмѣ (въ XXVI кажется) онъ выпустилъ болѣе половины и самаго интереснаго; но то не отдѣльный разсказъ, а просто часть разговора и разсужденій. Но увидѣвъ это, я тотчасъ же написала въ контору, что если письмо это появится въ такомъ же изувѣченномъ состояніи и въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (гдѣ съ генваря письма мои изъ „Моск. Вѣд.“ перепечатываются), то я писать далѣе или кончать „Изъ Пещеръ и Дебрей Индостана“—отказываюсь, и это вовсе не пустая угроза и не капризъ. Я себя вовсе не считаю ни геніемъ, ни Тургеневымъ въ юбкѣ, ни даже писательницей,—потому что и писать по русски забываю, да никогда и языка своего хорошо не знала,—но ужъ коль скоро разъ печатаютъ мои письма, такъ стало быть что находятъ ихъ интересными; такъ не для чего и выбрасывать по

*) Письмо это адресовано бывшему редактору журнала „Ребусъ“ В. И. Прибыткову и любезно доставлено для напечатанія нынѣшнимъ редакторомъ-издателемъ этого журнала П. А. Чистяковымъ. Подлинное письмо хранится въ редакціи журнала „Ребусъ“. Прим. ред.

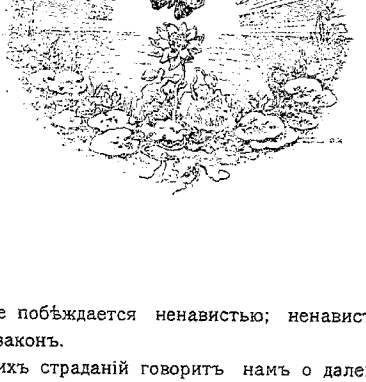
произволу потому только, что нѣкоторой фракціи читателей, скептикамъ и матеріалистамъ, не понравится. Я не для нихъ пишу. И ни за какія деньги я не соглашусь писать для того только, чтобы выкидывали. Не нравится, такъ и не нужно. Такъ и написала М. Н. Каткову и секретарю Петровскому. Они все пристаютъ: „Присылай побольше, да и еще". Не хочу я присылать ничего, коли такъ. Мнѣ деньги ихъ не нужны, я и такъ съ голоду не умру и дѣти у меня не плачутъ, потому что никакихъ дѣтей, слава Богу, и нѣтъ. Я одна, а у меня вся Индія за спиной, и напиши я какую угодно глупость, то расхватаютъ за какую угодно цѣну, да и еще попросятъ. Да мнѣ то съ Theosophist'омъ и писать нѣтъ времени. Насилу когда могу отвѣчать на письма, частныя. Поэтому, многоуважаемый Викторъ Ивановичъ, предупреждаю васъ объ этомъ, чтобы вы и не просили выброшенныхъ мѣстъ, потому что ихъ не будетъ,—или же—если М. Н. Катковъ, имѣя въ рукахъ уже всю первую часть „Изъ Пещеръ и Дебрей" и не выкинувъ ничего изъ писемъ, уже появившихся въ „Моск. Вѣд.", выкинетъ теперь, печатая ихъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ", то онъ не получитъ II части: пусть этимъ и утѣшится. Я не вру въ Письмахъ, а описываю настоящіе факты, выпуская и такъ многое ради поблажки русской публикѣ и ея вкусамъ; а стоять на заднихъ лапкахъ передъ дураками на старости лѣтъ—не намѣрена. А коли нужны вамъ въ самомъ дѣлѣ *факты* для вашего журнала, такъ лучше ужъ я соберусь съ силами, да напишу для васъ одного, для „Ребуса", оригинальную, а не выкинутую исторію и даже нѣсколько ихъ, коли желаете. Господь съ вами,—никакого мнѣ „гонорара" не нужно. Я отъ своихъ, т. е. отъ тѣхъ коллегъ, что работаютъ на одной со мною линіи, еще никогда денегъ не брала, да и не возьму, будь вы хоть милліонеръ. Я и для Каткова лучше бы даромъ писала, нежели позволить выкидывать. Я служу *идеѣ* и цѣли, а не деньгамъ. Такъ ему и скажите, коли знакомы съ нимъ.

Вы пишите, что вамъ обѣщали для „Ребуса" статью о нашемъ Обществѣ? Смотрите, какъ бы не подвели васъ, напечатавъ то, чего нѣтъ. Одинъ А. Н. Аксаковъ, развѣ, знаетъ приблизительно правду о Теософическомъ Обществѣ. Вонъ „Кавказъ" напечаталъ (перепечатавъ изъ Allgemeine Zeitung) чушь о томъ, что мы, т. е. Полковникъ Олькоттъ и я, *отрекшись отъ христіанства*, собираемся обратить въ буддизмъ всю Индію. Очень похоже на то, когда одна изъ самыхъ строгихъ статей въ нашемъ Уставѣ угрожаетъ каждому члену, который осмѣлится не только проповѣдывать, но даже и возносить свою собственную религію передъ религіей брата своего со-члена—позорнымъ исключеніемъ, изгнаніемъ изъ Общества. Наше Общество чисто философское и научное. Мы обязаны уважать всякую вѣру, не проповѣдуя

ни одной. Въ Обществѣ у насъ много горячихъ христіанъ и столь же горячихъ язычниковъ, буддистовъ, индусовъ, огнепоклонниковъ, магометанъ и проч. и всѣ живутъ мирно, ибо каждый членъ помнитъ заповѣдь Конфуція, а затѣмъ Христа: не дѣлай другому того, чего не хотѣлъ бы, чтобы тебѣ дѣлали, т. е. не ругай вѣру брата твоего, уважай его мнѣніе, ибо иначе онъ и твою ругнетъ и забудетъ къ ней уваженіе. А что касается до нашего отреченія отъ Христа, то это все вранье и сплетни. Отъ *Христа* никто изъ насъ—ни полковникъ Олькоттъ, ни я не отрекались: а отъ настоящаго, фарисейскаго, изолгавшагося христіанства, отъ мертвой буквы онаго и тысячи и одного противорѣчивыхъ догматовъ—отказались и отреклись и отказываемся денно и нощно. Мертвая буква убиваетъ духъ; вотъ мы и стараемся убить эту букву, наступая ей и на хвостъ и на голову. А затѣмъ пусть о насъ думаютъ, что хотятъ добрые люди. Клеветники только сами себя сѣкутъ, какъ унтеръ-офицерша Подшлепкина.

Затѣмъ извиняюсь за болтовню, прошу вѣрить въ искренность и уваженіе вашей далекой соотечественницы Елены Блаватской.

Постараюсь прислать для „Ребуса“ что нибудь на будущей недѣлѣ.



Ненависть не побѣждается ненавистью; ненависть побѣждается любовью: таковъ законъ.

Вѣнецъ нашихъ страданій говоритъ намъ о далекихъ радостяхъ.

Душа зрѣетъ слезами.

(Драгоцѣнные Камни Востока).

Нью Іоркъ. Нояб. 6. 1877.

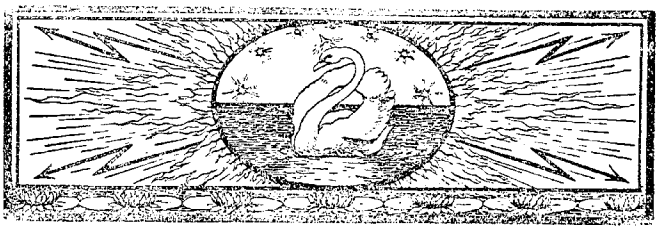
Моя многолюбезная — и единственная (покамѣстъ) (изъ достойныхъ уваженія) племянницъ моихъ Надя,

Напиши мнѣ, получила ли твоя неаккуратная мама книги посланныя мною ей ужъ давно, мѣсяца два или три назадъ? Съ послѣднимъ — а именно произведеніемъ твоей тётки. "Isis" (которое не про тебя писано) книгъ всего восемь. Жестокосердечная и молчаливая родительница твоя ни слова не пишетъ объ этомъ. Такоже скажи ей что никакихъ "Горячихъ воспоминаній" не получала. Получила одну статью ея для перевода и помѣщенія въ "World" которая вѣроятно и будетъ помѣщена на дняхъ. Если это она называетъ "отношеніями нашихъ солдатъ къ туркамъ"?? Другихъ же не получала.

Федю, Ростю, Юрочку, тебя, Ваньку и Лёночку (фу ты отцы мои, что за фаланга васъ!!) цѣлую крѣпко и прошу всѣхъ васъ не забывать вашу престарую тётушку, которая что то ужъ слишкомъ крѣпко васъ всѣхъ любитъ, что совсѣмъ несовмѣстно съ суровой древней философіей. Цѣлую тебя крѣпко милая моя, дорогая дѣвочка. Да хранитъ васъ всѣхъ Господь Богъ.

твоя тетка Елена Блаватская

Автографъ. Письмо Е. П. Блаватской.



Введеніе къ Тайной Доктринѣ: Синтезу Науки, Религіи и Философіи.

Елены Петровны Блаватской.

Satyât Nasti Paro Dharmah.

Вдумчиво слушать, съ добротою судить.
Шекспиръ.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Англіи появилась теософическая литература, вошло въ привычку давать Теософіи ошибочное названіе „Эзотерическій Буддизмъ", а мы знаемъ уже изъ старинной пословицы, что „заблужденіе несется по наклонной плоскости внизъ, тогда какъ Истина съ трудомъ пробиваетъ свой путь вверхъ".

Старыя истины бываютъ нерѣдко и самыя разумныя. Но человѣческій умъ бываетъ такъ рѣдко свободенъ отъ сложившихся пристрастій, что часто окончательное мнѣніе о предметѣ складывается раньше, чѣмъ его узнаютъ основательно и со всѣхъ сторонъ. Это случилось и съ Теософіей. Съ одной стороны ее отожествили съ буддизмомъ; съ другой—самый буддизмъ, т. е. религіозную философію Гаутамы Будды, смѣшали съ ученіемъ, широко очерченнымъ въ „Эзотерическомъ Буддизмѣ" Синнетт'а. Трудно себѣ представить болѣе грубую ошибку, а между тѣмъ эта ошибка дала оружіе противъ Теософіи. По этому поводу совершенно опредѣленно выразился одинъ извѣстный знатокъ пали, что въ названномъ произведеніи не было „ни эзотеризма, ни

буддизма". Эзотерическія истины, изложенныя въ книгѣ Синнетта, перестали быть эзотерическими съ того мгновенія, какъ онѣ были обнародованы; религіи Будды въ нихъ также не было: были даны лишь нѣсколько положеній изъ тайнаго ученія, которое въ предлагаемомъ нами сочиненіи будетъ разъяснено и дополнено многими новыми данными. Но и эти данныя, хотя и даютъ многія основныя ученія Тайной Доктрины Востока, приподнимаютъ лишь небольшой край темной завѣсы. Никому, даже высочайшему изъ живыхъ адептовъ, не дано права раскрывать передъ невѣрующимъ и насмѣшливымъ міромъ то, что было такъ тщательно скрыто отъ него въ теченіе долгихъ вѣковъ.

„Эзотерическій Буддизмъ" — прекрасное сочиненіе, но съ неудачнымъ заглавіемъ, и по своему содержанію оно должно бы было носить названіе: „Сокровенное ученіе". Предметъ судятъ обыкновенно больше по его видимостямъ, чѣмъ по истинному содержанію; поэтому заблужденіе, вызванное неудачнымъ заглавіемъ, настолько распространилось, что сами члены Теософическаго Общества стали отчасти его жертвами. Между тѣмъ, съ самаго появленія этого произведенія, браманы и многія другія лица протестовали противъ такого заглавія. Что касается меня, я должна сказать въ свое оправданіе, что „Эзотерическій Буддизмъ" попалъ въ мои руки уже напечатаннымъ и я совершенно не знала, что авторъ „употребилъ въ словѣ „Буддх-измъ неправильное правописаніе. Подъ словомъ „Буддхизмъ" нужно подразумѣвать этико-религіозную систему „Просвѣтленнаго" Гаутамы Будды; слово же „Будхизмъ" (отъ Будхи, мудрость или познаніе) происходитъ отъ санскритскаго корня „будх" знать, и означаетъ способность къ познанію. Къ тому же „Буддизмъ" въ смыслѣ религіи слѣдуетъ произносить „Буддаизмъ", а его послѣдователей называть „буддаистами", а не буддхистами *).

Это объясненіе было совершенно необходимо въ самомъ началѣ нашего труда. Въ предисловіи къ „Эзотерическому Буддизму" сказано, что за два года до изданія книги (1883 г.) ни авторъ, ни кто-либо изъ современныхъ *Европейцевъ*, не зналъ и азбуки того ученія, которое впервые излагалось въ этомъ произведеніи; но это невѣрно, и ошибка эта вкралась, вѣроятно, по недоразумѣнію. Древняя Мудрость есть наслѣдіе всѣхъ народовъ міра, и авторъ настоящаго труда зналъ все, что раскрывается впервые въ *Эзотерическомъ Буддизмѣ*, задолго до того, какъ ему пришлось (въ 1880 г.) открыть небольшую часть Тайной Доктрины двумъ Европейцамъ, одинъ изъ которыхъ и есть авторъ *Эзо-*

*) Въ 1883 г. была слѣлана попытка разсѣять это заблужденіе (см. Theosophist іюнь); по настоящему слѣдовало бы немедленно, по общему соглашенію, измѣнить орѳографію слова, написавъ его черезъ одно *д*.

терическаго Буддизма. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что авторъ настоящаго труда имѣетъ несомнѣнное, хотя съ своей точки зрѣнія и спорное, преимущество быть *Европейцемъ* по рожденію и воспитанію. Кромѣ того значительная часть философіи, изложенной г. Синнетт'омъ, была дана въ Америкѣ еще до изданія „Разоблаченной Изиды" двумъ Европейцамъ и моему коллегѣ, полковнику Г. С. Олькотт'у. Изъ трехъ учителей послѣдняго, одинъ былъ Венгерскій Посвященный, другой—Египетскій, третій—Индусскій. Съ ихъ разрѣшенія, Г. С. Олькоттъ дѣлился частью ввѣренныхъ ему знаній съ другими; что же касается другихъ двухъ Европейцевъ, имъ этого не было разрѣшено, потому что для нихъ время публичнаго выступленія еще не пришло. Запретъ этотъ простирался не на всѣхъ, чему явнымъ доказательствомъ служитъ появленіе ряда интересныхъ книгъ г. Синнетт'а. Кромѣ того, необходимо твердо помнить, что цѣнность теософической книги нисколько не увеличивается отъ имени ея автора.

Слово Adi или Adhi Budha, Единый, Первый и Верховная Мудрость употребляется въ тайномъ ученіи Aryâsanga, и въ настоящее время оно встрѣчается у всѣхъ мистиковъ Сѣвернаго Буддхизма. Этимъ санскритскимъ словомъ древніе Арійцы именовали Неисповѣдимое Божество; слово же „Брамâ" не встрѣчается ни въ Ведахъ, ни въ болѣе раннихъ писаніяхъ. Оно означаетъ Абсолютную Мудрость; слово Adibhûta переведено Fitzedward Halle'омъ какъ „первичная несозданная Причина всего".

Безконечный рядъ вѣковъ долженъ былъ пройти, прежде чѣмъ эпитетъ „Буддха" былъ настолько очеловѣченъ, что сталъ примѣняться къ смертнымъ и наконецъ сдѣлался собственностью того, несравнимыя добродѣтели и познанія котораго заслужили ему титулъ „Будды Незыблемой Мудрости". Bodha означаетъ врожденное обладаніе божественнымъ разумомъ или пониманіемъ, Budha—пріобрѣтеніе такого пониманія личными усиліями и заслугой; а Buddhi есть сама способность познаванія, проводникъ, черезъ который божественное знаніе достигаетъ Ego, способность различать добро и зло; также божественное сознаніе и Духовная Душа, которая и является проводникомъ Atmâ. „Когда Buddhi претворяетъ въ себя, т. е. уничтожаетъ нашу самость (Ego—tism) со всѣми ея Vikâras, то намъ раскрывается Avalokiteshvara и мы достигаемъ Нирваны или Мукти, такъ какъ Мукти и Нирвана понятія тожественныя: оба обозначаютъ освобожденіе отъ оковъ Майи, т. е. Иллюзіи. Bodhi употребляется также для обозначенія особаго рода состоянія транса, именуемаго Samâdhi, во время котораго человѣкъ достигаетъ высшей ступени духовнаго вѣдѣнія.

Не[illegible]ры тѣ, кто изъ слѣпой и неумѣстной въ наше время вражды къ буддхизму, а по реакціи и къ будхизму, отрицаютъ его эзотерическія

ученія, тожественныя съ ученіями брамановъ, и дѣлаютъ они это только потому, что для нихъ, какъ монотеистовъ, самое названіе вызываетъ представленіе о вредныхъ ученіяхъ. „Немудры“ самое подходящее опредѣленіе въ данномъ случаѣ, ибо въ нашъ вѣкъ грубаго и лишеннаго логики матеріализма одна только Эзотерическая философія и въ состояніи отразить непрестанныя нападенія на все, что имѣется наиболѣе дорогого и святого въ духовной жизни человѣка. Для истиннаго философа, углубившагося въ сокровенную мудрость, теряютъ уже значеніе отдѣльныя личности, различія въ догматахъ и особенности религій. Болѣе того, Эзотерическая философія примиряетъ всѣ религіи, снимаетъ съ каждой ея внѣшній человѣческій покровъ и доказываетъ, что корни всѣхъ одни и тѣ же. Она же подтверждаетъ необходимость Абсолютнаго Божественнаго Начала въ природѣ. Сокровенная философія столь же далека отъ отрицанія Бога, какъ и отъ отрицанія солнца на небѣ, и она всегда признавала и Бога въ природѣ, Божество, какъ абсолютное и отвлеченное Ens. Она только отказывается принимать боговъ, созданныхъ человѣкомъ по своему собственному образу и подобію, которые представляютъ кощунственную каррикатуру на Предвѣчнаго Непознаваемаго. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что свѣдѣнія, которыя мы намѣрены предложить вниманію читателя, обнимаютъ собою сокровенныя ученія всего міра съ самаго рожденія человѣчества, и буддхистскій оккультизмъ занимаетъ въ нихъ лишь свое законное мѣсто, но не болѣе. Въ сущности, тайная доктрина Dan или Janna (Dhyâna*) изъ метафизическаго ученія Гаутамы—не смотря на все свое величіе въ глазахъ тѣхъ, кто не знакомъ съ древней Религіей—Мудростью составляетъ лишь незначительную часть цѣлаго. Индусскій реформаторъ ограничилъ свое публичное ученіе чистой этической и физіологической частью Сокровенной Религіи Мудрости, сосредоточившись лишь на этикѣ и на человѣкѣ. Великій Учитель въ своихъ всенародныхъ поученіяхъ совершенно не затронулъ вещи „невидимыя и безплотныя“, тайны сверхчувственнаго бытія внѣ земной сферы, сохранивъ сокровенныя истины для избраннаго круга своихъ Архатовъ. Послѣдніе получали свое посвященіе въ знаменитой пещерѣ Саптапарна (Sattapanni въ Mahâvansa) близъ горы Баибхаръ (въ рукописяхъ пали Webhâra). Эта пещера находится въ Раджагриха, древней столицѣ Магадха; она также именно-

*) Dan, на современномъ Китайскомъ и Тибетскомъ языкахъ Chhan, есть общее названіе Эзотерическихъ школъ и литературъ. Въ старинныхъ книгахъ слово Janna опредѣляется, какъ второе внутреннее рожденіе, какъ преображеніе себя медитаціей и знаніемъ. Отсюда слово Dzan, Djan и книга Dzyan. (См. Edkins Chinese Buddhism, стр. 129 прим.).

валась Пещерой *Чету* Фо-хіанъ, какъ это справедливо предполагаютъ нѣкоторые археологи *).

По мѣрѣ того, какъ Сокровенныя ученія изъ священнаго круга Архатовъ Индіи переносились на менѣе подготовленную къ метафизическому пониманію почву Китая, Японіи, Сіамы и Бирмы, чистота и философія этого ученія все болѣе и болѣе утеривались. До какой степени первоначальная чистота этихъ великихъ откровеній была нарушена, можно убѣдиться, знакомясь съ, такъ называемыми, „Эзотерическими" буддистскими школами древности въ ихъ современномъ облаченіи, и не только въ Китаѣ и въ другихъ буддистскихъ странахъ вообще, но даже и въ тѣхъ немногихъ школахъ Тибета, которыя попали въ руки непосвященныхъ ламъ и монгольскихъ новаторовъ.

Такимъ образомъ читатель долженъ не забывать чрезвычайно важную разницу между *ортодоксальнымъ* Буддизмомъ, т. е. между всенароднымъ ученіемъ Гаутамы Будды и его Эзотерическимъ Будхизмомъ. Но это послѣднее ничѣмъ не отличалось отъ сокровеннаго ученія современныхъ ему брамановъ. Будда былъ дитя Арійской почвы, рожденный Индусъ, Кшатрія и ученикъ „Дважды рожденныхъ" (посвященныхъ брамановъ) или Dvîjas. Слѣдовательно, его ученіе и не могло разниться отъ ихъ ученія, такъ какъ вся суть буддійской реформы заключалась въ обнародованіи части тѣхъ ученій, которыя до тѣхъ поръ тщательно хранились въ „заколдованномъ" кругѣ аскетовъ и посвященныхъ при храмахъ. Не имѣя права, вслѣдствіе данныхъ обѣтовъ, открыть *все*, что ему было извѣстно, Будда далъ міру философію, хотя всецѣло основанную на истинномъ Эзотерическомъ вѣдѣніи, но составляющую лишь ея внѣшній матеріальный покровъ; суть же ея онъ сохранилъ для однихъ избранныхъ. Многіе Китайскіе ученые оріенталисты слышали объ „Ученіи сердца", но никто изъ нихъ, повидимому, не понялъ истиннаго значенія смысла этого ученія.

Ученіе это сохранялось въ глубокой, можетъ быть, слишкомъ глубокой тайнѣ внутри святилища. Тайна, облекавшая основную его догму Нирвану, такъ раздражила любопытство ученыхъ оріенталистовъ, что, не будучи въ состояніи развязать Гордіевъ узелъ, они его разрубили, объявивъ, что Нирвана означаетъ *абсолютное уничтоженіе*.

Къ концу первой четверти нашего вѣка появилась своеобразная литература съ все болѣе и болѣе опредѣленной тенденціей. Такъ какъ эта литература опиралась, яко бы, на ученыя изслѣдованія санскрито-

*) Кажется первый сдѣлалъ эту догадку г. Беглоръ, выдающійся археологъ и главный инженеръ въ Buddhâgaya.

логовъ и оріенталистовъ, то она и была принята за научную. Индусская, Египетская и другія древнія религіи, миѳы и эмблемы толковались сообразно личному желанію комментатора и, такимъ образомъ, нерѣдко грубая *внѣшняя* форма давалась вмѣсто *внутренняго* содержанія. Быстро одна за другой появлялись работы санскритскихъ и палійскихъ ученыхъ, замѣчательныя по остроумію своихъ выводовъ и аргументовъ цѣлый заколдованный кругъ—гдѣ въ силлогизмахъ посылки замѣнялись готовыми выводами—появлялись, быстро разростаясь и наводняя библіотеки трактатами о фаллическихъ и сексуальныхъ культахъ. Вмѣсто истинной символики, ученые эти давали трактаты, противорѣчащіе одинъ другому. Можетъ быть въ этомъ и заключается истинная причина, почему послѣ тысячелѣтій глубочайшаго молчанія и тайны небольшая часть сокровеннаго ученія древнихъ вѣковъ допускается нынѣ къ обнародованію для всеобщаго свѣдѣнія. Я намѣренно говорю „небольшая часть", ибо то, что остается неоткрытымъ, не могло бы вмѣститься и въ сотнѣ такихъ книгъ и было бы недоступно современному поколѣнію ученыхъ. Но лучше дать даже немногое, чѣмъ сохранять полное молчаніе объ этихъ жизненныхъ истинахъ. Современный міръ, въ своемъ безумномъ влеченіи къ неизвѣстному, которое современные физики слишкомъ легко отождествляютъ съ непознаваемымъ, когда задача превышаетъ ихъ пониманіе, быстро двигается въ сторону, противоположную духовности. Онъ сдѣлался широкимъ полемъ постоянной борьбы и разлада, кладбище, на которомъ похоронены высочайшія и святѣйшія стремленія нашего Духа Души. Съ каждымъ поколѣніемъ эта Душа все болѣе и болѣе атрофируется и парализуется. „Милымъ язычникамъ и утонченнымъ распутникамъ" общества, о которыхъ говоритъ Грилей, мало дѣла до возрожденія *мертвыхъ* наукъ прошлаго; но есть и небольшое число серьезно настроенныхъ людей, которые уже готовы воспринять открывающіяся нынѣ истины, и такихъ людей въ настоящее время болѣе, чѣмъ десять лѣтъ назадъ, когда была издана „Разоблаченная Изида".

Однимъ изъ главныхъ аргументовъ противъ достовѣрности и серьезности настоящаго труда могутъ послужить какъ разъ тѣ Стансы, на которыхъ онъ основывается. Возможно ли провѣрить заключенныя въ нихъ данныя? Хотя большая часть санскритскихъ, китайскихъ и монгольскихъ произведеній, которыя упоминаются въ нашей книгѣ, извѣстны нѣкоторымъ оріенталистамъ, но источникъ, откуда взяты Стансы, не находится ни въ одной изъ европейскихъ библіотекъ. *Книга* Dzyan (или Dzan) совершенно неизвѣстна нашимъ филологамъ, во всякомъ случаѣ не извѣстна подъ этимъ названіемъ. Конечно, это оттолкнетъ тѣхъ, которые довѣряютъ методамъ изслѣдованія, пред-

писаннымъ оффиціальной наукой, но для знакомыхъ съ оккультизмомъ и для каждаго серьезнаго оккультиста это имѣетъ мало значенія. Между тѣмъ главная часть этихъ ученій разсѣяна по тысячѣ санскритскихъ манускриптовъ, изъ которыхъ нѣкоторые уже переведены, искаженные какъ водится, невѣрными толкованіями, другіе же—ждутъ своей очереди. Такимъ образомъ, каждый ученый имѣетъ возможность провѣрить приводимыя данныя и разобраться въ цитатахъ. Трудно будетъ провѣрить небольшое число новыхъ фактовъ, *новыхъ* только для профановъ оріенталистовъ, и нѣкоторыя цитаты, взятыя изъ Комментарій. При томъ нѣкоторыя изъ ученій передавались до сихъ поръ лишь устно, но намеки и на нихъ можно найти въ безчисленныхъ книгахъ храмовой литературы Брамановъ, Китайцевъ и Тибетянъ.

Но какъ бы то ни было и что бы не ожидало автора въ лицѣ враждебной критики, одинъ фактъ можетъ быть вполнѣ провѣренъ. Члены нѣсколькихъ эзотерическихъ школъ, находящихся по ту сторону Гималаевъ и имѣющихъ свои развѣтвленія въ Китаѣ, Японіи Индіи, Тибетѣ, и даже въ Сиріи и въ Южной Америкѣ, утверждаютъ, что они владѣютъ цѣликомъ всѣми священными и философскими произведеніями въ рукописяхъ и въ напечатанныхъ книгахъ, которыя когда-либо и на какомъ бы то ни было языкѣ появлялись, съ самаго начала письменности, отъ идеографическихъ іероглифовъ до азбуки Кадмуса и Devanâgarî. Было неоднократно указано, что съ уничтоженія Александрійской библіотеки *), члены этихъ эзотерическихъ школъ неустанно стремились къ тому, чтобы найти и собрать всѣ сочиненія, которыя могли бы привести профана къ окончательному открытію и пониманію нѣкоторыхъ тайнъ Сокровеннаго Ученія; къ этому знающіе прибавляютъ, что какъ только находились такія рукописи, онѣ немедленно уничтожались, за исключеніемъ трехъ снятыхъ съ нихъ копій, которыя тщательно сохранялись въ недоступныхъ мѣстахъ. Въ Индіи послѣдніе изъ такихъ драгоцѣнныхъ манускриптовъ были скрыты въ царствованіе императора Акбара.

Проф. Максъ Мюллеръ говоритъ, что никакіе подкупы или угрозы Акбара не могли заставитъ брамановъ выдать оригинальный текстъ *Ведъ*, и тѣмъ не менѣе хвалится, что европейскіе оріенталисты его достали **). Чрезвычайно сомнительно, чтобы Европа владѣла *всѣмъ текстомъ*, и будущее можетъ еще принести много непріятныхъ сюрпризовъ оріенталистамъ.

Далѣе утверждается, что каждая священная книга такого рода, если текстъ ея не былъ достаточно скрытъ символизмомъ или если

*) См. Isis Unveiled, vol II, p. 27.

**) Introduction to the Science of Religion, p. 23.

въ ней были прямыя ссылки на древнія мистеріи, сперва тщательно списывалась такими криптографическими письменами, чтобы самые искусные палеографы не въ силахъ были разобрать ее, а затѣмъ уничтожалась вся, до послѣдняго экземпляра. Въ царствованіе Акбара нѣкоторые фанатики придворные, недовольные грѣшнымъ интересомъ императора къ религіямъ невѣрныхъ, сами помогали браманамъ прятать ихъ рукописи. Такимъ фанатикомъ былъ Бадаони, питавшій нескрываемый ужасъ къ маніи Акабара относительно идолопоклоническихъ религій.

Въ своей *Muntakhab at Tawarikh* Бадаони пишетъ:

„Такъ какъ они (Шраманы и Браманы) превосходятъ другихъ ученыхъ въ своихъ этическихъ, религіозныхъ и научныхъ трактатахъ, и достигаютъ высокой степени въ знаніи будущаго, въ духовной силѣ и въ человѣческомъ совершенствѣ, они и дали доказательства, основанныя на разумѣ и на свидѣтельствѣ,.. и такъ твердо укоренили свои ученія... что ни одинъ человѣкъ... не могъ теперь поселить сомнѣнія въ Его Величествѣ, если-бы даже горы разсыпались въ прахъ и небо-бы разверзлось... Его Величество собиралъ свѣдѣнія въ сектахъ этихъ невѣрныхъ, которыхъ такъ много, что ихъ нельзя сосчитать, и у которыхъ безконечное количество *откровенныхъ книгъ* *)".

Это произведеніе сохранялось въ тайнѣ и было издано только въ царствованіе *Jahangir'a*.

Во всѣхъ большихъ и богатыхъ буддійскихъ монастыряхъ есть склепы и подземныя книгохранилища, выбитые въ скалахъ, если мѣстность, гдѣ расположенъ монастырь, гористая. За западнымъ Тсайдам'омъ, въ пустынныхъ проходахъ Куэнъ-Луна есть нѣсколько такихъ потаенныхъ мѣстъ. Вдоль Алтинъ-таг'скаго хребта, по которому еще ни одна Европейская нога не доходила до конца, есть селеніе, затерянное въ глубинѣ ущелья. Оно состоитъ изъ группы небольшихъ строеній, болѣе похожихъ на деревушку, чѣмъ на монастырь, съ бѣднымъ на видъ храмомъ, при которомъ стражемъ старый лама — отшельникъ. Богомольцы говорятъ, что подземныя галлереи и залы этого монастыря содержатъ такое множество книгъ, которое не могло-бы помѣститься даже и въ Британскомъ Музеѣ.

Согласно тому же преданію, пустынныя и безводныя нынѣ пространства безводной страны Тарима,—настоящая пустыня въ центрѣ Туркестана — нѣкогда были покрыты цвѣтущими и богатыми городами. Въ настоящее время эта мертвая пустыня оживляется лишь нѣсколькими зелеными оазисами. Одинъ изъ такихъ оазисовъ, покрывающій собой могилу большого города, погребеннаго подъ песками пустыни,

---

*)Ain i Akbari перев. на англійскій яз. д-омъ Блокманнъ, приводится М. Мюллеромъ въ Introduction to the Science of Religion.

не принадлежитъ никому, но его часто посѣщаютъ Монголы и Буддисты. Преданіе упоминаетъ также о большихъ подземельяхъ, о безконечныхъ корридорахъ, наполненныхъ свитками и клинообразными письменами. Можетъ быть это праздный слухъ, а можетъ быть и дѣйствительный фактъ.

Все это можетъ вызвать улыбку недовѣрія. Но прежде, чѣмъ читатель отринетъ вѣроятность подобныхъ разсказовъ, пусть онъ подумаетъ о слѣдующихъ хорошо извѣстныхъ фактахъ. Коллективныя изслѣдованія оріенталистовъ, въ особенности-же послѣднія работы ученыхъ по сравнительной филологіи и по наукѣ религій, привели къ убѣжденію, что безчисленное число рукописей и даже напечатанныхъ книгъ, *несомнѣнно существовавшихъ, въ настоящее время исчезли.* Они исчезли, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда. Если-бы это были малозначительныя сочиненія, они могли-бы исчезнуть, какъ никому не нужныя и самыя имена ихъ давно бы были забыты. Но это не такъ, ибо, установлено, что большинство изъ нихъ заключали истинные ключи къ нынѣ существующимъ сочиненіямъ, *совершенно непонятнымъ для большинства читателей безъ этихъ дополнительныхъ комментаріевъ и разъясненій.*

Таковы, напримѣръ, сочиненія Лао-Тсе, предшественника Конфуція. Считаютъ, что онъ написалъ 930 книгъ этическаго и религіознаго содержанія и семьдесятъ о магіи, всего тысячу сочиненій. Но основная его книга, *Tao-te-King*, *сердце* его ученія и священное писаніе *Тао-сзе* заключаетъ въ себѣ, какъ это показываетъ Станиславъ Жюльенъ, около 5000 словъ *), т. е. не болѣе двѣнадцати страницъ; но проф. Максъ Мюллеръ находитъ текстъ непонятнымъ безъ комментаріевъ, такъ что Жюльену пришлось просмотрѣть для своего перевода болѣе 60 комментаторовъ, древнѣйшій изъ которыхъ относится къ 163 г. до Р. Х.". Этотъ комментаторъ считается самымъ раннимъ, а между тѣмъ въ теченіе четырехъ съ половиной вѣковъ, предшествовавшихъ этому „древнѣйшему" изъ комментаторовъ, было достаточно времени, чтобы скрыть истинный смыслъ ученія Лао-Тсе отъ всѣхъ, кромѣ его посвященныхъ священниковъ. Японцы, среди которыхъ встрѣчаются въ наше время наиболѣе ученые священники и послѣдователи Лао-Тсе, прямо забавляются надъ ошибками и гипотезами европейскихъ изслѣдователей Китая; и преданіе утверждаетъ, что комментаріи, доступные западнымъ ученымъ, не настоящія *оккультныя* лѣтописи, а намѣренно замаскированныя писанія, и что настоящіе комментаріи, какъ почти всѣ оригинальные тексты, давно уже *скрыты* отъ профановъ.

*) Tao-te-King, стр. XXVII.

О сочиненіяхъ Конфуція мы читаемъ:

Если мы обратимся къ Китаю, мы увидимъ, что религія Конфуція основывается на пяти книгахъ *Кингъ* и на четырехъ книгахъ *Шу*, очень пространныхъ и дополненныхъ обширными комментаріями, безъ которыхъ даже самые ученые изслѣдователи не рѣшились-бы изслѣдовать *глубину* своего священнаго канона *).

Но западные ученые не изслѣдовали его; такова жалоба Конфуціанцевъ, какъ мы это недавно слышали отъ одного ученаго члена этой коллегіи въ Парижѣ, въ 1881 г.

Если-же наши ученые обратятся къ древней литературѣ Семитическихъ религій, къ священнымъ писаніямъ Халдеи, которую слѣдуетъ считать старшей сестрой и вдохновительницей, если не главнымъ источникомъ Моисеевой Библіи, основой и точкой отправленія Христіанства, что находятъ они тамъ? Что осталось отъ древнихъ религій Вавилона, отъ обширнаго круга астрономическихъ наблюденій Халдейскихъ маговъ, чтобы оправдать преданія о блестящей оккультной литературѣ? Всего нѣсколько отрывковъ, которые *приписываются* Берозу.

Да и эти отрывки почти не имѣютъ значенія, даже какъ ключъ къ исчезнувшему матеріалу, такъ какъ они прошли черезъ руки епископа Цезарей — этого добровольнаго цензора и издателя священныхъ писаній чужихъ религій—и носятъ на себѣ и до сихъ поръ несомнѣнные слѣды этихъ необычайно правдивыхъ и достойныхъ довѣрія рукъ. Вспомнимъ исторію этого трактата, относящагося къ когда-то великой религіи Вавилона.

Онъ былъ написанъ по гречески для Александра Великаго священникомъ при храмѣ Бела, Берозомъ, который писалъ по астрономическимъ и хронологическимъ записямъ, хранившимся у священниковъ этого храма и обнимающимъ періодъ въ 200.000 лѣтъ. Этотъ трудъ въ настоящее время утерянъ. Въ I вѣкѣ до Р. Х. Александръ Полигисторъ сдѣлалъ изъ него рядъ извлеченій, но эти извлеченія *также исчезли*. Евзебій (270—340 г. послѣ Р. Х.) пользовался этими извлеченіями при писаніи своего *Chronicon*'а. Полное совпаденіе — почти тождество — многихъ Еврейскихъ и Халдейскихъ Писаній **) сдѣлало послѣднія опасными въ глазахъ Евзебія, защитника и пропагандиста той новой вѣры, которая приняла Еврейскія писанія, а вмѣстѣ съ ними и нелѣпую хронологію.

---

*) Max Müller, op. cit. p. 104.

**) Они только теперь найдены и удостовѣрены вслѣдствіе изысканій Джоржа Смита (см. его „Халдейскую лѣтопись Генезиса"); благодаря этому Армянскому поддѣлывателю, „ цивилизованныя націи" находились 1500 лѣтъ въ заблужденіи, принимая Еврейскія извлеченія за *непосредственное* Божественное откровеніе.

Можно съ увѣренностью сказать, что Евзебій не пощадилъ Египетскихъ синхроническихъ таблицъ Манетхо, и до такой степени, что Бунзенъ *) его прямо обвиняетъ въ безсовѣстномъ искаженіи исторіи, а Сократъ, историкъ V вѣка, и Синцеллій, вице-патріархъ Константинополя начала VIII вѣка, оба указываютъ на него, какъ на беззастѣнчиваго и отчаяннаго выдумщика. Правдоподобно-ли послѣ этого, чтобы онъ обошелся болѣе нѣжно съ Халдейскими писаніями, опасными по его мнѣнію для новой, только-что принятой вѣры?

Такимъ образомъ, за исключеніемъ этихъ болѣе чѣмъ сомнительныхъ отрывковъ, вся священная Халдейская литература совсѣмъ исчезла изъ глазъ профановъ, какъ исчезла и Атлантида. Нѣсколько фактовъ изъ исторіи Бероза будутъ даны ниже, и они могутъ пролить много свѣта на истинное происхожденіе падшихъ Ангеловъ, олицетворяемыхъ Бэл'омъ и Дракономъ.

Обращаясь теперь къ древнѣйшему произведенію арійской литературы, къ *Rig-Veda*, и слѣдуя за указаніями самихъ оріенталистовъ, мы увидимъ, что хотя *Rig-Veda* содержитъ всего около 10.580 стиховъ, или 1.028 гимновъ, смыслъ ея, несмотря на *Brâhmanas* **) и на массу добавленій и комментаріевъ, и до сихъ поръ понимается не вполнѣ вѣрно. Почему? Очевидно потому, что *Brâhmanas* — „ученые и древнѣйшіе трактаты о первоначальныхъ гимнахъ", сами *требуютъ ключа*, а ключъ этотъ оріенталисты найти не могутъ.

Далѣе, что говорятъ ученые о буддійской литературѣ? Знаютъ-ли они ее всю? Конечно нѣтъ. Несмотря на 325 книгъ Kanjur'a и Tanjur'a Сѣверныхъ Буддистовъ, изъ которыхъ каждая книга вѣситъ отъ 4 — 5 фунтовъ, въ сущности ничего неизвѣстно о настоящемъ Ламаизмѣ. Между тѣмъ, въ *Saddharmâlankâra* ***) говорится, что священный канонъ содержитъ 29.368.000 буквъ, т. е., не считая трактатовъ и комментаріевъ, въ пять или шесть разъ больше нашей Библіи, содержащей, по словамъ проф. Макса Мюллера, всего 3.567.180 буквъ. Несмотря на эти 325 книгъ, (въ сущности ихъ 333, такъ какъ въ Kanjur'ѣ 108, а въ Tanjur'ѣ 225 книгъ), „переводчики, вмѣсто того, чтобы намъ дать правильные тексты, переплели ихъ съ собственными комментаріями, имѣя въ виду оправдать догмы своихъ школъ" ****). По традиціи-же буддійскихъ школъ, южныхъ и сѣверныхъ, священный буддійскій канонъ заключалъ въ себѣ первоначально отъ 80.000 до 84.000 трактатовъ, но большинство изъ нихъ было утеряно, такъ что осталось

*) Egypt's Place in History i. 200.

**) Brâhmanas составляютъ II часть Ведъ, отдѣлъ гимновъ и молитвъ.

***) Spence Hardy, The Legends and Theories of the Buddhists, p. 66.

****) E. Shlagintweit, Buddhism in Tibet, p. 77.

всего 6.000, по словамъ профессора. Слѣдуетъ прибавить, что потеряны они для Европейцевъ. Но кто можетъ сказать навѣрно, что они утеряны также для буддистовъ и брамановъ?

При благоговѣйномъ отношеніи буддистовъ къ каждой строкѣ, писанной о Буддѣ и о Благомъ Законѣ, утеря почти 76.000 трактатовъ кажется невѣроятной. Если-бы было наоборотъ, то можно было-бы допустить, что изъ 76.000 трактатовъ 6.000 могли быть уничтожены во время преслѣдованій и переселеній изъ Индіи. Но странно слышать отъ оріенталистовъ о такой потерѣ, когда достовѣрно извѣстно, что буддійскіе Архаты начали уже за 300 лѣтъ до Р. Х. свои странствія съ цѣлью пропаганды за Кашмиромъ и за Гималаями, и достигли уже Китая въ 61 г., когда, по приглашенію императора Мингъти, Кашіапа пришелъ, чтобы познакомить Сына Неба съ ученіями буддизма. Оріенталисты не могутъ допустить ни на одну минуту, чтобы тексты могли быть утеряны только для Запада и для нихъ самихъ, или чтобы народы Азіи могли обнаружить неслыханную дерзость и не пожелать выдать свои Св. Писанія иностранцамъ, не желая искаженія и профанаціи даже со стороны столь „опередившихъ“ ихъ расъ.

Судя по выраженнымъ сожалѣніямъ и признаніямъ почти всѣхъ оріенталистовъ *), публика можетъ убѣдиться въ томъ, что а) изслѣдователи древнихъ религій имѣютъ очень мало данныхъ, на которыхъ они могли-бы строить конечные выводы, такъ смѣло создаваемые ими относительно древнихъ вѣрованій, б) что это отсутствіе данныхъ нисколько не мѣшаетъ имъ догматизировать. Казалось-бы, что благодаря многочисленнымъ лѣтописямъ объ Египетской теогоніи и о древнихъ мистеріяхъ, сохраненныхъ у классическихъ и древнихъ писателей, по крайней мѣрѣ культъ и вѣрованія Египта временъ фараоновъ должны бы быть хорошо поняты; во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сложная философія и пантеизмъ Индіи, о религіи и языкѣ которыхъ Европа не имѣла никакого понятія до настоящаго столѣтія. Вдоль всего Нила и по всей странѣ до настоящаго времени продолжаютъ говорить за себя вновь и вновь отрываемые памятники глубокой древности. Но даже и Египта мы не знаемъ. Ученый Оксфордскій филологъ дѣлаетъ такое признаніе:

Передъ нами все еще стоятъ пирамиды и развалины храмовъ и лабиринтовъ и стѣны, покрытыя іероглифами и странными изображеніями боговъ и богинь. На свиткахъ папируса, которые, какъ-будто, не боятся времени, мы находимъ отрывки даже и того, что можно назвать священными книгами Египтянъ. И все-же, хотя многое было уже разобрано изъ древнихъ записей таинственной расы, главный

*) См. Лекціи Макса Мюллера.

источникъ религіи Египта и первоначальное значеніе ея внѣшняго культа *) остается и до сихъ поръ еще не вполнѣ раскрытымъ для насъ; и здѣсь таинственные іероглифическіе документы на лицо, но ключъ, который сдѣлалъ бы ихъ понятными, отсутствуетъ.

Въ сущности, наши величайшіе Египтологи такъ мало знакомы съ похоронными обрядами Египтянъ и съ внѣшними признаками пола мумій, что они не разъ дѣлали самыя нелѣпыя ошибки. Годъ или два тому назадъ такая ошибка была обнаружена у *Boulaq*, въ Каирѣ. Оказалось, что мумія, которая считалась незначительной женой фараона, была муміей величайшаго изъ царей Египта, Сезостриса! Это было обнаружено благодаря надписи, найденной на амулетѣ, висѣвшемъ на шеѣ муміи.

Тѣмъ не менѣе открытіе, что есть естественная связь между языкомъ и религіей, и что до раздѣленія Арійскої расы была *общая* Арійская религія; до раздѣленія Семитической расы — *общая* Семитическая религія и до раздѣленія китайскихъ и другихъ Туранскихъ племенъ — *общая* Туранская религія; словомъ, открытіе, что существуетъ всего „три древнихъ центра религіи“ и „три центра языка“, не останавливаетъ профессора, не смотря на полную неизвѣстность какъ этихъ первоначальныхъ религій и языковъ, такъ и ихъ происхожденія, и онъ все же заявляетъ, что отнынѣ „найдена истинно *историческая основа* для научнаго изслѣдованія главныхъ религій міра!“

„Научное изслѣдованіе“ предмета не есть еще гарантія для его „историческаго обоснованія“ и съ такой бѣдностью данныхъ ни одинъ филологъ, даже изъ самыхъ выдающихся, не имѣетъ права выдавать свои собственные выводы за *историческіе* факты. Знаменитый оріенталистъ несомнѣнно вполнѣ доказалъ, согласно фонетическимъ правиламъ Гримма, что Одинъ и Будда—двѣ совершенно различныя личности и доказалъ это вполнѣ *научно*. Но когда онъ тутъ-же прибавляетъ, что Одинъ былъ предметомъ поклоненія, какъ верховное божество, задолго до *Ведъ* и Гомера **), то у него нѣтъ ни малѣйшаго „историческаго основанія“ для такого заявленія, ибо онъ *исторію* и *фактъ* подчиняетъ своимъ собственнымъ выводамъ, которые въ глазахъ ученыхъ оріенталистовъ могутъ казаться очень „научными“, и все же быть далекими отъ истины. Яркимъ доказательствомъ того, что заявленіе это лишено всякаго „историческаго“ обоснованія, служатъ противорѣчивые взгляды знаменитыхъ филологовъ и оріенталистовъ, начиная съ Мартина Гауг'а и до проф. Макса Мюллера включительно,

*) Тамъ-же, стр. 118.

**) Тамъ-же, стр. 318.

какъ разъ по вопросу о хронологіи Ведъ; очевидно, что „внутреннее убѣжденіе“ далеко не всегда бываетъ вѣрнымъ маякомъ. Наука современной сравнительной миѳологіи даетъ превосходный аргументъ противъ самомнѣнія тѣхъ ученыхъ—писателей, которые за послѣднее столѣтіе заявляли, что существующіе „отрывки первоначальнаго откровенія, даннаго предкамъ всего рода человѣческаго, сохраняются въ храмахъ Греціи и Италіи“. Недавно одинъ выдающійся священникъ Сингалез'а говорилъ автору, что въ Азіи хорошо извѣстно, что наиболѣе важныя части Св. буддійскаго канона скрыты и хранятся въ *странахъ и мѣстахъ, недоступныхъ европейскимъ пандитамъ*; величайшій санскритологъ Индіи, покойный *Swâmi Dayanand Sarasvati*, говорилъ нѣсколькимъ членамъ Теософическаго Общества тоже самое относительно Св. писаній браманизма. Ученый святой засмѣялся, услыхавъ, что проф. Максъ Мюллеръ заявилъ публично, что въ настоящее время теорія о существованіи *первоначальнаго откровенія*, даннаго предкамъ рода человѣческаго, находитъ себѣ уже мало послѣдователей. Его отвѣтъ характеренъ. „Если-бы г. Максъ Мюллеръ былъ браманъ, сказалъ онъ, и пошелъ-бы со мной, я повелъ-бы его въ тайный склепъ (*gupa cave*) близъ *Okhee Math* въ Гималаяхъ, и тамъ онъ убѣдился-бы, что все перенесенное черезъ *Kâlapani* (черныя воды океана) изъ Индіи въ Европу, есть лишь крохи отвергнутыхъ копій нашихъ св. книгъ. Первоначальное откровеніе *было* дано; оно и теперь существуетъ, никогда не будетъ утеряно и снова появится въ міръ, но, конечно, Европейцы должны подождать“.

На дальнѣйшіе вопросы онъ отказался отвѣчать. Это было въ Меерут'ѣ въ 1880 г.

Несомнѣнно, что мистификація брамановъ относительно полковника Вильфорд'а и сэра Вильямъ Джонс'а, такъ удавшаяся имъ когда то въ Калькуттѣ, была жестока, но она была вполнѣ заслужена, и виновниками въ этомъ дѣлѣ были прежде всего миссіонеры и самъ полковникъ Вильфордъ. По свидѣтельству самого сэра Джонс'а *), послѣдній былъ настолько легкомысленъ, что утверждалъ, будто Индусы—почти уже христіане, такъ такъ Брама, Вишну и Махеша — ничто иное, какъ христіанская Троица **). Это былъ хорошій урокъ, заставившій ученыхъ оріенталистовъ быть вдвое осторожнѣе; но зато, нѣ-

*) Азіатскія изысканія, I, 272.

**) См. Макса Мюллера, тамъ-же, 288 и дальше, гдѣ говорится объ искусной поддѣлкѣ, вложенной въ рукопись Пуранъ, написанный на правильномъ древнемъ санскритскомъ языкѣ и которыя повѣствуетъ обо всемъ, что пандиты слышали отъ полковника Вильфорда объ Адамѣ, Авраамѣ, Ноѣ и его трехъ сыновьяхъ и т. д., и т. д.

которыхъ изъ нихъ онъ такъ напугалъ, что они вдались въ противоположную крайность. Ибо этотъ „первый товаръ съ браманическаго рынка", полученный полковникомъ Вильфорд'омъ, заставилъ оріенталистовъ видѣть почти въ каждой древней санскритской рукописи нѣчто современное, что было очень на руку миссіонерамъ. До чего доходитъ смѣлость послѣднихъ видно изъ недавней ихъ попытки доказать, что вся исторія Пуранъ о Кришнѣ есть *сплошной плагіатъ* изъ Библіи, сдѣланный браманами! Но факты, которые Оксфордскій профессоръ приводитъ въ своихъ лекціяхъ по поводу, ставшихъ знаменитыми, поддѣлокъ, вызвавшихъ въ свое время сперва радость, а затѣмъ и горе у полковника Вильфорд'а, совершенно не противорѣчатъ выводамъ, къ которымъ неизбѣжно приходитъ тотъ, кто изучаетъ сокровенное ученіе. Ибо, если разслѣдованія докажутъ, что ни Ветхій, ни Новый Завѣтъ ничего не заимствовалъ изъ болѣе древнихъ религій брамановъ и буддистовъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Евреи не заимствовали своихъ знаній изъ халдейскихъ записей, искаженныхъ впослѣдствіи Евзебіемъ. Что касается Халдеевъ, то они несомнѣнно получили свои первоначальныя свѣдѣнія отъ брамановъ, ибо Раулинсонъ указываетъ на очевидное вліяніе Ведъ на раннюю миѳологію Вавилона; а полковникъ Вансъ Кеннеди давно уже справедливо замѣтилъ, что Вавилонія, съ самаго своего основанія, была центромъ санскритской и браманской учености. Но всѣ такія доказательства тонутъ въ новѣйшей теоріи, придуманной проф. Максомъ Мюллеромъ. Кодексъ фонетическихъ законовъ сдѣлался универсальнымъ средствомъ для установленія тождества и „связи" между богами многихъ національностей. Такимъ образомъ, хотя мать Меркурія (Budha Thot-Hermes) была Майя, мать Гаутамы Будды — тоже Майя и мать Іисуса также Майя (иллюзія, ибо Марія есть Mare, т. е. Море, символически—великая иллюзія), тѣмъ не менѣе всѣ три не имѣютъ связи между собой и не могутъ имѣть таковой, такъ какъ Боппъ „установилъ свой кодексъ фонетическихъ законовъ".

Со стороны оріенталистовъ, такъ усердно собирающихъ всевозможные обрывки историческихъ матеріаловъ, довольно смѣло отрицать *a priori* все то, что не совпадаетъ съ ихъ собственными выводами. Въ то время, какъ ежедневно подтверждается, что высоко развитыя искусства и науки существовали уже въ незапамятныя времена, находятъ возможнымъ у нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ націй отрицать существованіе какой-либо письменности и приписывать имъ сплошное варварство. Между тѣмъ, даже въ Центральной Азіи можно еще найти слѣды великой цивилизаціи и эта цивилизація несомнѣнно *доисторическая*. Но какая же можетъ быть цивилизація безъ литературы, въ какой-бы

то ни было формѣ, безъ лѣтописей или хроникъ? Здравый смыслъ долженъ указывать на то, что необходимо восполнить утерянныя звенья въ исторіи умершихъ націй. Гигантская непрерывная стѣна горъ, окаймляющая плоскогоріе Тибета отъ верхняго теченія рѣки Кхуан-кхе до Каракормскихъ холмовъ, была свидѣтельницей цивилизаціи, длившейся многія тысячелѣтія, и могла бы сообщить человѣчеству много удивительныхъ тайнъ. Было время, когда восточная и центральная части этой страны (Нанъ-чанъ и Алтинъ-тагъ) были покрыты городами, которые могли бы соперничать съ Вавилономъ. Сыпучіе пески и безплодная, нынѣ мертвая, почва громадныхъ центральныхъ равнинъ Таримскаго бассейна указываютъ на то, что, съ тѣхъ поръ какъ эти города перестали существовать, страна пережила цѣлый геологическій періодъ. Только однѣ окраины поверхностно изслѣдованы путешественниками. За этими сыпучими песками есть вода, и свѣжіе, цвѣтущіе оазисы находятся тамъ, куда не вступала еще ни одна европейская нога. Нѣкоторые изъ этихъ зеленыхъ оазисовъ совершенно недоступны даже и для мѣстнаго непосвященнаго путника. Ураганы могутъ закрутить пески и занести ими цѣлыя равнины, но они не могутъ разрушить то, что не въ ихъ власти. Глубоко въ нѣдрахъ земныхъ погребенныя сокровища—въ безопасности; и такъ какъ входъ къ нимъ недоступенъ, то ихъ не разыщутъ, даже если бы цѣлыя арміи наводнили песчанныя пустыни, гдѣ

Ни родника, ни куста, ни жилища,
Гдѣ лишь горные кряжи зубчатой стѣной
Охватили изсохшія степи горячей пустыни...

Но читателя нечего отсылать въ пустыню, ибо тѣ же доказательства древней цивилизаціи можно найти въ сравнительно довольно населенныхъ частяхъ той же страны; такъ, напр., оазисъ Тчертченъ, находящійся на 4.000 футовъ надъ уровнемъ рѣки Тчерченъ-Дарья, окруженъ въ настоящее время со всѣхъ сторонъ развалинами древнихъ городовъ. Около 3.000 жителей этого оазиса представляютъ собой остатки сотни вымершихъ націй и расъ, которыя нашимъ этнологамъ неизвѣстны, даже по имени. Антропологъ совершенно не могъ бы ихъ классифицировать, раздѣлить и подраздѣлить ихъ, тѣмъ болѣе, что потомки этихъ допотопныхъ расъ и племенъ сами ничего не знаютъ о своихъ предкахъ, словно они свалились съ луны. Когда ихъ спрашиваютъ объ ихъ происхожденіи, они отвѣчаютъ, что они не знаютъ, откуда пришли ихъ предки, но что они слышали, что въ незапамятныя времена ими правили великіе геніи этихъ пустынь. Конечно, это можно отнести къ невѣжеству и суевѣрію, но, если принять во внима-

ніе ученіе Тайной Доктрины, то отвѣтъ этотъ окажется основаннымъ на первичномъ преданіи. Только одно племя изъ Хоорассано считаетъ себя выходцемъ изъ мѣстности, извѣстной въ наше время какъ Афганистанъ, въ дни, предшествовавшіе Александру, и приводитъ въ доказательство свои легенды и миѳы. Русскій путешественникъ Пржевальскій нашелъ около самого оазиса Тчертчена развалины двухъ громадныхъ городовъ, изъ которыхъ древнѣйшій, согласно мѣстному преданію, былъ 3000 лѣтъ тому назадъ разрушенъ героемъ-великаномъ, а другой въ X вѣкѣ нашего лѣтосчисленія—монголами.

„Благодаря движущимся пескамъ и вѣтру пустыни, мѣстонахожденіе этихъ двухъ городовъ, въ настоящее время, покрыто самыми разнообразными и странными остатками: сломаннымъ фарфоромъ, кухонной посудой и человѣческими костями. Мѣстные жители часто находятъ мѣдныя и золотыя монеты, серебряные слитки, алмазы, бирюзу и — что самое замѣчательное — разбитое стекло; находятъ также гробы изъ какого-то нетлѣющаго матеріала и въ нихъ прекрасно сохраненныя набальзамированныя тѣла. Мужскія муміи представляютъ собою чрезвычайно высокихъ и могучихъ людей съ длинными волнистыми волосами... Былъ найденъ сводъ, въ которомъ оказалось двѣнадцать мертвыхъ въ сидячемъ положеніи. Въ другой разъ мы нашли въ отдѣльномъ гробу молодую дѣвушку. Ея глаза были прикрыты золотыми дисками, а челюсти поддерживались золотымъ обручемъ. Она была одѣта въ узкое шерстяное платье, грудь ея была покрыта золотыми звѣздами, а ноги были босыя *).

Знаменитый путешественникъ прибавляетъ, что въ теченіе всего пути вдоль рѣки Тчертченъ онъ слышалъ легенды о двадцати трехъ городахъ, зарытыхъ вѣка тому назадъ подъ сыпучими песками пустыни. Такое преданіе существуетъ въ Лобъ-Норѣ и въ оазисѣ Керія.

Остатки такой цивилизаціи и подобнаго рода преданія даютъ намъ право признать и другую легендарную миѳологію, за истину которой ручаются ученые уроженцы Индіи и Монголіи; эти легенды говорятъ намъ о громадныхъ библіотекахъ, вырытыхъ изъ песковъ вмѣстѣ съ различными остатками древне-магической науки, которыя до настоящаго времени сохранились въ цѣлости.

Резюмируя, мы видимъ, что Сокровенное Ученіе было повсемѣстно распространенной религіей древняго и доисторическаго міра. Въ тайныхъ подземельяхъ и книгохранилищахъ, принадлежащихъ Оккультному Братству, существуютъ до сихъ поръ доказательства распространенія этого ученія, подлинная его исторія, непрерывная цѣпь документовъ, указывающихъ на его характеръ и на появленіе его въ каждой странѣ, гдѣ учили Великіе Адепты.

Это утвержденіе основывается на слѣдующихъ фактахъ: преданіе о 1000 древнихъ рукописяхъ, спасенныхъ при разрушеніи Александрій-

*) Изъ лекціи Пржевальскаго.

ской библіотеки; 1000 санскритскихъ писаній, которыя исчезли въ Индіи въ царствованіе Акбара; всеобщее преданіе въ Китаѣ и въ Японіи о томъ, что истинные древніе тексты съ выясняющими ихъ комментаріями, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ книгъ, давно уже стали недоступными для непосвященныхъ; исчезновеніе обширной священной и оккультной литературы Вавилона; утеря ключей, которые одни раскрываютъ смыслъ тысячи загадокъ въ египетскихъ іероглифахъ; преданія Индіи о томъ, что истинные тайные комментаріи, которые одни дѣлаютъ сокровенный смыслъ Ведъ яснымъ, скрыты въ тайныхъ пещерахъ и доступны только для посвященныхъ, и такое же вѣрованіе Буддистовъ по отношенію къ ихъ священнымъ книгамъ.

Оккультисты утверждаютъ, что всѣ эти писанія существуютъ, недоступныя нескромному Западу, но что они снова явятся въ болѣе просвѣщенный вѣкъ, и что этого времени, по словамъ Свами Даянандъ Сарасвати „Млеккхасъ (дикари, отверженные, непринадлежащіе къ Арійской цивилизаціи) должны будутъ ждать".

Если же документы теперь „утеряны" для непосвященныхъ, въ этомъ не виноваты посвященные; не эгоизмъ и не желаніе удержать монополію на эту священную литературу было мотивомъ ихъ образа дѣйствія. Нѣкоторыя части Сокровенной Науки должны были на безконечное время оставаться скрытыми отъ глазъ непосвященныхъ, потому что открытіе столь важныхъ тайнъ неподготовленной толпѣ было бы такъ же опасно, какъ дать ребенку зажженную свѣчу у самаго пороховаго погреба.

Отвѣтъ на вопросъ, столь часто возникающій, мы постараемся дать въ слѣдующихъ строкахъ.

Можно понять—слышится возраженіе—необходимость скрывать отъ толпы такія тайны, какъ Вриль или разрушительную силу, подобную открытой Ж. В. Кили въ Филадельфіи, но нельзя понять—какую опасность можетъ представить открытіе такого чисто философскаго ученія, какъ напримѣръ, эволюція планетной цѣпи.

Опасность въ томъ, что такія ученія (планетная цѣпь, семь расъ и т. д.) даютъ ключъ къ семиричной природѣ человѣка, ибо каждое начало соотвѣтствуетъ семиричнымъ оккультнымъ силамъ, причемъ въ высшихъ сферахъ эти силы обладаютъ страшнымъ могуществомъ. Такимъ образомъ, всякое семиричное дѣленіе даетъ сразу ключъ къ страшнымъ оккультнымъ силамъ, злоупотребленіе которыми можетъ причинить человѣчеству неисчислимое зло; можетъ быть онъ и не является ключомъ для настоящаго поколѣнія, въ особенности для европейцевъ, охраняемыхъ своей слѣпотой и своимъ матеріалистическимъ невѣріемъ во все оккультное; тѣмъ не менѣе,

этотъ ключъ былъ бы очень реаленъ въ первые вѣка христіанской эры для людей, вполнѣ убѣжденныхъ въ дѣйствительности оккультизма, и притомъ въ такую эпоху, которая открываетъ собой нисходящій циклъ, способствующій злоупотребленію оккультными силами и колдовствомъ худшаго рода.

Документы были скрыты — это правда, но самое знаніе и существованіе этихъ документовъ въ настоящемъ не было никогда тайной для іерофантовъ въ храмахъ, гдѣ мистеріи являлись методомъ для развитія дисциплины и добродѣтели. Это было извѣстно давно, и снова и снова провозглашалось великими Адептами, начиная съ Пиѳагора и Платона и кончая Неоплатониками. Новая религія Назареевъ внесла перемѣну къ худшему въ методы древности. Мало того, существуетъ весьма любопытный фактъ, подтвержденный для автора въ недавно происходившемъ разговорѣ съ достойнымъ полнаго довѣрія членомъ русскаго посольства: въ С.-Петербургской Императорской библіотекѣ существуютъ документы, которые указываютъ на то, что даже въ недавнее сравнительно время, когда въ Россіи безпрепятственно процвѣтали масонство и другія тайныя общества мистиковъ, т. е. въ концѣ прошлаго и началѣ настоящаго столѣтія, нѣкоторые русскіе мистики отправлялись черезъ Уралъ въ Тибетъ, разыскивая знанія и посвященія въ невѣдомыхъ пещерахъ Азіи, и нѣкоторые изъ нихъ возвращались черезъ нѣсколько лѣтъ съ такими богатыми свѣдѣніями, какія они не могли бы получить нигдѣ въ Европѣ. Тому было немало примѣровъ, и можно было бы назвать общеизвѣстныя имена, если бы не опасеніе, что для родственниковъ этихъ лицъ подобное разоблаченіе могло бы быть и непріятно. Стоитъ лишь познакомиться съ лѣтописями масонскаго движенія въ архивахъ русской столицы, чтобы убѣдиться въ вышеприведенномъ фактѣ.

Къ сожалѣнію, разсказы о такихъ вещахъ дѣлались иногда весьма необдуманно, и вмѣсто того, чтобы пойти на благо человѣчеству, они вызывали лишь грубыя обвиненія въ выдумкѣ и въ шарлатанствѣ, что съ своей стороны порождало дурную карму для клеветниковъ. Но въ настоящее время, когда разоблаченія уже произошли, нельзя болѣе скрывать истину, какія бы ни были послѣдствія.

Насъ спрашиваютъ: новая ли религія Теософія? Нѣтъ, это не „религія“ и философія ея не „нова“, ибо, какъ уже было сказано, она такъ же стара, какъ и мысли человѣческія. Ея ученія провозглашаются не въ первый разъ, они передавались цѣлымъ рядомъ посвященныхъ, въ особенности недавно умершимъ Рагонъ. Немало значительныхъ ученыхъ утверждаютъ, что не было ни одного основателя религіи, ни арійскаго, ни семитическаго, ни туранскаго, который бы *изобрѣлъ*

новую религію и открылъ новую истину. Всѣ эти основатели лишь посредники, но не изобрѣтатели ученія. Они создавали новыя формы и объясненія, но истины, на которыхъ покоились ученія, были такъ же стары, какъ само человѣчество. Такъ, изъ многихъ истинъ, устно открытыхъ человѣчеству и хранимыхъ и передаваемыхъ въ храмахъ черезъ посвященіе во время мистеріи и въ личной передачѣ, они выбирали нѣсколько великихъ истинъ, реальныхъ только для истиннаго мудреца и ясновидца, и открывали ихъ массамъ. Такимъ образомъ каждая нація получала въ свою очередь нѣкоторыя изъ этихъ истинъ подъ покровомъ своего особеннаго мѣстнаго символизма, который съ теченіемъ времени развивался въ болѣе или менѣе философскій культъ, цѣлый пантеонъ въ миѳическомъ облаченіи. Поэтому Конфуцій, очень древній законодатель по исторической хронологіи, но, какъ мудрецъ, весьма современный въ исторіи міра, считается докторомъ Легге *) передатчикомъ, но не творцомъ. Самъ онъ говоритъ: „Я только вручаю и не могу создать ничего новаго. Я вѣрю въ древнихъ и люблю ихъ **). Авторъ этого труда ихъ также любитъ, она вѣритъ въ этихъ древнихъ и въ современныхъ наслѣдниковъ ихъ Мудрости. Вѣря и въ тѣхъ, и въ другихъ, авторъ передаетъ теперь то, что самъ получилъ, всѣмъ, кто готовъ принять ея слова. Что же касается тѣхъ—и это большинство, которые не примутъ ея свидѣтельства, она не будетъ на нихъ гнѣваться, ибо они со своей стороны такъ же правы въ своемъ отрицаніи, какъ она права въ своемъ утвержденіи, такъ какъ обѣ стороны смотрятъ на истину съ двухъ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Согласно правиламъ ученаго критицизма, оріенталистъ долженъ отбросить a priori всякое свидѣтельство, которое онъ не можетъ провѣрить самъ. Какъ можетъ западный ученый принять на слово то, чего онъ не знаетъ? И въ самомъ дѣлѣ, все, что дается въ этомъ сочиненіи, извлечено, столько же изъ устныхъ, сколько и изъ записанныхъ ученій. Эта первая часть эзотерическихъ ученій основана на Стансахъ, которыя являются лѣтописью народа, неизвѣстнаго этнологіи. Они написаны, какъ утверждаютъ, на языкѣ, не существующемъ въ принятой филологіей номенклатурѣ языковъ и діалектовъ; эти Стансы происходятъ изъ источника, непризнаваемаго наукой, т. е. изъ оккультизма, и наконецъ они передаются черезъ посредника, который непрерывно дискредитируется передъ міромъ всѣми тѣми, которые ненавидятъ нежеланныя истины, или защищаютъ какой-нибудь свой конекъ; поэтому надо быть готовымъ къ тому, что эти ученія будутъ отвер-

*) Lün-Gü (§ la; Schott, Chinesische Literatur, p. 7; quotedy Max Müller.
**) Life and teachings of Confucius, p. 96.

гнуты. Ни одинъ „ученый", къ какой бы отрасли точной науки онъ ни принадлежалъ, не позволитъ себѣ серьезно отнестись къ этимъ ученіямъ. Эти ученія будутъ высмѣяны и отвергнуты a priori въ этомъ вѣкѣ, но только въ этомъ, ибо въ XX вѣкѣ нашей эры ученые начнутъ признавать, что Сокровенное Ученіе было его выдумано нами, а лишь схематически набросано, и что ученія его предшествуютъ Ведамъ. Я не претендую на пророчество, а просто утверждаю то, что знаю. Въ каждомъ столѣтіи дѣлается попытка указать міру, что оккультизмъ не есть пустое суевѣріе. Разъ дверь немного пріоткрыли, то она будетъ съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе открываться. Время назрѣло для болѣе глубокаго знанія, хотя это знаніе все еще очень ограничено.

Развѣ не были осмѣяны даже Веды, отвергнуты и прозваны „современной поддѣлкой" не далѣе какъ 50 лѣтъ тому назадъ? И не былъ ли недавно еще санскритъ объявленъ производнымъ діалектомъ съ греческаго, согласно Lemprière и другимъ ученымъ? Около 1820 г. проф. Максъ Мюллеръ говоритъ намъ, что священныя книги Брамановъ, Маговъ и Буддистовъ „были почти неизвѣстны; въ ихъ существованіи сомнѣвались, и не было ни одного ученаго, который былъ бы въ состояніи перевести строчку изъ Веды, изъ Zend-Awesta или изъ Буддической Tripitaka, а въ настоящее время доказано, что *Веды*—произведеніе высочайшей древности и что *сохраненіе ихъ до нашего времени почти чудо*".

То же скажутъ впослѣдствіи о древнемъ тайномъ ученіи, когда получатся неопровержимыя доказательства о его существованіи и о его записяхъ. Но пройдутъ цѣлые вѣка прежде, чѣмъ будетъ раскрыто болѣе изъ этого ученія. Лѣтъ десятъ тому назадъ авторъ „Разоблаченной Изиды" сказалъ, что ключи къ мистеріямъ Зодіака почти-что утеряны для міра, и прибавилъ: „Ключъ долженъ быть повернутъ семь разъ прежде, чѣмъ можетъ быть открыта вся система. Мы повернемъ его только *одинъ* разъ и такимъ образомъ дадимъ непосвященному возможность заглянуть въ тайну. Счастливъ тотъ, который пойметъ все!"

То же самое можно сказать о всей эзотерической системѣ. Въ „Разоблаченной Изидѣ" былъ данъ одинъ лишь поворотъ ключа, не болѣе; въ настоящемъ трудѣ выясняется гораздо больше. Въ тѣ дни авторъ былъ еще мало знакомъ съ языкомъ этой системы, и кромѣ того было запрещено раскрывать много такихъ вещей, о которыхъ теперь можно говорить свободно. Въ XX вѣкѣ учителя мудрости, можетъ быть, пошлютъ болѣе знающаго и болѣе способнаго ученика, который дастъ окончательныя, неопровержимыя доказательства, что существуетъ наука, называемая Gupta Vidyâ; подобно нѣкогда таин-

ственнымъ источникамъ Нила, нынѣ раскрываемый передъ міромъ источникъ всѣхъ религій и философій былъ въ теченіе многихъ вѣковъ забытъ и утерянъ для человѣчества, а въ настоящее время найденъ.

Такой трудъ, какъ настоящій, долженъ бы имѣть предисловіемъ цѣлый томъ, въ которомъ бы давались не просто разсужденія, а факты, такъ какъ „Тайная Доктрина“ не есть трактатъ или собраніе неопредѣленныхъ теорій, но заключаетъ въ себѣ все, что можетъ быть открыто міру въ этомъ столѣтіи.

Было бы болѣе чѣмъ безполезно обнародовать на этихъ страницахъ даже ту небольшую часть эзотерическихъ ученій, для которой пришло время быть раскрытой, прежде чѣмъ истинность, или — по крайней мѣрѣ—правдоподобность этихъ ученій не была установлена. Положенія, которыя будутъ даны въ этой книгѣ, подтверждаются различными авторитетами, т. е. древними философами, классическими писателями и даже нѣкоторыми учеными Отцами церкви, которые знали доктрины, ибо они изучали ихъ и читали посвященныя этому вопросу сочиненія. Нѣкоторые ихъ нихъ были даже лично посвящены въ древнія мистеріи, во время которыхъ аллегорически представлялись тайныя ученія. Мы дадимъ историческія и достойныя довѣрія имена, приведемъ общеизвѣстныхъ древнихъ и современныхъ авторовъ, талантъ, здравыя сужденія и правдивость которыхъ признаны, а также имена знаменитыхъ знатоковъ тайныхъ искусствъ и наукъ, параллельно съ тѣми ихъ тайнами, которыя отчасти предстанутъ передъ публикой и притомъ въ своей странной архаической формѣ.

Но вопросъ въ томъ, *какъ* исполнить эту задачу и какъ исполнить ее наилучшимъ образомъ? Чтобы выяснить читателю нашъ планъ, попробуемъ сдѣлать иллюстрацію. Когда туристъ, возвращаясь изъ хорошо изслѣдованной страны, внезапно достигаетъ окрайны terra-incognita, закрытой отъ глазъ громадной и непроходимой стѣной, онъ все таки можетъ не признать себя побѣжденнымъ и не отказаться отъ дальнѣйшаго изслѣдованія, хотя итти дальше и нельзя. Входъ туда запрещенъ. Но если ему нельзя посѣтить таинственную область лично, онъ можетъ все же найти способы изучать ее, хотя бы и на нѣкоторомъ разстояніи. Руководствуясь знаніемъ уже изученныхъ имъ ландшафтовъ, онъ можетъ достигнуть довольно точнаго представленія и о потустороннемъ видѣ, если онъ только рѣшится подняться на высочайшую вершину заграждающей его путь горной цѣпи. Взобравшись на вершину, онъ можетъ вволю насмотрѣться на страну, сравнивая неясно различаемое съ тѣмъ, что онъ только что оставилъ позади себя—и это благодаря собственнымъ усиліямъ, поднявшимъ его

выше линіи тумановъ и облаковъ. Такой предварительный постъ для наблюденія не можетъ быть данъ въ этихъ книгахъ для желающихъ получить болѣе точное представленіе о мистеріяхъ доисторическаго періода, данныхъ въ текстѣ. Но если читатель будетъ терпѣливъ, пожелаетъ сравнить современныя вѣрованія Европы съ тѣмъ, что извѣстно исторіи о первыхъ вѣкахъ христіанства и о періодѣ, непосредственно предшествовавшемъ христіанской эрѣ, онъ самъ найдетъ все, что ему нужно, въ будущемъ томѣ. Въ послѣднемъ томѣ будетъ сдѣланъ краткій перечень всѣхъ главныхъ Адептовъ, извѣстныхъ исторіи, и будетъ дано описаніе паденія мистерій,—паденія, послѣ котораго послѣдовало исчезновеніе и систематическое изъятіе изъ памяти людей всего, что касалось истинной природы Посвященія и Священной Науки. Съ этого времени ученія послѣдней стали оккультными, а магія слишкомъ часто появлялась подъ почетнымъ, но вводящимъ въ заблужденіе именемъ герметической философіи. Въ вѣка, предшествовавшіе нашей эрѣ, преобладалъ истинный оккультизмъ; тогда какъ магія, или вѣрнѣе колдовство, со своими оккультными искусствами, послѣдовали за началомъ христіанства.

Но какъ велики и пламенны ни были фанатическія усилія въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства, чтобы уничтожить всякіе слѣды душевной и интеллектуальной работы язычниковъ, ихъ постигла полная неудача, и тотъ же духъ мрачнаго ханжества и нетерпимости продолжалъ систематически искажать каждую свѣтлую страницу, написанную въ дохристіанскихъ періодахъ. Къ счастью, сама исторія сохранила въ своихъ неточныхъ лѣтописяхъ достаточно цѣннаго матеріала, чтобы дать безпристрастное освѣщеніе далекому прошлому. Пусть же читатель побудетъ немного съ авторомъ на избранномъ наблюдательномъ посту и пусть онъ сосредоточитъ все свое вниманіе на тысячелѣтіи дохристіанской и христіанской эры, раздѣленномъ годомъ рожденія Христа. Это событіе—исторически вѣрное или нѣтъ—послужило первымъ сигналомъ къ возведенію многочисленныхъ крѣпостей противъ возможности не только возврата къ ненавистнымъ религіямъ прошлаго, но даже и противъ возможности хотя бы мимолетнаго знакомства съ ними; ихъ стали ненавидѣть и бояться потому, что онѣ бросали такой яркій свѣтъ на намѣренно прикрытое толкованіе того, что нынѣ извѣстно подъ названіемъ „Новаго Спасенія". И все же первымъ Отцамъ церкви не удалось стереть изъ памяти человѣчества Сокровенное Ученіе, несмотря на ихъ сверхчеловѣческія усилія въ этомъ направленіи. Истину нельзя убить, отсюда и невозможность стереть съ лица земли всякій слѣдъ древней мудрости и зажать ротъ всѣмъ свидѣтелямъ, способнымъ подтвердить ее. Нетрудно понять, почему оста-

лось такъ мало слѣдовъ прошлаго, если вспомнить о тысячахъ, можетъ быть, милліонахъ сожженныхъ рукописей, объ испепеленныхъ памятникахъ съ ихъ слишкомъ явно говорящими надписями и символами; о толпахъ отшельниковъ и аскетовъ, рывшихся въ разоренныхъ городахъ Верхняго и Нижняго Египта, какъ въ долинахъ, такъ и горахъ, въ поискахъ за обелисками, колоннами, свитками и пергаментами, носящими символъ Тау или другой какой-нибудь знакъ, принятый и для новой вѣры, чтобы предать ихъ немедленному уничтоженію. Воистину враждебный духъ фанатизма первыхъ и среднихъ вѣковъ Христіанства и Ислама стремился пребывать во мракѣ и невѣжествѣ и превратилъ:

„Солнце въ кровь, землю въ могилу, могилу въ адъ и самый адъ въ полнѣйшій мракъ".

Обѣ вѣры завоевывали своихъ прозелитовъ мечомъ; обѣ строили свои церкви на гекатомбахъ человѣческихъ жертвъ. Надъ вратами перваго столѣтія нашей эры горѣли роковыя и полныя значенія слова: *Карма Израиля*. Надъ вратами нашего столѣтія будущій ясновидецъ различитъ иныя слова, которыя укажутъ на Карму извращенной исторіи, намѣренно искаженныхъ фактовъ, оклеветанныхъ до неузнаваемости великихъ характеровъ, по которымъ прошлись двѣ колесницы Джаганнаты: ханжество и матеріализмъ; первая—принимающая слишкомъ много, другая—все отрицающая. Мудрецъ тотъ, кто держится золотой середины и кто вѣритъ въ вѣчную справедливость.

Faizi Diwan, „свидѣтель чудесныхъ рѣчей свободомыслящаго, который принадлежитъ къ тысячѣ сектъ", говоритъ:

„Въ день воскресенія, когда прошлое будетъ прощено, грѣхи Каабы будутъ прощены ради праха христіанскихъ церквей.

На это проф. Максъ Мюллеръ возражаетъ:

„Грѣхи Ислама такъ же ничтожны, какъ и прахъ Христіанства; въ день воскресенья и магометане и христіане узрятъ нищету своихъ религіозныхъ доктринъ. Люди сражаются изъ-за религій на землѣ: на небесахъ они убѣдятся, что есть только одна истинная религія—поклоненіе Духу Божьему".

Другими словами: *нѣтъ Религіи* (или Закона) *выше Истины" (Satyât Nâsti Paro Dharmah)* — девизъ Магараджа изъ Бенареса, принятый Теософическимъ Обществомъ.

Какъ уже было сказано въ предисловіи, „Тайная Доктрина" не есть варіантъ „Разоблаченной Изиды". Это скорѣе разъясненіе къ послѣдней, совершенно независимое, но необходимое къ ней дополненіе. Многое изъ того, что было сказано въ первомъ произведеніи, было недоступно пониманію теософовъ тѣхъ дней. Тайная Доктрина броситъ

свѣтъ на многія неразрѣшенныя въ той книгѣ проблемы, особенно же на вступительныя страницы, которыя никогда не были поняты.

Въ двухъ томахъ Изиды могъ быть сдѣланъ лишь бѣглый обзоръ всей панорамы оккультизма, такъ какъ книга имѣла дѣло только съ философіями историческихъ временъ и съ символизмомъ павшихъ націй. Въ настоящемъ произведеніи дается подробная космогонія и эволюція четырехъ человѣческихъ расъ, предшествовавшихъ нашей пятой расѣ, и дается въ двухъ большихъ томахъ то, на что указывается на одной первой страницѣ *Разоблаченной Изиды* и въ нѣсколькихъ намекахъ, разбросанныхъ въ этомъ произведеніи. Но къ энциклопедіи древнихъ наукъ нельзя даже и пытаться приступить ранѣе, чѣмъ будутъ разрѣшены такія важныя проблемы, какъ космическая и планетная эволюція, а также постепенное развитіе тѣхъ таинственныхъ человѣческихъ расъ, которыя предшествовали нашему Адамову человѣчеству. Слѣдовательно, настоящая попытка выяснить нѣкоторыя тайны сокровенной философіи не имѣетъ ничего общаго съ предыдущимъ трудомъ. Да будетъ дозволено автору иллюстрировать сказанное примѣромъ.

Первый томъ *Изиды* начинается съ ссылки на „древнюю книгу“:

„Такой древней, что наши современные антикваріи могутъ безконечно раздумывать надъ ней и все же не прійти къ соглашенію относительно того, на какомъ матеріалѣ она написана. Это — единственный оригинальный экземпляръ, нынѣ существующій. Самый древній еврейскій документъ оккультной ученности—*Siprah Dzeniouta* былъ составленъ по этой книгѣ и притомъ въ то время, когда она считалась уже литературной реликвіей. Одна изъ ея иллюстрацій изображаетъ Божественную Сущность, исходящую отъ Адама, въ видѣ свѣтящейся дуги, стремящейся обрисовать кругъ, а затѣмъ, достигнувъ высшей точки окружности, неизреченная Слава описываетъ обратный путь и возвращается къ землѣ, принося въ новомъ вихрѣ бытія высшій типъ человѣчества. По мѣрѣ приближенія къ нашей планетѣ эманація дѣлается все болѣе и болѣе темной, пока, коснувшись земли, она не становится черной, какъ ночь“.

Эта старая книга и есть то оригинальное произведеніе, на основаніи которой составлены многочисленные томы *Kiu-ti*. Не только послѣднія, но и многія другія писанія родились отъ этой небольшой прародительницы-книги: *Siphrah Dzeniouta, Sepher Jetzirah* — произведеніе, приписываемое еврейскими каббалистами патріарху Аврааму (!)—*Shu-King*, китайская первоначальная библія, священныя египетскія книги *Thoth-Hermes*, индусскіе *Пураны*, Халдейская *Книга Чиселъ* и самое *Пятикнижіе*—все это исходитъ отсюда. Преданіе говоритъ, что книга эта была написана на сензарскомъ тайномъ жреческомъ языкѣ, со словъ Божественныхъ Существъ, продиктовавшихъ ее въ Центральной Азіи при зарожденіи пятой расы Сынамъ Свѣта; ибо было время, когда сензаръ былъ извѣстенъ посвященнымъ всѣхъ

народовъ, когда предки Тольтековъ понимали его такъ же легко, какъ и жители утерянной Атлантиды, которые унаслѣдовали его въ свою очередь отъ мудрецовъ третьей расы *Mānushis*, получившихъ его непосредственно отъ Девъ—Второй и Первой расы. Упомянутая иллюстрація изъ Изиды относится къ эволюціи этихъ расъ, а также къ четвертой и первой человѣческимъ расамъ въ манвантарѣ *Vaivasvata* или Кругѣ; каждый Кругъ состоитъ изъ *Yugas* семи періодовъ человѣчества; изъ нихъ четыре перешли въ нашъ Жизненный Циклъ, причемъ мы почти уже достигли средней точки пятаго періода. Эта иллюстрація символична, какъ каждому будетъ понятно. Древняя книга, описывая космическую эволюцію, объясняетъ происхожденіе всего на землѣ, включая сюда и физическаго человѣка, и раскрывъ истинную исторію расъ, начиная съ первой и до нашей пятой, не идетъ далѣе. Она останавливается въ началѣ *Kali Yuga*, т. е. на 4989 году, который считается годомъ смерти Кришны, свѣтлаго солнечнаго Бога, дѣйствительно жившаго нѣкогда героя и реформатора.

Но существуетъ и другая книга. Ее не считаютъ особенно древней, такъ какъ она появилась только 5000 лѣтъ тому назадъ, т. е. съ наступленіемъ Чернаго Вѣка. Приблизительно черезъ девять лѣтъ первый циклъ первыхъ пяти тысячелѣтій, который начался съ великимъ цикломъ *Kali Yuga*, закончится. И тогда послѣднія пророчества, заключенныя въ этой книгѣ—первая часть пророческихъ сказаній, относящихся къ Черному Вѣку, исполнится. Намъ осталось недолго ждать, и многіе изъ насъ увидятъ зарю новаго цикла, въ концѣ котораго многіе счеты между различными расами будутъ закончены. Вторая часть пророчества, которая готовилась со временъ великаго преемника Будды, Шанкарачарія, почти уже завершена.

Надо замѣтить еще одно чрезвычайно важное обстоятельство, которое стоитъ впереди цѣлаго ряда доказательствъ въ пользу существованія изначальной всемірной Мудрости, по крайней мѣрѣ для христіанскихъ каббалистовъ и для изучающихъ религіозную философію. Ученія древней Мудрости были отчасти извѣстны нѣкоторымъ изъ Отцовъ церкви. Можно исторически доказать, что Оригенъ, Синезій и даже Климентъ Александрійскій были посвящены въ мистеріи ранѣе, чѣмъ они къ неоплатонизму Александрійской школы присоединили скрытую подъ христіанскимъ покровомъ школу гностиковъ.

Болѣе того, нѣкоторыя изъ ученій тайныхъ школъ, хотя далеко не всѣ, сохранились въ Ватиканѣ и вошли въ кругъ мистерій въ образѣ тѣхъ искаженныхъ дополненій, которыя латинская церковь внесла въ первоначальную христіанскую программу. Такова, напр., нынѣ матеріализованная догма Безпорочнаго Зачатія. Это объясняетъ

тѣ безпощадныя преслѣдованія, которыя римско-католическая церковь вела противъ оккультизма, масонства и вообще противъ всякаго инороднаго мистицизма.

Царствованіе Константина было послѣдней поворотной точкой въ исторіи, періодъ самой напряженной борьбы, закончившейся въ Западномъ мірѣ тѣмъ, что древнія религіи были задушены во имя новой религіи, построенной на ихъ тѣлахъ. Съ этого момента вся перспектива въ далекое прошлое до Потопа и до Эдема была всевозможными средствами и пріемами скрыта отъ любопытнаго взора потомства. Всякій доступъ туда былъ закрытъ, все, что попадало въ руки изъ древнихъ лѣтописей, уничтожалось безпощадно. И все же, даже среди искаженныхъ отрывковъ лѣтописей, осталось достаточно, чтобы обосновать нашу увѣренность и дать необходимое подтвержденіе дѣйствительнаго существованія единаго первоначальнаго Ученія. Отрывки документовъ пережили геологическія и политическія катаклизмы, чтобы повѣдать міру истину, и всѣ они ясно указываютъ, что Сокровенная въ наши дни Мудрость была когда-то общимъ источникомъ, обильно питавшимъ всѣ ручьи—отъ перваго до послѣдняго, т. е. всѣ позднѣйшія религіи. Періодъ, начинающійся съ Будды и Пиѳагора, съ одной стороны, и кончающійся неоплатониками и гностиками съ другой, является единственнымъ фактомъ, сохраненнымъ въ новѣйшей исторіи, куда устремляются яркіе лучи того свѣта, который льется изъ эоновъ прошлаго, незатуманенный ханжествомъ и фанатизмомъ.

Все сказанное объясняетъ, почему автору приходится факты изъ сѣдой древности объяснять и подтверждать свидѣтельствомъ, взятымъ изъ историческаго періода, рискуя даже вызвать обвиненіе въ недостаткѣ метода и системы. Другихъ средствъ не было. Необходимо было познакомить современную публику съ усиліями міровыхъ Адептовъ, посвященныхъ поэтовъ и классическихъ писателей всѣхъ вѣковъ, чтобы возстановить въ сознаніи человѣчества существованіе источника философій и религій. Посвященный 1888 года былъ бы непонятнымъ и даже невозможнымъ миѳомъ, если бы не было доказано, что такіе посвященные жили во всѣ историческія эпохи. Исполнить же это можно было только, цитируя мѣста, которыя указываютъ на рядъ посвященныхъ, нескончаемой вереницей слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, какъ въ историческіе вѣка, такъ и въ эпохи, слѣды которыхъ утеряны для обыкновенныхъ пріемовъ изслѣдованія. Только такимъ образомъ, частью на основаніи преданія и частью на основаніи историческаго авторитета, можно было доказать, что оккультное знаніе и оккультныя силы человѣка не только не пустая фантазія, но что они такъ же стары, какъ и самъ міръ.

Вотъ почему всѣмъ моимъ судьямъ, прошлымъ и будущимъ,—будутъ ли это серьезные литературные критики или тѣ завывающіе литературные дервиши, которые судятъ не по существу о книгѣ, а по степени популярности или непопулярности автора, набрасываясь, какъ смертоносные микробы на слабѣйшія мѣста тѣла, всѣмъ имъ я отвѣчать не стану. Я также не удостою вниманія тѣхъ вздорныхъ клеветниковъ, къ счастью немногочисленныхъ, которые стремятся привлечь къ себѣ вниманіе публики тѣмъ, что своими бѣшенными нападками дискредитируютъ каждаго писателя, имя котораго болѣе извѣстно, чѣмъ ихъ собственное. Такъ, напримѣръ, утверждая въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, что ученія, появлявшіяся въ *Теософистѣ* и получившія свое дальнѣйшее развитіе въ *Эзотерическомъ Буддизмѣ*, были всѣ *выдуманы* авторомъ предлагаемаго труда, они круто повернули и кончили заявленіемъ, что и *Разоблаченная Изида* и все остальное есть плагіатъ изъ Элифаса Леви (!), Парацельса (!!) и, mirabile dictu, Буддизма и Браманизма (!!!). Это равносильно тому, какъ если бы начали обвинять Ренана въ кражѣ его *Жизни Іисуса* изъ Евангелія, или Макса Мюллера въ томъ, что онъ укралъ свои *Священныя Книги Востока* изъ философій Брамановъ и изъ ученія Гаутама Будды. Но для читателей Тайной Доктрины я могу повторить лишь то, что было уже сказано мною и что я теперь закончу словами Монтэня:

„Господа, я сдѣлалъ лишь букетъ изъ сорванныхъ цвѣтовъ и ничего не прибавилъ своего, кромѣ нитки, которая связываетъ ихъ“.

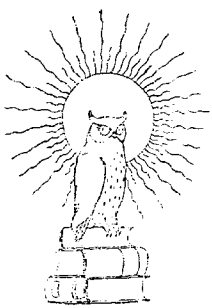
Разорвите нитку на клочки, если пожелаете; что же касается букета фактовъ—уничтожить его нельзя, его можно только игнорировать.

Въ заключеніе, одно послѣднее слово относительно этого перваго тома. Можетъ быть въ введеніи, предшествующемъ главамъ, которыя посвящены главнымъ образомъ космогоніи, затрогиваніе нѣкоторыхъ предметовъ покажется неумѣстнымъ, но мнѣ приходится коснуться ихъ и еще по одному соображенію. Каждый читатель неизбѣжно будетъ судить всѣ наши положенія съ точки зрѣнія своего собственнаго знанія, опыта и совѣсти, и это обстоятельство авторъ долженъ все время помнить; вотъ почему уже въ первомъ томѣ часто дѣлаются ссылки на вещи, которыя если бы ихъ обойти молчаніемъ, показались бы читателю волшебной сказкой или же фантазіей разстроеннаго мозга.

Такимъ образомъ прошлое поможетъ понять настоящее, а настоящее лучше оцѣнитъ прошлое. Современныя заблужденія должны быть выяснены и отброшены, но болѣе чѣмъ вѣроятно, что и на этотъ разъ свидѣтельства долгихъ вѣковъ и указанія исторіи произведутъ

впечатлѣніе только на обладающихъ большой интуиціей, т. е. на очень и очень немногихъ. Но въ этомъ, какъ и во всѣхъ равносильныхъ случаяхъ, убѣжденные могутъ утѣшиться, указавъ современнымъ скептическимъ саддукеямъ на математически точныя доказательства ихъ неисправимаго упрямства и ханжества. Въ архивахъ Французской Академіи существуетъ гдѣ-то знаменитый законъ вѣроятности, выработанный математиками путемъ алгебраическихъ вычисленій въ назиданіе скептикамъ. Онъ гласитъ: если два человѣка свидѣтельствуютъ о фактѣ и такимъ образомъ придаютъ ему $^5/_6$ вѣроятности, то фактъ этотъ будетъ имѣть $^{35}/_{36}$ вѣроятности, т. е. его вѣроятность будетъ относиться къ его невѣроятности какъ 35 къ 1. Если три такихъ свидѣтельства соединить вмѣстѣ, то вѣроятность возрастетъ до $^{215}/_{216}$. Соглашеніе десяти человѣкъ, изъ которыхъ каждый даетъ $^1/_2$ вѣроятности, составитъ $^{1023}/_{1024}$ и т. д. и т. д. Оккультистъ можетъ вполнѣ удовлетвориться подобной вѣроятностью и не будетъ добиваться большей.

Перев. **Alba.**



Кто при жизни своей не вкушалъ твоего хлѣба, тотъ не вспомнитъ о тебѣ послѣ смерти твоей.

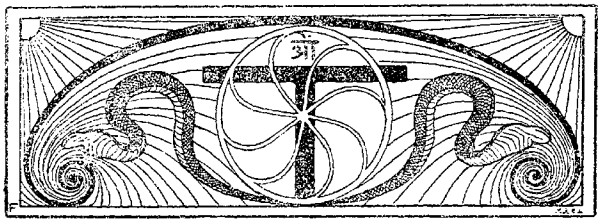
Учитель безъ учениковъ есть дерево безъ плодовъ; праведникъ безъ добрыхъ дѣлъ есть домъ безъ дверей.

Праведникъ, который счастливъ въ этой жизни, будетъ еще счастливѣе въ будущей.

Дождь не проникаетъ сквозь крѣпкую крышу; такъ и глубоко уравновѣшенное настроеніе не нарушается страстью.

Только тотъ мудръ, кто собой владѣетъ.

(Драгоцѣнные Камни Востока).



Прологъ (Проэма).

Страницы изъ Доисторической Лѣтописи.

Древній манускриптъ—собраніе пальмовыхъ листьевъ, сдѣланныхъ благодаря какому то неизвѣстному процессу непроницаемыми для огня, воды и воздуха—находится передъ пишущей эти строки. На первой страницѣ—чистый бѣлый дискъ на матово-черномъ фонѣ. На слѣдующей страницѣ—тотъ же дискъ, но съ центральной точкой. Первый, какъ хорошо извѣстно всѣмъ изучающимъ эзотеризмъ, изображаетъ Космосъ въ Вѣчности, до новаго пробужденія еще дремлющей Энергіи, до эманаціи Вселенной. Точка въ доселѣ непорочномъ дискѣ, Пространство и Вѣчность въ состояніи *Pralaya* *), указываетъ на зарю дифференціаціи **). Это—Точка въ Міровомъ Яйцѣ, Зародышъ внутри его, изъ котораго разовьется Вселенная, Все, безграничный періодическій Космосъ,—Зародышъ, являющійся періодически и поочередно то въ скрытомъ состояніи, то въ дѣятельномъ; Кругъ безъ точки изображаетъ божественное Единство, откуда все происходитъ и куда все возвращается; его окружность—по необходимости ограниченный символъ, въ виду ограниченности человѣческаго ума—указываетъ на отвлеченное, вѣчно непознаваемое Присутствіе, и на поле Его дѣятельности—Міровую Душу, хотя оба составляютъ одно. То обстоятельство, что поверхность диска изображена бѣлымъ цвѣтомъ, а окружающій фонъ—чернымъ, ясно показываетъ, что онъ одинъ можетъ быть познаваемъ—хотя смутно и неясно—человѣческимъ умомъ. Именно на этомъ планѣ

*) Состояніе не проявленное. Прим. пер.

**) Переходъ изъ единства во множественность. Прим. пер.

(полѣ дѣйствія) начинается проявленіе, періодъ Манвантары; ибо въ этой Міровой Душѣ покоится—во время Пралайи — Божественная Мысль *), въ которой пребываетъ—въ скрытомъ видѣ—начертаніе всѣхъ будущихъ космогоній и теогоній.

Это—Единая Жизнь, вѣчная, невидимая и въ то же время вездѣсущая, безъ начала и безъ конца, и все же періодическая въ своихъ правильныхъ проявленіяхъ, въ промежуткахъ между которыми царствуетъ темная тайна Небытія; безсознательная и въ то же время абсолютное Сознаніе, неосуществимая, и въ то же время единая самосущая Реальность; во истину „Хаосъ для чувства и Космосъ для разума". Ея единый абсолютный атрибутъ, который и есть сама Жизнь, вѣчное неустанное Движеніе, называется на эзотерическомъ языкѣ *Великое Дыханіе* **), которое и есть неустанное движеніе Вселенной въ смыслѣ безграничнаго, вѣчно-присутствующаго Пространства. То, что неподвижно, не можетъ быть божественнымъ; хотя въ сущности и въ дѣйствительности ничего нѣтъ абсолютно неподвижнаго внутри Міровой Души.

Почти за пять вѣковъ до Р. Х. Левципій, учитель Демокрита, утверждалъ, что Пространство извѣчно наполнено атомами, оживляемыми неустаннымъ движеніемъ, которое съ теченіемъ времени, по мѣрѣ

*) Едва ли нужно напоминать читателю, что выраженіе *Божественная Мысль*, также какъ и *Міровой Разумъ*, не должно быть никоимъ образомъ смѣшиваемо съ интеллектуальнымъ процессомъ, сходнымъ съ человѣческимъ. „Безсознательное", по выраженію Гартмана, подходитъ къ творческому или скорѣе къ эволюціонному предначертанію путемъ „ясновидящей мудрости, превышающей всякое сознаніе", которая на языкѣ Веданты означала бы „абсолютную Мудрость". Только тѣ, которые знаютъ какъ высоко интуиція поднимается надъ медленнымъ процессомъ раціоналистической мысли, могутъ имѣть отдаленное представленіе объ этой „абсолютной Мудрости", превышающей идеи Времени и Пространства. Умъ, каковымъ мы его знаемъ, разлагается на состоянія сознанія различной продолжительности, напряженія, сложности и т. д., а всѣ эти состоянія въ конечномъ своемъ видѣ основаны на ощущеніи, которое опять-таки не болѣе, какъ Майа (иллюзія). Ощущеніе, съ своей стороны, предполагаетъ ограниченіе. Личный Богъ ортодоксальнаго теизма познаетъ, мыслитъ и подверженъ эмоціямъ; онъ сожалѣетъ и испытываетъ „яростный гнѣвъ". Но представленіе о такомъ умственномъ состояніи вызываетъ немыслимый постулатъ о внѣшнемъ возбуждающемъ стимулѣ, не говоря уже о невозможности приписать „неизмѣнность" существу, эмоціи котораго колеблются одновременно съ измѣненіями въ мірахъ, которыми оно же и управляетъ. Такимъ образомъ понятія о Личномъ Богѣ, какъ о неизмѣнномъ и безконечномъ, невѣрны и съ психологической и съ философской точекъ зрѣнія.

**) Платонъ доказалъ, что былъ Посвященнымъ, когда говорилъ въ Кратилѣ (Cratylus), что Θεος происходитъ отъ Θεειν-двигаться, бѣжать, ибо первые астрономы, замѣтившіе движеніе небесныхъ тѣлъ, назвали планеты Θεοί-боги. Позднѣе изъ этого слова произошелъ другой терминъ ἀληθεια-дыханіе Бога (справедливость).

того, какъ атомы соединялись въ аггрегаты, производило вращательное движеніе, вызывая — благодаря взаимнымъ столкновеніямъ — боковыя (latera!) движенія. Эпикуръ и Лукрецій учили тому же, прибавляя къ латеральному движенію атомовъ идею сродства, что является уже оккультнымъ ученіемъ.

Съ самаго начала человѣческаго существованія, съ перваго появленія строителей той планеты, на которой человѣкъ живетъ,—нераскрывшееся Божество было признаваемо подъ своимъ единымъ философскимъ аспектомъ—Мірового Движенія, которое есть дрожь Творческаго Дыханія въ природѣ. Оккультизмъ сводитъ Единое Бытіе къ слѣдующему: „*Божество есть тайна, дѣятельный (или двигающійся) Огонь, а вѣчные свидѣтели этого невидимаго Присутствія суть Свѣтъ, Тепло, Влага*"—эта троица заключаетъ въ себѣ всѣ явленія природы и въ то же время является причиной каждаго изъ нихъ *). Интра-космическое движеніе вѣчно и неустанно; космическое движеніе—видимое, яли то, которое доступно воспріятію—преходяще и періодично. Какъ абстракція, это—Вѣчно Присущее; какъ проявленіе, оно—конечно, какъ въ поступательномъ, такъ и въ обратномъ направленіи, которыя являются альфой и омегой послѣдовательно возобновляющагося творчества. Космосъ, какъ нуменъ, не имѣетъ ничего общаго съ причинными соотношеніями феноменальнаго міра. И только по отношенію къ интра-космической Душѣ, по отношенію къ идеальному Космосу внутри Божественной Мысли, мы могли бы сказать: „Онъ никогда не имѣлъ начала и не будетъ имѣть конца". Въ смыслѣ же его тѣла или его космической организаціи, хотя не можетъ быть рѣчи о первомъ или о послѣднемъ по-

*) Номиналисты, споря съ Бёрклеемъ о томъ, что „невозможно... составить абстрактную идею о движеніи, отдѣльномъ отъ двигающагося тѣла" (Principles of Human Knowledge, p. 10), могутъ спросить: что же представляетъ изъ себя тѣло, производящее это движеніе? Есть ли это субстанція? Въ такомъ случаѣ вы вѣрите въ Личнаго Бога? и т. д. и т. д. На эти вопросы мы отвѣтимъ позднѣе, въ дальнѣйшей части этого труда, а пока мы предъявляемъ свои права концептуалистовъ противъ матеріалистическихъ взглядовъ реализма и номинализма Росцеллина. „Развѣ наука открыла, говоритъ одинъ изъ ихъ способнѣйшихъ адвокатовъ, Эдуардъ Клоддъ, что бы то ни было, равнозначущее тѣмъ древнимъ изреченіямъ, въ которыхъ дается самая суть всѣхъ религій, прошедшихъ, настоящихъ и будущихъ: поступай справедливо, люби милосердіе, смиренно шествуй передъ своимъ Господомъ"? Подразумѣвая подъ словомъ „Господь" не грубый антропоморфизмъ обыденной теологіи, но символическое представленіе Того, Что является Жизнью и Движеніемъ Вселенной, мы согласны, что *знать* въ физическомъ порядкѣ—значитъ знать прошедшее, настоящее и будущее время въ чередующейся смѣнѣ феноменовъ; знать же въ нравственномъ порядкѣ—значитъ знать что было, есть и будетъ внутри человѣческаго сознанія. (*Science and Emotion*, рѣчь, произнесенная въ Финсбёри, Лондонѣ, 27 декабря 1885 г.).

строеніи, тѣмъ не менѣе, при каждой новой Манвантарѣ построеніе Космоса можетъ быть разсматриваемо какъ первое или какъ послѣднее въ *своемъ* родѣ, такъ какъ развитіе Космоса происходитъ каждый разъ на болѣе высокой ступени.

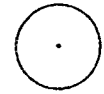
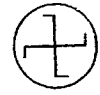
Нѣсколько лѣтъ тому назадъ было высказано слѣдующее:

„Эзотерическая доктрина, и буддическая и браманическая, и даже каббалистическая, учитъ, что единая безконечная и непознаваемая Сущность существуетъ вѣчно, и въ правильныхъ и гармоническихъ послѣдованіяхъ она переходитъ изъ пассивнаго состоянія въ активное; Въ поэтической терминологіи Ману эти состоянія названы Днями и Ночами Брамы. Послѣдній или „бодрствуетъ“ или „спитъ“. Свабхавики (Svâbhâvikas) или философы древнѣйшей школы буддизма, существующей и понынѣ въ Непалѣ, допускаютъ умозрѣнія лишь относительно активнаго состоянія этой „Сущности“, которую они называютъ *Svâbhâvat*, и считаютъ безумiемъ построеніе теорій относительно абстрактной „непознаваемой“ силы въ ея пассивномъ состояніи. Поэтому ихъ и называютъ атеистами одинаково какъ христіанскіе теологи, такъ и современные ученые, ибо ни тѣ, ни другіе не способны понять глубокую логику ихъ философіи. Первые не допускаютъ иного Бога, кромѣ тѣхъ второстепенныхъ силъ, которыя осуществляли планъ видимой вселенной и которыя становятся у нихъ антропоморфическимъ Богомъ христіанъ—Іеговой, бросающимъ громы и молніи. Съ своей стороны, раціоналистическая наука привѣтствуетъ буддистовъ и свабхавиковъ какъ „позитивистовъ“ древнихъ вѣковъ. Если принять односторонній взглядъ на философію этихъ вѣковъ, наши матеріалисты будутъ по своему правы. Буддисты утверждаютъ, что не существуетъ Творца, но безконечное множество творческихъ силъ, которыя, вмѣстѣ взятыя, составляютъ единую вѣчную Субстанцію, сущность которой совершенно непознаваема—слѣдовательно и не можетъ быть предметомъ умозрѣнія для истиннаго философа. Сократъ неизмѣнно отказывался разсуждать о тайнѣ вселенскаго Бытія, и тѣмъ не менѣе, никому не пришло бы въ голову обвинять его въ атеизмѣ, кромѣ тѣхъ его враговъ, которые стремились погубить его. При приближеніи активнаго періода, говоритъ *Тайное Ученіе*, происходитъ—благодаря вѣчному неизмѣнному закону — расширеніе Божественной Сущности снаружи внутрь и изнутри наружу, и феноменальная или видимая вселенная является конечнымъ результатомъ длинной цѣпи космическихъ силъ, приведенныхъ такимъ образомъ въ поступательное движеніе. Такимъ же образомъ, при возобновленіи пассивнаго состоянія, происходитъ сокращеніе Божественной Сущности, и предыдущее творчество начинаетъ медленно приходить къ постепенному распаду. Видимая вселенная распадается на составныя части; матеріалы, изъ которыхъ она состояла, разсѣиваются; и „тьма“, одинокая и единая, снова витаетъ надъ „бездной“. Употребляя метафору изъ тайныхъ книгъ, которая выражаетъ идею еще яснѣе, выдыханіе этой „непознаваемой Сущности“ производитъ вселенную, а вдыханіе вызываетъ ея исчезновеніе. Этотъ процессъ происходитъ на протяженіи всей вѣчности, и наша настоящая вселенная—лишь одинъ изъ безконечныхъ рядовъ, не имѣющихъ начала и которымъ не будетъ конца“ *).

Эта страница будетъ объяснена, насколько это возможно, въ настоящемъ трудѣ. Хотя она не содержитъ ничего новаго для современ-

*) Isis Unveiled II, 264—5.

наго Оріенталиста, ея эзотерическое толкованіе содержитъ въ себѣ много такого, что оставалось совершенно неизвѣстнымъ для западныхъ ученыхъ.

Первый рисунокъ изображаетъ пустой дискъ. Второй древній символъ — дискъ съ точкой посрединѣ, означающей первую дифференціацію въ  періодическомъ проявленіи вѣчно-сущей Природы, безполой и безконечной, „Aditi in That“ *) или потенціальное Пространство внутри абстрактнаго Пространства. Въ третьей стадіи точка превращается въ діаметръ. Теперь онъ символизируетъ божественную непорочную Мать-Природу внутри всеобъемлющей абсолютной Безконечности. Когда горизонтальный діаметръ перекрещивается вертикальнымъ, онъ становится Міровымъ Крестомъ. Этотъ Крестъ—знакъ происхожденія человѣческой жизни, до которой человѣчество достигло въ третьей коренной расѣ. Когда окружность исчезаетъ и остается одинъ крестъ +, это означаетъ, что паденіе человѣка въ матерію завершилось и возникла четвертая раса. Крестъ внутри круга, символизируетъ чистый пантеизмъ; когда крестъ не прикасается къ кругу онъ получаетъ фаллическое значеніе. Крестъ имѣлъ рядомъ съ этимъ и иное значеніе, когда онъ изображался какъ Тау, внутри круга; или какъ молотъ Тора, такъ называемый Іаинскій крестъ **) или Свастика внутри круга. 

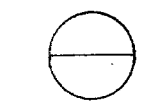
Третій символъ—кругъ, раздѣленный на двѣ половины горизонтальнымъ діаметромъ, означалъ первое проявленіе творческой природы, еще пассивное, такъ какъ это проявленіе женскаго начала. Первое туманное представленіе человѣка, связанное съ воспроизведеніемъ, является женскимъ, ибо человѣкъ знаетъ свою мать болѣе, чѣмъ своего отца. Поэтому женскія божества почитались болѣе, чѣмъ мужскія. Отсюда и природа—женскаго рода, и до извѣстной степени объективна и осязаема, духовное же Начало, оплодотворяющее ее, скрыто ***). Прибавленіемъ къ горизонтальной

*) Rig Veda.

**) Jaina cross.

***) По словамъ нѣкоторыхъ западныхъ математиковъ и американскихъ кабалистовъ въ кабалѣ также „значеніе имени Іеговы есть діаметръ круга“. Если къ этому прибавить, что Іегова—третій изъ Зефиротовъ, *Binah* (женское слово), мы получимъ ключъ къ открытію тайны. Различными кабалистическими превращеніями это имя, которое въ первыхъ главахъ книги Бытія двуполое, становится чисто мужскимъ. Превращеніе спеціальнаго, національнаго Бога въ единаго живого Бога, въ „Бога Боговъ“, и провозглашеніе этой религіи монотеистической, ничуть не превра-

линій въ кругѣ перпендикулярной, возникъ Тау, древнѣйшая форма письменнаго знака; она была глифомъ третьей коренной расы до дня ея символическаго паденія, т. е. до періода, когда путемъ естественной эволюціи произошло раздѣленіе на два пола; и тогда изображеніе приняло такой видъ: что означаетъ, что безполая жизнь раздѣлилась. Съ появленіемъ подрасъ нашей Пятой Расы, этотъ глифъ превратился въ символикѣ въ *Sacr*, по еврейски въ *N'cabvah* первыхъ расъ*); затѣмъ онъ измѣнился въ египетскую эмблему жизни, а еще позднѣе въ знакъ Венеры. Затѣмъ по



является Свастика (молотъ Тора, нынѣ Герметическій Крестъ), окончательно отдѣленный отъ своего круга и поэтому ставшій фаллическимъ. Эзотерическій символъ Cali-Juga есть пятиконечная опрокинутая звѣзда съ двумя конечностями (рогами), повернутыми вверхъ; она же—знакъ человѣческаго колдовства, и каждый оккультистъ легко узнаетъ въ ней знакъ „лѣваго пути", употребляемый въ церемоніальной магіи.

Можно надѣяться, что, по прочтеніи этого труда, ошибочная идея, распространенная въ публикѣ относительно пантеизма, измѣнится. Невѣрно и несправедливо смотрѣть на буддистовъ и на послѣдователей Адваиты какъ на атеистовъ. Если они и не всѣ философы, то всѣ ихъ разсужденія основаны несомнѣнно на строгой логикѣ. Если Парабрамана Индусовъ взять какъ выраженіе скрытаго и непостижимаго Божества другихъ народностей, въ такомъ случаѣ этотъ абсолютный принципъ окажется прототипомъ, изъ котораго возникли всѣ остальныя представленія о Божествѣ. Парабрамана нельзя назвать „Богомъ", такъ какъ Онъ не является опредѣленнымъ Богомъ; „Онъ то, что одновременно и верховное и неверховное (*paravara*) **). Онъ—верховный какъ причина, но не какъ послѣдствіе. Парабраманъ, какъ единая Реальность безъ второй, есть всеобъемлющій Космосъ, или скорѣе безконечное Космическое Пространство въ высочайшемъ духовномъ смыслѣ этого понятія. Браманъ (*neuter*), будучи неизмѣннымъ, чистымъ, свободнымъ,

---

щаетъ ее въ поклоненіе Единому Началу, котораго „Единство не допускаетъ ни умноженія, ни перемѣны, ни формы", въ особенности, когда дѣло касается піапическаго Божества, каковымъ Іегова признается нынѣ.

*) См. *The Source of Meosures*, гдѣ авторъ объясняетъ истинное значеніе слова *Sacr*, отъ котораго произведены слова „Sacred", „Sacrament", ставшія нынѣ синонимами святости, хотя происхожденіе ихъ фаллическое.

**) Mândûkya Upanishad, I, 28.

не подлежащимъ уничтоженію Корнемъ всего, „Единымъ истиннымъ Бытіемъ, *Paramârthika*“ и абсолютнымъ *Chit* и *Chaitanya* (Разумъ, Сознаніе), не можетъ быть познающимъ, ибо „Непознаваемое (То) не можетъ имѣть субъекта познаванія“. Можетъ ли Пламя быть названо Сутью Огня? Суть эта есть „Жизнь и Свѣтъ Вселенной, тогда какъ видимый огонь и пламя представляютъ собой разрушеніе, смерть и зло“. „Огонь и Пламя разрушаютъ тѣло Архата, тогда какъ ихъ Сущность дѣлаетъ его безсмертнымъ“ *). „Познаніе абсолютнаго Духа—подобно сіянію солнца или подобно теплу огня—ничто иное, какъ сама абсолютная Сущность“ говоритъ Шанкарачарія. Она—„духъ огня“, а не самъ огонь; поэтому „атрибуты послѣдняго—теплота или пламя не являются атрибутами Духа, но атрибутами того, чему этотъ Духъ служитъ безсознательной причиной“. Не окажется ли приведенное изреченіе основной нотой позднѣйшей философіи Розенкрейцеровъ? Парабраманъ есть такимъ образомъ всеобщій составъ Космоса въ его безпредѣльности и вѣчности, „То“ и „Это“, къ чему распредѣляющіе аггрегаты не могутъ быть примѣнены **). „Вначалѣ *Это* было единое Я (Self); и Шанкарачарія объясняетъ, что здѣсь „*Это*“ относится къ Вселенной (Jagat); слово „вначалѣ“ означаетъ: передъ воспроизведеніемъ проявленной Вселенной.

Слѣдовательно, когда пантеисты вторятъ *Упанишадамъ*, которыя утверждаютъ то же, что и Тайная Доктрина, что „Это“ не можетъ творить, они тѣмъ самымъ не отрицаютъ Творца, или вѣрнѣе совокупное собраніе творцовъ; они лишь отказываются, и притомъ вполнѣ логично, приписывать „творчество“ и въ особенности образованіе формъ, т. е. нѣчто конечное—Безконечному Началу. Для нихъ Парабраманъ абсолютная и поэтому пассивная Причина, безусловный *Mukta*. Они лишь отказываются приписывать Ему ограниченное всевѣдѣніе и всемогущество, ибо это все же атрибуты, отраженные въ человѣческомъ представленіи; а Парабраманъ, будучи Верховнымъ *Всѣмъ*, невидимымъ Духомъ и Душой Природы, неизмѣннымъ и вѣчнымъ, не можетъ имѣть атрибутовъ; и еще потому, что терминъ *Абсолютность* исключаетъ всякую возможность соединять съ этой идеей что либо конечное или условное. И если послѣдователи Веданты утверждаютъ, что атрибуты принадлежатъ лишь Его эманаціи, называя послѣднюю Ишварой *въ соединеніи* съ Майей и съ Avidyâ (Невѣдѣнье скорѣй, чѣмъ

---

*) Bodhimiir, книга II-я.

*) *Vedânta Sâra*, въ англійскомъ переводѣ G. A. Jacob; и *Aphorismus of Shândilya* въ пер. Cowell. p. 42.

Незнаніе), трудно найти атеизмъ въ этомъ представленіи *). Такъ какъ не могутъ быть двое Безконечныхъ и двое Абсолютныхъ во Вселенной, которая предполагается безграничной, эта Само-Сущность не можетъ быть мыслима какъ лично творящая. Для чувствъ и для сознанія конечныхъ существъ „То" есть Небытіе, въ томъ смыслѣ, что оно есть *Единое Бытіе*; ибо въ этомъ *Все* находится въ скрытомъ состояніи его совѣчная и со-временная эманація, присущее ему изученіе, которое, становясь періодически Брамой (мужеско-женская Потенція), развертывается въ проявленную Вселенную. „Нарайяна, двигающаяся на (абстрактныхъ) Водахъ Пространства", преобразуется въ Воды конкретной субстанціи, движимыя Имъ, ставшимъ отнынѣ проявленнымъ Словомъ или Логосомъ.

Ортодоксальные браманы, которые возстаютъ противъ пантеистовъ и послѣдователей Адваиты, называя ихъ атеистами, принуждены—если они только признаютъ Ману за авторитетъ для себя —принять и смерть Брамы, Творца, по истеченіи каждаго вѣка Брамы (сто божественныхъ лѣтъ, періодъ, который, написанный нашими цифрами, потребовалъ бы пятнадцати знаковъ для своего выраженія). Но ни одинъ браманъ, причастный философіи, не будетъ понимать смерть Брамы въ иномъ смыслѣ, какъ временное исчезновеніе проявленнаго существованія, или какъ періодическій отдыхъ.

Такимъ образомъ оккультисты сходятся съ философами Веданты Адваиты относительно приведеннаго положенія. Они доказываютъ на основаніи философскаго умозрѣнія невозможность принять идею, по которой абсолютное *Все* создаетъ или даже развиваетъ „Золотое Яйцо", куда Оно же само долженствуетъ проникнуть, чтобы преобразиться въ Браму-Творца, который позднѣе развертывается въ Боговъ и во всю видимую Вселенную. Они утверждаютъ, что абсолютное Единство не можетъ перейти въ Безконечность, ибо Безконечность предполагаетъ безграничное расширеніе *чего-то* и продолжительность этого *чего-то*; тогда какъ Единое Все подобно Пространству, которое является его единственнымъ умозрительнымъ и физическимъ представителемъ на землѣ, т. е. на нашемъ планѣ существованія не можетъ быть ни объектомъ, ни субъектомъ для познаванія. Если бы можно

*) Тѣмъ не менѣе, предубѣжденные христіанскіе Оріенталисты считаютъ это чистѣйшимъ атеизмомъ. Для доказательства сравни *Vedânta Sâra* въ изложеніи G. A. Jacob.

А между тѣмъ весь древній міръ полонъ этой мыслью:

Omnis enim per se divom natura necesse est
Immortali aevo summa cum pace fruatur —

какъ выразился Лукрецій, высказывая вполнѣ ведантскую идею.

было предположить вѣчное безконечное *Все*, вездѣсущее Единство, которое, вмѣсто бытія въ Вѣчности, стало бы—благодаря періодическому проявленію—разнородной Вселенной, или многообразной Личностью, въ такомъ случаѣ Единство это перестало бы быть единымъ. Идея Локка, по которой „чистое пространство не способно ни къ сопротивленію, ни къ движенію", не вѣрна. Пространство не есть „безграничная пустота" и не есть „условная полнота", но то и другое вмѣстѣ. Будучи съ точки зрѣнія абсолютной абстракціи—вѣчно непознаваемымъ Божествомъ, которое является пустотой лишь для конечной мысли *), а съ точки зрѣнія призрачнаго (mâyâvic) представленія—Полнотою (Plenum), содержащей въ себѣ все, что есть проявленнаго и непроявленнаго,—оно, слѣдовательно, и представляетъ собою искомое Абсолютное Все. Нѣтъ никакой разницы между сказаннымъ христіанскимъ Апостоломъ: „въ Немъ мы живемъ, и движемся и имѣемъ наше бытіе" и индусскимъ Риши: „Вселенная живетъ въ Брамѣ, происходитъ отъ Него и возвратится къ Нему"; ибо Браманъ (neuter), непроявленный, и есть Вселенная *in abscondito*, а Брама проявленный есть Логосъ, которому приписываютъ мужеско-женское начало **) въ символикахъ ортодоксальныхъ догматовъ; и Богъ посвященнаго Апостола, и Богъ индусскаго Риши, оба являются въ конечномъ выводѣ Невидимымъ и Видимымъ Пространствомъ. Пространство называется въ эзотерическомъ символизмѣ „Семи-Покровный Вѣчный Мать-Отецъ". Начиная съ его недифференцированной до дифференцированной поверхности, пространство состоитъ изъ семи слоевъ.

„*Что такое то, что было, есть и будетъ, безразлично—существуетъ ли вселенная или не существуетъ; есть ли Боги, или ихъ нѣтъ?*" спрашиваетъ эзотерическій Сензарскій катехизисъ. Отвѣтомъ на это служитъ: „*Пространство*".

При этомъ отвергается не Единый, непознаваемый, вѣчно-сущій Богъ въ природѣ, или Природа *in abscondito*, но „Богъ" человѣческой догмы и его очеловѣченное „Слово". Человѣкъ, въ своемъ безконечномъ самомнѣніи и присущихъ ему гордости и тщеславіи, сотворилъ

---

*) Самыя имена двухъ главныхъ Божествъ, Брамы и Вишну, должны бы уже давно навести на ихъ эзотерическое значеніе. *Brahman* или *Brahm* производится нѣкоторыми отъ корня *brih*—расти или расширяться, (Calcutta Review, vol. LXVI p. 14); *Vishnu* отъ корня *vish*—проникать, входить въ природу сущности; *Brahma-Vishnu* такимъ образомъ являются Пространствомъ, относительно котораго Боги, Риши, Ману и все въ этой Вселенной—лишь *Потенціи* (*Vibhûtayah*).

**) Слѣдуетъ сравнить сказаніе Ману о Брамѣ, раздѣляющемъ свое тѣло на мужское и женское, послѣднее—женское *Vâch*, въ которомъ онъ создаетъ *Virâj*,—съ эзотерическимъ смысломъ II-й, III-й и IV-й главы книги Бытія.

Его собственной сватотатственной рукой изъ матеріаловъ своего собственнаго ограниченнаго мозга и навязалъ Его своимъ ближнимъ какъ непосредственное откровеніе, идущее изъ единаго непроявленнаго Пространства *). Оккультистъ признаетъ откровеніе исходящимъ изъ божественныхъ, но все же конечныхъ существъ, изъ проявленныхъ Жизней, но никогда не изъ непроявленной Единой Жизни; отъ тѣхъ существъ, которыя называются Первичнымъ Человѣкомъ, Dhyâni-Buddhas, или Dhyân—Chohans, Rishi-Prajâpati Индусовъ, Элоимъ или Сыны Божіи Евреевъ, планетарные Духи всѣхъ народностей, ставшіе Богами для людей. Оккультистъ разсматриваетъ также „Adi-Shakti", непосредственную эманацію Mûlaprakriti, вѣчный корень „Того", и женскій аспектъ Творческой Причины, Брамы, въ ея аказической формѣ Всемірной Души, какъ философское понятіе Майи и какъ причину человѣческой Майи. Но эта точка зрѣнія не мѣшаетъ ему вѣрить въ ея существо-

*) Оккультизмъ въ самомъ дѣлѣ „носится въ воздухѣ" въ концѣ нашего столѣтія. Среди многихъ книгъ, недавно изданныхъ, особенно рекомендуемъ изучающимъ теоретическій оккультизмъ, книгу Henry Pratt M. D. *New Aspects of Life and Religion.* Она полна эзотеризма и философіи, хотя послѣдняя въ заключительныхъ главахъ является какъ бы ограниченной духомъ условнаго позитивизма. Тѣмъ не менѣе, то, что высказано въ ней по поводу Пространства какъ „Непостижимой Первопричины", заслуживаетъ вниманія. Приводимъ выдержку: „Это неизвѣстное Нѣчто, признаваемое такимъ образомъ за первичное воплощеніе Простого Единства и отождествляемое съ нимъ,—невидимо и неосязаемо (подобно *абстрактному* пространству); и какъ невидимое и неосязаемое, оно слѣдовательно и непознаваемо. И эта непознаваемость привела къ ошибочному положенію, что оно равносильно пустотѣ, равносильно простой воспринимающей способности. Но если даже смотрѣть на пространство какъ на абсолютную пустоту, необходимо допустить, что оно или самосуще, безконечно и вѣчно, или же имѣло первопричину внѣ, позади и надъ собой. Но если бы такая первопричина и была найдена и ее удалось опредѣлить, это вызвало бы лишь перестановку, въ примѣненіи къ ней, всѣхъ атрибутовъ, приписываемыхъ иначе пространству, и такимъ образомъ трудный вопросъ о происхожденіи былъ бы отодвинутъ еще далѣе, а пониманіе первопричины или источниковъ жизни нисколько не подвинулось бы впередъ". (New Aspects of Life and Religion, p. 5). Какъ разъ это самое и было сдѣлано вѣрующими въ антропоморфическаго создателя, въ внѣ-космическаго—вмѣсто скрытаго въ космосѣ—Бога. Многія изъ положеній д-ра Пратта, даже большинство изъ нихъ, старыя кабалистическія идеи, которыя онъ предлагаетъ въ совершенно новомъ облаченіи, дѣйствительно „новыя воззрѣнія" на скрытую сторону природы. Пространство, разсматриваемое какъ единство субстанціи—живой Источникъ Жизни—въ качествѣ „Непознаваемой Безпричинной Причины", является наиболѣе древнимъ догматомъ въ оккультизмѣ, несравненно болѣе древнимъ, чѣмъ Эфиръ (Pater-Aether) древнихъ Грековъ и Латинянъ. Точно также „Сила и Матерія, какъ потенція Пространства, нераздѣлимы, являются выразителями Непознаваемаго". Онѣ встрѣчаются въ арійской философіи олицетворенныя какъ *Vishuakarman, Indra, Vishnu* и т. д. и онѣ же выражены оригинально и вполнѣ философскимъ образомъ въ указанномъ сочиненіи.

ваніе до тѣхъ поръ, пока она длится, т. е. въ теченіи одной Великой Манвантары (*Mahâmanvantara*); точно также какъ она не мѣшаетъ ему прилагать Акашу, излученіе Mûlaprakriti, *) къ практическимъ цѣлямъ, такъ какъ послѣднее связано со всѣми естественными феноменами, извѣстными или неизвѣстными наукѣ.

Наиболѣе древними религіями міра—разсматривая этотъ вопросъ съ внѣшней точки зрѣнія, ибо эзотерическій корень или основа всѣхъ религій одна—являются: Индусская, Маздаизмъ и Египетская. Слѣдующая за ними, Халдейская, происшедшая отъ нихъ, въ настоящее время совершенно утеряна для міра, исключая ея извращенія въ Сабеанизмъ, какъ его передаютъ современные археологи. Затѣмъ, пропуская рядъ религій, о которыхъ мы упомянемъ позднѣе, мы подойдемъ къ еврейской, эзотерически слѣдующей по линіи вавилонскаго магизма (въ своей Кабалѣ), а экзотерически составляющей собраніе аллегорическихъ легендъ, изъ которыхъ состоитъ Книга Бытія и Пятикнижіе. Читаемыя при свѣтѣ *Зохара*, четыре первыя главы книги Бытія являются отрывкомъ изъ высоко-философской страницы міровой космогоніи. Прикрытыя своимъ символическимъ покровомъ, онѣ кажутся дѣтской сказкой, раздражающей науку и логику. Сдѣлать изъ нихъ прологъ къ Христіанству было жестокой местью со стороны раввиновъ, которые хорошо знали, что означаетъ ихъ Пятикнижіе. Это было молчаливымъ протестомъ противъ ихъ расхищенія, и теперь евреи имѣютъ несомнѣнное преимущество передъ своими исконными преслѣдователями. Въ этомъ трудѣ всѣ упомянутыя эзотерическія вѣроисповѣданія будутъ постепенно выясняться въ свѣтѣ единаго эзотерическаго ученія.

Оккультный катехизисъ содержитъ въ себѣ слѣдующіе вопросы и отвѣты:

Что существуетъ вѣчно?—Пространство, вѣчная Anupâdaka (безъ родителей). Что существовало вѣчно?—Зародышъ въ Корнѣ.

---

*) Въ отличіе отъ проявленной матеріальной Вселенной, терминъ Mûlaprakriti, (отъ *mûla*—корень и *prakriti*—природа) или непроявленная, первозданная Матерія, названная западными алхимиками „Адамовой землей",—терминъ этотъ прилагается послѣдователями Веданты къ Парабраману. Въ религіозной метафизикѣ матерія двойственна, а въ эзотерическихъ ученіяхъ она семирична, какъ и все остальное во Вселенной; какъ *Mûlaprakriti*, она — недифференцирована и вѣчна; какъ *Vyakta* — она становится дифференцированной и условной, по *Shvetâshvatara, Upanishad, 1, 8.* и *Devî Bhâgavata Purâna*. Авторъ четырехъ лекцій, напечатанныхъ въ „Теософистѣ", говоритъ: „Съ Его (Логоса) объективной точки зрѣнія, Parabrahman является Ему какъ Mûlaprakriti... И конечно эта Mûlaprakriti также матеріальна для него, какъ любой матеріальный объектъ матеріаленъ для насъ... Parabrahman есть безусловная и абсолютная Реальность, а Mûlaprakriti — нѣчто вродѣ покрова, наброшеннаго на Него". (Theosophist, VIII, 304).

Что вѣчно исходитъ и вновь возвращается?—Великое Дыханіе.—Въ такомъ случаѣ существуютъ три Вѣчные?—Нѣтъ, всѣ три представляютъ Единое. То, что вѣчно существуетъ, есть единое; то, что было всегда, есть единое; то, что вѣчно возникаетъ и осуществляется, есть единое; и это есть Пространство.

Объясни—ученикъ (Lanoo).—*Единое есть ненарушенный Кругъ (Кольцо) безъ окружности, ибо оно нигдѣ и вездѣ; Единое есть безграничная Плоскость (Планъ) Круга, обнаруживающая діаметръ лишь въ періоды Проявленія (Манвантары); Единое есть нераздѣлимая Точка, ненаходимая нигдѣ, познаваемая всюду на протяженіи этихъ періодовъ; Оно и Вертикальное и Горизонтальное, Отецъ и Мать; вершина и основаніе Отца; два полюса (оконечности) Матери,—не кончающіеся въ дѣйствительности нигдѣ, ибо Единое есть Кольцо, но также и Кольца, находящіяся внутри того Кольца. Свѣтъ въ Темнотѣ и Темнота въ Свѣтѣ: „Дыханіе, которое вѣчно". Оно исходитъ извнѣ внутрь тогда, когда оно всюду, и изнутри наружу—когда его нѣтъ нигдѣ, (т. е. Майа, *) одинъ изъ Центровъ.**) Оно расширяется и сокращается (выдыханіе и вдыханіе). Когда оно расширяется, Мать распространяется и разсѣивается; когда оно сокращается, Мать отступаетъ и собирается внутрь. Это и производитъ періоды Эволюціи и Распаденія, Манвантары и Пралайи. Зародышъ невидимъ и огненъ; Корень (Планъ Круга) — прохладенъ; но въ теченіе Эволюціи и Манвантары ея покровъ холоденъ и блистающъ. Горячее Дыханіе Отецъ, пожирающій порожденіе многоликаго Элемента (разно-*

---

*) Эзотерическая философія, разсматривающая каждое конечное явленіе какъ Майу или иллюзію невѣдѣнія, должна по необходимости смотрѣть съ той же точки зрѣнія и на всѣ планеты, и на каждое тѣло, разсматривая ихъ какъ нѣчто организованное, слѣдовательно и конечное. Изъ этого слѣдуетъ, что изреченіе: „оно исходитъ извнѣ внутрь, и т. д." въ первой своей части относится къ зарѣ Великой Манвантары, или къ великому возобновленію эволюціи послѣ одного изъ полныхъ періодическихъ распаденій всѣхъ составныхъ формъ природы—отъ планеты до молекулы—на первичные элементы; тогда какъ во второй своей части, изреченіе это относится къ частичной Манвантарѣ, которая можетъ быть солнечная или даже планетная.

**) Подъ Центромъ подразумѣвается центръ энергіи или космическій фокусъ; когда такъ называемое „Творчество" или образованіе планеты закончено тою силою, которая оккультистами называется *Жизнь*, а наукой *Энергія*, тогда процессъ идетъ изнутри наружу, причемъ говорится, что каждый атомъ содержитъ въ себѣ творческую энергію божественнаго Дыханія. Тогда какъ послѣ абсолютной Пралайи, когда предсуществующая матерія состоитъ изъ Единаго Элемента и Дыханіе „находится всюду", послѣднее дѣйствуетъ извнѣ внутрь: послѣ Малой Пралайи, когда все оставалось in statu quo—въ охлажденномъ такъ сказать состояніи, подобно Лунѣ—тогда при первомъ дуновеніи Манвантары планета воскресаетъ къ жизни изнутри наружу.

роднаго) и оставляющій лишь единоликія (однородныя). Прохлаждающее Дыханіе есть Мать, которая зачинаетъ, образуетъ, выпускаетъ и принимаетъ ихъ обратно въ свое лоно, чтобы преобразовать ихъ на Зарѣ (Дня Брамы или Манвантары).

Для болѣе яснаго уразумѣнія со стороны обыкновеннаго читателя необходимо установить, что оккультная наука признаетъ семь космическихъ Элементовъ; четыре вполнѣ физическіе и пятый (эфиръ) полуфизическій, который станетъ видимымъ въ воздухѣ къ концу Четвертаго Круга и будетъ господствовать надъ всѣмъ въ теченіе всего Пятаго Круга. Остальные два Элемента пока еще не входятъ въ предѣлы человѣческаго познаванія. Но представленіе о нихъ все же возникнетъ у шестой и седьмой расы этого Круга, вполнѣ же познаны они будутъ въ Шестомъ и въ Седьмомъ Кругахъ *)

Эти семь элементовъ съ ихъ безчисленными подъэлементами, которые несравненно многочисленнѣе уже открытыхъ наукой, суть лишь *условныя* видоизмѣненія и аспекты одного и того же Элемента. Этотъ послѣдній не эфиръ **) и даже не Акаша, онъ есть ихъ *источникъ*. Пятый Элементъ, въ настоящее время неотрицаемый и наукой, не есть эфиръ гипотезы Ньютона, хотя послѣдній и называетъ его этимъ именемъ, соединивъ его, по всей вѣроятности, въ своемъ умѣ съ

---

*) Въ эволюціонныхъ циклахъ идей интересно прослѣдить, какъ древнія мысли отражаются въ новѣйшихъ умозрѣніяхъ. Развѣ Гербертъ Спенсеръ изучалъ древнихъ индусскихъ философовъ, когда онъ писалъ эту страницу въ своихъ *Первыхъ Принципахъ* (First Principles, p. 482)? Или же вспышка внутренняго вѣдѣнія заставила его сказать наполовину вѣрно и наполовину ошибочно: „такъ какъ движеніе, подобно матеріи, имѣетъ свое опредѣленное количество энергіи, (?) нужно думать, что когда измѣненіе въ распредѣленіи атомовъ матеріи, вызываемое движеніемъ, достигаетъ своего предѣла, (?) безостановочное движеніе требуетъ вслѣдъ за этимъ обратнаго распредѣленія атомовъ. Повидимому, всюду существующія силы притяженія и отталкиванія, которыя, какъ мы видѣли, вызывая необходимость ритма въ второстепенныхъ перемѣнахъ во всей Вселенной, и требуя ритма также и во всей совокупности ея измѣненій,—производятъ тотъ неизмѣримый періодъ, во время котораго преобладаніе силы притяженія вызываетъ сосредоточеніе, сжиманіе всего, а затѣмъ неизмѣримый періодъ, во время котораго преобладаніе силы отталкиванія вызываетъ расширеніе всего—alternate eras развитія и распаденія.

**) Каковы бы ни были воззрѣнія физической науки на этотъ вопросъ, оккультная наука учитъ съ незапамятныхъ временъ, что Акаша (эфиръ ея наиболѣе грубая форма)—пятое космическое Начало, которому соотвѣтствуетъ и изъ котораго происходитъ человѣческій Manas,—есть, въ космическомъ своемъ аспектѣ, свѣтящаяся, прохладная, теплопроводящая пластическая матерія, творческая въ своей физической природѣ, измѣнчивая въ своихъ наиболѣе грубыхъ аспектахъ и частяхъ, и неизмѣнная въ своихъ высшихъ началахъ. Въ условіяхъ творчества она называется Подъ-Корень (Sub-Root); а въ соединеніи съ лучистой теплотой, она вызываетъ „мертвые міры къ жизни". Высшій ея аспектъ—Міровая Душа; низшій—Разрушитель.

античнымъ Эфиромъ — „Отцомъ-Матерью" древности. Какъ Ньютонъ интуитивно выражается: „природа есть вѣчная круговращательная дѣятельная сила, производящая жидкости изъ твердыхъ тѣлъ, сгущенныя тѣла изъ летучихъ, а летучія изъ сгущенныхъ, тонкія изъ плотныхъ и плотныя изъ тонкихъ.... Судя по этому, возможно, что всѣ тѣла происходятъ отъ Эфира".*)

Читатель долженъ постоянно имѣть въ виду, что Стансы относятся лишь къ космогоніи нашей собственной планетной системы и къ тому, что видимо вокругъ нея послѣ солнечной Пралайи. Тайныя ученія, относящіяся къ эволюціи вселенскаго Космоса, не могутъ быть даны уже потому, что они не могли бы быть поняты даже величайшими умами нашего вѣка, и повидимому среди величайшихъ Посвященныхъ лишь очень немногимъ разрѣшается обсуждать этотъ вопросъ.

Мало того, Учителя говорятъ открыто, что высочайшіе Dhyâni-Chohans никогда не проникали въ тайны за гранями, отдѣляющими милліарды солнечныхъ системъ отъ Центральнаго Солнца, какъ оно называется. Слѣдовательно то, что открывается намъ, относится лишь къ нашему видимому Космосу въ періодъ Проявленія или „Дня Брамы".

Прежде, чѣмъ читатель перейдетъ къ разсмотрѣнію Стансевъ изъ *Книги Дзіанъ*, которыя составляютъ основу настоящаго труда, совершенно необходимо познакомиться съ немногими основными положеніями, которыми проникнута вся система мысли, предлагаемая его вниманію. Эти основныя идеи немногочисленны, но отъ яснаго пониманія этихъ идей зависитъ воспріятіе всего послѣдующаго; поэтому мы и просимъ читателя познакомиться съ ними ранѣе, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію самаго труда.

Тайная Доктрина устанавливаетъ три главныхъ положенія:

1. Вездѣсущее, Вѣчное, Безпредѣльное и Неизмѣнное Начало, по поводу котораго невозможны никакія умозрѣнія, ибо Оно превосходитъ силы человѣческаго воспріятія и можетъ быть только искалѣчено человѣческими выраженіями и сравненіями. Оно превышаетъ всѣ силы мысли и по выраженію *Mândûkya*—„немыслимо и невыразимо". Чтобы эта идея стала яснѣе, пусть читатель начнетъ съ предпосылки, что *есть* единая Абсолютная Реальность, которая предшествуетъ всякому реальному Бытію. Эта Безпредѣльная и Вѣчная Первопричина, смутно обозначенная какъ „Безсознательное" и „Непознаваемое" въ обычной европейской философіи, — есть Безначальный Корень (Rootless Root) „всего, что было, есть и когда-либо будетъ". Оно несомнѣнно лишено всякихъ аттрибутовъ и по существу не имѣетъ никакого отношенія къ

*) Hypoth. 1675.

проявленному, конечному Бытію. Это—скорѣе Бы-тіе, чѣмъ Сущее, *Sat* по санскритски и оно превышаетъ всякую мысль и всякое умозрѣніе.

Это Бы-тіе символизируется въ Тайномъ Ученіи подъ двумя видами. Съ одной стороны—абсолютное абстрактное Пространство, являющее собою чистую субъективность, единственное, что человѣческій умъ не можетъ ни исключить изъ какого бы то ни было понятія, ни воспринять его безотносительно. Съ другой стороны, абсолютное Абстрактное Движеніе, представляющее собою Безусловное Сознаніе. Даже наши западные мыслители доказали, что сознаніе немыслимо для насъ внѣ перемѣны, движеніе же лучше всего символизируетъ перемѣну, которая является его существеннымъ свойствомъ. Этотъ послѣдній аспектъ Единой Реальности символизируется также выраженіемъ „Великое Дыханіе", символомъ достаточно выразительнымъ, чтобы не требовать дальнѣйшаго объясненія. Такимъ образомъ, первая основная аксіома Тайнаго Ученія есть это метафизическое Единое Абсолютное Бы-тіе, символизируемое конечнымъ сознаніемъ, какъ теологическая Троица.

Для облегченія читателя приведемъ еще нѣсколько поясненій.

Гербертъ Спенсеръ въ послѣднее время настолько смягчилъ свой агностицизмъ, что нашелъ возможнымъ утверждать, что природа „Перво-Причины" *), которую оккультистъ гораздо логичнѣе производитъ отъ Безпричинной Причины, природа „Вѣчнаго" и „Непознаваемаго" по существу однородна съ тѣмъ сознаніемъ, которое изливается изъ насъ; иными словами, что безличная Реальность, проникающая весь космосъ, есть чистый нуменъ мысли. Этотъ прогрессъ въ его мышленіи подводитъ его очень близко къ эзотерическому толкованію и къ ученію Веданты **).

Парабраманъ, Единая Реальность, Абсолютное, есть поле Абсолютнаго Сознанія, т. е. та Суть, которая внѣ всякаго отношенія къ условному существованію, и относительно котораго сознательное существованіе есть лишь условный символъ. Но какъ только мы мысленно переходимъ отъ этого (для насъ) абсолютнаго отрицанія, немедленно появляется двойственность, благодаря противоположенію Духа (или Сознанія) и Матеріи, Субъекта и Объекта.

---

*) „Первое" необходимо предполагаетъ нѣчто, что „возникло первымъ", что „первое въ пространствѣ, времени и положеніи", вслѣдствіе чего оно неминуемо и конечно, и условно. „Первое" *не можетъ быть абсолютнымъ*, ибо оно есть проявленіе. Поэтому восточный оккультизмъ называетъ *Абстрактное Все*—Единой Безпричинной Причиной, лишеннымъ Корня Корнемъ (Rootless Root) и ограничиваетъ „Перво-Причину" Логосомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ этотъ терминъ дается Платономъ.

**) См. четыре лекціи Субба Роу о Бхагавадъ-Гитѣ, *The Theosophist*, Febr. 1887.

Духъ (или Сознаніе) и Матерія должны быть разсматриваемы не какъ независимыя реальности, но какъ два аспекта Абсолютнаго, Парабрамана, который составляетъ основу условнаго Бытія, какъ субъективнаго, такъ и объективнаго.

Разсматривая эту метафизическую тріаду какъ Корень, отъ котораго происходитъ всякое проявленіе, Великое Дыханіе пріобрѣтаетъ характеръ предъ-космическаго Мышленія. Это—*fons et origo* Силы и всякаго индивидуальнаго Сознанія и является руководящимъ разумомъ въ великой схемѣ космической эволюціи. Съ другой стороны, предъ-космическій Корень—Субстанція (Mûlaprakriti) есть тотъ аспектъ Абсолютнаго, который лежитъ въ основѣ всѣхъ объективныхъ плановъ природы.

Такъ же, какъ предъ-космическое Мышленіе есть корень всякаго индивидуальнаго Сознанія, такъ и Предкосмическая Субстанція есть основа (субстратъ) Матеріи въ различныхъ степеняхъ ея дифференціаціи.

Отсюда ясно, что противоположеніе этихъ двухъ аспектовъ Абсолютнаго совершенно необходимо для существованія проявленной Вселенной. Помимо космической Субстанціи, космическое Мышленіе не могло бы проявиться какъ индивидуальное сознаніе, такъ какъ лишь посредствомъ матеріальнаго проводника (upâdhi) сознаніе можетъ изливаться какъ „я есмь я“, и на извѣстной ступени сложности дифференціаціи необходима физическая основа для проведенія черезъ опредѣленный центръ Луча Мірового Разума. Съ другой стороны, и космическая Субстанція безъ космическаго Мышленія осталась бы просто абстракціею, а не проводникомъ для Сознанія.

Вотъ почему проявленная Вселенная проникнута двойственностью, которая является какъ-бы самой сутью ея Существованія (Ex-istence), какъ Проявленія. Но такъ же, какъ противоположные полюсы Субъекта и Объекта, Духа и Матеріи, суть лишь аспекты единаго Единства, въ которомъ они и синтезируются, такъ и въ проявленной Вселенной есть „нѣчто“, что соединяетъ Духъ съ Матеріей, Субъектъ съ Объектомъ.

Это „нѣчто“, неизвѣстное для западнаго умозрѣнія, называется оккультистами *Fohat*. Это тотъ „мостъ“, посредствомъ котораго Идеи, существующія въ Божественномъ Мышленіи, запечатлѣваются на космической Субстанціи какъ законы природы. Слѣдовательно, Fohat есть динамическая энергія космическаго Мышленія; или, разсматриваемая съ другой стороны, это—разумный medium, руководящая сила всякаго проявленія, Божественная Мысль, переданная и проявленная черезъ посредство Dhyân Chohans *), Архитекторовъ видимаго міра. Такимъ обра-

*) Dhyân-Chohans называются въ христіанской теологіи Архангелами, Серафимами и т. д.

зомъ, наше сознаніе происходитъ отъ Духа или космическаго Мышленія, а различные проводники, въ которыхъ это сознаніе индивидуализируется и достигаетъ рефлективнаго или само-сознанія, происходятъ отъ космической Субстанціи; тогда какъ Fohat во всѣхъ своихъ разнообразныхъ проявленіяхъ является тѣмъ таинственнымъ звеномъ между Разумомъ и Матеріей, тѣмъ оживотворяющимъ началомъ, которое электризуетъ каждый атомъ, вызывая въ немъ жизнь.

Слѣдующія краткія опредѣленія помогутъ читателю:

I. *Абсолютность:* Парабраманъ Веданты или Единая Реальность, Sat, который, по выраженію Гегеля, одновременно и Абсолютное Бытіе и Не-Бытіе.

II. *Первый Логосъ:* безличный, по философскому опредѣленію „Непроявленный Логосъ", предшествующій Проявленному. Это и есть „Первопричина" или „Безсознательное" европейскихъ пантеистовъ.

III. *Второй Логосъ:* Духъ—Матерія, Жизнь; „Духъ Вселенной"; Purusha и Prakriti Индусовъ.

IV. *Третій Логосъ:* космическое Мышленіе, Mahat или Разумъ, Общая Міровая Душа; космическій Нуменъ матеріи, основа разумныхъ дѣйствій Природы, называемый также Mahâ-Budhi.

Единая Реальность; ея *двойственный* аспектъ въ проявленной условной Вселенной.

Далѣе Тайное Ученіе утверждаетъ:

2. Вѣчность Вселенной *in toto* какъ безграничное поле дѣйствій; періодически „ристалище безчисленныхъ міровъ, непрестанно появляющихся и исчезающихъ", именуемыхъ „Проявленными Свѣтилами" или „Искрами Вѣчности". *„Вѣчность Странника"**) *подобна мановенію Ока Само-Сущаго,* по выраженію книги Дзіанъ. *„Появленіе и исчезновеніе міровъ подобно правильному чередованію прилива и отлива".*

Это второе утвержденіе Тайнаго Ученія выражаетъ собою универсальность закона чередованія, прилива и отлива, который физическая наука подмѣтила и засвидѣтельствовала во всѣхъ отдѣлахъ природы. Такіе переходы, какъ день и ночь, жизнь и смерть, сонъ и бодрствованіе,—явленія до того обыденныя, настолько всеобщія и не-

---

*) Странникъ или „пилигримъ" — названіе, даваемое нашей Монадѣ (два въ одномъ) въ теченіе цикла ея воплощеній. Это—единое безсмертное и вѣчное начало въ насъ; нераздѣльная часть цѣлаго — Всемірнаго Духа, откуда она изошла и куда она возвратится въ концѣ пройденнаго цикла. Когда говорятъ, что она исходитъ изъ Единаго Духа, это неправильное выраженіе употребляется за недостаткомъ соотвѣтствующихъ словъ. Послѣдователи Веданты называютъ ее *Sûtrâtmâ* (Нить-Души), но ихъ объясненіе нѣсколько отличается отъ объясненій оккультистовъ; раскрыть причину этой разницы представляется самимъ послѣдователямъ Веданты.

допускающія исключенія, что въ нихъ мы несомнѣнно имѣемъ одинъ изъ основныхъ Законовъ Вселенной.

Кромѣ того, Тайное Ученіе утверждаетъ:

3. Основную тождественность всѣхъ душъ съ Міровой Сверхъ-Душой, которая сама есть аспектъ „Непознаваемаго Корня;" и неизбѣжное странствованіе каждой души — искры Міровой Души — черезъ Циклъ Воплощенія или Необходимость, въ согласіи съ циклическимъ и кармическимъ Закономъ на протяженіи всего опредѣленнаго срока. Другими словами: ни одна чисто-духовная Божественная Душа (Buddhi) не можетъ имѣть независимаго сознательнаго существованія прежде, чѣмъ искра, изошедшая изъ чистой Сущности Вселенскаго Шестого Начала или Сверхъ-Души — во 1) не пройдетъ черезъ каждую элементальную форму проявленнаго міра данной Манвантары и во 2) не пріобрѣтетъ индивидуальность, сперва благодаря естественному импульсу, а впослѣдствіи, благодаря самостоятельнымъ и самопочиннымъ усиліямъ, которыя задерживаются ея же кармой, — поднимаясь такимъ образомъ по всѣмъ ступенямъ сознанія, отъ нижайшаго до высочайшаго Manas, отъ минерала и растенія до чистѣйшаго Архангела (Dhyâni-Buddha). Центральное ученіе эзотерической философіи не допускаетъ никакихъ преимуществъ или особыхъ даровъ для человѣка, исключая тѣхъ, которые добыты его собственнымъ *Ego* путемъ личныхъ усилій и заслугъ на протяженіи длиннаго ряда метампсихозъ и перевоплощеній. Вотъ почему Индусы говорятъ, что Вселенная есть одновременно и Браманъ и Брама, ибо Браманъ—въ каждомъ атомѣ Вселенной, шесть же Началъ Природы происходятъ всѣ—какъ различно дифференцированные аспекты — изъ Седьмого Единаго Начала, единственной Реальности, какъ въ космической, такъ и въ микрокосмической Вселенной; поэтому же и всѣ измѣненія психическія, духовныя и физическія на проявленномъ планѣ Шестого Начала (Брама, проводникъ Брамана) разсматриваются съ метафизической точки зрѣнія, какъ иллюзія или Майа. Ибо, хотя Седьмое Начало или Единая Реальность и есть корень каждаго атома индивидуально, и корень каждой формы собирательно, — тѣмъ не менѣе въ своей проявленной феноменальной и временной видимости, оно—ничто иное, какъ мимолетная иллюзія нашихъ чувствъ.

Въ своей абсолютности, Единое Начало подъ двумя своими аспектами, ParaBrahman и Mûlaprakriti—безусловно, вѣчно и не имѣетъ пола. Его періодическая эманація (Манвантара) или первичное излученіе является также Единымъ, но двуполымъ и феноменально конечнымъ. Когда первичное излученіе начинаетъ въ свою очередь изливать лучи, послѣдніе обладаютъ также двумя полюсами, которые и становятся

мужскимъ и женскимъ началомъ въ низшихъ аспектахъ проявленной жизни. Послѣ Пралайи, какъ великой, такъ и малой (послѣдняя оставляетъ міры in statu quo)*), — первое, что пробуждается къ активной жизни, это—пластическая *Akâsha*, Отецъ-Мать, Духъ и Душа Эфира, или Поле внутри Круга. Пространство называется Матерью *до* его космической дѣятельности, на первой же ступени пробужденія оно носитъ названіе Отецъ—Мать. Въ Кабалѣ оно называется также Отецъ-Мать-Сынъ. Но, тогда какъ въ Восточномъ Ученіи это и есть Седьмое Начало проявленной Вселенной, или его Atmâ-Budhi-Manas (Духъ-Душа-Разумъ), та Тріада, которая развѣтвляется и дѣлится на семь космическихъ и семь человѣческихъ Началъ,—въ западной Кабалѣ христіанскихъ мистиковъ это есть божественная Троица, а у западныхъ оккультистовъ—мужеско-женскій Іегова, Jah-Havah. Въ этомъ заключается вся разница между эзотерической и христіанской Троицами. Мистики и философы, восточные и западные пантеисты, синтезируютъ свою непроявленную догенетическую Тріаду въ чистую божественную абстракцію. Ортодоксальная точка зрѣнія очеловѣчиваетъ ее. Hiranyagarbha, Hari и Shaknara—три Vпостаси проявляющагося „Духа Верховнаго Духа", званіе, которымъ Prithivî (Земля) привѣтствуетъ Вишну въ его первомъ Аватарѣ— суть чисто метафизическія абстрактныя качества Созиданія, Сохраненія и Разрушенія и въ то же время три божественныя vпостаси (Avasthâs) того, что „не погибаетъ вмѣстѣ съ сотворенными вещами", *Achyuta* (одно изъ именъ Вишну); тогда какъ ортодоксальное христіанское понятіе дѣлитъ свое личное созидающее Божество на три Лица Св. Троицы и не допускаетъ болѣе высокаго Божества. Послѣднее, въ понятіи оккультиста, есть отвлеченный Треугольникъ; въ восточномъ ортодоксальномъ пониманіи,—совершенный Кубъ. Творящій Богъ или соединеніе божественныхъ существъ разсматривается восточнымъ философомъ какъ *Bhrântidarshanatah*,—„лживыя видимости", нѣчто „представляемое, благодаря ошибочнымъ видимостямъ, какъ матеріальная форма"; по ихъ объясненію, идея эта возникаетъ изъ обманчиваго призрачнаго представленія эгоистической личной человѣческой души (низшее Пятое Начало). Это прекрасно выражено въ примѣчаніяхъ Фицэдуардъ Голля къ переводу Уильсона *Vishnu Purana*. „Этотъ Брама въ своей цѣлости обладаетъ по существу аспектомъ

*) Въ время великой космической или даже солнечной Пралайи остаются *in statu quo* не физическіе организмы и не психическія ихъ начала, но лишь ихъ акаазическія (âkâshic) или астральныя „фотографіи". Но во время малой Пралайи, разъ планеты застигаются „Ночью", онѣ остаются нетронутыми, хотя и мертвыми, вродѣ того, какъ большое животное, затертое полярными льдами, остается нетронутымъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ.

Пракрити (Матеріи), и той, которая находится въ процессѣ развитія, и той, которая еще не вступила въ него (Mûlaprakriti), а также аспектомъ Духа и аспектомъ Времени. Духъ, о дважды рожденный, есть руководящій аспектъ Вышняго Брамы *). Слѣдующій за нимъ есть двойственный аспектъ Пракрити какъ проявленной, такъ и непроявленной, а Время есть его послѣдній аспектъ". Кроносъ—въ Орфической Теогоніи—является также рожденнымъ богомъ или дѣятелемъ.

На этой ступени пробужденія Вселенной, священная символика изображаетъ ее полнымъ Кругомъ съ Точкой (Корень) въ центрѣ. Этотъ знакъ былъ всеобщимъ, поэтому мы находимъ его также и въ Кабалѣ. Но западная Кабала, находящаяся нынѣ въ рукахъ христіанскихъ мистиковъ, не знаетъ его, хотя онъ ясно показанъ въ Зохарѣ. Эти мистики начинаютъ съ конца и даютъ какъ символъ догенетическаго Космоса, называя его „сочетаніемъ Розы и Креста," великой мистеріей оккультнаго рожденія; отсюда и имя Розенкрейцеровъ. Въ этомъ можно убѣдиться изъ наиболѣе важнаго и наиболѣе извѣстнаго ихъ символа, который никогда не былъ настоящимъ образомъ понятъ даже и современными мистиками. Символъ этотъ—Пеликанъ, разрывающій свою грудь, чтобы накормить семерыхъ своихъ птенцовъ; въ немъ то и кроется истинное вѣрованіе Братьевъ Розоваго Креста, исходящее по прямой линіи изъ восточнаго Тайнаго Ученія.

Браманъ (нейтральный) называется Kâlahamsa, что, по объясненію западныхъ оріенталистовъ, означаетъ Вѣчный Лебедь, но также называютъ они и Браму, Творца. Отъ этого происходитъ много недоразумѣній: ибо Брамана (нейтральнаго) слѣдуетъ признать въ Hamsa-Vâhana (Тотъ, который пользуется Лебедемъ, какъ проводникомъ), а не Браму—Творца, который и есть истинный Kâlahamsa; тогда какъ Браманъ (нейтральный) есть Hamsa, A-hamsa, какъ будетъ объяснено позднѣе въ комментаріяхъ. Слѣдуетъ кстати замѣтить, что термины Брама и Парабраманъ употребляются здѣсь не потому, что они принадлежатъ къ нашей эзотерической номенклатурѣ, а потому, что они болѣе извѣстны

*) Спенсеръ, въ которомъ подобно Шопенгауэру и Гартману отразились лишь нѣкоторыя стороны древнихъ эзотерическихъ философовъ и который поэтому приводитъ своихъ читателей къ берегамъ агностическаго отчаянія,—тѣмъ не менѣе съ благоговѣніемъ формулируетъ великую тайну: „то, что остается неизмѣннымъ количественно, но вѣчно мѣняетъ форму подъ тѣми, доступными нашему воспріятію, видимостями, подъ которыми Вселенная является намъ,—есть невѣдомая и непознаваемая Сила, которую мы принуждены признать неимѣющей границъ въ Пространствѣ и неимѣющей границъ во Времени". Лишь смѣлые теологи—никогда наука или философія—дерзаютъ опредѣлять Безконечнаго и снимать покровъ съ Неизмѣримаго и Непознаваемаго.

западнымъ изслѣдователямъ. Оба имени вполнѣ соотвѣтствуютъ нашимъ терминамъ объ одной, о трехъ и о семи гласныхъ, которыя обозначаютъ ЕДИНОЕ ВСЕ, и Единое „Все во Всемъ". Таковы основныя понятія, на которыхъ построено Тайное Ученіе. Здѣсь не мѣсто защищать или доказывать присущую имъ разумность; точно также я считаю неумѣстнымъ задерживаться съ цѣлью доказать, что въ сущности всѣ они содержатся—хотя иногда и подъ вводящимъ въ заблужденіе покровомъ—въ каждой системѣ мысли или философіи, достойной этого названія.

Если читатель вполнѣ овладѣетъ этими понятіями и убѣдится, какой свѣтъ они бросаютъ на каждую проблему жизни, тогда онъ уже не будетъ нуждаться въ доказательствахъ, ибо истина ихъ будетъ для него такъ же очевидна, какъ свѣтъ солнца, льющійся съ небесъ. Въ виду этого, я прямо перейду къ главному предмету Стансевъ, данныхъ въ этомъ томѣ, и передамъ ихъ въ самыхъ общихъ очертаніяхъ, надѣясь облегчить этимъ задачу читателя.

Исторія Космической Эволюціи, какъ она намѣчена въ Стансахъ, есть—такъ сказать—абстрактная алгебраическая формула этой эволюціи. Поэтому читатель не долженъ искать въ нихъ отчета относительно всѣхъ ступеней и трансформацій, которыя происходили между началомъ нашей эволюціи и теперешнимъ ея состояніемъ. Дать такой отчетъ было бы столько же невозможно, сколько и безполезно для людей, которые неспособны схватить природу даже того плана нашей міровой системы, который наиболѣе приближается къ физическому, т. е. къ тому плану, которымъ ограничивается въ данное время ихъ сознаніе.

Такимъ образомъ, Стансы даютъ абстрактную формулу, которая можетъ быть примѣнена *mutatis-mutandis* ко всякой эволюціи: и къ нашей маленькой землѣ, и къ эволюціи планетной цѣпи, въ которую входитъ наша земля, и къ солнечной системѣ, куда принадлежитъ эта цѣпь, и т. д. по восходящимъ ступенямъ до тѣхъ поръ, пока умъ еще въ состояніи воспринимать.

Семь Стансевъ, данныя въ этомъ томѣ, представляютъ семь предѣловъ этой абстрактной формулы. Они указываютъ на семь великихъ ступеней въ эволюціонномъ процессѣ, о которыхъ въ Пуранахъ говорится какъ о „Семи Твореніяхъ", а въ Библіи какъ о „Семи Дняхъ" творенія.

Станса I описываетъ состояніе Все-Единаго во время Пралайи до перваго дуновенія вновь пробуждающагося Проявленія.

Нетрудно понять, что состояніе это можетъ быть выражено лишь символами, что описать его—невозможно, да и символизировать его можно лишь отрицательно; такъ какъ это состояніе Абсолютности

per-se, оно не можетъ обладать ни однимъ изъ тѣхъ особыхъ атрибутовъ, которые помогаютъ описывать объекты въ положительныхъ терминахъ. Относительно *этого* состоянія можетъ быть данъ лишь намекъ отрицаніемъ всѣхъ наиболѣе абстрактныхъ атрибутовъ, которые человѣкъ скорѣе чувствуетъ, чѣмъ понимаетъ, какъ отдаленнѣйшую грань, доступную для его способности воспріятія.

Станса II описываетъ состояніе, которое для западнаго ума настолько тождественно съ состояніемъ, упомянутымъ въ Стансѣ I, что для выясненія лишь идеи этой разницы потрѣбовался бы цѣлый отдѣльный трактатъ. Поэтому мы предоставляемъ интуиціи и высшимъ способностямъ читателя уловить—насколько это возможно—значеніе аллегорическихъ выраженій второй Стансы. При этомъ необходимо помнить, что всѣ эти Стансы обращены скорѣе къ внутреннему воспріятію, чѣмъ къ обыкновенному мышленію физическаго мозга.

Станса III описываетъ пробужденіе Вселенной къ жизни послѣ Пралайи. Она рисуетъ выступленіе Монадъ изъ состоянія поглощенности внутри Единаго, т. е. самую первую и высочайшую ступень въ образованіи міровъ—причемъ слово „Монада" можетъ быть примѣнено и къ величайшей солнечной системѣ, и къ мельчайшему атому.

Станса IV показываетъ дифференціацію „Зародыша" Вселенной въ Семиричную Іерархію сознательныхъ Божественныхъ Силъ, которыя представляютъ собой дѣятельныя проявленія Единой Верховной Энергіи. Онѣ и являются основателями, формовщиками и въ заключеніе создателями всей проявленной Вселенной въ томъ единственномъ смыслѣ, въ которомъ имя „Творца" доступно пониманію. Онѣ образуютъ и направляютъ ее; онѣ — тѣ разумныя Сущности, которыя согласуютъ и контролируютъ эволюцію, воплощая въ себѣ тѣ проявленія Единаго Закона, которыя извѣстны намъ какъ „Законы Природы".

Въ общемъ, онѣ извѣстны подъ названіемъ *Dhyân Chohans*, хотя каждая изъ многочисленныхъ группъ имѣетъ въ Тайномъ Ученіи свое собственное наименованіе.

Объ этой ступени эволюціи въ индусской миѳологіи говорится какъ о „Созданіи Боговъ".

Станса V описываетъ процессъ образованія міра. Въ началѣ — разсѣянная космическая матерія, затѣмъ — „Огненный Вихрь", первая ступень образованія туманности (nebula). Туманность эта сгущается и, пройдя черезъ многія трансформаціи, образуетъ Солнечную Вселенную, планетную цѣпь, или же отдѣльную планету, глядя по обстоятельствамъ.

Станса VI указываетъ на послѣдующія ступени образованія „Міра", и доводитъ эволюцію такого Міра до его четвертаго великаго періода,

соотвѣтствующаго періоду, въ условіяхъ котораго мы существуемъ и понынѣ.

Станса VII продолжаетъ повѣствованіе, намѣчая нисхожденіе жизни до появленія Человѣка. И такимъ образомъ заканчивается первая Книга Тайной Доктрины.

Развитіе Человѣка отъ начала его появленія на землѣ въ настоящемъ Кругѣ (Round) до состоянія, въ которомъ мы находимъ его нынѣ, составитъ содержаніе Книги второй.

Стансы, составляющія тезисъ каждаго изъ отдѣловъ, даются въ переводѣ на современный языкъ, ибо было бы болѣе чѣмъ безполезно усложнять предметъ еще болѣе, вводя архаическую фразеологію оригинала съ его чуждымъ стилемъ и словами. Рядомъ съ этимъ даются извлеченія изъ китайскихъ, тибетантскихъ и санскритскихъ переводовъ, оригинальныхъ комментаріевъ на св. языкѣ *сензаръ* и толкованія на книгу *Дзіанъ*— которая впервые появляется на европейскомъ языкѣ. Излишне прибавлять, что лишь часть семи Стансевъ могла быть обнародована въ этомъ трудѣ. Если бы ихъ обнародовать полностью, онѣ оказались бы совершенно непонятными для всѣхъ, кромѣ небольшого числа оккультистовъ высшей ступени. Точно также излишне увѣрять читателя, что и самъ пишущій, или вѣрнѣе смиренный посредникъ, понимаетъ эти запрещенныя мѣста не болѣе любого непосвященнаго. Чтобы облегчить чтеніе и избѣжать слишкомъ частыхъ ссылокъ на подстрочныя примѣчанія, мы нашли удобнѣе соединить вмѣстѣ и тексты, и толкованія, употребляя, вмѣсто оригинальныхъ названій, санскритскія и тибетскія имена всюду, гдѣ ихъ нельзя было избѣжать; тѣмъ болѣе, что всѣ эти термины — принятые синонимы, оригинальныя же названія употребляются лишь между Учителемъ и Челами (учениками).

Такимъ образомъ, если бы переводить на современный языкъ, сохраняя лишь существительные и техническіе термины, употребляемые въ одномъ изъ тибетскихъ и сензарскихъ варіантовъ, стихъ первый получился бы слѣдующій:

Tho-ag въ Zhi-gyu спалъ семь Khorlo Zodmanas zhiba. Все Nyug груди. Konch-hog ныть; Thyan-Kat ныть; Lha-Chohan ныть; Tenbrel Chugnyi ныть; Dharmakay прекратилась; Tgenchang не возникло; Barnang и Ssa въ Ngovonyid; одно Tho-og Yinsin въ ночи Sun-chan и Yong-Grub (Paranishpanna и т. д. и т. д.

Какъ видитъ читатель, получилась бы чистѣйшая абракадабра.

А такъ какъ это произведеніе написано для поученія изучающихъ оккультизмъ, а не для филологовъ, то мы и будемъ избѣгать такихъ чуждыхъ названій всюду, гдѣ это только возможно. Сохранены

лишь непереводимые термины, остающіеся непонятными, пока не разъяснено ихъ значеніе; но всѣ эти термины будутъ даны въ ихъ санскритской формѣ. Не лишнее напомнить читателю, что термины эти являются почти во всѣхъ случаяхъ позднѣйшимъ развитіемъ позднѣйшаго языка и принадлежатъ Пятой Коренной Расѣ. Санскритъ въ извѣстной намъ формѣ не былъ знакомъ Атлантамъ и большая часть философскихъ терминовъ, употребляемыхъ въ философскихъ системахъ Индіи въ періодъ послѣ Махабараты, не находится въ *Ведахъ*, точно также и въ оригиналахъ Стансевъ ихъ можно встрѣтить лишь въ равнозначущихъ выраженіяхъ. Читатель, который не принадлежитъ къ числу теософовъ, можетъ смотрѣть на все послѣдующее, какъ на волшебную сказку, или, въ лучшемъ случаѣ, какъ на недоказанное умозрѣніе мечтателя, въ худшемъ же случаѣ, какъ на добавочную гипотезу къ тому множеству научныхъ гипотезъ прошлаго, настоящаго и будущаго, изъ которыхъ нѣкоторыя уже отброшены, а другія все еще влачатъ свое существованіе. Если смотрѣть на раскрываемое ученіе какъ на гипотезу, она во всякомъ случаѣ не менѣе научна, чѣмъ многія такъ называемыя научныя теоріи и во всякомъ случаѣ болѣе логична и вѣроятна.

Въ комментаріяхъ на Стансы, ссылки на подстрочныя примѣчанія отмѣчены обыкновенными знаками, поясненія же обозначены буквами. Добавочныя указанія будутъ помѣщены въ главахъ, относящихся къ символизму, въ которыхъ читатель найдетъ не менѣе свѣдѣній, чѣмъ въ самихъ комментаріяхъ.

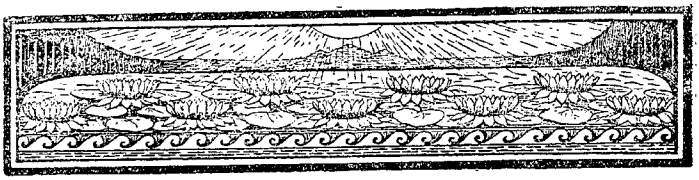
Перев. **Е. П.**

Человѣкъ есть то, что онъ думаетъ: такова извѣчная тайна.

Кто пребываетъ въ одномъ цвѣтѣ радуги, тотъ остается слѣпъ къ остальнымъ ея цвѣтамъ. Живи во всѣхъ лучахъ, которыми сіяетъ радуга, и ты познаешь весь свѣтъ.

Ярко окрашенному прекрасному цвѣтку безъ запаха подобны умныя рѣчи того, кто не живетъ въ согласіи съ ними.

(Драгоцѣнные Камни Востока).



СЕМЬ СТАНСЪ „КНИГИ DZYAN"

(ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО).

Изъ ч. I. **„Сокровеннаго Ученія"** (*„The Secret Doctrine"*) **Е. П. Блаватской.**

(ч. I. КОСМОГЕНЕЗИСЪ).

Эволюція Космоса.

Станса I.

1. Предвѣчная Родительница (Мать), облеченная въ свои вѣчно-незримыя Одѣянія, снова задремала на семь вѣчностей.

2. Времени не было, ибо оно спало въ безконечномъ Лонѣ Продленія.

3. Всемірный разумъ не существовалъ, ибо не было духовныхъ существъ (Ah-hi), [1]) чтобы вмѣстить его въ себѣ.

4. Семи Путей къ Блаженству не было, и Великихъ Причинъ страданія [2]) тоже не существовало, ибо не было никого, кто-бы могъ производить ихъ и попадать въ ихъ сѣти.

5. Одна лишь Тьма наполняла безграничное Все, ибо Отецъ Мать и Сынъ стали снова Единое, и Сынъ еще не

пробудился для новаго Колеса и для своего Странствія по немъ.

6. Семь Верховныхъ Владыкъ [3]) и Семь Истинъ перестали существовать и Вселенная, дитя Необходимости, была погружена въ Paranishpana, [4]) чтобы появиться съ дыханіемъ того, что одновременно существуетъ и не существуетъ. Не было ничего.

7. Причины для Существованія прекратились; видимое, которое было и невидимое, которое есть, покоились въ вѣчномъ Не-Бытіи—единомъ Бытіи.

8. Единая Форма Существованія одна лишь простиралась безграничная, безконечная, безпричинная, покоилась во „Снѣ безъ Грезъ" и Жизнь безсознательно трепетала во Вселенскомъ Пространствѣ, проникая то Вездѣсущее, что доступно одному лишь отверстому Оку Дангма (Dangma) [5]).

9. Но гдѣ же была Dangma, когда Міровая Душа (Alaya) [6]) была въ Paramârtha, [7]) а великое колесо было Anupâdaka? [8])

Станса II.

1) ..... Гдѣ были Строители, свѣтозарные сыны Зари Манвантары?... Въ невѣдомомъ Мракѣ, въ своей Ah-hi-Paranishpana. Создатели [1]) Формы изъ Не-формы, Корень міра, Космическое Пространство, Devamâtri [2]) и Svabhâvat [3]) покоились въ Блаженствѣ Небытія.

2) ..... Гдѣ было Безмолвіе? Гдѣ находились уши, чтобы ему внимать? Нѣтъ, не было ни Безмолвія, ни Звука:

Было лишь одно Вѣчное, непрестанное, себя несознающее Дыханіе.

3) Часъ еще не пробилъ; Лучъ еще не коснулся Зародыша, Mâtripadma [4]) еще не стала вспухать.

4) Ея сердце еще не было разверсто—чтобы могъ въ нее проникнуть Лучъ Единый, чтобы затѣмъ спуститься какъ Три входитъ въ Четыре въ Лоно Майи [5]).

5) Семеро [6]) еще не родились изъ Ткани Свѣта. Мракъ одинъ былъ Отцомъ, Матерью, Svabhâvat; и Svabhâvat былъ во Мракѣ.

6) Сіи два суть Зародышъ, а Зародышъ единъ. Вселенная была еще скрыта въ Мысли Божіей и Лонѣ Божіемъ.

Станса III.

1) ..... Послѣднее содраганіе 7-ой Вѣчности [1]) трепещетъ сквозь Безконечность. Мать расширяется и растетъ извнутри наружу подобно завязи Лотоса.

2) Трепетъ растетъ, касаясь своимъ быстрымъ крыломъ всей Вселенной и Зародыша, пребывающаго во Мракѣ, что дышетъ надъ дремлющими Водами Жизни.

3) Мракъ излучаетъ Свѣтъ, а Свѣтъ роняетъ одинокій Лучъ въ Воды, въ глубины Матери. Лучъ пронизываетъ дѣвственное Яйцо, [2]) Лучъ заставляетъ дѣвственное яйцо дрожать и оно роняетъ не-вѣчный Зародышъ, который сгущается въ Міровое Яйцо.

4. Три нисходятъ въ четыре. Свѣтозарная Сущность становится Семь внутри и Семь внѣ. Лучезарное Яйцо,

которое само въ себѣ есть Три, растекается млечнымъ путемъ изъ нѣдръ Матери, Корень растущій въ глубинахъ Океана жизни.

5. Корень остается, Свѣтъ остается, Млечный путь остается и все еще Oeaohoo [3]) едино.

6. Корень жизни былъ заключенъ въ каждой Каплѣ Океана Безсмертія; Океанъ же былъ свѣтъ лучезарный, который былъ Огонь, Тепло и Движеніе. Мракъ исчезъ и больше не былъ; онъ исчезъ въ своей собственной Сущности въ Тѣлѣ Огня, Воды, Отца и Матери.

7. Взирай о Лэну, [4]) дитя лучезарное, отъ двухъ происшедшее, взирай на сверкающую безпримѣрную Славу: Пространство свѣтозарное, Сынъ Бездны тьмы, выходящее изъ глубинъ великихъ темныхъ Водъ. Это Oeaohoo младшій [5]). Онъ сіяетъ какъ Солнце. Это пылающій божественный Драконъ Мудрости. Одинъ [6]) есть Четыре [7]) и Четыре беретъ Три [8]) и союзъ образуетъ Семь, [9]) которое становится Тридцатью [10])—сонмы и множества. Взирай на него, какъ онъ поднимаетъ Завѣсу и развертываетъ ее отъ Востока къ Западу. Онъ скрываетъ то, что наверху, и обнаруживаетъ то, что внизу, какъ великую Иллюзію. Онъ указываетъ Свѣтозарнымъ мѣста ихъ и превращаетъ то, что наверху, въ безграничный Океанъ огня, а Единое проявленное—въ Великія Воды.

8. Гдѣ былъ Зародышъ? Гдѣ былъ тогда Мракъ? Гдѣ Духъ Пламени, горящаго въ твоемъ Свѣтильникѣ, о Лэну?

Зародышъ есть То, а То есть Свѣтъ, Бѣлый и Сверкающій, Сынъ темнаго и сокровеннаго Отца.

9. Свѣтъ есть хладный Пламень, а Пламень есть Огонь; Огонь же производитъ тепло, которое даетъ Воду, Воду жизни въ Великой Матери.

10. Отецъ—Мать прядетъ Ткань, верхній конецъ которой прикрѣпленъ къ Духу, свѣту единой Тьмы, а низшій къ призрачному своему краю, Матери, и эта Ткань есть Вселенная, сотканная изъ двухъ воедино слитыхъ сущностей, ставшихъ Svabhâvat.

11. Она разстилается, когда дыханіе огня достигаетъ ее; она сжимается, когда дыханіе Матери касается ея. Тогда Сыны [11]) расходятся и разсыпаются, чтобы снова вернуться въ лоно своей Матери къ концу „Великаго Дня" и снова слиться съ ней воедино. Когда Ткань охлаждается, то становится лучезарной: Сыны ея расширяются и сокращаются посредствомъ своей собственной Сущности и своего сердца; они обнимаютъ Безконечность.

12. Тогда Svâbhavat шлетъ Fohat'à, [12]) чтобы скрѣпить атомы. Каждый атомъ—часть Ткани. Отражая какъ въ зеркалѣ Самосущаго Господа, каждый становится, въ свою очередь, Міромъ.

Станса IV.

1..... Внимайте вы, Сыны Земли! Внимайте вашимъ руководителямъ, Сынамъ Огня! [1]) Познайте: нѣтъ ни перваго, ни послѣдняго, ибо все есть Единое Число, исшедшее изъ Не-числа.

2. Познайте то, что мы, исшедшіе изъ Первичныхъ Семи, мы, рожденные отъ первичнаго Пламени, познали отъ Отцовъ своихъ!....

3. Изъ Сверкающаго Свѣта—Луча вѣчнаго Мрака пробужденныя силы устремились въ пространство: Единое изъ Яйца, Шесть и Пять. Тогда устремились также: Три, Одинъ, Четыре, Одинъ, Пять—всего: дважды Семь. И это: Сущности, Пламена, Элементы, Созидатели, Числа Arupa, Rupa, и Сила или Божественный Человѣкъ, сумма всего. И отъ божественнаго человѣка изошли: Формы, Искры, священныя животныя и Вѣстники священныхъ Отцовъ, заключенныхъ въ святой Четверицѣ.

4. Се былъ легіонъ Гласа—божественная Мать Семи. Искры Семи подвластны и служатъ 1-му, 2-му, 3-му, 4-му, 5-му, 6-му и 7-му Семи. Онѣ именуются Сферами, Треугольниками, Кубами, Линіями и Ваятелями; ибо такъ держится вѣчная Nidâna: Oi-Ha-Hou [2]).

5. Oi-Ha-Hoo, который есть Мракъ или Не-Число, Безграничное, Adi-Nidâna, Svabhâvat—Онъ есть:

I. Adi Sanat, [3]) Число, ибо оно едино.

II. Гласъ слова, Svabhâvat Числа, ибо онъ есть 1 и 9.

III. „Безформенный квадратъ". И сіи Три, заключенные внутри, составляютъ священную Четверицу; и 10 суть вселенная Arupa.—Тогда грядутъ Сыны, Семь Борцовъ; [4]) одинъ же Восьмой—въ сторонѣ, и его Дыханіе, которое есть Свѣто-Создатель.

6. Затѣмъ, идутъ Вторые Семь, изъ Трехъ исшедшіе: это Lipika [5]). — Отброшенный въ сторону сынъ — единъ. „Сыны солнца“ безчисленны.

Станса V.

1. Семь Первичныхъ, Первыхъ Семь Дуновеній Дракона Мудрости, образуютъ, въ свою очередь, своими святыми вращательными дыханіями Огневой Вихрь [1]).

2. Они дѣлаютъ его Вѣстникомъ своей Воли. Dzyu [2]) становится Fohat. Быстрый Сынъ божественныхъ Сыновъ, Сыны которыхъ—Lipika, совершаетъ круговращенія. Fohat—Конь, а Мысль—Всадникъ. Онъ мчится, какъ молнія, сквозь огненныя облака; Онъ совершаетъ Три, Пять и Семь Круговъ [3]) черезъ семь областей верхнихъ [4]) и семь областей нижнихъ [5]). Онъ возвышаетъ Голосъ, призываетъ безчисленныя искры [6]) и соединяетъ ихъ вмѣстѣ.

3. Онъ ихъ руководящій Духъ и ихъ Глава. При началѣ творчества онъ отдѣляетъ искры нижняго Царства, которыя радостно витаютъ и трепещутъ въ своихъ свѣтозарныхъ обителяхъ и образуютъ изъ нихъ зачатки Колесъ [7]). Онъ помѣщаетъ ихъ въ шести направленіяхъ пространства, одного же въ середину—Центральное Колесо.

4. Fohat чертитъ спирали, чтобы соединить шестое съ седьмымъ Вѣнцомъ. Легіоны Сыновъ Свѣта стоятъ у каждаго угла, а Lipika—въ среднемъ Колесѣ. Они говорятъ: „это хорошо“.

Первый божественный міръ готовъ: Первый, Второй. Затѣмъ божественное Arupa [8]) отражается въ Chhâyâ Loka [9]) въ первой одеждѣ Anupâdaka.

5. Fohat описываетъ пять большихъ Круговъ, созидая крылатое колесо на каждомъ углу Квадрата для Четырехъ Пресвятыхъ..... [10]) и легіоновъ ихъ.

6. Lipika описываютъ треугольникъ. Первый—кубъ, второй—Пятиугольникъ въ яйцѣ. Это есть Кольцо, именуемое „Не переступай“ [11]) для тѣхъ, что подымаются и спускаются, что въ теченіе цикла (kalpa) [12]) приближаются къ великому дню „Будь съ нами“! [13]) Такъ созданы были Arupa и Rupa: отъ одного Свѣта—Семь Свѣтовъ; отъ каждаго изъ Семи—Семью Семь Свѣтовъ. И Колеса охраняютъ Кольцо....

Станса VI.

1. Властью Матери Милосердія и Познанія—Kwan Yin, [1]) тройной отъ Kwan-Shai-Yin [2]) обитающій въ Kwan-Yin-Tien—[3]) Fohat—Дыханіе ихъ потомковъ, Сынъ Сыновъ, вызвалъ изъ Нижней Бездны призрачную Форму Sien Tchan [4]) и семи Элементовъ.

2. Быстрый и Лучезарный [5]) создаетъ Семь Центровъ Laya, [6]) надъ которыми ничто не можетъ преобладать до великаго Дня: „Будь съ нами“! Онъ ставитъ Міръ на эти вѣчныя Основы, окружая Sien Tchan первичными зародышами [7]).

3. Сперва изъ Семи проявляется Одно, а 6 остаются непроявлены; 2 проявлены, 5 непроявлены; 3 проявлены, 4 непроявлены; 4 проявлены, 3 скрыты; $4^1/_2$ явны, $2^1/_2$ тайны; 6 имѣютъ быть проявлены, Одно въ сторонѣ. Подъ конецъ Семь малыхъ Колесъ вращаются, давая жизнь одно другому.

4. Онъ создаетъ ихъ по образу старѣйшихъ Колесъ, [8]) полагая ихъ на нерушимые Центры. Какъ созидаетъ ихъ Fohat? Онъ собираетъ Огненную Пыль. Онъ образуетъ Шары Огня; онъ проходитъ чрезъ и вокругъ нихъ, вдыхая въ нихъ жизнь и приводя ихъ въ движеніе: однихъ въ одну сторону, другихъ въ другую. Они холодны, и онъ ихъ дѣлаетъ горячими; они сухи, и онъ ихъ дѣлаетъ влажными; они пылаютъ, и онъ обвѣваетъ и охлаждаетъ ихъ. Такъ дѣйствуетъ Fohat отъ однихъ Сумерокъ до другихъ въ теченіе семи Вѣчностей.

5. Въ Четвертой Вѣчности повелѣвается Сынамъ создать свои Образы. Треть отказывается, два остальные повинуются. Проклятіе произнесено; имъ подлежитъ родиться въ Четвертой, страдать и приносить страданіе. Такова первая Война.

6. Старѣйшія Колеса вращались внизъ и вверхъ.... Плодъ Матери заполнялъ все. Происходили сраженія между Созидателями и Разрушителями и битвы изъ за пространства; Сѣмя непрерывно являлось и вновь появлялось.

7. Сосчитай, о Лэну, если ты хочешь знать точный возрастъ Малаго Колеса: [9]) его четвертая спица [10])—наша

Мать. Достигни четвертаго Плода, четвертаго Пути Познанія, который ведетъ къ Нирванѣ, и ты постигнешь, ибо ты узришь.

Станса VII.

1. Взирай на начало чувствующей безформенной Жизни: сперва Божественное, Единое отъ Матери—Духа, [1]) затѣмъ—Духовное. [2]) Три, исшедшіе изъ Одного, и Четыре изъ Него же и Пять, откуда проистекаютъ: 3, 5 и 7. Это—Тройственность и Четверица нисходящія. Это—Сыны, рожденные Мыслью Перваго Владыки, [3]) Семь [4]) Свѣтозарныхъ. [5]) Это—они, кто суть: и ты, и я, и онъ. Это, о Лѣну, они, что бдятъ надъ тобою и надъ твоею матерью—Bhûmi [6]).

2. Лучъ единый умножаетъ Лучи меньшіе. Жизнь предшествуетъ Формѣ и Жизнь переживаетъ послѣдній атомъ. Сквозь безчисленные Лучи, Единый Лучъ жизни, подобно Нити пронизающей многочисленныя бусы.

3. Когда Одно становится Два, то является Тройственный и всѣ Три составляютъ Одно; То и есть наша Нить, о Лэну, то и есть сердце Человѣка—Растенія, именуемаго Saptaparna *).

4. Это Корень, который не умираетъ никогда: это Трехъ-Язычное Пламя четырехъ Фитилей. Фитили—это Искры, исходящія изъ Пламени о трехъ языкахъ, извергаемаго Семью изъ ихъ собственнаго Пламени: Искры и Лучи

---

*) Человѣкъ—растеніе.

единой Луны, отраженной въ струящихся волнахъ всѣхъ рѣкъ земли.

5. Искра на тончайшей нити Fohat'a спускается отъ Пламени. Она странствуетъ черезъ семь міровъ Майи. Она останавливается въ первомъ и становится Металломъ и Камнемъ; она проходитъ въ другой и становится Растеніемъ; Растеніе вращается черезъ семь перемѣнъ и становится Священнымъ Животнымъ. Отъ ихъ соединенныхъ аттрибутовъ образуется Ману—Мыслитель. Кто его образуетъ? Семь Жизней и Жизнь Единаго. Кто его дополняетъ? Пятеричное Lha (дыханіе пяти сферъ). Что совершенствуетъ послѣднее тѣло? Рыба, грѣхъ и Soma.

Отъ Перворожденнаго Нить между безмолвнымъ Стражемъ и его Тѣнью становится все сильнѣе, все лучезарнѣе съ каждой Перемѣной. И утренній свѣтъ превратился въ полуденную Славу.

7. „Это твое настоящее Колесо Жизни", вѣщаетъ Пламя Искрѣ: „ Ты еси я, мой образъ и моя тѣнь. Я облеклось въ тебя и ты, мой Проводникъ, до Великаго Дня „будь съ нами", когда ты снова станешь мною и другими—тобою и мною. И Строители, облекшись въ свои начальныя ризы, нисходятъ на свѣтозарную Землю и царятъ надъ Человѣками, которые они сами....

Москва 1909 г.

Перев. **П. Батюшковъ.**

Словарь къ Стансамъ:

Къ I стансѣ.

1) *Ah-hi*—Іерархія духовныхъ Существъ. Въ своей совокупности это тѣ разумныя силы, которыя скрываются за такъ называемыми „Законами природы".

2) *Великія Причины страданія*—это двѣнадцать „ниданъ" или причины существованія въ буддійской философіи.

3) *Семь Верховныхъ Владыкъ*—верховныя Божества планетныхъ цѣпей. Это Архангелы христіанства; Ameshaspent'ы религіи Заратустры.

4) *Paranishpana*—абсолютное совершенство, para nirvâna, состояніе, достигаемое при концѣ большаго періода дѣятельности или Махаманвантары.

5) *Око Дангма*—въ Индіи оно именуется „Окомъ Шивы". Это внутреннее духовное зрѣніе Адепта или Живанмукта. Это не обыденное ясновидѣніе, а духовное прозрѣніе, интуиція, черезъ которую постигается достовѣрное знаніе.

6) *Alaya*—міровая душа. Эмерсонъ ее называетъ сверхъ-душой (Oversoul).

7) *Paramârtha*—непроявленное сознаніе; это съ нашей точки зрѣнія равняется безсознательности.

8) *Anupâdaka*—безъ родителей. По теософической терминологіи это второй изъ космическихъ плановъ (сферъ), тотъ, на которомъ въ дѣйствительности пребываютъ человѣческія Монады. Въ Стансѣ это слово употреблено въ смыслѣ Вселенной въ своемъ вѣчномъ безформенномъ состояніи до того, когда она стала образовываться Созидателями.

Къ II стансѣ.

1) *Создатели*—архитекторы нашихъ планетныхъ системъ. Духовная іерархія Существъ, занятыхъ образованіемъ матеріи разныхъ плановъ (сферъ) и формъ.

2) *Devamâtri*—„Мать Боговъ". Также Aditi или Космическое Пространство.

3) *Svabhâvat*—пластическая Сущность, наполняющая пространство, то же, что и Mulaprâkriti, не матерія, а Корень матеріи.

4) *Mâtripadma*—буквально Мать—Лотосъ. Лотосъ на Востокѣ есть символъ Космоса, потому что сѣмя его содержитъ въ себѣ совершенное растеніе въ миніатюрѣ, точно такъ какъ духовные прототипы всего сущаго пребываютъ въ невидимомъ мірѣ до своего проявленія на землѣ.

5) *Майя*—Великая Иллюзія. Проявленіе или видимость, за которой скрывается единственная реальность.

6) *Семь*—т. е. семь Верховныхъ Владыкъ (см. Стансу I).

Къ III стансѣ.

1) *Седьмая Вѣчность*—Эонъ или великій вѣкъ, Манвантара.

2) *Дѣвственное яйцо*—Вѣчное яйцо, Міровое яйцо, яйцо вселенной, это древніе символы зарожденія вселенной отъ недифференцированной пространственной матеріи.

3) *Oeaohoo*—семисложное таинственное слово, означающее Семиричный корень, отъ котораго все исходитъ. Это также наименованіе единой, вѣчной жизни.

4) *Лэну (Lanoo)*—ученикъ, стремящійся къ подвижничеству.

5) *Младшій Oeaohoo*—повидимому относится къ Ишварѣ *нашей* вселенной, Логосу солнечной системы.

6) *Eka*—одинъ.

7) *Chatur*—четыре.

8) *Tri*—три.

9) *Sapta*—семь.

10) *Tridasha*—тридцать.

11) *Сыны*—Силы, Божественныя Сущности элементовъ.

12) *Fohat*—Разумная Сила, соединяющая Духъ съ Матеріей, динамическая энергія Космическаго Творчества. Космическое Электричество.

Къ IV стансѣ.

1) *Сыны Огня*—пламени, Сыны Разума, Agnishvatta Pitris, Образователи человѣческаго *ума*, дающіе намъ Божественный Огонь. Во всѣхъ религіяхъ и миѳологіяхъ Огонь есть символъ Божества.

2) *Oi-На-Ноu*—вѣчная Karana, вѣчно-дѣйствующая причина, непрерывное вѣчное космическое движеніе или—лучше—сила, направляющая это движеніе.

[3]) *Adi-Sanat*—буквально: Первичный—Древній.

[4]) *Сыны, семь Бойцовъ и Восьмой выкинутый*—относится къ образованію солнечной системы.

[5]) *Lipika*—буквально: писари, лѣтописцы, заносящіе человѣческія переживанія въ лѣтописи Кармы и направляющіе судьбу, созданную самимъ человѣкомъ. Руководители Кармы.

Къ V стансѣ.

[1]) *Огневой Вихрь*—Fohat, (Фохатъ) посланникъ Боговъ.

[2]) *Dzyu дѣлается Фохатомъ*—истинное знаніе, т. е. мудрость превращается въ Фохатъ, творческую энергію мысли.

[3]) *Семь круговъ, семь вверху* [4]) *и семь внизу*—[5]) относится къ планамъ (сферамъ) и субъ—планамъ солнечнаго Космоса.

[6]) *Искры*—атомы.

[7]) *Колеса*—Центры силъ, вокругъ которыхъ образуется космическая матерія. Пройдя черезъ рядъ уплотняющихся состояній, она постепенно превращается въ шары.

[8]) *Божественная Arûpa*—безформенный міръ Мысли.

[9]) *Chhâyâ Loka*—призрачный міръ Первичной Формы.

[10]) *Четыре Пресвятыхъ*—четыре Магараджи или Девы, управляющіе четырьмя сторонами свѣта. Ангелы или космическія силы Сѣвера, Юга, Востока и Запада. Они соотвѣтствуютъ Архангеламъ христіанства: Гавріилу (Сѣверъ), Михаилу (Востокъ), Рафаилу (Югъ), Уріилу (Западъ).

[11]) *Кольцо „Не преступи"*---Это выраженіе имѣетъ нѣсколько оккультныхъ значеній. Здѣсь оно означаетъ границу сознанія для всѣхъ сущностей нашей системы.

[12]) *Kalpa*—періодъ проявленія. Великій циклъ.

[13]) *День „будь съ нами"*!—Покой Пралайя или Paranirvana. День Страшнаго Суда христіанъ.

Къ VI стансѣ.

[1]) *Kwan-Yin, Kwan-Shai-Yin* [2]), *Kwan-Yin-Tien* [3])—эти китайскія выраженія не имѣютъ равнозначащихъ словъ въ браманизмѣ. Ближайшее слово къ Kwan-Yin Индусское Vâch; Kwan-Shai-Yin выражаетъ Божественную Тройственность; Kwan-Yin-Tien въ бук-

вальномъ переводѣ: мелодичное Небо Звука, изъ котораго выступаетъ „Божественный Гласъ", Глаголъ, Слово.

4) *Sien-Tchan*—наша вселенная.

5) *Быстрый и Свѣтозарный*—Фохатъ.

6) *Центры Laya*—Ядра, изъ которыхъ зачинается дифференціація.

7) *Элементарные зародыши*—атомы въ наукѣ.
Четвертый—кругъ, круговое движеніе жизненной волны вокругъ планетной цѣпи.

8) *Старѣйшія Колеса*—міры или шары нашей планетной цѣпи въ болѣе ранніе періоды проявленія.

9) *Малое колесо*—наша цѣпь шаровъ.

10) *Четвертая Спица*—наша земля, 4-ый шаръ нашей цѣпи.

Къ VII стансѣ.

1) *Мать—духъ*—Atman.

2) *Духовное*—Atma-Buddhi высшее начало въ человѣкѣ.

3) *Первый Владыка*—солнечный Логосъ, Ишвара.

4) *Свѣтозарные Семь*—семь 5) планетныхъ Логосовъ или Творцы Logoi.

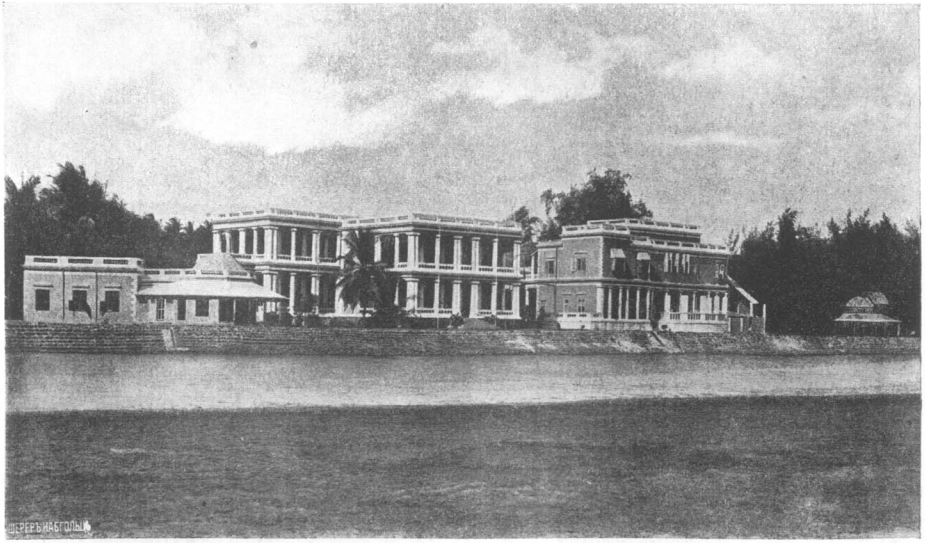
6) *Bhûmi*—Земля.

Чувствовать свое незнаніе значитъ быть мудрымъ; быть увѣреннымъ въ своей мудрости значитъ быть глупцомъ.

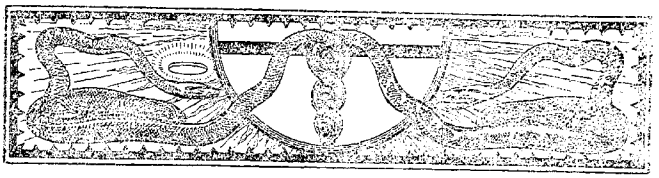
Нерѣдко подобно маслу всплываетъ правда на поверхность лжи. Подобно чистой водѣ пребываетъ нерѣдко правда въ глубинѣ обмана.

Изъ дара, получаемаго или даваемаго, изъ поступка, имѣющаго совершиться, время выпиваетъ весь его ароматъ, если замедляется совершеніе его.

(Драгоцѣнные Камни Востока).



Домъ международнаго Теософическаго Общества въ Адьярѣ.



Извлеченіе изъ «Голоса безмолвія семь врать два пути».

(Изъ сокровенныхъ индусскихъ писаній).

Эти поученія даются тѣмъ, кому невѣдомы опасности Iddhi. [1]

Кто захочетъ услыхать Голосъ Безмолвія[2], „Беззвучный Звукъ“ и понять его, тотъ долженъ достигнуть совершеннаго сосредоточенія[3].

Достигнувъ равнодушія къ внѣшнему міру, ученикъ долженъ найти Повелителя[4] своихъ чувствъ, Творца мысли, того, который зарождаетъ иллюзіи.

Умъ есть великій убійца Реальнаго.

Ученикъ долженъ одолѣть убійцу.

Ибо—когда его собственный образъ станетъ для него не реальнымъ, какъ не реальны для него всѣ образы его сновидѣній, когда онъ перестанетъ слышать множество, тогда онъ различитъ Единое, внутренній звукъ, убивающій внѣшній.

Лишь тогда—не ранѣе—покинетъ онъ область ложнаго[5] и вступитъ въ царство истиннаго.[6]

Прежде чѣмъ вступить на Путь, ты долженъ уничтожить свое „тѣло желаній“,[41] очистить свое „тѣло мысли“[42], сдѣлать сердце свое непорочнымъ.

Вѣчной жизни чистыя воды, ясныя и кристальныя, съ загрязненными потоками, гонимыми бурнымъ вѣтромъ, смѣшаться не могутъ. Капли небесной росы, сверкающія въ первыхъ утреннихъ лучахъ солнца на груди священнаго лотоса, падая на землю, превращаются въ прахъ... Смотри!.. чистая жемчужина стала пятномъ грязи.

Борись съ нечистыми своими мыслями ранѣе, чѣмъ онѣ одолѣютъ тебя. Не щади ихъ, какъ онѣ не щадятъ тебя, ибо если уступишь ты

Ибо умъ подобенъ зеркалу: отражая, онъ покрывается пылью.[70] И лишь душевная Мудрость — нѣжными дуновеніями своими — въ состояніи смести съ него пыль нашихъ иллюзій. Стремись, о начинающій, сочетать свой умъ и свою душу въ одно.

Избѣгай невѣдѣнья, но избѣгай одинаково и иллюзій. Отверни свой ликъ отъ обольщеній міра сего; не довѣряй своимъ чувствамъ, ибо они обманчивы. Но внутри себя—внутри ковчега своихъ ощущеній—ищи въ Безличномъ свое истинное Я[71] и, найдя его, гляди въ свою собственную глубину; и станешь ты „Просвѣтленнымъ“[72].

Избѣгай похвалъ, о Благоговѣйный: похвалы ведутъ къ самообольщенію. Твое тѣло не есть ты самъ, твое истинное я—безтѣлесно и ни похвалы, ни осужденія не затронутъ его.

Самодовольство подобно высокой башнѣ, на вершину которой взобрался надменный глупецъ. Тамъ возсѣлъ онъ въ горделивомъ одиночествѣ, никому невидимый, кромѣ себѣ одному.

Ложное ученіе отвергается Мудрымъ и разсѣевается по вѣтру Благимъ Закономъ. Его колесо оборачивается одинаково и для смиренныхъ и для гордыхъ. „Ученіе Ока“—для толпы; „Ученіе Сердца“—для избранныхъ. Первые въ гордости своей громко говорятъ: „смотрите я знаю“, послѣдніе, смиренно собиравшіе въ житницу, исповѣдуютъ въ тишинѣ: „такъ слышалъ я“[73].

„Великій Просѣяватель“—имя „Ученія Сердца“—Колесо Благого Закона въ неустанномъ быстромъ вращеніи; Оно дробитъ днемъ и ночью. Нецѣнные отбросы отдѣляетъ оно отъ золотого зерна, мякину—отъ чистой муки. Рука Кармы направляетъ колесо; его обороты отмѣчаютъ біеніе ея сердца.

Истинное знаніе—мука, ложное знаніе—мякина. Если хочешь ты питаться хлѣбомъ Мудрости, замѣси его на чистыхъ водахъ безсмертія (Amrita). Если же замѣсишь отбросы на росѣ иллюзіи (Mâya), ты приготовишь пищу лишь для черныхъ птицъ смерти, для птицъ рожденія, разрушенія и скорбей.

Если скажутъ тебѣ, что стать Архатомъ[74] возможно, лишь переставъ любить все существующее, скажи имъ, что это—ложь.

Не вѣрь, что пребываніе въ темныхъ лѣсахъ въ гордомъ уединеніи и вдали отъ людей; не вѣрь, что питаніе листьями и кореньями и утоленіе жажды снѣгами съ горныхъ вершинъ,—не вѣрь, о Благоговѣйный, что это приведетъ тебя къ цѣли конечнаго Освобожденія.

Не думай, что сокрушая кости свои и терзая плоть свою, ты достигнешь сліянія съ твоимъ „безмолвнымъ Я“[79]. Не думай, о жертва своей собственной тѣни[80], что исполненъ будетъ твой долгъ относительно природы и человѣка, если побѣждены будутъ грѣхи грубой оболочки твоей.

Благословенные не придавали цѣны такому достиженію. Когда Владыка Милосердія, Левъ Закона[81], прозрѣлъ истинную причину человѣческаго страданія, не медля покинулъ онъ сладостный, но себялюбивый покой тихихъ пустынь и изъ отшельника[82] превратился въ Учителя человѣчества. Достигнувъ Нирваны, Благословенный началъ проповѣдывать въ горахъ и долинахъ и въ городахъ держать рѣчи, обращенныя къ людямъ и богамъ[83]. Сѣй добрыя дѣла и ты пожнешь ихъ плоды. Бездѣйствіе въ дѣлѣ милосердія преобразуется въ дѣйствіе смертоноснаго грѣха.

Такъ говоритъ Мудрый.

Станешь ли ты воздерживаться отъ дѣятельности? Нѣтъ, не такъ достигнетъ душа твоя Освобожденія. Дабы достигнуть Нирваны[84], необходимо пріобрѣсти самопознаніе, которое есть чадо дѣятельной любви.

Вначалѣ Путь единъ, но въ концѣ онъ раздвояется. Поприща его отмѣчены четырьмя и семью Вратами. На концѣ одного пути — блаженство немедленное, на концѣ другого—блаженство отсроченное на долгія времена. Оба воздаянія за заслугу: выборъ твой.

Единый Путь распадается на два, на „Явную“ и „Сокровенную“[105] стезю. Первая ведетъ къ цѣли, вторая—къ самозаклапію.

Когда ты ради Вѣчнаго жертвуешь преходящимъ, награда—твоя; капля возвращается къ своему источнику. „Явная Стезя“ ведетъ къ Нирванѣ, къ пресвѣтлому состоянію безпредѣльности, къ блаженству, превышающему пониманіе человѣческое.

Явная Стезя приводитъ къ ОСВОБОЖДЕНІЮ.

Сокровенная Стезя ведетъ къ ОТРЕЧЕНІЮ, и потому именуется она „Стезею Скорби“. Она приводитъ Архата къ неизрѣченной душевной печали; печали за „живого мертвеца“[106] и безсильной жалости къ страдающему человѣчеству, подлежащему всѣмъ бѣдствіямъ Кармы; ибо Мудрые знаютъ, что плоды Кармы не могутъ быть устранимы.

Въ писаніи сказано: „Научай не создавать новыхъ причинъ, но волнѣ послѣдствій, подобно великой волнѣ прилива, ты не долженъ ставить преградъ, дабы совершился ея естественный бѣгъ“.

„Явная Стезя“, лишь только достигнута ея цѣль, принудитъ тебя покинуть тѣло Бодисаттвы и вступить въ трижды блаженное состояніе Dharmakâya[107], которое влечетъ за собой вѣчное забвеніе міра и людей.

И „Тайная Стезя“ приводитъ къ блаженству Паранирваны, но въ концѣ неисчислимыхъ вѣковъ[108], Нирваны заслуженной и утраченной изъ безграничной жалости къ міру заблуждающихся смертныхъ.

Но въ писаніи сказано: „Послѣдній да будетъ наивысшимъ". Учитель Совершенства[109] отрекся отъ Себя ради спасенія міра, остановившись у порога Нирваны—состоянія Непорочности.

„Учитель",[109] выборъ сдѣланъ. Я жажду Мудрости. Ты разорвалъ покровъ, скрывавшій „Тайную Стезю", ты передалъ мнѣ высшее Ученіе.[110] Слуга твой готовъ слѣдовать за тобой.

Да будетъ по твоему желанію, Shrâvaka.[111] Будь готовъ, ибо дальнѣйшій путь ты долженъ совершить одинъ. Путь единъ для всѣхъ, но средства для достиженія цѣли различны для каждаго странника.

Суровый путь четырехъ ступеней „Созерцанія" вьется въ гору. Трижды великъ тотъ, кто поднимется на крутую вершину.

Къ высотамъ свѣтлыхъ Добродѣтелей ведущая тропа еще круче. Ты долженъ проложить свой путь черезъ семь вратъ, семь твердынь, охраняемыхъ жестокими и коварными силами—воплощеньями страстей.

Взирай. Что видятъ твои очи, о ищущій Богоподобной Мудрости?

„Покровъ мрака разстилается надъ глубинами матеріи. Въ его изгибахъ я борюсь. Передъ очами моими мракъ сгущается, Господи... онъ разгоняется по мановенію Десницы Твоей. Тѣнь движется, изгибаясь подобно выползающей змѣѣ... Она растетъ, ширится, и—тонетъ во мракѣ".

То тѣнь отъ твоего личнаго я *внѣ* Пути, отбрасываемая на темноту твоихъ грѣховъ.

„Истинно, Господи, я вижу Путь; начало его погружено въ тину нечистую, вершина — теряется въ свѣтозарномъ сіяніи Нирваны; и я вижу все суживающіяся Врата на трудной и тернистой тропѣ, ведущей къ Богопознанію".

Ты вѣрно видишь, ученикъ. Врата тѣ приведутъ тебя черезъ воды потока на „другой берегъ".[115] Каждыя Врата обладаютъ золотымъ ключомъ, открывающимъ двери. Запоминай ихъ названья:

1. Dâna. Ключъ Милосердія и Любви безсмертной.

2. Shîla. Ключъ гармоніи между словомъ и дѣломъ, уравновѣшивающей причину и послѣдствіе, дабы уничтожились всѣ поводы къ дѣйствію Кармы[116].

3. Kshânti. Кроткое терпѣніе, ничѣмъ не возмутимое.

4. Vairâgia. Равнодушіе къ наслажденію и страданію, иллюзія побѣжденная и лишь одна Истина зримая.

5. Vîrya. Непобѣдимая энергія, пробивающая дорогу изъ омута лжи земной къ небесной Истинѣ.

6. Dhyâna. Золотая дверь ея, разъ отверстая, ведетъ Безгрѣшнаго въ царство Абсолютнаго[117] и къ его непрестанному созерцанію.

7. Pragnyâ, ключъ къ которой приведетъ человѣка къ Богоподобію, создавая изъ него Бодисаттву, сына Свѣтозарныхъ[118].

Вооруженный ключомъ милосердія, любви и нѣжнаго сострадания, ты въ безопасности передъ входомъ въ первыя Врата Пути (Dâna).

Взирай, о счастливый странникъ! Врата передъ тобой просторны и высоки, и входъ въ нихъ представляется доступнымъ легко. Дорога, къ нимъ ведущая, пряма и ровна и зеленѣетъ травой. Словно солнцемъ залитая поляна въ глубинѣ темнаго лѣса, словно отраженіе райскаго жилища Господа. Тамъ птицы въ блистающемъ опереніи и соловьи надежды распѣваютъ въ зеленыхъ чащахъ, предвѣщая успѣхъ для безстрашнаго путника. Они воспѣваютъ пять совершенствъ Бодисаттвы,[122] пять источниковъ силы Духовнаго Вѣдѣнья (Bodhi) и семь ступеней Познанія.

Проходи! ибо ты владѣешь ключомъ: ты въ безопасности.

И ко вторымъ Вратамъ дорога зеленѣетъ, но она крута и вьется вверхъ до каменистой вершины горы. Сѣдые туманы нависнутъ на суровыя и скалистыя высоты, и внѣ Пути все погрузится во мракъ. Чѣмъ далѣе подвигается странникъ, тѣмъ слабѣе звучитъ въ его сердцѣ пѣснь надежды. Дрожь сомнѣнія проникаетъ въ него, его поступь становится все менѣе увѣренной.

Берегись, о ищущій! Бойся страха, который подобно чернымъ и беззвучнымъ крыламъ полуночнаго упыря встанетъ между свѣтомъ твоей души и великой цѣлью, мерцающей вдали.

Страхъ убиваетъ волю и останавливаетъ дѣятельность. Если не владѣетъ странникъ вторымъ ключомъ, гармоніей между мыслью и дѣломъ, онъ потеряетъ устойчивость и ноги его будутъ изранены объ острые камни скалистой тропы[123].

Да будетъ безтрепетно сердце твое. Подъ дыханіемъ страха ключъ Kshanti покрывается ржавчиной и не отпереть ему желанную дверь.

Чѣмъ далѣе ты подвигаешься, тѣмъ опаснѣе становится твое движеніе впередъ. Стезя, ведущая вверхъ, озаряется единымъ свѣтомъ — *огнемъ дерзновенія, горящимъ въ сердцѣ твоемъ*. Чѣмъ болѣе будешь дерзать, тѣмъ болѣе получишь. Чѣмъ сильнѣе будетъ твой страхъ, тѣмъ блѣднѣе станетъ тотъ свѣтъ — а онъ одинъ озаряетъ Путь до конца. Ибо какъ послѣдній лучъ солнца, медленно угасающій на вершинѣ высокой горы, сопровождается глубокимъ мракомъ, такъ и свѣтъ сердца. Лишь только угаснетъ онъ, темная и грозная тѣнь ниспадетъ изъ твоего собственнаго сердца на Путь, и въ ужасѣ пригвоздитъ тебя къ мѣсту.

На пути „Созерцанія“ ты въ безопасности. Воистину на той стезѣ, гдѣ кромѣ темноты ничто не встрѣчаетъ усталаго странника, гдѣ истерзанныя терніями руки источаютъ кровь, и стопы изрѣзаются острыми кремнями, куда могучій соблазнитель Mâra направляетъ свое жесточайшее орудіе—тамъ великое воздаяніе обрѣтается *немедленно*.

Безстрастно и спокойно перейдетъ Странникъ потокъ, ведущій къ Нирванѣ. Ибо вѣдомо ему, что чѣмъ болѣе истекутъ кровью его стопы, тѣмъ болѣе будетъ онъ самъ омытъ. Онъ знаетъ твердо, что послѣ семи короткихъ и быстротечныхъ воплощеній Нирвана будетъ его удѣломъ...

Таковъ путь „Созерцанія“, вѣрная пристань Іога, благословенная цѣль, которой жаждетъ „вступившій въ потокъ“.

Но—да свершится иное, если овладѣетъ онъ Путемъ Arya hata. [143]

На томъ пути любовь къ міру сему разрушается безъ возврата, воля къ жизни [144] вырывается съ корнемъ навсегда. Но... остановись, ученикъ... Еще одно слово. Можешь ли ты вырвать изъ сердца своего божественное состраданіе? Состраданіе—не качество. Оно—Законъ Законовъ, вѣчная Гармонія, сама Міровая Душа; безпредѣльная вселенская Сущность, Свѣтъ пребывающей Правды, ладъ всѣхъ вещей, Законъ вѣчной Любви.

Чѣмъ болѣе ты сольешься съ Міровой Душой, растворивъ свое бытіе въ Единомъ Бытіи, чѣмъ болѣе Душа твоя войдетъ въ единеніе со всѣмъ сущимъ, тѣмъ полнѣе превратишься ты въ совершенное состраданіе.[145]

Таковъ путь Архата, по которому грядутъ Будды Совершенства.

Преклони же главу свою и внимай всѣми силами, о, Бодисаттва... Состраданіе говоритъ: „Можетъ ли быть блаженство, пока все, что живетъ, обречено страданію? Согласишься ли ты спастись и слышать, какъ стонетъ весь міръ?“

Отнынѣ ты внялъ.

Ты достигнешь седьмого порога, ты перейдешь Врата конечнаго Познанія, но лишь для того, чтобы пріобщиться страданію, если хочешь быть Совершеннымъ, „ступать по слѣдамъ предшественника“, пребывать безкорыстнымъ до безконечнаго конца.

Ты просвѣщенъ—избери путь свой.

Взирай на нѣжное сіяніе, заливающее восточный небосклонъ... Въ хвалебномъ гимнѣ слились земля и небо. Отъ четырежды проявленныхъ силъ возносятся пѣснопѣнія любви: и отъ пылающаго Огня, и отъ струящейся Воды, и отъ благовонной Земли, и отъ стремительнаго Вѣтра.

Внимай!.... изъ глубины неисповѣдимаго вихря золотого свѣта, въ волнахъ котораго купается Побѣдитель, всей природы тысячеустный голосъ воздымается въ безчисленныхъ звукахъ, дабы возвѣстить:

Радость вамъ, о сыны скорбной земли! [149]
Возвратился назадъ „съ того берега" Странникъ.
Родился новый Архатъ. [150]

МИРЪ ВСЕМУ СУЩЕМУ. [151]

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *Iddhi* на свящ. языкѣ южныхъ Буддистовъ *Пали* то же, что по Санскритски Siddhis, т. е. психическія способности или сверхнормальныя силы въ человѣкѣ. Такія силы можно раздѣлить на двѣ категоріи: одна обнимаетъ всѣ низшія, грубыя психическія энергіи; другая—высшія силы, вызываемыя къ жизни внутренними духовными упражненіями. Говоритъ Кришна въ Бхагавадъ-Гитѣ: „Тотъ, кто занятъ совершеніемъ Іоги (соединеніе сознанія человѣка съ его высшимъ божественнымъ началомъ, прим. перев.), кто побѣдилъ свои чувства и сосредоточилъ свою мысль на Мнѣ, тотъ Іогъ держитъ всѣ Siddhis въ повиновеніи, и онѣ готовы служить ему".

[2] Nâda, „беззвучный Голосъ" или „Голосъ Безмолвія"; еще ближе къ подлинному смыслу было бы „Голосъ въ Духовномъ Звукѣ", такъ какъ Nâda—санскритское слово, соотвѣтствующее термину священнаго языка *Senzar.*

[3] Dhârânâ—глубокое и совершенное сосредоточенье на внутреннемъ объектѣ, сопровождаемое полной абстракціей отъ внѣшняго міра и отъ міра ощущеній.

[4] Râjah.

[5] Asat.

[6] Sat.

[41] Та часть астральнаго тѣла (Kâma-Rûpa), которая служитъ проводникомъ всѣхъ страстей, всѣхъ личныхъ желаній.

[42] Kâma-Rûpa относится къ астральному или личному, переходящему я, а Manasa-Rûpa — проводникъ пребывающей индивидуальности, или перевоплощающагося Ego; „очистить его" означаетъ — парализовать

его низшую дѣятельность, дѣятельность разсудочную (низшій Manas), чтобы внятна стала дѣятельность сверхсознанія или высшаго Manas. Восточная оккультная психологія рѣзко различаетъ дѣятельность земного, ограниченнаго сознанія отъ сверхсознанія, проникающаго въ потусторонніе невидимые міры.

[43] Kundalinî—она называется змѣевидной или кольцеобразной силой, въ виду ея спиральнаго движенія въ тѣлѣ Іога, когда развивается въ немъ внутренняя сила. Это—электрическая оккультная сила (Fohat), первичная сила, лежащая въ основѣ всякой органической и неорганической матеріи.

[44] „Путь" упоминается во всѣхъ мистическихъ книгахъ. Кришна говоритъ въ Gnyâneshvarî: „на этомъ Пути, на какое бы мѣсто ты ни ступилъ, то мѣсто становится твоимъ собственнымъ Я".

„Ты еси Путь", говорится Адепту, а этотъ послѣдній говоритъ то же ученику послѣ посвященія. „Я есмь Путь"... говоритъ другой Учитель.

[45] Адептъ, живущій не для себя, а изъ любви и сострадания къ людямъ.

[46] То же, что Адептъ, владѣющій сверхсознаніемъ.

[47] Нирвана есть небытіе только съ точки зрѣнія нашего конечнаго сознанія; въ дѣйствительности, Нирвана равносильна абсолютному Бытію; такъ же, какъ абсолютное сознаніе, съ точки зрѣнія ограниченнаго сознанія, равносильно безсознанію, ибо оно соединяетъ воедино познающаго, познаваемое и познаніе. Прим. перев.

[49] Здѣсь Карма упоминается въ смыслѣ самимъ человѣкомъ созданной своей судьбы. Прим. перев.

[50] Gate—входъ, ведущій къ Посвященію; открыть его можно только уничтоживъ свой эгоизмъ, свою обособленную личность. Прим. перев.

[68] Алмазная Душа, Vajrasattva, названіе, даваемое верховному Буддѣ, „Владыкѣ всѣхъ Мистерій", именуемому также Adi-Buddha.

[69] Sat-Единая Вѣчная Абсолютная Реальность, все остальное только иллюзія. Майа — міръ феноменовъ, міръ преходящихъ формъ.

[70] Shin-Sien, шестой Патріархъ сѣвернаго Китая, учившій тайную доктрину Религіи Мудрости (Bodhidharma), утверждалъ, что человѣческій умъ подобенъ зеркалу, привлекающему и отражающему каждый атомъ пыли, и что, подобно зеркалу, умъ нуждается въ внимательномъ уходѣ и ежедневномъ очищеніи.

[71] „Истиннымъ Человѣкомъ" сѣверные Буддисты называютъ перевоплощающуюся безсмертную душу (Ego), которая, соединившись съ высшимъ Я, становится Буддой.

[72] "Просвѣтленный" означаетъ Будду.

[73] Обычная формула въ началѣ буддистскихъ св. писаній, означающая, что все послѣдующее имѣетъ своимъ источникомъ устную передачу самого Будды или его Архатовъ.

[74] Архатъ—то же что Адептъ или Учитель.

[79] Седьмой, высшій принципъ человѣка.

[80] Физическое тѣло въ мистическихъ школахъ называется „тѣнью".

[81] Будда.

[82] Aranyaka, отшельникъ, удалившійся въ джунгли послѣ того, какъ сдѣлался Іогомъ.

[83] И сѣверныя и южныя традиціи сходятся въ томъ, что Будда немедленно, какъ только разрѣшилъ проблему жизни и достигъ внутренняго просвѣтленія, покинулъ одиночество и началъ проповѣдывать въ мірѣ.

[84] Нирвана есть состояніе, наступающее послѣ того, какъ ограниченность и несовершенство отдѣльнаго *личнаго* бытія уничтожены, когда сознаніе слилось съ Міровымъ Сознаніемъ, а личныя чувства — съ самочувствіемъ Міровой Души. Достигнувъ Нирваны, человѣкъ, не теряя индивидуальности, начинаетъ сознавать себя во всемъ сущемъ, и все сущее въ себѣ. Въ противоположность распространенному на западѣ представленію о Нирванѣ, какъ объ *отсутствіи всякой жизни*, Нирвану вѣрнѣе всего назвать *полнотою сверхличной жизни, слившейся съ жизнью Вселенной*. Это совершенное и всевѣдущее состояніе христіанскій мистикъ Ангелусъ Силезіусъ выразилъ такъ: „Я столь-же великъ, какъ Богъ, Онъ столь-же малъ, какъ я... Я самъ есмь Вѣчность: освобожденный отъ дѣйствія времени, я сливаюсь съ Богомъ и Бога сливаю съ собой". Прим. перев.

[105] „Явная стезя" для мірянъ, „сокровенная стезя" для учениковъ тайныхъ школъ, которые готовятся къ Посвященію. При Посвященіи объясняется смыслъ „сокровенной стези". Условіемъ для принятія въ ученики тайной школы является: строгая нравственная подготовка. отреченіе отъ всѣхъ личныхъ интересовъ и земныхъ благъ, внутреннее очищеніе и твердая рѣшимость посвятить себя служенію страдающему міру. Прим. перев.

[107] Dharmakâya—Сознаніе, слившееся съ Міровымъ Сознаніемъ

[108] Kalpas—періоды, на которые сокровенное Ученіе дѣлитъ воплощенное бытіе міра.

[109] Upâdhyâya—духовный наставникъ, Гуру. Сѣверные Буддисты избираютъ такого наставника среди достигшихъ святости, Narjol, учителей тайной Мудрости.

[110] Yana—колесница; Mâhayâna—большая колесница и Hînayâna, малая колесница, названіе двухъ философско-религіозныхъ школъ сѣвернаго Буддизма.

[111] Shrâvaka — первая ступень ученичества въ эзотерической или тайной школѣ; на этой ступени ученикъ *слушаетъ* духовныя ученія (отъ корня Shru). На второй ступени, когда ученіе переходитъ изъ теоріи къ упражненіямъ, ученикъ становится Shramana, упражняющійся (отъ Shrama—дѣйствіе). Объ ступени соотвѣтствуютъ первымъ двумъ классамъ Пиѳагорейской школы, которая подготовляла учениковъ къ посвященію въ древнія Мистеріи, ἀκουστικοί и ἀκηκταί.

[114] Srotâpatti или „вступившій въ потокъ", который ведетъ въ Нирвану. Srotâpatti—первая ступень Пути. Вторая носитъ названіе Sakridâgâmin, „имѣющій родиться еще лишь однажды". Третья ступень называется Anâgâmin „не подлежащій болѣе воплощенію", развѣ если онъ самъ пожелаетъ того, чтобы имѣть возможность помогать непросвѣтленному человѣчеству. Четвертая ступень Пути, самая высокая, ступень Архата. Архатъ уже при жизни пріобщенъ къ полнотѣ бытія Нирваны. Для него уже не существуетъ посмертнаго состоянія: оно замѣняется Samâdhi (духовный экстазъ), въ теченіе котораго онъ испытываетъ все блаженство Нирваны.

[115] „Достигнуть берега" означаетъ у сѣверныхъ Буддистовъ достигнуть Нирваны путемъ осуществленія Pârâmitas: милосердія, чистоты, терпѣнія, энергіи, созерцанія и мудрости.

[116] Карма вызывается послѣдствіями тѣхъ дѣйствій человѣка, которыми нарушается міровая гармонія; для возстановленія нарушенной гармоніи или справедливости, что одно и тоже, необходима новая дѣятельность. Человѣкъ, не желающій создавать новую Карму, не долженъ нарушать справедливость, для чего необходимо соблюдать въ своей жизни *правду*, какъ внѣшнюю, такъ и внутреннюю. Прим. перев.

[117] Sat.

[118] Dhyânis.

[122] Пять духовныхъ совершенствъ, которыми долженъ овладѣть Бодисаттва: вѣра, энергія, бдительность души, сосредоточенье ума, достиженіе мудрости. Прим. перев.

[123] „Острые камни скалистой тропы" означаютъ дѣйствіе Кармы, которое съ удесятеренной силой проявляется на „Пути", такъ какъ „Путь" есть ни что иное, какъ сильно *ускоренная* эволюція человѣка, слѣдовательно и *быстрое* переживаніе ранѣе созданной Кармы, которая—при обыкновенныхъ условіяхъ душевнаго развитія — растянулась бы на много существованій. Глубокая искренность, соблюденіе полной правды въ мысляхъ, чувствахъ и поступкахъ, необходимы для движенія по „узкому пути", иначе его не вынесешь, такъ какъ каждое нарушеніе этого основнаго закона Духа немедленно отражается на жизни ученика. Прим. перев.

[143] *Aryahata* — путь совершеннаго милосердія, полнаго самостреченія.

[145] Подъ *состраданіемъ* здѣсь подразумѣвается духовный законъ, природа котораго — *абсолютная гармонія* — приходитъ въ разстройство благодаря раздорамъ, страданіямъ и грѣхамъ.

[149] *Myalba*—земля, называется въ эзотерическихъ ученіяхъ иногда „адомъ", или мѣстомъ наказанія. *Avichi* — состояніе, а не мѣстность.

[150] Означаетъ, что родился новый Спаситель міра, который поведетъ человѣчество къ конечному освобожденію.

[151] Обычная формула, сопровождающая въ восточныхъ св. писаніяхъ каждое поученіе или воззваніе.

Кто высшій человѣкъ? Тотъ, кто сильнѣе всего въ терпѣніи.

Повозка не можетъ катиться на одномъ колесѣ; такъ и человѣческія дѣла будутъ совершенны лишь когда, когда люди начнутъ поддерживать другъ друга.

Подобная луннымъ лучамъ, дрожащимъ на водѣ, воистину такова жизнь смертнаго; зная это, предоставь совершаться должному.

Доброе слово, во время сказанное, лучше сладкаго хлѣба послѣ ѣды.

Правда свѣтлѣе солнца: правда—солнечный день разума, ложь—черная ночь сердца.

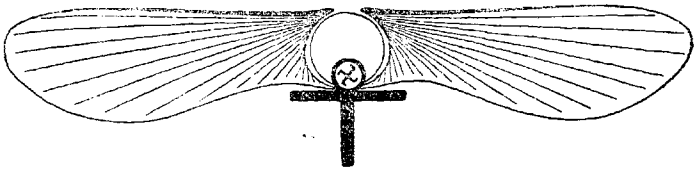
Злое дѣяніе не вскипаетъ сразу, какъ молоко; оно подобно огню, тлѣющему подъ пепломъ и медленно сжигающему немудраго человѣка.

Только чистый можетъ въ свѣтѣ познанія узрѣть чистое Божество.

На ядовитомъ древѣ міра есть два сладкихъ какъ медъ плода: радость божественной поэзіи и дружба благороднаго человѣка.

Добрый свѣтитъ издалека, какъ снѣжная вершина; злой остается незамѣтенъ, какъ пущенная ночью стрѣла.

(Драгоцѣнные Камни Востока).



Практическій оккультизмъ.

Е. П. Блаватской.

За послѣднее время появилось много желающихъ получить наставленія въ практическомъ оккультизмѣ, а потому необходимо разъ на всегда разъяснить:

а) существенную разницу между теоретическимъ и практическимъ оккультизмомъ, т. е., между тѣмъ, что, вообще, извѣстно подъ именемъ теософіи, съ одной стороны, и тѣмъ, что принято называть тайными науками, съ другой; и

б) свойства затрудненій, съ которыми сопряжено изученіе послѣднихъ.

Теософомъ сдѣлаться не трудно. Всякій человѣкъ съ средними умственными способностями и склонностью къ мистицизму, не эгоистъ, ведущій чистую жизнь, находящій больше радости въ возможности помогать ближнему, чѣмъ получать помощь самому, всегда готовый жертвовать своими удовольствіями ради пользы другихъ, любящій Истину, Добро и Мудрость ради нихъ самихъ, а не ради предоставляемой ими пользы, есть теософъ.

Но совсѣмъ, другое дѣло стать на тотъ путь, который ведетъ къ праведной жизни, къ вѣрному распознаванію добра и зла; на тотъ путь, который ведетъ человѣка къ такому могуществу, что онъ можетъ творить желаемое добро, не пошевельнувъ повидимому даже и пальцемъ.

Кромѣ того, есть важный фактъ, съ которымъ слѣдуетъ познакомить стремящагося вступить на путь, а именно: Учитель несетъ громадную, почти безграничную отвѣтственность за своего ученика.

Начиная съ восточныхъ Гуру, которые учатъ открыто или тайно, вплоть до немногочисленныхъ Каббалистовъ Запада, берущихся пре-

подавать начатки Священной Науки своимъ ученикамъ—при чемъ эти іерофанты Запада часто сами ничего не знаютъ объ опасности, которой подвергаются,—всѣ эти наставники подвластны одному и тому же закону.

Съ того момента, когда они *на самомъ дѣлѣ* начинаютъ учить, съ того часа, когда они передаютъ ученикамъ какую-либо силу—психическую, умственную или физическую—они берутъ на себя отвѣтственность за *всѣ* грѣхи своихъ учениковъ, имѣющіе какую-либо связь съ сокровенными науками, будутъ ли то грѣхи упущенія или грѣхи совершенія; и это—вплоть до того времени, когда посвященіе сдѣлаетъ изъ ученика въ свою очередь отвѣтственнаго Учителя. Есть мистическій религіозный законъ, соблюдаемый и пользующійся большимъ уваженіемъ въ греческой церкви, на половину забытый въ римско-католической и совершенно отсутствующій въ протестантской; это—ученіе о безусловной святости отношеній, существующихъ между крестными отцомъ и матерью и крестникомъ. Они какъ бы берутъ на себя отвѣтственность за всѣ прегрѣшенія вновь окрещеннаго (который помазуется, какъ при посвященіи: крещеніе—во истину—таинство!) до того дня, когда онъ становится отвѣтственной личностью, способной распознавать добро и зло. Это ученіе ведетъ свое начало отъ первыхъ временъ христіанства, основаніемъ же ему послужилъ вышеуказанный законъ, символомъ и выраженіемъ котораго оно и было.

Теперь, надѣюсь, станутъ понятными и осторожность Учителя въ дѣлѣ выбора ученика, и требованіе отъ послѣдняго семилѣтняго искуса, чтобы успѣли обнаружиться его пригодность и развиться тѣ свойства, которыя необходимы для безопасности какъ Учителя, такъ и ученика.

Оккультизмъ—не магія. *Сравнительно* не трудно научиться психическимъ фокусамъ и методамъ какъ пользоваться болѣе тонкими—хотя все еще матеріальными—силами физической природы; потому что способности животной души человѣка пробудить недолго и силы, которыя приводятся въ дѣйствіе его любовью, ненавистью, или иною страстью, развиваются достаточно быстро. Но это—*черная магія*, колдовство, потому что единственно, что дѣлаетъ проявленіе внутренной силы черной (зловредной) или бѣлой (благодѣтельной) магіей, это—внутреннее побужденіе. Человѣкъ, въ душѣ котораго остался хотя малѣйшій слѣдъ себялюбія, не долженъ пользоваться *духовными* силами; иначе,—за исключеніемъ, если его намѣренія вполнѣ чисты,—духовное преобразится въ психическое, послѣднее проявится въ астральномъ мірѣ, и могутъ получиться самые страшные результаты. Свойства и силы животной природы человѣка могутъ быть использованы одинаково какъ эгоистичной и мстительной душой, такъ и само-

отверженной и всепрощающей; тогда какъ способности и силы духа доступны лишь человѣку съ безусловно чистымъ сердцемъ, и это и есть *Божественная Магія*.

Каковы же тѣ требованія, которыя ставятся желающему изучать „Божественную Науку"? Ибо необходимо помнить, что никакія наставленія не могутъ быть даны, если не будутъ соблюдаемы и строго выполнены извѣстныя условія, въ теченіе всего учебнаго періода. Это—*conditio sine qua non*. Ни одинъ человѣкъ не научится плавать, пока онъ не попадетъ въ глубокое мѣсто рѣки. Ни одна птица не полетитъ, пока у нея не отросли крылья, пока передъ ней нѣтъ открытаго пространства и нѣтъ достаточнаго мужества, чтобы довѣриться воздушной стихіи. Тотъ, кто желаетъ употреблять въ дѣло обоюдоострый мечъ, долженъ научиться мастерски владѣть тупымъ оружіемъ, если онъ не хочетъ при первой же попыткѣ нанести вредъ себѣ или—что еще хуже—другимъ.

Чтобы дать хотя приблизительное представленіе объ условіяхъ, при которыхъ изученіе Божественной Мудрости можетъ происходить въ безопасности, не рискуя, что Бѣлая магія перейдетъ въ черную, мы даемъ здѣсь страницу изъ, такъ называемыхъ „тайныхъ правилъ", которыми на Востокѣ снабжены всѣ духовные наставники. Слѣдующія мѣста выбраны изъ общаго числа правилъ и въ скобкахъ къ нимъ прибавлены объясненія.

1. Мѣсто, выбранное для обученія, должно быть таково, чтобы умъ не развлекался, и мѣсто это должно быть снабжено предметами, обладающими магнетическимъ вліяніемъ. Между другими предметами должны быть и расположенные въ кругѣ пять священныхъ цвѣтовъ. Избранное мѣсто должно быть свободно отъ зловредныхъ вліяній, носящихся въ воздухѣ. *(Мѣсто должно быть уединенное и не имѣть другого назначенія. Пять священныхъ цвѣтовъ представляютъ собой цвѣта призмы, расположенные въ извѣстномъ порядкѣ; они обладаютъ большимъ магнетизмомъ. Подъ „зловредными вліяніями" подразумѣваются всякія смятенія, вызванныя распрями, ссорами, дурными чувствами и т. д., такъ какъ всѣ они немедленно отражаются въ астральномъ свѣтѣ, и сохраняясь въ атмосферѣ помѣщенія, какъ бы „висятъ въ воздухѣ". Это первое условіе какъ будто и легко выполнимо, но, въ дѣйствительности, оно изъ наиболѣе трудно достижимыхъ).*

2. Прежде, чѣмъ ученику разрѣшено будетъ учиться „лицомъ къ лицу", онъ долженъ пріобрѣсти предварительныя познанія въ избранномъ сообществѣ съ другими мірскими *upasaka* (учениками), число которыхъ должно быть нечетно.

(„Лицомъ къ лицу" означаетъ здѣсь отдѣльное обученіе, когда источникомъ знанія для ученика служитъ или его собственное высшее, божественное „я", или—его Гуру. Только тогда каждый ученикъ получаетъ подобающія для него знанія, въ зависимости отъ того, какъ онъ использовалъ свои знанія. Это бываетъ лишь въ самомъ концѣ обученія).

3. Прежде, чѣмъ повѣдать Лэну (ученику) благіе глаголы Ламрин'а или разрѣшить ему приготовиться къ *Дубжед'у*, ты (Учитель) долженъ позаботиться о томъ, чтобы умъ его былъ вполнѣ очищенъ и въ мирѣ со всѣми, въ особенности же со своими другими „я". Иначе слова Мудрости и благого закона будутъ разсѣяны и разнесены вѣтромъ.

(„Ламринъ"—произведеніе Тзонъ-ка-па, практическія наставленія, въ двухъ частяхъ, изъ которыхъ одна употребляется духовенствомъ для экзотерическихъ цѣлей, а другая—для эзотерическихъ. „Приготовиться къ Дубжед'у" значитъ приготовить предметы, нужные для ясновидѣнія, такіе какъ зеркала и кристаллы. „Другіе я" относится къ товарищамъ ученикамъ. Выбираетъ учениковъ самъ Учитель, сообразуясь съ магнетическими и электрическими свойствами каждаго изъ нихъ, заботливо соединяя и согласуя положительные съ отрицательными элементами).

4. Учась вмѣстѣ, *upasaka* (ученики) должны быть неразрывно связаны, какъ пальцы на одной рукѣ. Запечатлѣй въ ихъ душахъ, что все, что огорчаетъ одного, должно огорчать и другихъ, и что, если радость одного не находитъ отзвука въ сердцахъ другихъ,—это значитъ, что требуемыхъ условій нѣтъ налицо и продолжать занятія—безполезно.

(Это едва ли можетъ случиться, если первоначальный выборъ былъ сдѣланъ согласно законамъ магнетизма. Извѣстны случаи, когда ученикамъ, въ другихъ отношеніяхъ подававшимъ надежды и способнымъ воспринять истину, приходилось ждать годами благодаря своему характеру и невозможности настроить себя въ созвучіе съ товарищами. Ибо)

5. Подобно тому, какъ струны лютни должны быть настроены, чтобы каждая струна звучала по своему и все же издавала бы звуки, гармонирующіе съ другими струнами, также и Учитель долженъ настроить своихъ учениковъ. Вмѣстѣ взятые они должны представлять резонаторъ, отвѣтно вибрирующій во всѣхъ частяхъ своихъ при малѣйшемъ прикосновеніи (Учителя). Такимъ образомъ души ихъ будутъ открыты для гармоній Мудрости, которая проникнетъ знаніемъ въ каждаго и во всѣхъ, производя результаты, пріятные для охраняющихъ

боговъ (ангеловъ-хранителей) и полезные для учениковъ. Такимъ образомъ Мудрость запечатлѣется навсегда въ ихъ сердцахъ, и гармонія закона никогда не будетъ нарушена ими.

6. Желающіе пріобрѣсти познанія, ведущія къ *Siddhis* (оккультныя силы), должны отказаться отъ всякой житейской и мірской суеты. (Слѣдуетъ перечисленіе *Siddhis*).

7. Никто не долженъ дѣлать различія между собой и своими сотоварищами, вродѣ слѣдующаго: „Я—самый мудрый", или „Я—болѣе святъ и болѣе угоденъ Учителю, или нашей общинѣ, чѣмъ мой собратъ", и т. д. и въ то же время—оставаться ученикомъ *upasaka*. Его помышленія должны быть направлены на свое собственное сердце, стараясь изгнать изъ него всякую враждебную мысль, къ какому бы то ни было живому существу; оно (сердце) должно быть полно чувства единства съ остальными существами, также и со всей Природой; иначе ученикъ не добьется успѣха.

8. Лэну (ученикъ) долженъ бояться лишь внѣшняго живого вліянія (магнетическихъ эманацій отъ живыхъ существъ). По этой причинѣ, находясь внутренно въ полномъ единствѣ со всѣми, онъ въ то же время обязанъ тщательно обособлять свое внѣшнее (физическое) тѣло отъ всякаго чужого вліянія: никто не долженъ ѣсть или пить изъ его чаши „кромѣ него самого", и онъ долженъ избѣгать всякаго тѣлеснаго соприкосновенія (не трогать и не дозволять касаться до себя) съ человѣческимъ или съ животнымъ существомъ.

(Не разрѣшается держать любимыхъ животныхъ и даже запрещается дотрагиваться до извѣстныхъ деревьевъ и растеній. Ученику необходимо жить, такъ сказать, въ своей собственной атмосферѣ, чтобы индивидуализироваться ради оккультныхъ цѣлей).

9. Умъ ученика долженъ оставаться равнодушнымъ ко всему, кромѣ міровыхъ истинъ въ природѣ, дабы „Ученіе Сердца" не превратилось въ одно лишь „Ученіе Ока" (т. е., въ пустую внѣшнюю обрядность).

10. Ученикъ не долженъ ѣсть никакой животной пищи, ничего, въ чемъ есть жизнь. Онъ не долженъ употреблять вино, спиртные напитки или опій, ибо, подобно *Ламаинамъ* (злымъ духамъ), устремляющимся на неосторожнаго, они уничтожаютъ разумъ.

(Вино и спиртные напитки поглощаютъ и сохраняютъ въ себѣ дурной магнетизмъ всѣхъ людей, участвовавшихъ въ ихъ приготовленіи, и мясо каждаго животнаго обладаетъ психическими свойствами своей породы).

11. Медитація (углубленное размышленіе), воздержаніе во всемъ, исполненіе нравственныхъ обязанностей, благія мысли, добрыя дѣла и

привѣтливыя слова и благоволеніе ко всѣмъ и полное забвеніе о себѣ,—вотъ самыя дѣйствительныя средства, чтобы добиться знанія и подготовить себя къ воспріятію высшей Мудрости.

12. И только при условіи самаго строгаго соблюденія всѣхъ вышеизложенныхъ правилъ, Лэну (ученикъ) можетъ надѣяться пріобрѣсти со временемъ Siddhis (псих. силы) Архатовъ и достигнуть того духовнаго роста, который дастъ ему возможность постепенно слиться воедино съ Міровымъ Единствомъ(Universal All).

Эти двѣнадцать извлеченій взяты изъ общаго числа 73 правилъ, перечислять которыя было бы безполезно, ибо въ Европѣ они лишены всякаго значенія. Но даже и этихъ правилъ достаточно, чтобы показать, какъ безгранично-велики тѣ затрудненія, которыя лежатъ на пути „*Upasaka*“ (учениковъ), которые родились и воспитались на Западѣ *).

На Западѣ вообще, а въ Англіи въ особенности, все воспитаніе проникнуто духомъ соревнованія и борьбы, и въ школахъ усердно культивируется, такъ называемое, „дружеское соревнованіе“: ребенка побуждаютъ учиться скорѣй, перегонять своихъ товарищей и превосходить ихъ во всемъ, а затѣмъ, послѣдующая жизнь всѣми своими подробностями только питаетъ и развиваетъ этотъ духъ. Можетъ ли человѣкъ, которому съ дѣтства были привиты такого рода понятія, сознавать себя связаннымъ съ своими сотоварищами „какъ пальцы на одной рукѣ?“ Тѣмъ болѣе, что не самъ онъ избралъ ихъ, основываясь на собственной симпатіи и оцѣнкѣ. Они выбраны Учителемъ, въ силу совершенно иныхъ соображеній. И тотъ, кто хочетъ быть челой, долженъ предварительно найти въ себѣ достаточно силы, чтобы убить въ своемъ сердцѣ всякую непріязнь и антипатію къ другимъ.

Многіе ли изъ Европейцевъ готовы сдѣлать хотя бы серьезную попытку въ этомъ направленіи?

А затѣмъ, мелочи повседневной жизни, запрещеніе прикасаться даже къ наиболѣе близкой и дорогой рукѣ? Какимъ холоднымъ и жестокимъ кажется оно, это запрещеніе! Какъ оно противорѣчитъ западнымъ понятіямъ о любви и сердечныхъ отношеніяхъ! И не скажетъ ли житель Запада, что отказывать въ радости другимъ ради собственнаго развитія—эгоистично? Самое лучшее, если люди, думающіе такъ, отложатъ свою попытку вступить на путь до другой жизни. Но пусть они не гордятся своимъ мнимымъ безкорыстіемъ, ибо, на самомъ дѣлѣ, они позволяютъ обманывать себя кажущимися видимостями,

*) Всѣ „чела“, даже свѣтскіе, называются „*Upasaka*“ вплоть до перваго посвященія, послѣ котораго они становятся *Lanoo—Upasaka*. До этого дня всѣ, даже принадлежащіе къ монастырямъ (Lamaseries), считаются „Мірскими“.

условными понятіями, основанными на эмоціяхъ и порывахъ, или такъ называемой вѣжливостью; но все это—принадлежности нереальной жизни, а не повелѣнія Истины.

Но даже оставляя въ сторонѣ эти трудности, которыя можно разсматривать какъ „внѣшнія", хотя значеніе ихъ тѣмъ не менѣе велико—посмотримъ, могутъ ли ученики Запада „настроить себя" гармонично по отношенію другихъ, какъ это требуется отъ нихъ? Личность въ Европѣ и въ Америкѣ развита такъ сильно, что въ ней не найдется ни одной—даже художественной—школы, члены которой не ненавидѣли бы и не завидывали бы другъ другу. „Профессіональная" ненависть и зависть вошли въ поговорку; всякій старается увеличить свое благосостояніе во что бы то ни стало; и такъ называемыя правила вѣжливости лишь пустая маска, прикрывающая этихъ демоновъ ненависти и зависти.

На Востокѣ духъ „единенія" прививается также усердно съ дѣтства, какъ на Западѣ—духъ соревнованія; тамъ не даютъ такъ сильно разростаться ни личному честолюбію, ни личнымъ чувствамъ и желаніямъ. Если почва по природѣ хороша, она воздѣлывается въ надлежащемъ направленіи, и ребенокъ выростаетъ въ человѣка, въ которомъ привычка подчинять свое низшее „я" высшему—сильна и могущественна. На Западѣ человѣкъ смотритъ на свои симпатіи и антипатіи къ людямъ и явленіямъ, какъ на руководящій принципъ для своего поведенія, а въ худшемъ случаѣ онъ возводитъ его въ законъ своей собственной жизни и стремится подчинить ему и чужую жизнь.

Пусть неудовлетворенные тѣмъ, что они получили въ Теософическомъ Обществѣ, примутъ къ сердцу слова, сказанныя нами въ „Пути": „Ключъ, открывающій каждую новую ступень, есть *самъ стремящійся*" „и не страхъ Божій," есть „начало Премудрости", а самопознаніе, которое есть *Сама Премудрость*.

„*Человѣкъ, познай самого себя!*" вотъ отвѣтъ, который давалъ Дельфійскій Оракулъ всѣмъ вопрошавшимъ его о Сокровенной Мудрости, отвѣтъ, который постоянно повторялъ Сократъ и которому онъ придавалъ такое огромное значеніе.

И сколько величія и истины содержится въ этихъ словахъ для тѣхъ изъ изучающихъ сокровенное знаніе, которые уже сумѣли уразумѣть смыслъ нѣкоторыхъ изъ вышеизложенныхъ истинъ!

Перев. Р. Т.

Есть ли душа у животныхъ?

Е. П. Блаватская.

I.

„Постоянно напояемая кровью, вся земля есть великій алтарь, на которомъ приносится въ жертву все живое—безъ конца, безъ счета"...

Графъ Жозефъ де Мэстръ.

(Soirées 1 n. 35).

Велико число тѣхъ „устарѣвшихъ религіозныхъ предразсудковъ" Востока, которые подвергаются на Западѣ частому и немудрому осмѣянію, но ни на одинъ изъ нихъ не нападаютъ такъ яростно, ни одинъ изъ нихъ такъ зло не осмѣивается, какъ то удивительное уваженіе, съ которымъ народы Востока относятся къ жизни животныхъ. Это естественно: употребляющіе мясную пищу не могутъ симпатизировать воздерживающимся отъ нея. Мы, Европейцы, отдѣлены немногими тысячелѣтіями отъ того времени, когда наши предки въ своихъ пещерныхъ жилищахъ все еще высасывали кровь и мозгъ изъ сырыхъ костей. Совершенно естественно, что тѣ, которые въ своихъ несчетныхъ войнахъ обходились столь расточительно съ человѣческой жизнью, смотрятъ совершенно холодно на смертную агонію животнаго и приносятъ ежедневно въ жертву милліоны невинныхъ и безобидныхъ жизней; ибо мы слишкомъ большіе эпикурейцы, чтобы поѣдать тигровые бифштексы или крокодиловыя котлеты,—намъ необходимы нѣжныя ламы и ярко оперенные фазаны. Въ нашъ вѣкъ крупповскихъ пушекъ и научнаго истязанія животныхъ, это является совершенно понятнымъ. Еще менѣе можно удивляться тому, что суровый Европеецъ смѣется надъ кроткимъ Индусомъ, когда послѣдній содрогается при мысли убить корову, или не можетъ понять Буддиста, который относится съ одинаковымъ уваженіемъ къ жизни каждаго живого существа, отъ слона до мошки включительно.

И всетаки, если употребленіе мяса сдѣлалось необходимостью—„оправданіемъ тирана“ для народовъ Запада, если сонмы жертвъ въ каждой столицѣ, городѣ и деревушкѣ нашего цивилизованнаго міра должны ежедневно предаваться закланію на алтаряхъ того божества, на котораго такъ обрушивался св. Павелъ и которому поклоняются люди, состоящіе въ рабствѣ у своего желудка; если все это и многое другое не можетъ быть уничтожено въ нашъ „вѣкъ желѣза“,—какое оправданіе найдемъ мы для смертоноснаго спорта? Рыбная ловля, охота на птицу и на звѣря, эти очаровательныя развлеченія нашей цивилизованной жизни—являются съ точки зрѣнія оккультной философіи наиболѣе предосудительными, наиболѣе грѣшными въ глазахъ послѣдователей тѣхъ религіозныхъ системъ, которыя изошли непосредственно изъ тайнаго Ученія, т. е. Индуизма и Буддизма.

Будто ужъ и дѣйствительно нѣтъ никакого разумнаго основанія, почему послѣдователи этихъ древнѣйшихъ изъ всѣхъ міровыхъ религій считаютъ весь міръ животныхъ, отъ громадныхъ четвероногихъ до мельчайшихъ насѣкомыхъ своими „младшими братьями“, какъ бы эта мысль ни казалась смѣшной для Европейца? На этомъ вопросѣ мы остановимся съ должнымъ вниманіемъ позднѣе.

И все же, не впадая въ преувеличеніе, можно съ увѣренностью сказать, что лишь немногіе изъ насъ могутъ безъ содроганія вообразить тѣ сцены, которыя происходятъ ежедневно раннимъ утромъ въ безчисленныхъ бойняхъ нашего, такъ называемаго, цивилизованнаго міра, или же во время, такъ называемаго, „охотничьяго сезона“. Едва первый лучъ солнца пробуждаетъ уснувшую природу, какъ уже во всѣхъ концахъ міра миріады кровавыхъ гекатомбъ готовятся для встрѣчи восходящаго свѣтила. Никогда языческій Молохъ не веселился такими воплями агоніи своихъ жертвъ, какія несутся ежедневно и ежечасно съ утра и до вечера по всѣмъ христіанскимъ странамъ, подобно безконечному гимну страданія.Въ древней Спартѣ,—а кто же былъ менѣе доступенъ нѣжнымъ движеніямъ сердца, нежели эти столь суровые воины, каждый мальчикъ, мучившій животное ради собственнаго удовольствія, подвергался смерти, какъ совершенно испорченное, недостойное жизни существо. Но въ цивилизованной Европѣ, которая во всѣхъ областяхъ, за исключеніемъ христіанскихъ добродѣтелей, сдѣлала такіе блестящіе успѣхи, сила отождествляется и до сихъ поръ съ правомъ. Совершенно безполезный и жестокій обычай охоты, убійство несчетнаго количества птицъ и животныхъ ради одного лишь спорта, нигдѣ не процвѣтаетъ въ такихъ размѣрахъ, какъ въ протестантской Англіи, гдѣ милосердныя ученія Христа не сдѣлали человѣческихъ сердецъ добрѣе, чѣмъ они были во времена Нимврода, „этого

могучаго звѣролова предъ Господомъ". Христіанская этика можетъ съ такимъ же удобствомъ пользоваться парадоксальными отговорками, какъ и этика „язычниковъ". Такъ, однажды одинъ спортсменъ сказалъ въ моемъ присутствіи, что „такъ какъ ни одинъ воробей не падаетъ на землю безъ воли Отца Небеснаго, то онъ, убивая ежедневно около ста воробьевъ, сто разъ творитъ волю Отца Небеснаго"!

Не легка участь бѣдныхъ безсловесныхъ тварей, и тяжесть ея усугубляется до роковыхъ размѣровъ, вслѣдствіе вмѣшательства человѣка. *Разумная* душа человѣка предназначена повидимому къ тому, чтобы стать убійцей *неразумной* души животнаго—и это въ буквальномъ смыслѣ слова, потому что христіанское ученіе говоритъ, что *душа животнаго умираетъ вмѣстѣ съ его тѣломъ*. Не имѣетъ ли легенда о Каинѣ и Авелѣ двойного значенія? Взглянемъ и на другое зло нашего культурнаго вѣка, на научныя бойни, именуемыя вивисекціонными комнатами. Зайдемъ въ одну изъ этихъ залъ въ Парижѣ и поглядимъ на Поля Берта или на кого-либо изъ этихъ мужей, такъ удачно названныхъ „учеными мясниками",—посмотримъ на нихъ за ихъ ужасной работой! Приведу яркое описаніе одного очевидца, извѣстнаго французскаго писателя, который отлично знакомъ съ modus operandi этихъ „палачей".

„Вивисекція", такъ пишетъ онъ, „такого рода спеціальность, при которой пытка ради научныхъ цѣлей нашихъ мясниковъ-академиковъ примѣняется въ теченіе цѣлыхъ дней, недѣль и даже мѣсяцевъ къ фибрамъ и мускуламъ одной и той же жертвы. Для пытки этой примѣняются всевозможныя орудія, причемъ опыты прозводятся передъ безжалостной аудиторіей сразу десяткомъ учениковъ, изъ которыхъ одинъ работаетъ надъ глазомъ, другой надъ ногами, третій надъ легкими, четвертый надъ мозгомъ; и если ихъ неопытнымъ рукамъ по прошествіи рабочаго дня не удалось обнажить всѣ внутренности живого остова, которыя они кромсали по указанію ученаго, тогда съ вечера тѣ же жалкіе останки заботливо прячутся въ погребъ, чтобы на слѣдующій день могла возобновиться та же работа, если только осталось еще малѣйшее дыханіе жизни въ пытаемой жертвѣ! Мы знаемъ, что были попытки выразить протестъ противъ этого ужаса, но Парижъ показалъ себя еще болѣе безжалостнымъ, нежели Лондонъ и Глазго" *).

А между тѣмъ эти господа говорятъ о *величіи* преслѣдуемой цѣли и похваляются *великими* тайнами, которыя они будто бы раскрыли. „Ложь"! восклицаетъ тотъ же писатель. „Что касается тайнъ, то за исключеніемъ открытія нѣсколькихъ локализацій способностей и мо-

*) De la Résurrection et du Miracle, E. de Mirville.

торныхъ центровъ, мы знаемъ лишь одну тайну, которая принадлежитъ имъ по праву: это тайна увѣковѣченныхъ пытокъ, въ сравненіи съ которыми ужасы войны, кровавыя развлеченія спорта и страданія животныхъ подъ ножемъ мясниковъ являются ничтожествомъ! Честь и слава нашимъ ученымъ! Они сумѣли превзойти всѣ прежнія формы пытокъ и остаться нынѣ и во вѣкъ царями искусственно вызванной боли и отчаянія" *).

Обычнымъ оправданіемъ при умерщвленіи животныхъ и даже при ихъ мучительствахъ служатъ ссылки на нѣкоторыя мѣста изъ Библіи, изуродованныя такъ называемымъ схоластизмомъ, представителемъ котораго служитъ Ѳома Аквинскій. При томъ эти тексты совершенно опровергаются другими мѣстами изъ той же Библіи.

Питающіеся мясомъ, спортсмены и вивисекторы, если среди послѣднихъ есть такіе, которые вѣрятъ въ сотвореніе міра и въ Библію, ссылаются въ свое оправданіе на тотъ стихъ Бытія, гдѣ Богъ даетъ Адаму власть надъ „рыбами морскими, и надъ птицами небесными, и надъ всякимъ животнымъ, пресмыкающимся по землѣ" (Бытіе 1, 28), т. е., по понятію христіанина, власть надъ жизнью и смертью всѣхъ животныхъ на земномъ шарѣ.

На это болѣе философски образованный браманистъ или буддистъ могъ бы отвѣтить:

„Нѣтъ это не такъ! Эволюція занимается поднятіемъ живыхъ существъ на высшія ступени бытія. Поэтому, лишая животное и даже насѣкомое жизни, мы тѣмъ самымъ задерживаемъ его прогрессъ".

На это ученикъ оккультизма можетъ сказать только „аминь" и прибавить, что мы не только задерживаемъ развитіе этого существа, но и замедляемъ нарожденіе грядущей, болѣе совершенной человѣческой расы.

Которая же изъ двухъ сторонъ болѣе права и болѣе логична? Отвѣтъ на это зависитъ, разумѣется, только отъ личнаго взгляда отвѣчающаго. Если онъ вѣритъ въ библейское сотвореніе міра, то на вопросъ, „почему человѣкоубійство считается самымъ страшнымъ грѣхомъ передъ Богомъ и природой, а убійство милліоновъ живыхъ существъ разсматривается какъ простой спортъ"? Онъ отвѣтитъ: „потому, что человѣкъ сотворенъ по образу и подобію Божію и смотритъ *вверхъ* на своего Творца и на свою родину—небо (os homini sublime dedit); тогда какъ взоръ животнаго направленъ внизъ къ его родинѣ—землѣ, ибо Богъ сказалъ: „да произведетъ земля душу живую по роду ея, скотовъ, и гадовъ, и звѣрей земныхъ по роду ихъ (Бытіе 1, 24). И

*) loc. cit.

еще „потому, что у человѣка есть безсмертная душа, животное же не можетъ ожидать никакого безсмертія, ни даже самой непродолжительной жизни послѣ смерти".

Но каждый, въ комъ софизмъ еще не заглушилъ здраваго человѣческаго разума, возразитъ на это, что Библія, если вообще искать въ ней разрѣшенія этого тонкаго вопроса, не даетъ ни малѣйшаго доказательства, что мѣсто рожденія человѣка—небо, а мѣсто рожденія животныхъ — земля, ибо мы находимъ въ Библіи, что Богъ, также, какъ сотворилъ и благословилъ человѣка (Бытіе I, 27, 28), точно также повелѣлъ быть большимъ рыбамъ и благословилъ ихъ (Бытіе I, 21, 22). Кромѣ того, „создалъ Господь Богъ человѣка изъ праха земного" (Бытіе II, 7), что никакъ не указываетъ на небесное происхожденіе человѣка. Царь и проповѣдникъ Соломонъ, который считается мудрѣйшимъ изъ всѣхъ библейскихъ мудрецовъ, даетъ въ своемъ Экклесіастѣ рядъ истинъ, которыя давно бы должны были разрѣшить этотъ споръ. „Сказалъ я въ сердцѣ своемъ о сынахъ человѣческихъ, чтобы испыталъ ихъ Богъ и чтобы они видѣли, что они сами по себѣ животныя" (Экклесіастъ III, 18).

„...Ибо участь сыновъ человѣческихъ и участь животныхъ—одна, и нѣтъ у человѣка преимущества передъ скотомъ"—(гл. III, 19).

..."Все идетъ въ одно мѣсто; все произошло изъ праха и все возвратится въ прахъ" (III, 20). ..."*Кто* знаетъ: духъ сыновъ человѣческихъ восходитъ ли вверхъ, и духъ животныхъ сходитъ ли внизъ, въ землю?" (III, 21). И въ самомъ дѣлѣ, „кто знаетъ?" Во всякомъ случаѣ ни современная наука, ни „божественная схоластика".

Если бы цѣль этихъ строкъ состояла въ томъ, чтобы проповѣдывать вегетаріанство на основаніи Библіи и Ведъ, то задача оказалась бы весьма легкой. Потому что, если и правда, что Богъ далъ двойственному Адаму—„мужчинѣ и женщинѣ"—первой главы Бытія, который имѣетъ мало общаго съ Адамомъ второй главы, состоящимъ подъ башмакомъ у своей жены,—„власть надъ всею землею", то вѣдь нигдѣ не сказано, чтобы Господь повелѣлъ ему ѣсть животныхъ или истреблять ихъ ради спорта. Какъ разъ наоборотъ. Ибо, указывая на „всякую траву, сѣющую сѣмя, какая есть на всей землѣ, и всякое дерево, у котораго плодъ древесный, сѣющій сѣмя", Господь очень ясно сказалъ: „вамъ *сіе* будетъ въ пищу" (Бытіе I, 29).

Истина этихъ словъ признавалась первыми христіанами настолько, что они въ теченіе первыхъ вѣковъ нашей эры не касались мяса. Въ своемъ „Octavio" Тертулліанъ пишетъ къ Минуцію Феликсу: „Намъ, христіанамъ, непозволено не только смотрѣть на убійство, но даже выслушивать *(novere)* разсказы, касающіеся кровопролитія,—намъ,

отказывающимся прикасаться къ блюдамъ, къ которымъ примѣшана кровь животныхъ".

Но я имѣю въ виду не проповѣдывать вегетаріанство, а лишь защитить „права животныхъ", и указать, какъ неправильно посягать на эти права, опираясь на авторитетъ Библіи. Притомъ же, безполезно спорить съ тѣмъ, кто опирается на ложное толкованіе текстовъ. У человѣка, не признающаго ученія объ эволюціи, путь мысли будетъ всегда вымощенъ всякими препятствіями; поэтому онъ никогда не согласится, что гораздо болѣе отвѣчаетъ фактамъ и законамъ логики разсматривать плотскаго человѣка, какъ высоко развитую форму животнаго царства, а на его духовное, *оживляющее* его *я*, какъ на начало, среднее между животной душей и божествомъ. Было бы безполезно говорить ему и то, что пока онъ не приметъ не только одни приводимые въ защиту своихъ взглядовъ тексты, но и всю Библію въ свѣтѣ эзотерической философіи, которая одна способна примирить всѣ кажущіяся противорѣчія,—до тѣхъ поръ онъ не найдетъ ключа къ истинѣ. Это безполезно потому, что онъ просто не повѣрилъ бы этому. А между тѣмъ Библія чревата не только милосердіемъ къ людямъ, но и состраданіемъ и любовью къ животнымъ. Первоначальный еврейскій текстъ главы XXIV кн. Левитъ доказываетъ это. Вмѣсто перевода 17 и 18 стиха: „Кто убьетъ скотину, долженъ заплатить за нее—скотину за скотину"; въ древне-еврейскомъ оригиналѣ стояло: „жизнь за жизнь" или лучше, „душу за душу", *„nephesh tachat nephesh"* и если строгость закона не шла такъ далеко, какъ въ древней Спартѣ, гдѣ душа человѣка приносилась за душу животнаго—все же виновному, рядомъ съ возмѣщеніемъ убитой души живою, опредѣлялось въ придачу къ этой расплатѣ еще и строгое наказаніе.

Болѣе того! Въ Исходѣ (глава XX, 10 и гл. XXIII, 11, 12) субботній отдыхъ распространяется на скотъ и на всѣхъ остальныхъ животныхъ. „А день седьмый—суббота Господу, Богу твоему: не дѣлай въ оный никакого дѣла ни ты..., ни волъ твой, ни оселъ твой, ни всякій скотъ твой... А про субботній *годъ* сказано: „А въ седьмой (годъ) оставляй ее (землю) въ покоѣ... Чтобы остатками послѣ нихъ (убогихъ) питались звѣри полевые... Шесть дней дѣлай дѣла твои, а седьмой день—покойся, чтобы отдохнулъ волъ твой и оселъ твой"...

Послѣдній стихъ указываетъ, что животный міръ у древнихъ евреевъ не былъ исключенъ всецѣло изъ участія въ культѣ Божества, и что въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ имѣлся въ виду одновременно съ человѣкомъ.

Весь спорный вопросъ покоится на недоразумѣніи, по которому понятіе „душа" *nephesh* ставится внѣ всякой связи съ понятіемъ *духъ*—

ruach. А между тѣмъ, ясно сказано, что „Богъ вдунулъ въ ноздри (человѣка) *дыханіе жизни*, и сталъ человѣкъ душей живою,—*nephesh*; но и душа животнаго также называется „*nephesh*". Только путемъ внутренняго развитія *душа* дѣлается *духомъ*. И то и другое—лишь низшая и высшая ступень одной и той же лѣстницы, основаніемъ которой является Міровая Душа или Духъ Божій.

Это утвержденіе испугаетъ тѣхъ добрыхъ людей, которые, нѣжно любя своихъ кошекъ и собакъ, въ то же время слишкомъ твердо держатся ученія своей Церкви, чтобы допустить такую ересь. „Какъ", воскликнутъ они въ ужасѣ—„неразумная душа собаки или лягушки оказывается такой же божественной и безсмертной, какъ и наша?!" Между тѣмъ это такъ. И утверждаетъ это не только авторъ этихъ строкъ, но и такой христіанскій авторитетъ, какъ величайшій изъ проповѣдниковъ Евангелія св. Павелъ. Наши оппоненты, которые съ такимъ негодованіемъ отрицаютъ доводы какъ современной, такъ и эзотерической науки, быть можетъ внимательнѣе прислушаются къ словамъ, которыя говоритъ по этому поводу ихъ чтимый Апостолъ. А какъ истинное истолкованіе этихъ словъ мы дадимъ не объясненіе какого-нибудь теософа, а объясненіе другого чтимаго христіанами святаго, Іоанна Златоуста, написавшаго толкованія къ посланіямъ св. Павла и авторитетъ котораго несомнѣненъ какъ для католической, такъ и для протестанской церкви. Христіане уже знаютъ, что экспериментальная наука не на ихъ сторонѣ; но они будутъ еще непріятнѣе поражены, если узнаютъ, что ни одинъ Индусъ не заступался съ бо́льшимъ чувствомъ за жизнь животныхъ, чѣмъ св. Павелъ въ своихъ посланіяхъ къ Римлянамъ. Индусы требуютъ состраданія къ животнымъ единственно на основаніи ученія о переселеніи душъ и тождества начала, оживотворяющаго какъ человѣка, такъ и животнаго. Ап. Павелъ идетъ еще дальше. Онъ указываетъ, что животныя живутъ въ ожиданіи того же самаго „освобожденія отъ рабства тлѣнію", котораго чаетъ и каждый истинный христіанинъ. Точныя слова великаго Апостола будутъ приведены позднѣе, когда будетъ сдѣлана попытка объяснить ихъ истинное значеніе. Тотъ фактъ, что столь многіе толкователи, Отцы церкви и схоластики стараются уклониться отъ истиннаго значенія словъ Ап. Павла, не является доводомъ противъ ихъ внутренняго смысла, а скорѣе доказательствомъ неправоты теологовъ, противорѣчивые взгляды которыхъ особенно поразительны въ данномъ, интересующемъ насъ, вопросѣ. И все же, многіе будутъ защищать доводы толкователей, какъ бы они ни были ошибочны, до конца; тогда какъ другіе, признавшіе свою ошибку, захотятъ, подобно Корнелію a Lapide, отдать бѣдному животному *amende honorable*. Разсуждая о той роли, которую

природа назначила животному міру въ великой драмѣ жизни, Корнеліусъ говоритъ слѣдующее: „Цѣль всѣхъ тварей—служить человѣку. Поэтому совмѣстно съ нимъ (своимъ господиномъ) ожидаютъ они своего обновленія",—*cum homine renovationem suam expectant**). „Служить" человѣку конечно не означаетъ быть замученнымъ, убитымъ или застрѣленнымъ; слово же „обновленіе" точно говоритъ само за себя. Христіане понимаютъ подъ этимъ словомъ обновленіе тѣлъ послѣ второго пришествія Христа и ограничиваютъ его однимъ лишь человѣкомъ, выключая весь животный міръ. Но послѣдователи Тайной Доктрины объясняютъ его постепеннымъ обновленіемъ и совершенствованіемъ формъ на лѣстницѣ объективнаго и субъективнаго бытія и длиннымъ рядомъ эволюціонныхъ преобразованій, ведущихъ живое существо все выше и выше вверхъ. Конечно это положеніе будетъ отвергнуто христіанами, и даже вѣроятно съ негодованіемъ. Они скажутъ, что Библія была имъ истолкована иначе, и что она не можетъ быть такъ понимаема. Спорить объ этомъ безполезно. Многочисленны и печальны были послѣдствія ошибочныхъ толкованій библейскихъ текстовъ. Одна фраза „Проклятъ Ханаанъ, рабъ рабовъ будетъ онъ у братьевъ своихъ" (Бытіе IX, 25) создала цѣлыя столѣтія горя и незаслуженнаго страданія для несчастныхъ рабовъ—негровъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ священники съ Библіей въ рукахъ выступали *противъ* уничтоженія рабства, а между тѣмъ едва ли кто станетъ въ наше время спорить, что рабство являлось истинной причиной неминуемаго упадка всѣхъ рабовладѣльческихъ странъ, и даже гордый Римъ долженъ былъ пасть потому, что „большинство въ старомъ мірѣ были рабы", какъ, совершенно вѣрно, замѣчаетъ Гейеръ.

Но какъ убійство, такъ и заблужденія всегда всплываютъ на свѣтъ Божій, и къ чему бы ни относились ложные выводы, будь то съ цѣлью доказать или опровергнуть извѣстное положеніе, ошибочность этихъ выводовъ рано или поздно неминуемо скажется. Противники восточнаго міровоззрѣнія даютъ своимъ критикамъ опасное оружіе въ руки; ибо раскрытіемъ подобныхъ противорѣчій послѣдніе могутъ свести на нѣтъ самыя лучшія ихъ доказательства.

Цѣлью всего нашего очерка служитъ желаніе бросить лучъ свѣта на этотъ интересный и важный вопросъ. Римско-католическіе писатели, желая защитить подлинность многихъ удивительныхъ воскрешеній животныхъ, совершенныхъ ихъ святыми, вдавались въ безконечныя разсужденія по этому поводу. По мнѣнію Боссюета „душа животнаго труднѣйшій, но въ то же время и важнѣйшій изъ всѣхъ философскихъ вопросовъ".

*) Commen. Apocal. ch. V, 137.

Имѣя въ виду ученіе Церкви, что животныя, хотя и не лишены души, но не обладаютъ вѣчной или безсмертной душой, и что принципъ, который даетъ имъ жизнь, умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ—интересно прослѣдить, какъ согласуютъ ученые отцы Церкви это ученіе съ другимъ утвержденіемъ, по которому животныхъ можно воскрешать и что они нерѣдко бывали чудеснымъ образомъ воскрешаемы.

Нашъ очеркъ является лишь слабой попыткой—болѣе подробная аргументація заняла бы цѣлые томы—указавъ на непослѣдовательность схоластическихъ и богословскихъ толкованій Библіи, убѣдить нашихъ читателей въ великой преступности отнятія животной жизни, особенно ради развлеченія или ради вивисекціи.

Цѣль этого очерка—*доказать*, что если возможна такая вещь, какъ воскресеніе тѣла послѣ того, какъ жизненное начало уже покинуло его, то возможность эта должна быть одинакова отнесена какъ къ безсловесному животному, такъ и къ человѣку; ибо, или оба надѣлены тѣмъ даромъ, который мы обозначаемъ столь неопредѣленнымъ терминомъ, какъ „душа", или же этотъ даръ не данъ ни тому, ни другому.

Всякое благополучіе принадлежитъ душѣ, довольной своей долей; для того, кто носитъ башмаки, не вся-ли земля покрыта кожей?

Лесть—фальшивая монета; она въ обращеніи лишь благодаря нашему тщеславію.

Духовная близорукость рождаетъ самомнѣніе; намъ трудно повѣрить тому, что переходитъ за нашъ горизонтъ.

Благороднаго радуетъ благородное, низкаго не радуетъ благородное. Изъ лѣса направляется къ лотосу пчела,—не лягушка, хотя бы и жила она въ томъ же озерѣ.

(Драгоцѣнные Камни Востока).

II.

„Что за химера человѣкъ! Какой запутанный хаосъ, что за собраніе противорѣчій! Признанный судья во всемъ и въ то же время жалкій червь земли! Могучій хранитель истины и въ то же время—смятеніе, въ которомъ нѣтъ ничего достовѣрнаго! И слава и позоръ вселенной!"

Паскаль.

Теперь мы разберемъ, каковъ взглядъ христіанской Церкви на природу души животнаго, и посмотримъ, какъ она справляется съ противорѣчіемъ, существующимъ между воскресеніемъ изъ мертвыхъ животнаго и утвержденіемъ, что душа животнаго умираетъ вмѣстѣ съ тѣломъ его; а затѣмъ, разсмотримъ ближе нѣкоторыя изъ чудесъ воскресенія, совершенныхъ надъ животными. Но прежде чѣмъ нанести окончательный ударъ эгоистическому ученію, которое столь способствовало жестокому и безпощадному отношенію къ бѣднымъ животнымъ, читатель долженъ познакомиться съ первоначальными сомнѣніями самихъ отцовъ, касающимися словъ Ап. Павла по отношенію затронутаго вопроса.

Въ самомъ дѣлѣ, забавно видѣть, какъ два неутомимыхъ поборника католической Церкви—Ms. Mousseaux и de Mirville—выковывали то самое оружіе, которое съ успѣхомъ можетъ быть направлено противъ ихъ же ошибочныхъ взглядовъ *).

Такъ какъ въ будущемъ предстоитъ жестокая духовная битва между сторонниками ученія о личномъ сотвореніи міра и между эволюціонистами, иначе Индусами, Буддистами, свободомыслящими и большинствомъ сторонниковъ нашей современной науки — мы начнемъ съ общаго обзора основныхъ положеній тѣхъ и другихъ.

1) Христіане основываютъ свое право надъ животнымъ міромъ на а) выше приведенныхъ мѣстахъ изъ Библіи и на ихъ позднѣйшихъ схоластическихъ толкованіяхъ и б) на принятомъ отсутствіи чего-либо подобнаго у божественной или человѣческой души. Человѣкъ переживаетъ смерть; животное же не переживаетъ ея.

*) Здѣсь мы должны прибавить, что de Mirville первый призналъ ошибку Церковнаго взгляда относительно души животнаго и по мѣрѣ возможности старался защищать право животныхъ на жизнь.

2) Эволюціонисты Востока *), основывая свои воззрѣнія на своихъ великихъ философскихъ системахъ, считаютъ грѣхомъ противъ природы и задержаніемъ прогресса убивать какое-либо живое существо.

3) Эволюціонисты Запада, вооруженные новѣйшими научными данными, не принимаютъ въ расчетъ ни христіанъ, ни язычниковъ. Одни ученые принимаютъ эволюцію, другіе же нѣтъ. Но на одномъ выводѣ всѣ они сходятся, а именно: что никакое физическое точное изслѣдованіе не даетъ основанія утверждать, что человѣкъ одаренъ безсмертной божественной душой, и что относительно этого имѣется такъ же мало доказательствъ, какъ и относительно души у животнаго.

Тогда какъ азіатскіе эволюціонисты обращаются съ животными сообразно своимъ научнымъ и религіознымъ воззрѣніямъ, ни церковь, ни матеріалистическая наука не отличаются логикой въ практическомъ примѣненіи своихъ теорій. Первая, хотя и учитъ, что каждое живое существо сотворено Богомъ, также какъ и человѣческій младенецъ, и что оно съ момента рожденія и до гроба находится подъ бдительнымъ окомъ мудраго и благого Провидѣнія,—тѣмъ не менѣе допускаетъ для всѣхъ созданій, стоящихъ ниже человѣка, лишь временную душу. Матеріалистическая наука, которая видитъ въ обоихъ, и въ человѣкѣ и въ животномъ, только лишенные души результаты дѣйствія какихъ-то неизвѣстныхъ силъ природы, въ дѣйствительности создаетъ пропасть между обоими. Ученый, если онъ даже самый рѣшительный матеріалистъ и способенъ съ величайшимъ хладнокровіемъ производить вивисекцію надъ живымъ животнымъ, ужаснулся бы при одной мысли искалѣчить своего ближняго, не говоря уже о томъ, чтобы замучить его до смерти.

Въ подтвержденіе нашего разсужденія мы приведемъ теперь нѣсколько доказательствъ: имѣя дѣло съ людьми серьезными и образованными, слѣдуетъ предположить, что взгляды различныхъ, приводимыхъ нами авторитетовъ уже извѣстны читателю; поэтому достаточно вкратцѣ указать на окончательные выводы, къ которымъ авторитеты эти пришли. Начнемъ съ церковниковъ.

Какъ уже было сказано, Церковь требуетъ вѣры въ чудеса, которыя творили великіе Святые. Среди различныхъ чудотвореній мы выберемъ лишь тѣ, которыя имѣютъ отношеніе къ нашему вопросу, т. е. къ воскрешенію умершихъ животныхъ. Тотъ, кто допускаетъ въ человѣкѣ безсмертную душу, не связанную съ тѣломъ, совершенно логично можетъ допустить и то, что душу можно какимъ-нибудь бо-

*) Слово „эволюціонисты" надо понимать *не* въ смыслѣ позитивистическомъ. *Прим. Ред.*

жественнымъ чудомъ вернуть назадъ и силою вновь ввести въ мертвое тѣло. Но какъ можетъ онъ допустить ту же возможность относительно животнаго, когда догматы его вѣры гласятъ, что у животнаго нѣтъ независимой души и что послѣдняя уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ? Ибо, болѣе двухсотъ лѣтъ, со времени Ѳомы Аквинскаго, Церковь авторитетно проповѣдывала, что душа животнаго умираетъ вмѣстѣ съ его организмомъ. Что же возвращается назадъ въ тѣло, чтобы снова оживить его? Здѣсь уже выступаетъ на сцену схоластика и, желая выйти изъ затрудненія, старается согласовать несогласуемое,

Она начинаетъ съ утвержденія, что число воскрешеній животныхъ безконечно, и что послѣднія также достовѣрны, какъ и воскресеніе „Господа нашего Іисуса Христа“ *). Балландисты приводятъ безчисленные примѣры.

Такъ, религіозный писатель XVII-го столѣтія, отецъ Буриньи, по поводу воскрешенія стрепетовъ святымъ Реми, замѣчаетъ: „Мнѣ безъ сомнѣнія сказали бы, что самъ я гусь, если вѣрю такой „сказкѣ“. На это я отвѣчу насмѣшнику, что тогда надо было бы исключить подобный же случай изъ жизни св. Исидора Испанскаго, когда онъ воскресилъ лошадь своего господина; случай изъ жизни св. Николая Толентинскаго, когда онъ оживилъ куропатку, вмѣсто того, чтобы ее съѣсть; случай изъ жизни св. Франциска, когда онъ вернулъ жизнь ягненку, вынутому изъ пылающей печи, или заставилъ жареныхъ рыбъ плавать въ своемъ соусѣ и т. д. Словомъ, скептику пришлось бы назвать лжецами или дураками около 100.000 очевидцевъ, изъ которыхъ хотя бы нѣсколько человѣкъ должны же были обладать здравымъ разсудкомъ“.

Несравненно болѣе важный авторитетъ, папа Бенедиктъ XIV, подтверждаетъ сказанное отцомъ Буриньи.

Кромѣ того, Іоаннъ фонъ Балландъ въ своемъ трудѣ называетъ цѣлый рядъ очевидцевъ, присутствовавшихъ при чудесахъ св. Сильвестра, Франсуа де Поль, Северина изъ Кракова и множество другихъ. „Онъ лишь прибавляетъ“, говоритъ кардиналъ де Вентура, цитирующій его, „что такъ какъ подъ воскрешеніемъ предполагается тождественное воспроизведеніе формы *), равно какъ и матеріи умершаго животнаго, и такъ какъ эта форма (или душа) животнаго, по ученію св. Ѳомы, всегда погибаетъ вмѣстѣ съ тѣломъ, то Богъ долженъ, въ цѣляхъ чудотворенія, каждый разъ творить новую форму для воскрешеннаго животнаго. Отсюда слѣдуетъ, что послѣднее не вполнѣ тождественно

*) „De Beatificatione“ etc. Папы Бенедикта XIV.

*) Слово „форма“ въ схоластической философіи обозначаетъ нематеріальный принципъ, который даетъ жизнь тѣлу, который, слѣдовательно, равносиленъ душѣ.

съ прежнимъ животнымъ, какимъ оно было до смерти *(non idem omnino esse)*" *).

Хотя отъ этого утвержденія кардинала, затрудненія отнюдь не устраняются, всетаки выясняется слѣдующее: такъ какъ принципъ, который одушевлялъ животное во время его жизни, со смертью животнаго уничтожается, то для чуда должна быть сотворена новая душа, и при томъ „не по формѣ", какъ говорятъ папа и кардиналъ; душа эта безъ сомнѣнія отличается отъ человѣческой, такъ какъ послѣдняя опредѣляется какъ „независимая, эфирная, непреходящая сущность".

Кромѣ естественнаго возраженія, что подобный актъ не можетъ быть названъ „чудомъ", совершеннымъ святымъ, такъ какъ выходитъ, что въ дѣйствительности за святымъ стоялъ Богъ, который, для его прославленія и „творилъ" совершенно новую душу, кромѣ этой несообразности можно протестовать и противъ всего ученія Ѳомы Аквинскаго. „Потому что, какъ совершенно правильно замѣчаетъ Декартъ, если душа животнаго такъ рѣзко отличается въ своей нематеріальности отъ его тѣла, то мы считаемъ почти невозможнымъ видѣть въ ней духовное начало, слѣдовательно и разумное".

Едва ли надо напоминать читателю, что Декартъ считалъ живое животное простымъ автоматомъ, „хорошо заведеннымъ часовымъ механизмомъ" по опредѣленію Малебранша. Поэтому, кто согласенъ относительно животныхъ съ теоріей Декарта, тотъ долженъ бы согласиться также и съ современными матеріалистами. Ибо, такъ какъ этому автомату доступны такія чувства, какъ любовь, благодарность и т. д., и кромѣ того онъ несомнѣнно одаренъ памятью, то всѣ эти качества, должны быть, какъ учитъ насъ матеріализмъ, „принадлежностью матеріи". Но если животное представляетъ собой „автоматъ", почему не автоматъ и человѣкъ? Точныя науки, какъ анатомія и физіологія, не могутъ найти никакой разницы между физическими тѣлами обоихъ; и кто знаетъ, какъ справедливо вопрошаетъ Соломонъ, восходитъ ли „духъ сыновъ человѣческихъ" къ верху или не восходитъ никуда? Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ метафизическомъ отношеніи Декартъ не болѣе послѣдователенъ, чѣмъ всѣ другіе.

Что же говоритъ на это св. Ѳома? Признавая и за животнымъ душу (*anima*) и объявляя ее *безплотной*, онъ въ тоже время отказывается считать ее *духовной*. „Ибо, говоритъ онъ: въ такомъ случаѣ у животнаго подразумѣвался бы разумъ, а разумъ—принадлежность одной лишь человѣческой души". Но такъ какъ на четвертомъ Латеранскомъ Соборѣ было постановлено, что „Богъ сотворилъ двѣ различныя суб-

*) De Beatificatione etc. 1. IV. c. XI. Art. 6.

станціи, плотскую (*mundonam*) и духовную (*spiritualem*), и что нѣчто безплотное по необходимости должно быть и духовнымъ, св. Ѳомѣ не оставалось ничего иного, какъ прибѣгнуть къ своего рода компромиссу. Онъ говоритъ: „Эта животная душа не духъ и не тѣло; она нѣчто среднее по своей природѣ“ *), но это очень неудачное опредѣленіе. Ибо, хотя онъ въ данномъ случаѣ и очень близокъ къ истинѣ, въ другомъ мѣстѣ св. Ѳома объясняетъ, что „всѣ души, даже души растеній, имѣютъ существенную форму своихъ тѣлъ“, и если это вѣрно относительно растеній, почему бы это не было вѣрнымъ и относительно животныхъ? Душа животнаго не „духъ“ и не чистая матерія, она изъ той сущности, которую св. Ѳома называетъ „средней природой“. Но почему, ставъ разъ на вѣрный путь, сходить съ него и отрицать переживаніе души животнаго, если даже оставить въ покоѣ безсмертіе? Противорѣчіе такъ ясно, что де Мирвилль съ отчаяніемъ восклицаетъ: „Теперь у насъ цѣлыхъ три субстанціи, вмѣсто двухъ, которыя были установлены Латеранскимъ Соборомъ“ и продолжаетъ, въ мѣрѣ своей смѣлости, оспаривать знаменитаго богослова. Боссюэтъ въ своемъ *„Traité de la Connaissance de Dieu et de soi-même“* анализируетъ и сравниваетъ систему Декарта съ системой св. Ѳомы, и мы не можемъ поставить ему въ вину—если онъ — въ смыслѣ логики, отдаетъ предпочтеніе Декарту. Онъ полагаетъ, что Декартъ съ своимъ „изобрѣтеніемъ автомата“ лучше „выходитъ изъ затруднительнаго положенія“, чѣмъ св. Ѳома съ своимъ, полностью принятымъ католической церковью, ученіемъ. Естественно, что отецъ Вентура очень не доволенъ Боссюэтомъ и хотя самъ онъ допускаетъ у животныхъ душу со всѣми свойствами чувствованія и привязанности, но, слѣдуя по стопамъ св. Ѳомы, онъ также отказываетъ животнымъ въ разумѣ. Онъ полагаетъ, что „Боссюэтъ заслуживаетъ тѣмъ болѣе порицанія, что самъ же онъ говоритъ: „Я предвижу, какая большая война готовится противъ Церкви подъ знаменемъ картезіанской философіи“. Въ этомъ онъ правъ, потому что изъ Декартовой „чувствующей матеріи“ мозга животнаго естественно произошла и „мыслящая матерія“ Локка, а изъ послѣдней проистекли всѣ матеріалистическія системы нашего вѣка. Но онъ неправъ, когда поддерживаетъ ученіе св. Ѳомы, которое полно явныхъ противорѣчій. Ибо, если душа животнаго, по ученію католической Церкви, животворящее и безплотное начало, которое совершенно не зависитъ отъ физическаго организма, въ такомъ случаѣ она не можетъ „умереть вмѣстѣ съ животнымъ“, точно такъ же, какъ не можетъ

*) Изъ сочиненія кардинала де Вентура „Philosophie Chretienne“ V. II. p. 386. См. также *„Résurrections animales“* de Mirville.

умереть душа человѣка. Если же мы допустимъ, что душа животнаго переживаетъ смерть тѣла, то въ какомъ отношеніи отличается она отъ человѣческой души? Что она вѣчна, это допускаетъ и св. Ѳома, хотя въ другомъ мѣстѣ онъ и утверждаетъ противоположное. „Человѣческая душа безсмертна, а душа животнаго погибаетъ", говоритъ онъ (*Somna*, vol. V p. 164), между тѣмъ какъ во второмъ томѣ того же сочиненія (p. 256) на вопросъ: „обращаются ли въ ничто какія либо существа"? онъ же отвѣчаетъ: „нѣтъ, потому что въ Экклесіастѣ говорится (III, 14): „Позналъ я, что все, что дѣлаетъ Богъ, „пребываетъ во вѣкъ". А у св. Якова (i, 17) „у Бога нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны". Изъ этого св. Ѳома заключаетъ: „Ни сообразно естественному теченію вещей, ни какимъ-либо чудеснымъ образомъ не можетъ живое существо обратиться въ ничто; *въ твари нѣтъ ничего, чтобы уничтожалось*, ибо высочайшій показатель благости Божіей есть вѣчная будущая жизнь всего сотвореннаго" *).

Аббатъ Дріу, который перевелъ и издалъ сочиненія Ѳомы Аквинскаго, даетъ къ этому мѣсту слѣдующее примѣчаніе: „Нѣтъ, ничто не уничтожается; это—принципъ, который сдѣлался своего рода аксіомой для современной науки".

Если же это такъ, почему одна только душа животнаго должна составлять исключеніе изъ этого закона природы, который подтверждается и наукой и богословіемъ? Если бы даже животное и не обладало разумомъ, въ чемъ однако каждый безпристрастный мыслитель долженъ очень и очень усумниться.

Теперь мы перейдемъ отъ схоластической философіи къ естественнымъ наукамъ и посмотримъ, въ чемъ состоятъ возраженія, которыя они могутъ представить противъ существованія у животныхъ разумной, а слѣдовательно и независимой души.

„Все то, что мыслитъ, понимаетъ и дѣйствуетъ, есть нѣчто небесное и божественное; поэтому оно необходимо должно быть вѣчнымъ", такъ писалъ Цицеронъ почти двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Было бы совершенно понятно, если бы этотъ выводъ отрицалъ Гёксли, но не Ѳома Аквинскій, этотъ „царь метафизиковъ", который твердо вѣрилъ въ чудеса воскрешенія, творившіяся святымъ Патрикомъ **).

---

*) *Somna*, Drioux, edition in 8 vol.

**) Святой Патрикъ—по крайней мѣрѣ такъ говорятъ—обратилъ въ христіанство „наиболѣе сатанинскую страну на землѣ, Ирландію, невѣжественную во всемъ, *кромѣ магіи*, и сдѣлалъ изъ нея „Островъ Святыхъ", воскресивъ „шестьдесятъ человѣкъ, умершихъ задолго, передъ тѣмъ". *Sascitavit sexaginta mortuos* (Lectio 1,2 въ римско-католическомъ требникѣ 1520 г.). Въ хранящейся въ кафедральномъ соборѣ города Salisbury рукописи, содержащей жизнеописаніе этого святого (Des-

По Декарту животному отказано въ прогрессѣ и въ безсмертіи, ибо оно—автоматъ; у него нѣтъ разума, а лишь инстинктъ, нѣчто такое, что должно обозначать непроизвольные импульсы, по объясненію науки.

Фредерикъ и Жоржъ Кювье много препирались относительно разума и инстинкта животныхъ *). Ихъ мысли были собраны и изданы Флурансомъ, ученымъ секретаремъ Академіи наукъ. Вотъ что Фредерикъ Кювье, тридцать лѣтъ бывшій директоромъ зоологическаго отдѣленія въ естественно-историческомъ музеѣ Парижскаго ботаническаго сада, пишетъ по этому поводу: „Ошибка Декарта, или скорѣе общая ошибка, состоитъ въ недостаточномъ различеніи между разумомъ и инстинктомъ. И самъ Бюффонъ грѣшитъ въ этомъ направленіи и вслѣдствіе этого вся его зоологическая философія противорѣчитъ сама себѣ. Признавая въ животномъ чувство, способное превышать даже человѣческое чувство, онъ, тѣмъ не менѣе, отрицаетъ у него способность мышленія, соображенія и памяти, слѣдовательно и всякую возможность создавать мысли. (Buffon. Discourse on the Nature of Animals VII, p. 57). Но, такъ какъ онъ не могъ остановиться на этомъ, онъ допускалъ, что животное владѣетъ нѣкотораго рода памятью, весьма активной, обширной и нерѣдко болѣе надежной, чѣмъ наша человѣческая память (тамъ же, стр. 77). А затѣмъ, отказавъ животному въ какомъ бы то ни было разумѣ, онъ, тѣмъ не менѣе, допускаетъ, что животное обращается съ вопросомъ къ своему хозяину и понимаетъ всѣ изъявленія воли послѣдняго". (тамъ же T. X, History of the day, p. 2). Познакомившись по этимъ образчикамъ съ противорѣчіями, на какія способны столпы науки, понятнымъ становится замѣчаніе Кювье, что „этотъ новый механизмъ Бюффона еще труднѣе понять, чѣмъ автоматъ Декарта **).

Какъ критическія изслѣдованія уже замѣтили, между инстинктомъ и разумомъ должна быть проведена рѣзкая граница. Постройка пчелами улья, сооруженіе бобрами плотины на сухомъ полу комнаты

---

cript Hibern I,2 C. I), имѣется такое мѣсто въ собственноручномъ письмѣ св. Патрика: „Мнѣ, самому послѣднему изъ людей и величайшему грѣшнику, Господь далъ въ противовѣсъ колдовствамъ этого варварскаго народа такой даръ чудотворенія, какой не давался даже величайшимъ нашимъ апостоламъ; такъ какъ Онъ (Богъ) позволилъ, наряду съ другими дѣлами (какъ воскрешеніе животныхъ и пресмыкающихся) *воскрешать мертвыя тѣла, превратившіяся уже много лѣтъ назадъ въ прахъ*". По сравненіи съ такими чудесами самое воскрешеніе Лазаря покажется незначительнымъ событіемъ.

*) Въ послѣднее время можно указать на изслѣдованія д-ра Роменса и д-ра Бутлера.

**) *Biographie Universelle*, статья Кювье о жизни Бюффона.

ученаго также, какъ и въ рѣкѣ, все это дѣйствіе инстинкта, навсегда неизмѣннаго и машинальнаго; тогда какъ дѣйствіе разума проявляется въ поступкахъ, которые совершаются животными несомнѣнно обдуманно, въ которыхъ участвуетъ не инстинктъ, а соображеніе, которое подлежитъ развитію и вызывается воспитаніемъ и тренировкой. Взрослый человѣкъ обладаетъ разумомъ, ребенокъ инстинктомъ, а молодое животное проявляетъ и то и другое въ большей степени, чѣмъ маленькій ребенокъ.

Каждый, размышлявшій серьезно на эту тему, знаетъ, что это такъ. И если матеріалистъ избѣгаетъ такого признанія, то лишь изъ гордости. Отказывая въ душѣ и человѣку, и животному, онъ не желаетъ допустить, что послѣднее обладаетъ разумомъ также, какъ и онъ, хотя и въ безконечно меньшей степени. Въ свою очередь и послѣдователь Церкви, и религіозно настроенный естественникъ, и современный метафизикъ—всѣ они не желаютъ признать, что человѣкъ и животное — оба обладаютъ душой и способностями, хотя и различными по степени развитія и совершенства, но по существу и по названію одними и тѣми же. Каждый изъ нихъ знаетъ, или по меньшей мѣрѣ долженъ бы знать, что инстинктъ и разумъ — двѣ способности совершенно противоположныя по своей природѣ, какъ бы два врага, находящіеся въ вѣчной борьбѣ и, что, слѣдовательно, если онъ не допускаетъ одновременной наличности двухъ душъ или двухъ началъ, онъ все же долженъ признать присутствіе двухъ силъ въ душѣ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою локализацію въ мозгу, хорошо извѣстную изслѣдователямъ, такъ какъ они — во время своихъ вивисекціонныхъ изслѣдованій—могутъ поочередно то отдѣлять ихъ, то временно прекращать ихъ функціи.

Что, кромѣ человѣческой гордости, могло вызвать у поэта Попа эти строки:

„Спроси, для кого сверкаютъ небесныя свѣтила?
Для кого раскинулась земля? И отвѣчаетъ гордость: для меня!
Для меня щедрая природа расточаетъ свои благотворныя силы,
Для меня вытягиваетъ она травы и разстилаетъ ковры цвѣтовъ.

* * *

Для меня грудь земная таитъ тьмы сокровищъ,
Для меня животворныя силы бьютъ изъ тысячи родниковъ,
Чтобы меня носить—разливаются моря, чтобы мнѣ свѣтить—восходитъ солнце,
Подножьемъ мнѣ служитъ земля, а шатромъ—голубой небосводъ!"

Та же гордость могла заставить Бюффона высказать его парадоксальныя замѣчанія о различіи между человѣкомъ и животнымъ. Раз-

личіе, по его мнѣнію, состоитъ въ „отсутствіи размышленія“, ибо „животное не сознаетъ того, что оно имѣетъ ощущенія“. Откуда знаетъ это Бюффонъ? „Оно не сознаетъ, что оно думаетъ“, прибавляетъ онъ послѣ того, какъ онъ только что разсказалъ аудиторіи, какъ животное вспоминало, нерѣдко обдумывало, сравнивало и дѣлало выборъ! *) Кто же выражалъ претензію на то, чтобы корова или собака могла быть идеологомъ? Но животное можетъ думать и сознавать то, что оно думаетъ, и тѣмъ острѣе, что оно не можетъ говорить и выражать свои мысли. Какъ можетъ оспаривать это Бюффонъ или кто нибудь другой? Одно только установлено точными наблюденіями естественниковъ, что животное обладаетъ разумомъ, а если это установлено, намъ остается лишь повторить опредѣленіе разума Ѳомы Аквинскаго, который онъ считаетъ привиллегіей безсмертной человѣческой души и примѣнить ту же привиллегію и къ животному.

Но, чтобы отдать должную справедливость *истинной* христіанской философіи, мы можемъ доказать, что первоначальное христіанство никогда не проповѣдывало такихъ жестокихъ ученій, которыя способны только оттолкнуть людей съ тонко развитыми чувствами.

Сорныя травы портятъ поля, а страсти—человѣчество. Блаженны терпѣливые и кроткіе.

Высшее благо человѣка—звѣря есть здоровье; высшее благо духовнаго человѣка есть правда.

Куда человѣкъ не ступи, Карма послѣдуетъ за нимъ, какъ его тѣнь.

Томящагося отъ зноя не столь радуетъ погруженіе въ студеную воду, не приноситъ столько радости жемчужное ожерелье или помазаніе сандаломъ, сколь добрыя слова радуютъ добраго.

Бурей выдергиваются не нѣжныя гибкія травы, а высокія деревья; могучій сражается только съ могучимъ.

(Драгоцѣнные Камни Востока).

---

*) *Discours sur la nature des Animaux.*

III.

„О, философія! Ты — путеводитель жизни, раскрывающій намъ добродѣтель!" —

Цицеронъ.

„Философія скромна, она — сама дѣйствительность и простота; я ненавижу напыщенность и претензіи, въ основаніи которыхъ лежитъ исключительно гордость."—

Плиній.

Назначеніе человѣка, согласно богословскому ученію,—безсмертіе. Каково же назначеніе безчисленнаго количества существъ животнаго царства?

Многіе римско-католическіе писатели, напримѣръ, кардиналъ Вентура, графъ де Лезстръ и другіе, — говорятъ намъ, что „душа животнаго есть *Сила*".

„Ясно доказано", говоритъ ихъ эхо—де-Мирвилль, „что душа животнаго создана *изъ земли*, потому что таково воззрѣніе Библіи. Всѣ живущія и движущіяся души (*нефешъ* или жизненный принципъ) происходятъ изъ земли;—но, разумѣется, не только изъ праха, изъ котораго состоятъ какъ наши, такъ и ихъ тѣла, но изъ силы и власти земли, т. е. изъ ея нематеріальной силы, подобной всѣмъ силамъ... каковы сила *моря, воздуха* и т. д.; силы, являющія собой *Элементарныя начала* (Principautés élémentaires), о которыхъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ." *)

Этими словами де-Мирвилль хотѣлъ выразить, что каждый „элементъ" въ природѣ является отдѣльной областью, наполненной и управляемой соотвѣтствующими ей невидимыми духами. Западные каббалисты и Розенкрейцеры называютъ ихъ Сильфами, Ундинами, Саламандрами и Гномами; христіанскіе мистики, какъ Мирвилль, даютъ имъ еврейскія названія и распредѣляютъ ихъ среди различныхъ видовъ демоновъ, управляемыхъ Сатаной — конечно не иначе, какъ съ соизволенія Божія.

*) Esprits, глава XII,

Но и Мирвилль возстаетъ противъ Ѳомы Аквинскаго, который учитъ, что душа животнаго уничтожается вмѣстѣ съ тѣломъ. „Эта сила", говоритъ онъ, „которую намъ разрѣшаютъ уничтожать, есть самая существенная сила на землѣ, называемая душой животнаго", и согласно съ отцемъ Вентурой, она „наиболѣе достойна уваженія послѣ человѣческой души".

Выше де-Мирвилль называлъ ее *нематеріальной* силой, теперь онъ называетъ ее *самой существенной силой на землѣ*". *)

Но что же это за сила? Жоржъ Кювье и академикъ Флурансъ открыли намъ эту тайну.

„Форма или сила тѣла" (не забудемъ, что форма означаетъ въ данномъ случаѣ душу), такъ пишетъ первый изъ нихъ, „несравненно существеннѣе для нихъ, чѣмъ матерія, потому что (не уничтожаясь по существу) матерія постоянно измѣняется, тогда какъ форма остается неизмѣнной". Флурансъ добавляетъ къ этому: „Во всемъ, что имѣетъ жизнь, форма устойчивѣе матеріи, ибо то, что составляетъ *сущность* живого тѣла, что даетъ ему тождественность и самость и есть его форма" **).

Такъ какъ, замѣчаетъ въ свою очередь Мирвилль, послѣднее („форма") является „главнымъ принципомъ, философскимъ ручательствомъ нашего безсмертія", ***) необходимо заключить, что подъ этимъ неудачнымъ терминомъ слѣдуетъ понимать душу — какъ животнаго такъ и человѣка. Это, вѣроятно, то, что мы называемъ „Единая Жизнь".

Какъ бы то ни было, философія, какъ свѣтская, такъ и духовная, подтверждаетъ тотъ взглядъ, что обѣ „души", какъ у человѣка, такъ и у животнаго, одинаковы. Лейбницъ, любимый философъ Боссюэта, допускаетъ до извѣстной степени воскрешеніе животныхъ. Для него смерть лишь *„временное закутываніе личности"* и онъ сравниваетъ послѣднюю съ сохраненіемъ мысли во время сна или съ бабочкой, которая содержится въ куколкѣ. „Для него", говоритъ Мирвилль, „воскресеніе ****) является общимъ закономъ природы, которое, если оно, когда совершается томатургомъ, становится чудомъ въ силу своей преждевременности, окружающихъ обстоятельствъ и въ силу того способа, какимъ было достигнуто воскрешеніе".

---

*) Esprits, стр. 158.

**) „Longevity", стр. 49 и 52.

***) *Resurrection*, p. 621.

****) Оккультисты называютъ это „трансформаціей" на протяженіи цѣлаго ряда земныхъ жизней, завершающихся воскресеніемъ въ Нирванѣ.

Этими словами Лейбницъ доказываетъ, самъ того не подозрѣвая, что онъ настоящій оккультистъ. Выростаніе и расцвѣтъ цвѣтка или растенія въ пять минутъ, вмѣсто нѣсколькихъ дней или недѣль, ускоренное прозябаніе или развитіе растенія, животнаго или человѣка — все это факты, занесенные въ лѣтописи оккультизма. Эти явленія только повидимому—чудеса, а на самомъ дѣлѣ естественныя производительныя силы, ускоренныя и безконечно болѣе напряженныя вліяніемъ условій, извѣстныхъ посвященному, владѣющему оккультными законами. Ненормально быстрое развитіе вызывается силами природы, будь то стихійныя силы или же вызванныя низшими духами, подчиненными оккультной силѣ человѣка, который заставляетъ ихъ совмѣстно работать надъ тѣмъ, что должно быть усиленно вызвано изъ хаотическихъ элементовъ. Но почему называть одно божественнымъ чудомъ, а другое—дьявольскимъ навожденіемъ или злонамѣреннымъ обманомъ?

Какъ истинный философъ, Лейбницъ принужденъ при разсмотрѣніи этого опаснаго вопроса о воскресеніи изъ мертвыхъ, включить сюда весь животный міръ въ его цѣломъ и утверждать слѣдующее: „Я вѣрю, что души животныхъ не погибаютъ... и я нахожу, что ничто такъ сильно не подтверждаетъ нашу собственную безсмертную природу".

Эту теорію Лейбница защищаетъ и Динъ (Dean), викарій Миддльтонскій, который въ 1748 г. написалъ на эту тему двѣ небольшія книжки. По его мнѣнію „Священное Писаніе указываетъ въ различныхъ мѣстахъ, что животныя должны имѣть будущую жизнь". Это ученіе поддерживалось многими Отцами Церкви. Разумъ, который говоритъ намъ, что у животныхъ есть душа, говоритъ намъ и то, что она будетъ существовать и въ будущемъ состояніи. Теорія, которая допускаетъ, что Богъ уничтожаетъ души животныхъ, ничѣмъ не подтверждается и не имѣетъ достаточнаго основанія" и т. д. *).

Многіе ученые XVIII-го столѣтія защищали гипотезу Дина и считали ее вполнѣ пріемлемой, въ особенности ученый протестантскій богословъ Шарль Бонне изъ Женевы. Этотъ богословъ является авторомъ замѣчательнаго произведенія, названнаго имъ „*Palingenesis*" **) или „новое рожденіе". Это новое рожденіе, какъ онъ пробуетъ доказать, происходитъ благодаря невидимому зародышу, который находится въ каждомъ существѣ. И точно также, какъ и Лейбницъ, онъ не можетъ понять, почему животныя должны быть исключены изъ системы,

*) Leibniz op. Philos. Смотри т. XXIX „Bibliothéque des sciences" 1-я четверть 1768 года.

**) Отъ двухъ греческихъ словъ: быть *рождену* и быть снова *рождену*.

которая, въ этомъ случаѣ, перестаетъ быть единствомъ, такъ какъ система обозначаетъ *„собраніе законовъ“* *).

„Животныя“, пишетъ онъ, „это удивительныя книги, въ которыхъ Творецъ собралъ самыя поразительныя черты своего неограниченнаго разума. Анатомъ долженъ изучать ихъ съ уваженіемъ, и если въ немъ есть хоть немного того нѣжнаго и разумнаго чувства, которое характеризуетъ нравственнаго человѣка, онъ никогда не вообразитъ, переживая эти живыя книги, что имѣетъ дѣло съ небезжизненными камнями. Онъ никогда не позабудетъ о томъ, что все живое и чувствующее предоставлено его милости и состраданію. Человѣкъ подвергся бы опасности совершенно утратить свое этическое чувство, если бы онъ сталъ равнодушенъ къ страданію и пролитію крови животныхъ. Истина эта настолько очевидна, что ни одно государство не должно бы оставлять ее безъ вниманія... Что же касается до гипотезы автоматизма, я могъ бы назвать ее философской ересью, очень опасной для человѣческаго общества, если бы она не была настолько противна здравому смыслу и добрымъ чувствамъ, что никогда не можетъ сдѣлаться общепризнанной“.

„Если моя гипотеза основывается на истинѣ“, продолжаетъ онъ, „то для животныхъ Провидѣніе готовитъ величайшее воздаяніе въ будущемъ. **).. Для меня ихъ воскресеніе есть послѣдствіе той души или формы, которую мы допускаемъ у нихъ; ибо эта душа, будучи просто сущностью, не можетъ ни *дѣлиться*, ни *разлагаться*, ни *уничтожаться*. Этого заключенія нельзя избѣжать, не впадая въ Декартовскій автоматизмъ, а тогда отъ животнаго автоматизма неизбѣженъ переходъ и къ автоматизму человѣка“...

Наша современная біологія на самомъ дѣлѣ уже дошла до теоріи „человѣка-автомата“, но я предоставляю его послѣдователей своимъ собственнымъ измышленіямъ и выводамъ. Моя задача состоитъ въ томъ, чтобы обстоятельно доказать, что ни Библія, ни ея философскіе толкователи никогда не отрицали, ссылаясь на библейскій авторитетъ, *безсмертной души у животныхъ*; тѣмъ болѣе, что въ Ветхомъ Завѣтѣ они не находили большаго количества доказательствъ въ пользу существованія безсмертной души у самого человѣка. Стоитъ прочесть лишь извѣстныя мѣста изъ книги Іова или Экклезіаста (III, 17 и 22), чтобы придти къ такому заключенію. Дѣло въ томъ, что о будущемъ состояніи, какъ человѣка, такъ и животныхъ, не упоминается тамъ ни единаго слова. Но если

*) См. т. I „Palingenesis“. Также „Resurrections“ Mirville.

**) Мы также вѣримъ въ „будущее“ животныхъ, но въ цѣломъ рядѣ новыхъ рожденій, каждое въ высшей формѣ,—короче, мы признаемъ *эволюцію* въ полномъ смыслѣ этого слова.

Ветхій Завѣтъ даетъ намъ лишь отрицательное доказательство безсмертія души животныхъ, то тѣмъ болѣе *оно* утверждается въ Новомъ Завѣтѣ столь же ясно, какъ и безсмертіе человѣка. А на пользу тѣхъ, которые высмѣиваютъ индусскій филозоизмъ и утверждаютъ свое право убивать животныхъ для своего удовольствія, отказывая имъ въ безсмертной душѣ, для нихъ будетъ приведено далѣе еще одно послѣднее, рѣшительное доказательство.

Въ началѣ I-й части этого труда мы указали на апостола Павла, какъ на поборника безсмертія всей животной *твари*. Къ счастью, это утвержденіе не принадлежитъ къ такимъ, которыя могли бы быть отброшены христіанами безъ дальнѣйшихъ разговоровъ, какъ „кощунственное и еретическое толкованіе Священнаго Писанія цѣлымъ рядомъ атеистовъ и свободомыслящихъ".

Было бы очень хорошо, если бы всѣ мудрыя слова апостола Павла, который несомнѣнно былъ посвященнымъ, были такъ ясно поняты, какъ тѣ мѣста, которыя относятся къ животнымъ! Ибо тогда, какъ будетъ доказано ниже, и проповѣдуемая матеріалистической наукой неразрушимость матеріи, и съ такой яростью отрицаемый Церковью законъ вѣчной эволюціи, и вездѣсущность единой жизни или единство единаго Элемента, проникающаго всю природу, какъ утверждаетъ эзотерическая философія, и скрытый смыслъ словъ посланія св. Павла къ Римлянамъ (VIII, 18—23),— во всемъ этомъ несомнѣнно окажется одинъ и тотъ же смыслъ. Что иное могъ имѣть въ виду этотъ великій человѣкъ, въ совершенствѣ знавшій философію Неоплатониковъ, въ слѣдующихъ словахъ, которыя я приведу, комментируя ихъ въ свѣтѣ оккультизма?

Апостолъ (Римл. VIII, 16—17) начинаетъ такъ: „Самый Духъ (Paramatma) свидѣтельствуетъ духу (Atman) нашему, что мы чада Божіи, и „если чада, то и наслѣдники", наслѣдники конечно вѣчности и неразрушимости вѣчной или божественной сущности въ насъ. Дальше онъ продолжаетъ:

„Нынѣшнія временныя страданія ничего не стоятъ въ сравненіи съ тою славою, которая откроется въ насъ" (18).

Эта „Слава", замѣчу я, не есть тотъ „Новый Іерусалимъ", символическое представленіе будущности въ каббалистическомъ Апокалипсисѣ Іоанна, но *Деваканическіе* періоды и ряды новыхъ рожденій въ смѣняющихся расахъ, когда каждое новое воплощеніе будетъ подымать насъ все выше, дѣлая насъ все совершеннѣе, какъ физически, такъ и духовно. Когда всѣ мы въ „послѣднемъ воскресеніи" воистину станемъ „сынами" и „чадами божьими" — все равно, называть ли это воскресеніе христіанскимъ, нирваническимъ или парабрамиче-

скимъ, такъ какъ всѣ они означаютъ одно и то же. Ибо „Тварь съ надеждою ожидаетъ откровенія сыновъ Божіихъ“ (19).

Подъ „тварью“ здѣсь понимается животный міръ, какъ мы потомъ укажемъ на это, основываясь на авторитетѣ Іоанна Златоуста. Но кто же эти „сыны Божіи“, откровенія которыхъ чаетъ вся тварь? Тѣ ли это „сыны Божіи“, съ которыми „пришелъ и Сатана“ (смотри книгу Іова) или же это „семь ангеловъ“ Апокалипсиса? Составляютъ ли они особенность христіанства, или же это тѣ же „сыны Божіи“, которые почитаемы во всей вселенной? *).

Въ священныхъ писаніяхъ всѣхъ великихъ религій подобное „появленіе“ обѣщается въ концѣ каждой „манвантары“ **) или каждаго мірового періода, и если исключить эзотерическія толкованія всѣхъ этихъ Писаній, нигдѣ это обѣщаніе не дается съ такою ясностью, какъ въ *Ведахъ*, потому, что тамъ сказано, что въ концѣ каждой „манвантары“ наступаетъ „пралайя“ или уничтоженіе міра ***), когда остаются „сишты“ (Sischtas), семь „Риши“ и одинъ воинъ и всѣ сѣмена для слѣдующей человѣческой „волны прилива слѣдующаго Круга“ ****). Но вопросъ вовсе не въ томъ, которая изъ теорій правильнѣе—христіанская или индусская, а въ томъ, что брамины въ своемъ ученіи, по которому сѣмена всѣхъ тварей переживаютъ полное уничтоженіе всѣхъ видимыхъ вещей, совмѣстно съ „сынами Божіими“ или „Риши“—ясно говорятъ то же самое, что и св. Павелъ. Они также какъ и ап. Павелъ включаютъ всю животную жизнь, когда говорятъ о надеждѣ на возрожденіе

*) Смотри въ т. I. соч. Блаватской „Разоблаченная Изида“ (Isis unveiled).

**) О томъ, что на самомъ дѣлѣ понималось въ древности подъ „сынами Божьими“, я обстоятельно изложила въ т. I „Secret Doctrine“ („Тайная Доктрина“).

***) Христіане знаютъ и ждутъ только одну изъ этихъ Pralaya или кончинъ міра.

****) Такова экзотерическая и эзотерическая версія Индіи. Deivan Baghunath Rav изъ Мадраса говоритъ въ своемъ произведеніи „Что такое Индусская религія?“, что „въ концѣ каждой Манвантары происходитъ уничтоженіе вселенной; но „воинъ“, семь „Риши“ и „сѣмена“ избѣгаютъ разрушенія. Имъ сообщаетъ Богъ (или Брама) законъ или Веды... Какъ только начинается новая манвантара, законы эти обнародываются и получаютъ связующую силу до конца этой манвантары. Эти восемь лицъ называются „Сишты“ или „оставшіеся“, потому что только одни они переживаютъ гибель всѣхъ другихъ. Ихъ дѣла и предписанія извѣстны какъ „Сиштакаръ“ (Sishtacar). Они называются также „Садачаръ“ (Sadachar), потому что они существовали всегда.

Это ортодоксальная версія. Тайная же говоритъ о сѣми Посвященныхъ, которые достигнутъ на этой землѣ степени Dhyan Chohan въ концѣ седьмой расы и будутъ оставлены на землѣ во время ея „затемнѣнія“ съ сѣменами каждаго минерала, каждаго растенія и животнаго, у котораго не хватило времени продолжить свою эволюцію вплоть до человѣка въ ближайшемъ міровомъ періодѣ или Кругѣ (смотри „Эзотерическій буддизмъ“ A. P. Sinnet изд. 5, примѣч. къ стр. 146—147.)

въ болѣе совершенномъ состояніи, когда каждое животное, которое теперь „чаетъ", возвеселится въ „откровеніи Сыновъ Божіихъ". Потому что, какъ говоритъ св. Павелъ:

„И сама тварь освобождена будетъ отъ рабства тлѣнію", что означаетъ, что сѣмя или неумирающая животная душа, которая не достигаетъ Девакана въ своемъ элементарномъ или животномъ состояніи, воплотится въ высшую форму и, вмѣстѣ съ человѣкомъ, вступитъ въ болѣе высокія состоянія, чтобы подъ конецъ,—какъ животному, такъ и человѣку—достигнуть „свободы славы чадъ Божіихъ". (VIII, 21).

И этой „свободы славы" возможно достигнуть лишь путемъ эволюціи или Кармическаго развитія всѣхъ существъ—потому что, говоритъ св. Павелъ:

„Мы (т. е. Посвященные) знаемъ, что вся тварь (въ Вульгатѣ: omnis creatura) совокупно стенаетъ и мучится донынѣ". (VIII, 22) *).

Въ этомъ совершенно ясно выражено, что человѣкъ и животное находятся въ совершенно одинаковыхъ условіяхъ на землѣ по отношенію къ страданію и къ усиліямъ достигнуть цѣли эволюціи въ гармоніи съ закономъ Кармы. Подъ словомъ „донынѣ" подразумѣвается: до пятой расы. Чтобы сдѣлать это понятнѣе, великій христіанскій посвященный продолжаетъ:

„И не только *она*, но и мы сами, имѣя начатокъ Духа, и мы въ себѣ стенаемъ, ожидая усыновленія, искупленія тѣла нашего" (Римл. 8 гл., ст. 23).

Да, это мы, люди имѣемъ „начатокъ духа" или непосредственный парабрамическій лучъ, нашу Atma или седьмое начало, что зависитъ отъ совершенства нашего пятаго начала (Manas), которое въ животномъ развито несравненно меньше. Какъ бы въ награду за это, Карма животнаго гораздо легче нашей Кармы. Но это вовсе не лишаетъ ихъ возможности достигнуть со временемъ совершенства.

Ничто не можетъ быть яснѣе—даже для не посвященнаго критика—значенія этихъ словъ великаго апостола, разсматриваемъ ли мы ихъ въ свѣтѣ эзотерической философіи или средневѣковой схоластики. Надежда на избавленіе или на переживаніе духовной сущности, освобожденной „отъ рабства тлѣнію" или отъ ряда временныхъ матеріальныхъ воплощеній, принадлежитъ *всѣмъ живымъ* существамъ, а не только человѣку.

Но отъ „вѣнца творенія", нечестное отношеніе котораго къ своимъ собственнымъ ближнимъ вошло въ пословицу, нельзя ожидать,

*) Въ латинскомъ переводѣ: . . . . *ingemiscit et parturit usque adhuc.*

чтобы онъ легко согласился дѣлить свои надежды со своимъ скотомъ и домашней птицей.

Извѣстный комментаторъ Библіи Cornelius a Lapide былъ первый, который упрекалъ своихъ предшественниковъ въ сознательномъ намѣреніи дѣлать все, чтобы слово *creatura* не примѣнялось къ низшимъ существамъ нашей земли. Отъ него мы узнаемъ, что св. Григорій (Nazianzus), Оригенъ и св. Кириллъ (въ особенности послѣдній, который не хотѣлъ видѣть человѣческое существо въ Гипатіи, представительницѣ неоплатонической философіи, и относился къ ней, какъ къ дикому звѣрю), настаивали, что слово *creatura* въ приведенныхъ стихахъ прилагалось апостоломъ попросту къ ангеламъ!... Но, какъ замѣчаетъ Корнелій и призываетъ при этомъ въ свидѣтели св. Ѳому, „этотъ взглядъ слишкомъ искаженъ и жестокъ *(distorta et violenta)*; кромѣ того, онъ обезцѣнивается тѣмъ фактомъ, что ангелы, какъ таковые, уже освобождены отъ рабства тлѣнію". Не лучше и толкованіе св. Августина: онъ предлагаетъ странную гипотезу, что „твари", о которыхъ говоритъ св. Павелъ, были „невѣрные и еретики" всѣхъ временъ! Корнелій опровергаетъ почтеннаго Отца такъ же хладнокровно, какъ опровергъ уже его святого собрата. „Ибо", говоритъ онъ, „въ приведенныхъ текстахъ „твари", о которыхъ говоритъ Апостолъ, очевидно обозначаютъ не однихъ людей и не однихъ животныхъ—но *какъ ихъ, такъ и насъ*; и дальше, что текстъ относится не къ избавленію отъ грѣха, но отъ *грядущей смерти*" *). Но даже и смѣлый Корнелій въ концѣ концовъ былъ самъ сбитъ съ толку общей оппозиціей и рѣшилъ, что св. Павелъ, какъ утверждали св. Амвросій, Гилярій и другіе, могъ понимать подъ словомъ „твари"—*элементы* (!!), т. е. солнце, луну, звѣзды, землю и т. д.

Но къ несчастью для святыхъ мыслителей и схоластиковъ и къ большому счастью для животныхъ, если бы они могли воспользоваться этими спорами—этимъ мыслителямъ противорѣчитъ еще большій авторитетъ. Это уже упомянутый—св. Іоаннъ Златоустъ, котораго римско-католическая церковь, по свидѣтельству епископа Прокла, бывшаго одно время его секретаремъ, почитаетъ очень высоко. Въ дѣйствительности св. Іоаннъ Златоустъ былъ посредникомъ между Апостоломъ Павломъ и язычниками. Что касается его комментаріевъ къ Посланіямъ св. Павла, считается, что онъ былъ непосредственно вдохновленъ самимъ Апостоломъ, иными словами какъ бы писалъ свои комментаріи подъ его диктовку. Объ этомъ мы читаемъ въ его комментаріяхъ относительно третьей главы Посланія къ Римлянамъ.

*) Cornelius edit. Pelagaud, 1, IX, p. 114.

„Мы должны постоянно стенать, сѣтовать о замедленіи нашего дальнѣйшаго переселенія (смерть); ибо, какъ говоритъ Апостолъ, тварь, лишенная разума (*mente*, но не „души", *anima*) и дара слова, (nam si haec creatura mente et verbo carens), стонетъ и ожидаетъ; тѣмъ болѣе стыдно для насъ, не дѣлающихъ того же" *).

Къ несчастію, мы погрѣшаемъ самымъ постыднымъ образомъ противъ желанія „переселиться" въ невѣдомыя страны. Если бы мы изучали священныя писанія всѣхъ народовъ и пытались бы понять ихъ при свѣтѣ эзотерической философіи, мы пріобрѣли бы, если не желаніе смерти, то по крайней мѣрѣ, полное равнодушіе къ ней. Мы воспользовались бы въ такомъ случаѣ всѣмъ тѣмъ временемъ, которое проводимъ на землѣ, чтобы спокойно готовиться въ каждомъ воплощеніи къ слѣдующему, собирая какъ можно болѣе хорошей Кармы.

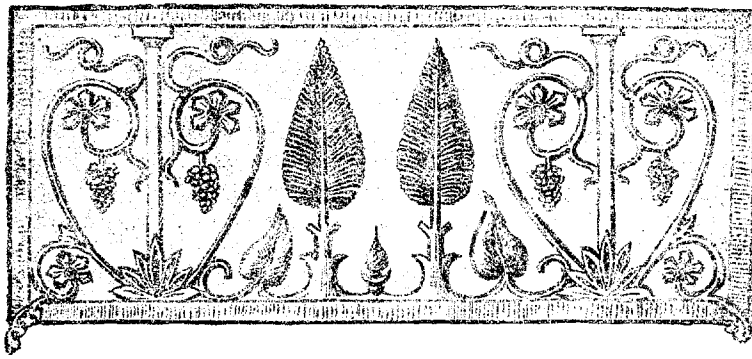
Но человѣкъ отъ природы софистъ. И даже послѣ прочтенія св. Іоанна Златоуста,—который на вѣки вѣчные разрѣшаетъ вопросъ о безсмертіи животныхъ или по крайней мѣрѣ долженъ бы рѣшить его въ умѣ христіанина,—боюсь, что бѣдное, безгласное животное не получитъ отъ этого никакой особой выгоды. Да, тонкій казуистъ, выслушавъ свое собственное обвиненіе, сказалъ бы, что—какова бы ни была природа животной души—онъ дѣлаетъ ей большую милость, а себѣ большую заслугу, убивая бѣдную тварь, потому что этимъ онъ прекращаетъ ея „воздыханіе" о замедленіи дальнѣйшаго „переселенія" въ страну вѣчной славы.

Авторъ не такъ простъ, чтобы вообразить себѣ, что цѣлый Британскій музей, наполненный произведеніями противъ мясной діеты, могъ бы заставить цивилизованныя націи закрыть свои бойни или отказаться отъ бифштексовъ и рождественскихъ гусей. Но если эти скромныя строки заставятъ нѣсколькихъ читателей понять истинное значеніе благородныхъ словъ св. Павла и тѣмъ самымъ обратятъ ихъ вниманіе на всѣ ужасы вивисекціи, автору будетъ довольно и этого. Ибо воистину, когда люди убѣдятся—а они несомнѣнно придутъ когда-нибудь къ этому убѣжденію—что животныя такія же безсмертныя существа, какъ и мы сами, вивисекція и другія пытки, ежедневно причиняемыя беззащитнымъ животнымъ, будутъ вызывать такіе взрывы негодованія со стороны общества, что правительства принуждены будутъ положить конецъ этимъ варварскимъ и постыднымъ обычаямъ.

Перев. **А. Борніо.**

Москва, 3-го Декабря 1908 г.

*) Homèlie XIV sur l'Epître aux Romains.



Заколдованная жизнь.

(Разсказанная гусинымъ перомъ).

Введеніе.

Была темная холодная ночь въ сентябрѣ 1884 года. Тяжелый мракъ спустился надъ улицами маленькаго городка на Рейнѣ и повисъ подобно черному погребальному покрову надъ скучнымъ фабричнымъ мѣстечкомъ. Большая часть его обитателей, изнуренныхъ дневнымъ трудомъ, давно уже удалилась на покой.

Все было тихо въ большомъ домѣ; на опустѣлыхъ улицахъ царила тишина.

Я тоже лежала въ постели; но увы, не для отдыха, а пригвожденная на нѣсколько дней страданіемъ и болѣзнью. Такъ тихо было въ домѣ, что, по выраженію Лонгфелло, тишину эту можно было почти разслышать. Я могла ясно разобрать движеніе своей крови, какъ она стремительно пробѣгала по моему больному тѣлу, производя то монотонное пѣніе, которое хорошо знакомо страдающему отъ безсонницы. Я прислушивалась къ этому пѣнію, пока оно не перешло въ моемъ воображеніи въ шумъ водопада, въ паденіе могучихъ водныхъ потоковъ... Какъ вдругъ, измѣняя внезапно свой характеръ, „пѣніе“ перешло въ другіе, болѣе пріятные звуки. Это былъ тихій, вначалѣ едва слышный, шопотъ человѣческаго голоса. Онъ приближался и, постепенно усиливаясь, говорилъ въ

самое мое ухо. Такъ звучитъ голосъ, проносясь по неподвижному голубому озеру въ одномъ изъ тѣхъ удивительныхъ акустическихъ проходовъ среди снѣговыхъ горъ, гдѣ воздухъ такъ чистъ, что произнесенное за полмили слово кажется прозвучавшимъ вотъ здѣсь, у самаго вашего уха. Да, это былъ голосъ того, къ кому нельзя было относиться безъ глубокаго почитанія; голосъ, съ которымъ для меня были соединены глубокія мистическія воспоминанія; голосъ, всегда для меня желанный въ теченіе многихъ лѣтъ и особенно желанный въ часы душевныхъ и физическихъ страданій, ибо онъ всегда приносилъ съ собой лучъ надежды и утѣшенія. „Бодрись"... прошепталъ онъ мягкимъ ласкающимъ звукомъ. „Думай о дняхъ, проведенныхъ въ свѣтломъ общеніи; думай о великихъ истинахъ, подслушанныхъ у природы, и о многочисленныхъ человѣческихъ заблужденіяхъ относительно этихъ истинъ, и попробуй прибавить къ нимъ новый опытъ. Пусть разсказъ о странной и интересной жизни наполнитъ эту ночь и поможетъ сократить часы твоихъ страданій... Вниманіе! Смотри туда передъ собою!"

„Туда" означало большія свѣтлыя окна пустого дома по ту сторону узкой улицы нѣмецкаго городка. Они выходили какъ разъ противъ окна, передъ которымъ стояла моя кровать. Послушная приказанію, я устремила глаза по указанному направленію, и то, что я увидѣла тамъ, заставило меня на время позабыть страшную боль, которая терзала мою распухшую руку и мое ревматическое тѣло..

Надъ окнами ползъ туманъ; густой, тяжелый, извивающійся, бѣловатый туманъ, похожій на огромную тѣнь гигантской змѣи, медленно развертывающей свои кольца.

Постепенно туманъ блѣднѣлъ, исчезалъ, и за нимъ показался блестящій свѣтъ, нѣжный и серебристый, словно на поверхности оконъ отразились тысячи лунныхъ лучей съ тропическаго неба—сперва снаружи дома, а затѣмъ и внутри, наполняя пустыя комнаты. Далѣе я увидала тотъ же туманъ, удлинявшійся и перекинувшійся въ видѣ воздушнаго моста отъ заколдованнаго окна на мой балконъ, а затѣмъ и на мою собственную постель. Пока я продолжала глядѣть, окна, стѣны и самый домъ внезапно исчезли. На мѣстѣ, гдѣ были пустыя комнаты, я увидѣла внутренность иной небольшой комнаты, которую я признала за швейцарское шалэ—рабочій кабинетъ, старыя, темныя стѣны, покрытыя отъ пола до потолка книжными полками, на которыхъ виднѣлось много древнихъ фоліантовъ. Посреди комнаты стоялъ старомодный столъ, заваленный манускриптами и письменными принадлежностями. Передъ нимъ, съ гусинымъ перомъ въ рукѣ, сидѣлъ старый человѣкъ, мрачный, худой какъ скелетъ, съ лицомъ до того тонкимъ, блѣднымъ и пергаментнымъ, что свѣтъ одинокой лампы от-

ражался двумя яркими точками на его выдающихся скулахъ, словно онѣ были выточены изъ слоновой кости.

Когда я осторожно приподнялась на подушкахъ, чтобы хорошенько разглядѣть его, все, и шалэ, и рабочій кабинетъ, и полки, и книги, и самъ пишущій заколебались и начали двигаться. Медленно начали они приближаться ближе и ближе, безшумно скользя по облачному мосту, перекинутому черезъ улицу, проплыли сквозь закрытое окно моей комнаты и подъ конецъ остановились у самой моей постели.

„Прислушайся къ тому, что онъ думаетъ и что собирается писать", услыхала я успокоительные звуки того же знакомаго, издали звучащаго, голоса. „Ты услышишь разсказъ, который сократитъ для тебя длинную безсонную ночь и заставитъ на время забыть твои страданія.... Попытайся!"

Я пыталась исполнить, что было мнѣ велѣно. Я сосредоточила все мое вниманіе на одинокой пишущей фигурѣ, которую видѣла передъ собой, сама оставаясь для нея невидимой. Въ началѣ скрипъ гусинаго пера, которымъ старый человѣкъ писалъ, не передавалъ ничего, кромѣ тихаго, шепчущаго звука, который трудно описать. Затѣмъ, до моего слуха начали постепенно доноситься неясныя слова слабаго, отдаленнаго голоса, и мнѣ казалось, что наклоненная надъ манускриптомъ фигура читала свою повѣсть вслухъ, вмѣсто того, чтобы писать ее. Но вскорѣ я убѣдилась въ своей ошибкѣ. Взглянувъ на стараго человѣка, я увидѣла, что губы его крѣпко сжаты и неподвижны, голосъ же былъ слишкомъ тонкій, чтобы быть *его* голосомъ. Еще удивительнѣе, что при каждомъ словѣ, написанномъ его слабой старой рукой, я видѣла свѣтъ, сверкающій изъ-подъ его пера, большія разноцвѣтныя искры, которыя немедленно превращались въ звукъ. Это и былъ маленькій голосъ гусинаго пера, его-то я и слышала, хотя и пишущій, и перо могли быть за сотни миль отъ Германіи. Такія вещи случаются иногда въ особенности по ночамъ, „подъ звѣзднымъ пологомъ которыхъ мы познаемъ, какъ выразился Байронъ, языкъ иныхъ міровъ"...

Какъ бы то ни было, слова, произнесенныя гусинымъ перомъ, остались надолго въ моей пямяти. Да мнѣ и не трудно было возстановить ихъ; стоило мнѣ присѣсть съ мыслью записать ихъ, какъ вся исторія, неизгладимо запечатлѣнная на астральныхъ таблицахъ, начала въ послѣдовательныхъ картинахъ проходить передъ моимъ внутреннимъ взоромъ. Такъ всегда бываетъ со мной, и мнѣ остается только переписывать то, что я вижу передъ собой. Къ сожалѣнію мнѣ не удалось узнать имени моего ночного гостя. Несмотря на это, я надѣюсь, что читатель найдетъ записанную мной исторію не безъинтересной для себя.

I.

Исторія незнакомца.

Мѣсто моего рожденія—маленькая горная деревушка, горсть швейцарскихъ коттеджей, брошенныхъ въ солнечномъ уголкѣ, между двумя разрушенными глетчерами, надъ которыми поднимается покрытая вѣчными снѣгами вершина. Туда, тридцать семь лѣтъ назадъ, я возвратился искалѣченнымъ физически и нравственно, надѣясь умереть; но чистый живительный воздухъ моей родины рѣшилъ иначе. Я все еще живъ; можетъ быть, чтобы свидѣтельствовать о фактахъ, которые я глубоко скрывалъ отъ всѣхъ, разсказать ужасную повѣсть, которую я предпочелъ бы скрыть навѣки.

Многіе будутъ склонны разсматривать всѣ эти событія съ точки зрѣнія высшаго Промысла; но я никогда не вѣрилъ въ Провидѣніе, и все же я не могу приписать ихъ простой случайности. Я связываю эти событія съ одной основной причиной, отъ которой произошло все послѣдующее. Слабымъ, старымъ человѣкомъ сталъ я нынѣ, но физическая слабость не подорвала моихъ умственныхъ способностей. Я вспоминаю мельчайшія подробности той страшной причины, которая породила такіе роковые результаты. Они то и убѣждаютъ меня въ дѣйствительномъ существованіи того, кого я желалъ бы—и какъ страстно желалъ!—считать созданіемъ своей фантазіи, преходящей тѣнью горячечнаго страшнаго сна! О это ужасное, кроткое и всепрощающее, это праведное и таинственное существо! Именно этотъ образецъ всѣхъ добродѣтелей и отравилъ такъ жестоко всю мою жизнь. Это онъ выбилъ меня съ такой силой изъ безопасной колеи моей прежней жизни, это онъ внушилъ мнѣ увѣренность въ потусторонней жизни, прибавивъ этимъ еще одинъ лишній ужасъ къ безъ того уже погубленному существованію...

Чтобы выяснить положеніе вещей, я долженъ сказать нѣсколько словъ о себѣ. О, какъ желалъ бы я изгладить всякое воспоминаніе объ этомъ ненавистномъ *себѣ!*

Рожденный въ Швейцаріи отъ французскихъ родителей, которые видѣли всю міровую мудрость въ литературной троицѣ Вольтеръ-Руссо-Гольдбахъ, и воспитанный въ германскомъ университетѣ, я выросъ полнѣйшимъ атеистомъ. Я не могъ себѣ даже представить что бы то ни было, а тѣмъ болѣе единое Существо,—поверхъ или внѣ видимой природы, отличное отъ нея. Поэтому я считалъ все, неспособное пройти черезъ точный анализъ физическихъ чувствъ, чистѣйшей химерой.

Душа, думалъ я, если предположить, что у человѣка есть душа, должна состоять тоже изъ матеріи. По опредѣленію Оригена, *incorporeus*—эпитетъ, который онъ даетъ своему Богу—означаетъ субстанцію, лишь болѣе тонкую, чѣмъ наше физическое тѣло, о которомъ мы въ лучшемъ случаѣ не можемъ имѣть никакой опредѣленной идеи. Какимъ же образомъ то, о чемъ наши чувства не даютъ намъ никакого яснаго представленія, можетъ быть видимымъ и стать осязаемымъ проявленіемъ?

Въ такомъ настроеніи я не могъ чувствовать ничего, кромѣ презрѣнія къ зарождавшемуся тогда спиритуализму, и выслушивалъ всѣ подобныя басни съ насмѣшкой, въ которой былъ всегда оттѣнокъ гнѣва. Послѣднее чувство никогда не покидало меня.

Паскаль въ VIII отдѣлѣ своихъ „Мыслей" признается въ полной своей неувѣренности въ существованіи Бога, я же въ теченіе всей своей жизни исповѣдывалъ полную увѣренность въ несуществованіи какого-бы то ни было внѣкосмическаго Существа и повторялъ вмѣстѣ съ великимъ мыслителемъ его достопамятныя слова: „Я смотрѣлъ, не оставилъ ли этотъ Богъ, о которомъ говоритъ весь міръ, какого-либо слѣда на землѣ. Я смотрю всюду, и всюду встрѣчаю одну лишь темноту.

Природа не даетъ ничего, что не вызывало бы во мнѣ сомнѣнія и тревоги". И я лично чувствовалъ также. Я никогда не вѣрилъ и никогда не повѣрю въ Верховное Существо, но въ скрытыя свойства человѣка, признаваемыя на Востокѣ, силы, настолько развитыя въ нѣкоторыхъ людяхъ, что благодаря имъ они дѣлаются, какъ Боги, *эти* силы я долженъ былъ признать и не могу болѣе смѣяться надъ ними. Вся моя разбитая жизнь доказываетъ ихъ существованіе. Я вѣрю въ нихъ и проклинаю ихъ, откуда бы онѣ ни являлись.

Послѣ смерти моихъ родителей я, благодаря неудачному процессу, потерялъ почти все свое состояніе и рѣшилъ — не столько для себя, сколько для тѣхъ, кого любилъ—составить себѣ новое состояніе. Моя старшая сестра, которую я боготворилъ, вышла замужъ за бѣднаго человѣка. Я принялъ предложеніе богатой гамбургской фирмы и отправился въ Японію въ качествѣ ея младшаго компаніона.

Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мои дѣла шли успѣшно. Благодаря довѣрію, которое я заслужилъ у многихъ вліятельныхъ японцевъ, мнѣ удавалось проникать въ такія области, которыя тогда были трудно доступны для иностранцевъ. Равнодушный ко всѣмъ религіямъ, я заинтересовался философіей буддизма, единственной религіозной системой, которая достойна названія философской. Я любилъ въ свободное отъ работъ время посѣщать наиболѣе замѣчательные храмы Японіи, самые

любопытные изъ девяноста шести буддійскихъ монастырей Кіото. Я осматривалъ поочереди Даи-Бутзу, съ его гигантскимъ колоколомъ, Дзіонине, Энарино-Іассеро, Кіэ-Миссу, Хигадзи-Хонъ-Вонзи и многіе другіе знаменитые храмы.

Время шло, но я не измѣнялъ своему скептицизму и оставался при своихъ прежнихъ мнѣніяхъ. Я поднималъ на смѣхъ претензіи японскихъ бонзъ и аскетовъ такъ же, какъ смѣялся надъ христіанскими священниками и европейскими спиритуалистами; не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ существованіе какихъ то невѣдомыхъ силъ, неизвѣстныхъ людямъ науки? Суевѣрные и меланхоличные буддисты, которые учатъ избѣгать радостей жизни, искоренять страсти и дѣлаться одинаково безчувственнымъ, какъ къ счастію, такъ и къ несчастію, чтобы пріобрѣсти какія то химерическія силы—всѣ они были необыкновенно потѣшны въ моихъ глазахъ.

Однажды, въ день, навсегда незабвенный и роковой, я познакомился съ очень ученымъ и почтеннымъ бонзой по имени Тамоора-Хидейери. Я встрѣтился съ нимъ у подножія золотого Куэнъ-Онъ, и съ этого момента онъ сталъ моимъ лучшимъ другомъ. Но несмотря на все мое уваженіе къ нему, я никогда не упускалъ случая, чтобы не поднять на смѣхъ его религіозные предразсудки, чѣмъ нерѣдко оскорблялъ его чувства.

При этомъ мой старый другъ проявлялъ столько кротости и всепрощенія, что могъ бы удовлетворить самое правовѣрное буддійское сердце. Онъ никогда не сердился на мои злые сарказмы и ограничивался кроткимъ протестомъ: „подождите и сами увидите“. Онъ не могъ даже повѣрить моему отрицанію Бога. Значеніе терминовъ „атеизмъ“ и „скептицизмъ“ было внѣ пониманія его, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чрезвычайно тонкаго и развитого, ума. Подобно нѣкоторымъ богобоязненнымъ христіанамъ онъ былъ неспособенъ понять, какимъ образомъ мудрые выводы науки можно предпочитать нелѣпому вѣрованію въ невидимый міръ, населенный богами, демонами и разными духами. Онъ упорно утверждалъ, что человѣкъ — „духовное существо, которое возвращается на землю много разъ, а въ промежуткахъ между смертью и новымъ рожденіемъ получаетъ или награду, или наказаніе. Подобно Жерому Колье, онъ отказывался признать себя за ходячую машину или за говорящую голову безъ души, мысли которой подчинены законамъ движенія“. „Ибо, убѣждалъ онъ меня, если бы мои дѣйствія были дѣйствительно предначертаны заранѣе, какъ вы говорите, и я былъ бы также неспособенъ по своей волѣ измѣнять направленіе своихъ дѣйствій, какъ теченіе водъ вонъ той рѣки, тогда великое ученіе Кармы было бы дѣйствительно безумiемъ“.

Такимъ образомъ вся онтологія моего ультра-метафизическаго друга покоилась на шаткомъ основаніи метампсихозиса, на какомъ то воображаемомъ „справедливомъ“ Законѣ Возмездія и тому подобныхъ дикихъ фантазіяхъ. „Мы не можемъ, говорилъ онъ однажды, наслаждаться послѣ смерти полнымъ сознаніемъ, если при жизни не построили твердой основы духовности... Нѣтъ, не смѣйтесь, другъ, лишенный вѣры, просилъ онъ кротко, лучше подумайте хорошенько объ этомъ. Кто не научился жить въ духѣ во время своей сознательной и отвѣтственной жизни на землѣ, едва ли способенъ на сознательное существованіе послѣ смерти, когда, лишенный тѣла, онъ будетъ пребывать въ области единаго Духа“.

„Что вы понимаете подъ жизнью въ Духѣ?“ спросилъ я.

„Жизнь въ духовномъ мірѣ, въ томъ, который буддисты называютъ Девалока (рай). Человѣкъ можетъ подготовить себѣ такое блаженное существованіе въ промежуткахъ между двумя рожденіями, перенося постепенно на этотъ высшій планъ бытія всѣ способности, которыя во время его земного существованія проявляются черезъ тѣлесные его органы, и, какъ вы это называете, черезъ физическій мозгъ“...

„Какая нелѣпость! И какъ же человѣкъ можетъ сдѣлать это?“

„Созерцаніе и сильное желаніе уподобиться благословеннымъ Богамъ дадутъ ему возможность достигнуть цѣли“.

„А если человѣкъ откажется отъ этого интереснаго занятія, подъ которымъ вы, вѣроятно, подразумѣваете устремленіе глазъ на кончикъ своего носа, что станетъ съ нимъ послѣ смерти его тѣла?“ задалъ я ему насмѣшливый вопросъ.

„Это будетъ зависить отъ преобладающаго состоянія его сознанія, въ которомъ различается нѣсколько степеней; самое лучшее—немедленное новое рожденіе; въ худшемъ случаѣ—состояніе *avitchi,* душевный или субъективный адъ. Но совсѣмъ не нужно быть аскетомъ, чтобы овладѣть духовностью, которая длилась бы и въ посмертномъ состояніи. Требуется лишь желаніе приблизиться къ области Духа“.

„Такъ, такъ! Даже и не вѣря?“ спросилъ я.

„Даже и не вѣря! Возможно не вѣрить и все же оставить мѣсто для сомнѣнія, какъ бы мало оно ни было; и тогда можетъ наступить минута, когда человѣкъ все же попытается пріоткрыть дверь, ведущую въ внутренній храмъ. И этого достаточно“.

„Вы рѣшительно поэтичны и въ придачу парадоксальны до конца ногтей, высокочтимый сэръ! Не будете ли вы такъ добры и не объясните ли мнѣ немножко эту тайну?“

„Тайны нѣтъ никакой, но я готовъ. Предположите на минуту, что какой-либо храмъ, въ которомъ вы никогда не были, и самое су-

ществованіе котораго вы отрицаете, и есть тотъ „духовный планъ", о которомъ я говорю. Предположите, что кто-либо взялъ васъ за руку и привелъ туда, а любопытство заставило васъ открыть дверь и заглянуть внутрь. Этимъ простымъ дѣйствіемъ, тѣмъ, что вы войдете туда на одну секунду, вы установите вѣчную связь между вашимъ сознаніемъ и храмомъ. Вы не можете болѣе отрицать его существованія и не можете уничтожить того, что вы входили въ храмъ. И смотря по тому, *какъ* вы себя чувствовали въ святомъ мѣстѣ, такъ вы будете жить въ немъ и послѣ того, такъ ваше сознаніе покинетъ свою тѣлесную обитель".

„Что вы подразумѣваете подъ этимъ? И какое дѣло моему посмертному сознанію, если существуетъ такая вещь, до вашего храма?"

„Очень большое дѣло, отвѣтилъ торжественнымъ тономъ Тамоора. Послѣ смерти не можетъ быть самосознанія *внѣ* храма Духа. Только то и переживаетъ отъ насъ, что соприкасалось съ міромъ духовнымъ. Все остальное исчезаетъ и есть лишь—иллюзія. Всему этому суждено погибнуть въ Океанѣ Майи".

Находя идею проживанія внѣ своего тѣла очень забавной, я просилъ своего стараго друга продолжать. Не замѣчая моего насмѣшливаго настроенія, почтенный бонза охотно согласился.

Тамоора-Хидейери принадлежалъ къ большому храму Тзи-Онекскому буддистскому монастырю, знаменитому не только по всей Японіи, но и по всему Тибету и Китаю. Его монахи принадлежатъ къ сектѣ Дзено-доо, и ихъ считаютъ наиболѣе свѣдущими среди всѣхъ ученыхъ братьевъ. Кромѣ того, существуетъ тѣсная связь между ними и Іамабуши (аскеты или пустынники), послѣдователями ученія Лао-тзе. Неудивительно послѣ этого, что достаточно было съ моей стороны легкаго намека, чтобы Тамоора-Хидейери вознесся на головокружительныя метафизическія вершины, вѣроятно надѣясь измѣнить мое невѣріе.

Безполезно повторять хитросплетенія этого безнадежно непонятнаго ученія. По его словамъ выходило такъ, что мы должны упражняться въ духовности еще на землѣ, вродѣ того, какъ упражняемся гимнастикой. Продолжая аналогію между храмомъ и „духовнымъ планомъ", онъ пробовалъ иллюстрировать свою идею. Самъ онъ работалъ въ храмѣ Духа двѣ трети своей жизни и отдавалъ нѣсколько часовъ въ день „созерцанію". И потому онъ *позналъ* (?!), что послѣ освобожденія изъ своей бренной оболочки, которая ничто иное, какъ „иллюзія", прибавилъ онъ, онъ будетъ переживать въ своемъ духовномъ сознаніи снова и снова каждое чувство благородной радости и высшаго блаженства, которое онъ когда-либо переживалъ или *могъ бы пережить*—только во сто разъ сильнѣе. Его работа на духовномъ планѣ

была значительная, говорилъ онъ, и поэтому онъ надѣялся, что и награда работнику будетъ соотвѣтствующая.

„Но предположите, что работникъ, какъ это было въ вашемъ примѣрѣ, относившемся ко мнѣ, откроетъ дверь храма изъ простого любопытства, заглянетъ лишь на секунду въ святилище, и этимъ и ограничится. Что тогда?".

„Тогда, отвѣтилъ онъ, у вашего будущаго самосознанія будетъ одна только эта минута, и больше—никакой. Въ нашей посмертной жизни вносятся и повторяются лишь тѣ впечатлѣнія и чувства, которыя принадлежатъ къ духовнымъ нашимъ переживаніямъ, и только они. Такимъ образомъ, если бы вы проникли въ жилище Духа не съ чувствомъ благоговѣнія, а питая въ сердцѣ своемъ гнѣвъ, зависть или печаль, въ такомъ случаѣ ваша будущая духовная жизнь была бы поистинѣ печальна. Для вашего будущаго не осталось бы ничего, кромѣ открыванія двери въ припадкѣ дурного настроенія".

„Какъ же бы это было?" спрашивалъ я, все болѣе забавляясь. „Что же по вашему я сталъ бы дѣлать до новаго воплощенія?".

„Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ медленно и какъ бы взвѣшивая каждое слово, *вамъ не осталось бы ничего иного, какъ открывать и закрывать двери храма снова и снова, въ теченіе періода, который, какова бы дѣйствительная продолжительность его ни была, для васъ показался бы вѣчностью*".

Этотъ родъ посмертнаго занятія показался мнѣ въ то время до того уморительнымъ въ своей величавой нелѣпости, что я разразился неудержимымъ припадкомъ смѣха.

Мой почтенный другъ пришелъ повидимому въ большое смущеніе отъ такого результата своей метафизики. Но онъ не сказалъ ни слова, а только вздохнулъ и посмотрѣлъ на меня съ усиленной нѣжностью и состраданіемъ.

„Простите пожалуйста мой смѣхъ, сказалъ я. Но неужели вы серьезно увѣряете, что такъ горячо проповѣдуемое вами „духовное состояніе" состоитъ въ обезьяничаньи того, что мы дѣлаемъ на землѣ?"

„Нѣтъ, нѣтъ, не обезьяничанье, а лишь заполненіе тѣхъ пробѣловъ, которые оставались незаполненными въ теченіе жизни, лишь усиленное внѣдреніе всего, совершеннаго нами въ области духа. То, что я сказалъ, лишь иллюстрація, и для васъ, совсѣмъ незнакомаго съ мистеріями духовнаго зрѣнія, вѣроятно это было очень непонятно. Вся вина на моей сторонѣ... Мнѣ хотѣлось выяснить вамъ, что духовное состояніе нашего сознанія, освобожденнаго изъ тѣла, есть лишь плодъ или результатъ всѣхъ духовныхъ дѣятельностей, имѣвшихъ мѣсто въ нашей земной жизни. Слѣдовательно, если бы за всю жизнь соверши-

лось лишь *одно* духовное дѣйствіе, нельзя было бы и ожидать иныхъ плодовъ, кромѣ повторенія этого единственнаго дѣйствія. Вотъ и все. Буду молиться, чтобы вы были избавлены отъ такого безплоднаго будущаго и перестали бы отворачиваться отъ истины". И затѣмъ, пройдя черезъ всѣ японскія церемоніи отбытія изъ гостей, превосходный человѣкъ отправился домой.

Увы, если бы я зналъ тогда то, что узналъ впослѣдствіи, какъ бы далекъ я былъ отъ смѣха!

Но въ тѣ времена, чѣмъ больше выростала моя привязанность и мое уваженіе къ нему, тѣмъ болѣе раздражали меня его дикія идеи о посмертной жизни, и въ особенности о сверхъестественныхъ силахъ, которыми, по его мнѣнію, обладали нѣкоторые люди. Чрезвычайно непріятно было для меня его почитаніе Іамабушъ. Ихъ претензіи на „чудотворенія" были для меня въ высшей степени ненавистны. Слышать отъ каждаго знакомаго японки и даже отъ моего собственнаго компаніона, слывшаго за необыкновенно проницательнаго дѣлового человѣка, восхваленія „великихъ и чудесныхъ" даровъ у этихъ послѣдователей Лаотзе съ вѣчно опущенными глазами и благочестиво сложенными руками,— это было болѣе, чѣмъ я могъ вынести терпѣливо въ тѣ дни. И кто были, въ сущности, эти великіе маги съ ихъ претензіями на сверхъестественныя знанія, эти „святые-нищіе", которые нарочно прячутся, какъ думалъ я тогда, въ недоступныхъ горахъ, чтобы никакой любопытный посѣтитель не могъ разыскать ихъ и выслѣдить, что они дѣлаютъ въ своихъ берлогахъ? Я не вѣрилъ возраженіямъ, которыя дѣлали мнѣ, увѣряя, что хотя Іамабуши и ведутъ таинственную жизнь, не допуская къ своимъ тайнамъ постороннихъ, они, при соблюденіи многихъ условій, все же принимаютъ учениковъ и, такимъ образомъ, имѣютъ живыхъ свидѣтелей великой чистоты и святости своей жизни. На это я отвѣчалъ, что одинаково презираю какъ учениковъ, такъ и учителей, и отвожу ихъ въ одну категорію полоумныхъ, если не мошенниковъ; я доходилъ до того, что въ ту же категорію включалъ и Шинтоистовъ. Шинтоизмъ или *Sin-syu* „вѣра въ Боговъ и въ путь, ведущій къ Богамъ", т. е. возможность общенія между этими проблематическими существами и людьми, этотъ родъ поклоненія духамъ природы казался мнѣ особенно нелѣпымъ. Но подобныя рѣчи съ моей стороны создали мнѣ не мало враговъ. Ибо *Sinto-Kanusi,* духовные учителя, почитаются выше самыхъ высшихъ классовъ японскаго общества; самъ Микадо находится во главѣ ихъ іерархіи, и наиболѣе культурные и воспитанные люди во всей Японіи принадлежатъ также къ этой сектѣ. Эти „Канузи" не составляютъ какой-либо отдѣльной касты, и даже не проходятъ черезъ какое-либо посвященіе, по крайней мѣрѣ, насколько

это извѣстно постороннимъ; и такъ какъ они не пользуются никакими привиллегіями, и даже платье носятъ такое же, какъ и всѣ, и только слывутъ среди мірянъ за учениковъ и учителей оккультныхъ и духовныхъ наукъ,—то я часто приходилъ съ ними въ соприкосновеніе, не имѣя ни малѣйшаго понятія, что нахожусь въ присутствіи такихъ необычайныхъ господъ.

II.

Таинственный посѣтитель.

Прошли года; но по мѣрѣ того, какъ подвигалось время, мой неискоренимый скептицизмъ становился все упорнѣе. Я уже упоминалъ о своей горячо любимой сестрѣ, единственной своей родственницѣ, оставшейся въ живыхъ. Она вышла замужъ и поселилась въ Нюренбергѣ.

Я относился къ ней скорѣе съ сыновними, чѣмъ съ братскими чувствами, и ея дѣти были мнѣ такъ же дороги, какъ если бы они были моими собственными дѣтьми. Въ тѣ тяжелые дни, когда отецъ нашъ потерялъ все свое состояніе, а мать не выдержала удара, эта старшая, кроткая сестра моя стала истиннымъ ангеломъ хранителемъ разоренной семьи. Во имя любви ко мнѣ, желая замѣнить мнѣ учителей, которыхъ мы не могли оплачивать, она отказалась отъ личнаго счастья. И какъ же я любилъ и почиталъ ее! И какъ безсильно было время разорвать эту нѣжную связь! Тотъ, кто утверждаетъ, что атеистъ не можетъ быть самоотверженнымъ другомъ, любящимъ семьяниномъ, произноситъ величайшую клевету и ложь.

Могутъ быть исключительные случаи, но это относится не столько къ скептикамъ, сколько къ эгоистамъ, но когда человѣкъ отъ природы добрый становится невѣрующимъ изъ любви къ истинѣ, онъ только сильнѣе чувствуетъ свои семейныя узы и свои симпатіи къ людямъ. Всѣ его чувства, всѣ его пламенныя стремленія къ невидимому и недостижимому, вся любовь, которую онъ иначе направилъ бы на проблематическія небеса и на обитающаго тамъ Бога, сосредоточиваются съ удесятеренной силой на любимыхъ существахъ и на человѣчествѣ. Я утверждаю, что только сердце атеиста:

„Можетъ познать, какіе невѣдомые приливы
Безмолвныхъ радостей заливаютъ его,
Когда братья любятъ другъ друга“...

Именно такая святая братская любовь привела меня къ тому, что я съ радостью пожертвовалъ своимъ собственнымъ комфортомъ и

личными радостями, чтобы обезпечить счастье той, которая была для меня болѣе, чѣмъ мать. Я былъ совсѣмъ молодымъ, когда покинулъ домъ и отправился въ Гамбургъ; работая съ углубленной серьезностью человѣка, имѣющаго предъ собой благородную цѣль осчастливить тѣхъ, кого онъ любитъ, я скоро добился довѣрія своихъ патроновъ, и они ввѣрили мнѣ отвѣтственный постъ, который я занимаю и по сіе время. Первою истинною радостью моей жизни было содѣйствіе браку моей сестры съ тѣмъ человѣкомъ, которымъ она пожертвовала ради меня. Я былъ счастливъ, что могъ помогать имъ, и такъ безкорыстна была моя любовь къ ней, что когда у нея появились дѣти, мое чувство еще болѣе усилилось, и всѣ привязанности моего сердца сосредоточивались на одной ея семьѣ. Для моего сердца привязанность эта была единственной святыней, единственной церковью, гдѣ я поклонялся передъ алтаремъ священныхъ семейныхъ узъ. Дважды, въ теченіе девяти лѣтъ, я переплывалъ океанъ съ единственной цѣлью увидать и прижать къ сердцу сестру и дорогихъ ея дѣтей. У меня не было другихъ связей съ западомъ и каждый разъ, повидавшись съ ними, я возвращался въ Японію, чтобы работать для нихъ. Изъ любви къ нимъ я остался холостякомъ, чтобы всѣ плоды моихъ трудовъ могли перейти къ нимъ безраздѣльно.

Мы переписывались съ сестрой такъ часто, какъ это позволяло медленное движеніе почтовыхъ кораблей. Но вдругъ насталъ долгій перерывъ, и я почти цѣлый годъ не получалъ извѣстій изъ дома; съ каждымъ днемъ мое безпокойство росло все болѣе и болѣе, и я началъ терзаться предчувствіемъ великой бѣды.

„Другъ“, сказалъ мнѣ однажды Тамоора Хидейери, единственный человѣкъ, которому я вполнѣ довѣрялъ, „другъ, посовѣтуйтесь съ святымъ Іамабуши и вы найдете успокоеніе“.

Нечего говорить, что предложеніе его было отвергнуто съ негодованіемъ. Но по мѣрѣ того, какъ пароходъ за пароходомъ приходилъ безъ единой вѣсти, я почувствовалъ отчаяніе, которое ежедневно увеличивалось. Подъ конецъ оно перешло въ такое непреодолимое стремленіе узнать правду, какова бы она ни была, что я былъ побѣжденъ. Прежде я гордился своимъ полнымъ самообладаніемъ—теперь я сталъ презрѣннымъ рабомъ страха. Фаталистъ изъ школы Гольдбаха, убѣжденный, что строгій законъ необходимости — единственное условіе для невозмутимаго спокойствія философа, я ловилъ себя на желаніи прибѣгнуть къ чему то вродѣ гаданія! Я дошелъ до того, что начиналъ забывать важнѣйшій принципъ моего вѣроисповѣданія, который можно было выразить въ двухъ словахъ: *все совершается по необходимости;* да, я готовъ былъ все забыть, чтобы узнать во что бы то ни стало

судьбу моихъ близкихъ; и до того измѣнился весь мой внутренній міръ, что я жаждалъ, подобно слабой, нервной дѣвушкѣ, сдѣлать попытку и заглянуть—въ такую нелѣпость вѣрятъ нѣкоторые безумцы—по ту сторону земного шара, чтобы узнать наконецъ, чѣмъ вызвано это необъяснимое молчаніе!

Однажды вечеромъ, передъ закатомъ солнца, мой старый другъ, почтенный бонза Тамоора, появился на верандѣ моего дома. Я долго не былъ у него, и онъ пришелъ узнать о моемъ здоровьѣ. Я воспользовался его приходомъ, чтобы задѣть его и задалъ ему вопросъ: почему беретъ онъ на себя трудъ приходить ко мнѣ пѣшкомъ, когда онъ легко могъ бы узнать обо мнѣ все, что его интересуетъ, спросивъ о томъ своего Іамабуши? Въ началѣ онъ какъ будто огорчился, но взглянувъ пристально на мое измученное лицо, онъ кротко замѣтилъ, что продолжаетъ настаивать на своемъ прежнемъ совѣтѣ: лишь членъ этого святого братства можетъ принести мнѣ утѣшеніе въ переживаемомъ мною испытаніи.

Съ этой минуты безумное желаніе овладѣло мною, и я рѣшилъ провѣрить его обѣщаніе. Я сказалъ ему, что предлагаю его прославленнымъ магамъ назвать ему имя той личности, о которой я думаю, и открыть мнѣ, что дѣлаетъ она въ данный моментъ. Онъ спокойно отвѣтилъ, что удовлетворить мое желаніе совсѣмъ не трудно. Въ двухъ шагахъ отъ моего дома, у больного Шинто, находится Іамабуши, и если я скажу одно только слово, онъ пойдетъ и приведетъ его ко мнѣ. Я сказалъ это слово, *и какъ только я произнесъ его, судьба моя была рѣшена.* Черезъ двадцать минутъ старый японецъ, необычайно высокій и величественный для этой расы, блѣдный, тонкій и изможденный, стоялъ передо мной. Вмѣсто подобострастной угодливости, которую я ожидалъ, я увидалъ спокойствіе, полное достоинства, выраженіе нравственнаго превосходства и полное равнодушіе къ тому, что могутъ о немъ подумать. На вопросы, и насмѣшливые и неуважительные, которые я съ лихорадочной поспѣшностью ставилъ ему, одинъ за другимъ, онъ не далъ никакого отвѣта, но смотрѣлъ на меня въ молчаніи такъ, какъ смотритъ врачъ на больного въ бреду. Въ моментъ, когда онъ устремилъ свой взглядъ на меня, я почувствовалъ или скорѣе увидалъ, какъ яркій лучъ свѣта, какъ бы тонкая серебряная нить устремилась изъ глубины его черныхъ, глубоко запавшихъ глазъ, и какъ бы проникла въ самый мозгъ и мое сердце, подобно острой стрѣлѣ. Да, я и видѣлъ и чувствовалъ это, и скоро это двойное ощущеніе стало невыносимо.

Чтобы прекратить мучительное молчаніе, я спросилъ его, что нашелъ онъ въ моихъ мысляхъ. На это послѣдовалъ спокойный и совер-

шенно вѣрный отвѣтъ: чрезвычайное безпокойство за родственницу, ея мужа и дѣтей, которые живутъ далеко въ домѣ, описаніе котораго послѣдовало съ такими вѣрными подробностями, какъ будто онъ зналъ этотъ домъ такъ же, какъ и я самъ. Услыхавъ этотъ отвѣтъ, я подозрительно посмотрѣлъ на моего друга бонзу; но, вспомнивъ, что Тамоора не могъ знать дома моей сестры и что японцы славятся своей „вѣрностію до могилы", я устыдился своего подозрѣнія. Послѣ этого я спросилъ отшельника, не можетъ ли онъ мнѣ сообщить, что дѣлаетъ въ настоящую минуту моя сестра. „Чужеземецъ,—послѣдовалъ отвѣтъ,—никогда не повѣритъ словамъ и знаніямъ кого бы то ни было, кромѣ самого себя. Если онъ услышитъ истину, впечатлѣніе продлится недолго и имъ овладѣетъ попрежнему мучительное безпокойство. Остается только одно средство: заставить чужеземца, (т. е. меня) видѣть собственными глазами и такимъ образомъ узнать истину самому. Согласенъ ли чужеземецъ довѣриться мнѣ, чтобы я могъ привести его въ надлежащее состояніе?"

Я слышалъ въ Европѣ о сомнамбулахъ и о претендующихъ на ясновидѣніе и, не имѣя никакой вѣры въ нихъ, не могъ ничего имѣть и противъ самого процесса, въ дѣйствительность котораго не вѣрилъ. Несмотря на всю переживаемую агонію, я все же не могъ удержаться отъ улыбки при мысли о забавной операціи, черезъ которую долженъ буду сейчасъ пройти, и я молча наклонилъ голову въ знакъ согласія.

III.

Психическая Магія.

Старый Іамабуши не терялъ времени. Онъ смотрѣлъ на заходящее солнце, и находя вѣроятно, что Господь Тенъ-Дзіо-Даи-Дзіо (Духъ, выбрасывающій свои лучи) благопріятствуетъ предстоящей церемоніи, онъ быстро вынулъ изъ небольшого пакета маленькій лакированный ящикъ, кусокъ растительной бумаги, изготовленной изъ коры тутоваго дерева, и перо, которымъ онъ набросалъ на упомянутой бумагѣ нѣсколько изреченій особыми знаками (Naiden), употребляющимися лишь для религіозныхъ и мистическихъ цѣлей. Окончивъ это, онъ вынулъ изъ складокъ своихъ одеждъ маленькое круглое зеркало изъ стали необычайнаго блеска и, держа его передъ моими глазами, предложилъ мнѣ смотрѣть въ него.

Я не только слыхалъ ранѣе о такихъ зеркалахъ, часто употребляющихся въ храмахъ, но даже нерѣдко и видѣлъ ихъ. Существуетъ

вѣрованіе, что, по волѣ знающихъ священниковъ, въ нихъ появляются *Даиджъ Дзинъ*, духи, показывающіе правовѣрнымъ ихъ будущую судьбу. И я въ первую минуту подумалъ, что онъ намѣревается вызвать такого духа, чтобы онъ отвѣчалъ на мои вопросы. На дѣлѣ же произошло нѣчто совершенно иное.

Только что я успѣлъ съ чувствомъ неловкости, вызваннымъ яснымъ сознаніемъ нелѣпости моего положенія, притронуться къ зеркалу, какъ почувствовалъ странное ощущеніе въ той рукѣ, которая держала его. На короткое время я забылъ свой сарказмъ и пересталъ смотрѣть на дѣло съ комической точки зрѣнія. Былъ ли это страхъ, который внезапно впился въ мой мозгъ, на минуту парализуя его дѣятельность? Нѣтъ, ибо я еще сохранялъ свое сознаніе настолько, что не ожидалъ ничего отъ эксперимента, который противорѣчилъ всѣмъ моимъ здравымъ понятіямъ. Что же это было, что проползло по моему мозгу, леденя его и вызывая въ немъ ощущеніе ужаса, а затѣмъ проникло въ мое сердце, словно ядовитая змѣя вонзила въ него свое жало? Конвульсивнымъ движеніемъ руки я выпустилъ магическое зеркало и не могъ принудить себя поднять его съ дивана, на которомъ я сидѣлъ. Въ теченіе одного короткаго мига произошла страшная борьба между непонятной для меня жаждой взглянуть въ глубину полированной поверхности зеркала и моей гордостью, которую казалось ничто не могло укротить. Около меня на лакированномъ столикѣ лежала открытая книга; взглянувъ случайно на развернутую страницу, я прочелъ слова: „покровъ, скрывающій будущее, сотканъ руками милосердія“. Этого было достаточно. Та же самая гордость, которая удерживала меня отъ унизительнаго эксперимента, бросила вызовъ моей судьбѣ. Я поднялъ нестерпимо блестѣвшій дискъ и приготовился смотрѣть въ него.

Пока я разсматривалъ зеркало, Іамабуши быстро сказалъ нѣсколько словъ бонзѣ Тамоорѣ, что заставило меня бросить на обоихъ подозрительный взглядъ. Но я еще ра́зъ ошибся.

„Святой человѣкъ желаетъ поставить вамъ одинъ вопросъ и въ то же время предупредить васъ“, сказалъ бонза. „Если вы хотите смотрѣть сами, вы должны подвергнуться процессу очищенія послѣ того, какъ увидите въ зеркалѣ все, что желаете знать; *иначе вы останетесь ясновидящимъ навсегда и будете видѣть на всякомъ разстояніи вопреки желанію и противъ воли своей*“.

„Что это за очищеніе и что долженъ я обѣщать?“ спросилъ я съ недовѣріемъ. „Это дѣлается для вашего же блага. Вы должны обѣщать подчиниться и сдѣлать все, что онъ скажетъ вамъ, иначе на него ляжетъ отвѣтственность, что онъ сдѣлалъ изъ васъ *безсознательнаго ясновидца*. Вѣдь вы согласитесь, дорогой другъ?“

„Впереди еще много времени, чтобы подумать объ этомъ, если я увижу что-нибудь"—отвѣтилъ я съ насмѣшкой и прибавилъ про себя: „въ чемъ я сильно сомнѣваюсь до сихъ поръ".

„Хорошо, другъ, вы предупреждены, послѣдствія падутъ на васъ самихъ", былъ торжественный отвѣтъ.

Я взглянулъ на часы съ жестомъ нетерпѣнія, который былъ замѣченъ Іамабуши. Было ровно *семь минутъ шестого.*

„Опредѣлите ясно въ своемъ умѣ, *что* вы желали бы видѣть и узнать", сказалъ „заклинатель", положивъ зеркало и бумагу въ мои руки и объяснивъ, какъ слѣдовало обращаться съ ними.

Выслушавъ его и устремивъ взглядъ на зеркало, я сказалъ:

„Я желаю лишь одного—узнать причину, почему моя сестра такъ внезапно перестала писать ко мнѣ"...

Дѣйствительно ли я произнесъ эти слова передъ двумя свидѣтелями, или подумалъ ихъ—я и до сихъ поръ не могу рѣшить. Помню ясно только одно: въ то время, какъ я смотрѣлъ въ зеркало, Іамабуши смотрѣлъ на меня. Но опредѣлить, какъ долго длилось это: одну секунду, или нѣсколько часовъ—я не могу. Я помню все съ малѣйшими подробностями до того момента, какъ взялъ зеркало въ лѣвую руку, а бумагу, исписанную мистическими знаками, между большимъ и указательнымъ пальцемъ правой руки; съ этого момента я повидимому потерялъ сознаніе всего окружающаго. Переходъ этотъ въ совершенно новое для меня состояніе совершился такъ быстро, что я потерялъ изъ виду всѣ внѣшніе предметы, и бонзу, и Іамабуши, и комнату въ тотъ моментъ, когда увидалъ себя наклоненнымъ впередъ съ зеркаломъ въ рукѣ. Затѣмъ появилось сильное ощущеніе непроизвольнаго стремленія впередъ, какъ бы скачка съ своего мѣста—я бы даже сказалъ изъ своего тѣла. А потомъ мои глаза, какъ мнѣ показалось тогда—всѣ остальныя мои чувства были вполнѣ парализованы—увидали яснѣе и живѣе, чѣмъ когда-либо въ дѣйствительности, Нюренбергскій домъ моей сестры, который я самъ никогда не видалъ и зналъ только по рисункамъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, ощущая какъ бы вспышки уходящаго сознанія—умирающіе должны испытывать нѣчто подобное—я различилъ послѣднюю мысль, слабую и едва уловимую о томъ, какой смѣшной у меня долженъ быть видъ...

Это *ощущеніе*—ибо это было скорѣе ощущеніе, чѣмъ мысль—было внезапно погашено яснымъ духовнымъ видѣніемъ (я не могу назвать этого иначе) меня самого, того, что я зналъ, какъ свое тѣло, лежащимъ съ свинцово-блѣднымъ лицомъ на кушеткѣ, мертвымъ по всѣмъ признакамъ, но продолжающимъ таращить стеклянные глаза мертвеца въ зеркало. Наклоненный надъ нимъ, разбивающій по всѣмъ

Да, я увидѣлъ гробъ у моихъ ногъ. Это былъ простой, непритязательный ящикъ, послѣднее ложе нищаго, и въ немъ—сквозь закрытую крышку—я ясно различалъ страшно осклабленную голову и человѣческій скелетъ, раздробленный во многихъ мѣстахъ, словно его извлекли изъ какой-нибудь секретной комнаты блаженной памяти инквизиціи, гдѣ его подвергали страшнымъ пыткамъ. „Кто это можетъ быть?“ подумалъ я.

Въ эту минуту я опять услыхалъ, какъ издалека доносился мой собственный голосъ... *„Причину, почему“*... произнесъ онъ, словно эти слова были непрерывавшимся продолженіемъ той самой фразы, изъ которой онъ только что произнесъ одно слово *„узнать“*.

Онъ звучалъ близко и въ то же время какъ бы изъ невообразимой дали, производя впечатлѣніе, что все долгое подземное путешествіе и всѣ послѣдовательныя размышленія и открытія совсѣмъ не заняли времени; что всѣ они произошли въ теченіе мгновеннаго промежутка между первымъ и средними словами фразы, начатой въ моей комнатѣ въ Кіото—и которую голосъ продолжалъ произносить въ оторванныхъ изреченіяхъ, подобно вѣрному эхо моихъ собственныхъ словъ...

Вслѣдъ затѣмъ чудовищные останки начали принимать знакомую мнѣ форму. Раздробленныя части соединились вмѣстѣ, кости снова одѣлись тѣлеснымъ покровомъ, и я узналъ—съ нѣкоторымъ удивленіемъ, но безъ малѣйшей тѣни чувства—мужа моей сестры, котораго я во имя ея такъ горячо любилъ! „Почему умеръ онъ такою страшною смертью?“ спросилъ я себя. Едва я поставилъ этотъ вопросъ, какъ словно въ панорамѣ развернулась передо мной вся картина смерти бѣднаго Карла со всею ужасающею живостью и со всѣми потрясающими подробностями, которыя тогда оставляли меня совершенно равнодушнымъ. Вотъ онъ, старый дорогой другъ, полный жизни и радости, только что получившій значительное повышеніе по службѣ, разсматриваетъ и пробуетъ на лѣсопильномъ заводѣ огромную паровую машину, только что прибывшую изъ Америки. Онъ наклонился надъ ней, разсматривая что то внутри и словно желая закрѣпить одну изъ гаекъ. Его платье схватывается зубьями вращающагося на полномъ ходу колеса и внезапно—весь онъ втянутъ, разорванъ пополамъ, и его отдѣлившіеся члены выброшены вонъ, прежде чѣмъ незнакомые съ механизмомъ рабочіе смогли остановить колесо. Его вынимаютъ, т. е. то, что осталось отъ него, ужасную, неузнаваемую массу еще трепещущаго окровавленнаго тѣла... Я слѣдую за этими остатками, которые везутъ въ госпиталь, слышу грубо отдаваемое приказаніе, чтобы вѣстники смерти остановились по дорогѣ у дома вдовы и сиротъ. Я вхожу за ними въ домъ и вижу ничего не подозрѣвающую семью, спокойно занятую своими дѣлами. Я

узнаю мою сестру, дорогую, любимую, и остаюсь совершенно равнодушнымъ, хотя и сильно заинтересованнымъ предстоящей сценой. Мое сердце, мои чувства, вся моя личность—казалось—исчезли, остались гдѣ то позади, принадлежали кому то другому.

Тамъ стоялъ „я", присутствуя, какъ передавалась страшная новость. Я вижу ясно вліяніе удара на нее, я наблюдаю до мельчайшихъ подробностей всѣ ея ощущенія и внутренній процессъ, происходящій въ ней. Я наблюдаю и запоминаю, не пропуская ничего.

Когда трупъ былъ внесенъ въ домъ, я услыхалъ долгій крикъ агоніи, затѣмъ мое собственное имя, и — глухой звукъ живого тѣла, упавшаго на останки Мертвеца. Съ любопытствомъ слѣдилъ я, какъ ее начала потрясать сильная дрожь, какъ за дрожью послѣдовало моментальное сотрясеніе въ мозгу, я внимательно наблюдалъ червеобразное, страшно напряженное движеніе всѣхъ фибръ, моментальную перемѣну цвѣта въ оконечностяхъ головной нервной системы, какъ нервное вещество волоконъ измѣняло свой бѣлый цвѣтъ въ красноватый, который быстро переходилъ въ темно-красный, а затѣмъ — въ синеватый оттѣнокъ. Я замѣтилъ внезапную вспышку фосфорическаго яркаго сіянія, какъ оно затрепетало и внезапно погасло, послѣ чего наступили темнота — полнѣйшій мракъ въ области памяти... какъ сіяніе, сравниваемое по формѣ лишь съ очертаніями человѣка, выдѣлилось внезапно изъ верхней части головы, расширилось, потеряло свою форму и разсѣялось въ пространствѣ. И я сказалъ себѣ: „это—сумашествіе, неизлечимое пожизненное сумашествіе, ибо начало разума не парализовано и угасло не на время, а совсѣмъ покинуло свою обитель, выброшенное изъ него ужасающей силой внезапнаго удара... Связь между животной и божественной сущностью порвана..." И когда необычайное слово „божественной" было произнесено, *моя* „Мысль" засмѣялась.

Внезапно я снова услыхалъ мой голосъ, отдаленный и все же близкій, произносившій совсѣмъ около меня: *„почему моя сестра такъ внезапно перестала писать..."* И прежде чѣмъ послѣднія два слова *„ко мнѣ"* успѣли закончить всю фразу, я увидалъ цѣлый рядъ тяжелыхъ событій, послѣдовавшихъ за катастрофой.

Я увидалъ мать, безпомощную, что то бормочащую идіотку, помѣщенную въ сумашедшемъ отдѣленіи городского госпиталя, и семерыхъ дѣтей въ пріютѣ для бѣдныхъ, затѣмъ увидѣлъ двухъ старшихъ— мальчика пятнадцати лѣтъ и дѣвочку годомъ моложе, моихъ любимцевъ, обоихъ въ услуженіи у чужихъ людей. Капитанъ паруснаго судна взялъ моего племянника, а племянницу забрала старая еврейка. Я смотрѣлъ на всѣ эти событія, со всѣми сердце раздирающими по-

дробностями, и запоминалъ ихъ съ отчетливостью и полнымъ хладнокровіемъ. Ибо, запомните хорошенько: когда я употребляю выраженіе „сердце раздирающее“ и другія въ этомъ родѣ, это относится къ позднѣйшимъ моимъ переживаніямъ. Во время же описанныхъ наблюденій я не испытывалъ ни малѣйшаго горя, ни малѣйшей жалости. Всѣ мои чувства были парализованы такъ же, какъ и внѣшніе органы; и лишь по „возвращеніи назадъ“ въ тѣло начиналъ я сознавать всѣ свои невознаградимыя потери.

Все, что я ранѣе такъ энергично отрицалъ, приходилось переживать въ тѣ дни личнымъ горькимъ опытомъ. Если бы мнѣ кто нибудь сказалъ прежде, что человѣкъ способенъ дѣйствовать и сознавать независимо отъ своего мозга и отъ своихъ органовъ чувствъ; что какой то таинственной силой онъ можетъ быть перенесенъ въ безплотномъ видѣ за тысячи верстъ отъ своего тѣла, чтобы присутствовать при событіяхъ не только совершающихся, но и прошедшихъ, и задерживать ихъ какимъ то непонятнымъ способомъ въ своей памяти — я назвалъ бы такого человѣка сумашедшимъ. Но увы, это время прошло, ибо я самъ сталъ такимъ „сумашедшимъ“. Десять, двадцать, сто разъ во время моей проклятіемъ отмѣченной жизни испыталъ я подобное существованіе *внѣ своего тѣла.* И я даже не могу приписать этого временному помѣшательству: сумашедшіе видятъ не существующее, а мои видѣнія оказывались *неизмѣнно вѣрными.* Но вернемся къ моей повѣсти страданія. Послѣднимъ моимъ впечатлѣніемъ была горькая судьба моей любимой племянницы, а затѣмъ я почувствовалъ такое же сотрясеніе, послѣ котораго я поплылъ внутри земли, какъ мнѣ казалось тогда. Я открылъ глаза въ моей собственной комнатѣ, и первое, на что упалъ мой взглядъ, были стѣнные часы. Ихъ стрѣлки показывали *семь съ половиной минутъ шестого!..* Такимъ образомъ я прошелъ черезъ всѣ эти ужасающія испытанія, на описаніе которыхъ потребовалось нѣсколько часовъ, *ровно въ полминуты!* Но это сознаніе появилось позднѣе. Въ первый мигъ я не помнилъ ничего, и то первое мгновеніе, когда я взглянулъ на часы, принимая зеркало изъ рукъ Іамабуши, слилось для меня съ этимъ вторымъ мгновеніемъ. Я только что открылъ ротъ, чтобы поторопить Іамабуши, какъ вдругъ воспоминаніе обо всемъ видѣнномъ освѣтило мой мозгъ. Испустивъ крикъ ужаса и отчаянія, я почувствовалъ, словно весь міръ опрокинулся на меня и придавилъ меня своей тяжестью. Мое сердце заныло отъ нестерпимой боли; судьба моя была рѣшена, и безнадежный мракъ опустился навсегда на остатокъ моей жизни!

направленіямъ своими худыми руками воздухъ надъ *его* блѣднымъ лицомъ, стоялъ высокій Іамабуши, къ которому я чувствовалъ въ тотъ моментъ нестерпимую, смертельную ненависть. А когда я рванулся въ мысляхъ, устремляясь на гадкаго шарлатана, мой трупъ, оба старика, и самая комната, и всѣ предметы въ ней задрожали и затанцовали въ въ красновато-пламенномъ свѣтѣ и быстро понеслись куда то отъ „меня". Еще нѣсколько искаженныхъ чудовищныхъ тѣней передъ „моимъ" взоромъ, и, вмѣстѣ съ послѣднимъ ощущеніемъ ужаса и высочайшаго напряженія, чтобы понять, *кто же* былъ *я*, если я не былъ тотъ трупъ—густой покровъ мрака упалъ на меня и погасилъ послѣднюю искру моего сознанія.

IV.

Видѣніе Ужаса.

Какъ странно!... Гдѣ же былъ я теперь? Было ясно, что ко мнѣ снова вернулось сознаніе. Ибо я несомнѣнно существовалъ и быстро подвигался впередъ, но какъ то необычайно, какъ будто я плылъ безъ всякаго импульса и усилія съ моей стороны и при томъ—въ полнѣйшей темнотѣ. Первая моя мысль была о длинномъ, подземномъ проходѣ среди воды, земли и спертаго воздуха, хотя тѣлесно я не испытывалъ ни малѣйшаго соприкосновенія съ которой нибудь изъ этихъ стихій. Я пробовалъ произнести нѣсколько словъ, повторить мою послѣднюю фразу: *„я желаю лишь одного—узнать причину, почему моя сестра такъ внезапно перестала писать ко мнѣ"*. Но изъ всѣхъ пятнадцати словъ я услыхалъ только одно: *„узнать"*, и даже оно исходило вовсе не изъ моего горла, и хотя прозвучало звукомъ моего собственнаго голоса, но совершенно внѣ меня, вблизи, но не во мнѣ. Короче, слова были произнесены *моимъ* голосомъ, но не *моими* губами...

Еще одно быстрое непроизвольное движеніе, еще одно погруженіе въ темноту, и я увидалъ себя—стоящимъ—подъ землею, какъ мнѣ казалось. Я былъ плотно окруженъ со всѣхъ сторонъ, сверху и снизу, справа и слѣва землею и, тѣмъ не менѣе, она не имѣла вѣса и казалась нематеріальной и прозрачной для *моихъ чувствъ*. Но я тогда совершенно не сознавалъ полную нелѣпость, болѣе того, невозможность этого *кажущагося* факта! Еще одна секунда, и я увидѣлъ... разсказываю объ этомъ теперь съ невыразимымъ ужасомъ, но тогда—не смотря на необычайную обостренность всѣхъ ощущеній—я оставался совершенно равнодушнымъ къ тому, что увидѣлъ передъ собой.

V.

Возвратъ сомнѣній.

Затѣмъ наступила реакція, столь же неожиданная, какъ и порывъ отчаянія. Во мнѣ возникло сомнѣніе, которое постепенно разрослось въ гнѣвное желаніе отрицать все, что я только что видѣлъ. Упорная рѣшимость видѣть во всемъ происшествіи безсмысленный сонъ, послѣдствіе моего чрезмѣрнаго напряженія, овладѣло мною.

Да, все это было лживое видѣніе, идіотическое нагроможденіе моихъ собственныхъ ощущеній, внушившихъ мнѣ картины смерти и несчастій подъ вліяніемъ многихъ недѣль неизвѣстности и нравственной подавленности.

„Какъ могъ я увидать все это менѣе, чѣмъ въ полминуты времени?“ воскликнулъ я... „Теорія сновидѣній, быстрая смѣна событій во снѣ, вызванная возбужденнымъ состояніемъ ганглій мозговыхъ полушарій, достаточно объясняетъ длинный рядъ событій въ моемъ видѣніи. Только во снѣ могутъ до такой степени уничтожаться соотношенія между временемъ и пространствомъ. Іамабуши ни при чемъ въ этомъ непріятномъ кошмарѣ. Какой-нибудь дьявольской смѣсью, секретъ которой извѣстенъ этимъ людямъ, онъ вызвалъ у меня безсознательное состояніе, во время котораго я и увидалъ всѣ эти лживыя и ужасныя видѣнія. Я изгоню всѣ эти навожденія, я не вѣрю въ нихъ! Черезъ нѣсколько дней придетъ пароходъ, отправляющійся въ Европу, и я поѣду съ нимъ!“ Этотъ безсвязный монологъ былъ произнесенъ въ присутствіи моего друга Тамооры и Іамабуши. Послѣдній продолжалъ стоять въ прежней позѣ и смотрѣлъ на меня, вѣрнѣе сказать *черезъ* меня, съ спокойнымъ и молчаливымъ достоинствомъ. Тамоора, доброе лицо котораго свѣтилось состраданіемъ, приблизился ко мнѣ и со слезами на глазахъ сказалъ: „Другъ, вы не должны уѣзжать, не очистившись отъ соприкосновенія съ низшими Даиджъ-Дзинъ (духами), которые направляли вашу неопытную душу туда, куда она стремилась. Сношеніе съ нашимъ внутреннимъ Я должно быть закрыто отъ ихъ опасныхъ вторженій. Не теряйте времени, сынъ мой, и допустите святого Учителя очистить васъ немедленно“.

Но гнѣвъ дѣлаетъ человѣка глухимъ, и, вмѣсто всякаго отвѣта, я началъ съ негодованіемъ протестовать: какъ *могъ* онъ подумать, что я могу повѣрить въ дѣйствительность своихъ видѣній и смотрѣть на него, Іамабуши, иначе, какъ на простого обманщика. „Я уѣду завтра, даже если бы мнѣ это стоило всего моего состоянія!“ воскликнулъ я,

блѣднѣя отъ ярости и отчаянія. „Вы будете раскаиваться въ этомъ всю жизнь, если не дадите святому Учителю оградить васъ отъ вторженія Даиджъ-Дзинъ“, сказалъ онъ съ кроткой настойчивостью. Я прервалъ его грубымъ смѣхомъ и спросилъ, какую плату ожидаетъ отъ меня его Іамабуши за свой экспериментъ?

„Онъ не нуждается ни въ чемъ, отвѣтилъ Тамоора. Орденъ, къ которому онъ принадлежитъ, богатѣйшій въ мірѣ, такъ какъ его члены выше всѣхъ земныхъ желаній и помысловъ. Не оскорбляйте того, кто пришелъ къ вамъ изъ чистаго состраданія, желая облегчить ваши мученія“.

Но я неспособенъ былъ внимать его мудрымъ словамъ, такъ овладѣлъ мною мятежный духъ гордости. Къ счастью для меня, обернувшись съ намѣреніемъ выгнать монаха, я увидалъ, что его уже не было въ комнатѣ.

Я не слыхалъ, чтобы онъ двигался, и приписалъ его внезапный уходъ страху быть изобличеннымъ. Безумецъ, слѣпой самонадѣянный идіотъ!

Я не захотѣлъ повѣрить, что покой всей моей жизни уходитъ вмѣстѣ съ нимъ навсегда... тупое, угрюмое недовѣріе, упрямое отрицаніе свидѣтельства моихъ же собственныхъ чувствъ и твердое рѣшеніе видѣть во всемъ случившемся результатъ разстроеннаго воображенія овладѣло всѣмъ моимъ существомъ.

„Мой умъ, разсуждалъ я, что представляетъ онъ изъ себя? Неужели я повѣрю, вмѣстѣ съ суевѣрными и слабыми, что этотъ продуктъ фосфора и сѣраго вещества есть въ самомъ дѣлѣ высшая часть меня и можетъ видѣть независимо отъ моихъ физическихъ чувствъ? Никогда! я считаю за личное оскорбленіе, за поруганіе разума человѣческаго, говорить о какихъ то невидимыхъ существахъ, о какихъ то „Даиджъ-Дзин'ахъ“ и всякаго рода нелѣпыхъ суевѣріяхъ. И я просилъ своего друга бонзу избавить меня отъ его непрошенныхъ совѣтовъ. Такъ бѣсновался я передъ кроткимъ Японцемъ, дѣлая все, что зависѣло отъ меня, чтобы оттолкнуть его, но его удивительная кротость оказалась сильнѣе моего идіотическаго гнѣва, и онъ продолжалъ умолять меня, ради блага всей моей жизни, подвергнуться необходимому очистительному обряду.

„Никогда! Лучше пребывать въ пространствѣ, изъ котораго даже самый воздухъ выкаченъ здоровымъ недовѣріемъ, чѣмъ оставаться въ густыхъ туманахъ глупаго суевѣрія“, отвѣчалъ я на его мольбы, перефразируя изреченіе Рихтера.

„Чужеземный другъ! воскликнулъ Тамоора, я буду молиться. чтобы вамъ не пришлось раскаяться въ вашемъ упорствѣ; пусть же

Куанъ-Онъ (богиня милосердія) оградитъ васъ отъ Дзин'овъ! Ибо святой Іамабуши безсиленъ защитить васъ отъ дурныхъ вліяній, вызванныхъ вашимъ невѣріемъ и гнѣвомъ, разъ вы отказываетесь подвергнуться очищенію отъ его руки. Но позвольте въ часъ разлуки мнѣ, старому человѣку, желающему вамъ добра, еще разъ предупредить васъ. Могу я говорить?"

Несмотря на мое нелюбезное возраженіе, что я не выношу его ненавистныхъ суевѣрій, онъ началъ такъ: „Преклоните ваше ухо, дорогой другъ, въ послѣдній разъ и узнайте, что ваша будущая жизнь станетъ невыносимой, если вы на послушаетесь меня. Дайте тому, кто открылъ „ваше духовное зрѣніе", докончить дѣло и оградить васъ отъ постояннаго повторенія тяжелыхъ видѣній. Если вы не согласитесь свободной волей, вы останетесь во власти *Силъ*, которыя будутъ мучить и преслѣдовать васъ до предѣловъ безумія. Знайте, что развитіе „Дальняго зрѣнія" (ясновидѣнія), которымъ владѣютъ *по своей волѣ* лишь немногіе избранные, отъ которыхъ великая Куанъ-Онъ не имѣетъ тайнъ,—для начинающихъ совершается съ помощью Дзин'овъ (элементалей), которые лишены души, слѣдовательно и жалости. Узнайте также, что лишь Архаты „побѣдители врага", сдѣлавшіе изъ этихъ существъ своихъ слугъ, въ безопасности отъ нихъ; тотъ же, кто не овладѣлъ ими, становится ихъ рабомъ. Нѣтъ, не смѣйтесь въ вашей гордости и невѣдѣніи, но слушайте дальше. Во время видѣній Даиджъ-Дзинъ овладѣваетъ ясновидцемъ, если онъ, какъ вы—неопытный новичекъ, и держитъ его въ своей власти; и въ это время ясновидецъ перестаетъ быть *самимъ собою*. Онъ раздѣляетъ природу своего „руководителя". Даиджъ-Дзинъ, направляющій его внутреннее зрѣніе, держитъ его душу въ позорномъ плѣну, дѣлая изъ него, пока ясновидѣніе длится, существо, подобное себѣ.

Лишенный божественнаго свѣта, человѣкъ становится бездушнымъ существомъ; поэтому, оставаясь въ соприкосновеніи съ Даиджъ-Дзин'омъ, онъ лишается всѣхъ человѣческихъ чувствъ, не испытываетъ ни жалости, ни страха, ни любви, ни состраданія. „Стой!" воскликнулъ я невольно, когда его слова вызвали во мнѣ воспоминаніе о равнодушіи при видѣ отчаянія моей сестры. „Стой!... но нѣтъ, безумiемъ было бы обращать вниманіе и дѣлать выводы изъ вашихъ дикихъ рѣчей... но если вы все это считаете такимъ опаснымъ, почему посовѣтовали вы мнѣ позвать вашего Іамабуши"? прибавилъ я насмѣшливо.

„Потому что не было бы никакого зла, если бы вы сдержали обѣщаніе и подвергнули себя очищенію", послѣдовалъ грустный и смиренный отвѣтъ. „Я желалъ вамъ добра, другъ, и сердце мое истекало кровью, видя какъ вы страдаете день за днемъ. Сдѣланное надъ вами

совершенно безвредно, если это дѣлается *знающимъ*, и становится опаснымъ только въ томъ случаѣ, если послѣдующія предосторожности не выполнены. Тотъ же учитель „ясновидѣнія", который раскрылъ входъ въ вашу душу, долженъ и закрыть его, налагая Печать Очищенія въ защиту отъ дальнѣйшихъ вторженій...

„Учитель ясновидѣнія! какъ бы ни такъ"! грубо прервалъ я его, „скажите лучше, учитель мошенничества"! Страдальческій взглядъ на его добромъ старомъ лицѣ былъ до того мучителенъ, что я понялъ наконецъ, какъ далеко я зашелъ, но было уже поздно.

„Въ такомъ случаѣ—прощайте", сказалъ бонза, поднимаясь,—и совершивъ въ молчаніи, полномъ достоинства, всѣ церемоніи вѣжливости, Тамоора покинулъ мой домъ.

VI.

Я отправляюсь—но не одинъ.

Черезъ нѣсколько дней я отплылъ въ дальній путь, но не видалъ болѣе своего друга бонзу. Очевидно въ тотъ незабвенный для меня вечеръ, онъ былъ серьезно оскорбленъ моимъ дерзкимъ отношеніемъ къ тому, кого онъ такъ глубоко чтилъ. Меня это огорчало, но колесо страстей и гордости вращалось съ такою силою въ моей душѣ, что не допускало и минуты раскаянія, а между тѣмъ не прошло и недѣли, какъ я долженъ былъ вспомнить всѣ его предостереженія.

Со дня моего опыта съ магическимъ зеркаломъ я замѣтилъ большую перемѣну во всемъ своемъ состояніи, но въ началѣ я приписывалъ ее душевному угнетенію, которое давило меня столько мѣсяцевъ къ ряду. Днемъ я очень часто ловилъ себя на томъ, что теряю временно изъ виду всѣ окружающіе предметы, въ томъ числѣ и ѣхавшихъ со мной людей. Ночи я проводилъ чрезвычайно тревожно. Мои сны были тягостны, а по временамъ и, ужасны. Я всегда переносилъ очень хорошо морскія поѣздки; кромѣ того, погода была превосходная, и океанъ спокоенъ какъ озеро, и, несмотря на это, я часто испытывалъ странныя головокруженія; въ такія минуты знакомыя мнѣ лица пассажировъ принимали самыя фантастическія очертанія. Такъ, одинъ молодой нѣмецъ, съ которымъ я былъ и ранѣе хорошо знакомъ, преобразился передо мной въ своего стараго отца, котораго мы вмѣстѣ съ нимъ похоронили на маленькомъ европейскомъ кладбищѣ Кіото три года передъ тѣмъ. Мы разговаривали съ нимъ на палубѣ о покойномъ и объ одномъ изъ его дѣловыхъ распоряженій, какъ вдругъ голова

Макса Грюнера покрылась какой то странной пленкой; густой, сѣрый туманъ окружилъ его, и все болѣе сгущаясь вокругъ его здороваго лица, преобразился вдругъ въ страшную мертвую голову его отца, которую я самъ видѣлъ опущенной въ могилу на глубину шести футъ подъ землей. Въ другой разъ, когда капитанъ говорилъ объ одномъ ворѣ изъ малайцевъ, котораго онъ помогъ запереть въ тюрьму, я увидѣлъ рядомъ съ нимъ гнусное лицо, вполнѣ отвѣчавшее его описанію. Я никому не говорилъ о своихъ галлюцинаціяхъ; но по мѣрѣ того какъ онѣ все болѣе учащались, я сильно встревожился, хотя продолжалъ приписывать ихъ естественнымъ причинамъ, о которыхъ читалъ въ медицинскихъ книгахъ. Однажды ночью я былъ внезапно разбуженъ громкимъ крикомъ отчаянія. Это былъ женскій голосъ, выражавшій ужасъ и словно призывавшій на помощь. Проснувшись, я очутился на землѣ въ странной незнакомой мнѣ комнатѣ. И я увидалъ страшную картину насилія. У запертой двери притаилась старая женщина, которую я немедленно узналъ: это было лицо еврейки, взявшей къ себѣ мою племянницу въ сновидѣніи, которое такъ потрясло меня въ Кіото. Она очевидно сторожила, принимая дѣятельное участіе въ подломъ преступленіи, но кто же была жертва? О ужасъ, невыразимый словами! Когда, придя въ нормальное состояніе, я постигъ все видѣнное, я понялъ, что то была моя собственная дѣвочка—племянница...

Но какъ и въ первомъ моемъ видѣніи, я не испытывалъ никакой боли, которую чувствуешь при видѣ страданія любимыхъ и близкихъ людей; лишь одно мужское негодованіе противъ гадкаго насилія. Я бросился на негодяя, схватилъ его съ могучей силой, но онъ повидимому даже и не замѣчалъ моего присутствія. Тогда я удвоилъ усилія, бросился на него и началъ душить его. Только тутъ я замѣтилъ въ первый разъ, что и самъ я—тѣнь, и схваченный мною человѣкъ—такая же тѣнь...

Мои громкіе крики и проклятія разбудили весь пароходъ. Ихъ приписали кошмару, и я никому не разсказывалъ своихъ переживаній; но, начиная съ этого дня, моя жизнь превратилась въ сплошную нравственную пытку. Едва я закрывалъ глаза, какъ дѣлался свидѣтелемъ какого-нибудь ужаснаго дѣла, какой-нибудь сцены страданія, смерти или преступленія; то въ прошломъ, то въ настоящемъ, а иногда и въ будущемъ, какъ я убѣдился позднѣе. Словно какой то издѣвающійся врагъ взялъ на себя задачу показывать мнѣ все злобное, звѣриное, безнадежное, что творится въ этомъ мірѣ бѣдствій. Ни единый лучъ красоты или добра не освѣщалъ этихъ картинъ страданія и преступленія, при которыхъ я былъ осужденъ присутствовать. Сцены убійства, измѣны и разврата проходили постоянно передъ моимъ внут-

реннимъ взоромъ, и я долженъ былъ смотрѣть на самыя низкія проявленія человѣческихъ страстей.

Неужели же Тамооро предвидѣлъ всѣ мои тяжкія переживанія, когда говорилъ о Даиджъ-Дзинъ, для которыхъ я оставилъ „входъ", „открытую дверь" внутри себя? Вздоръ! Навѣрно какое-нибудь физіологическое ненормальное состояніе. Какъ только я пріѣду въ Нюренбергъ и успокоюсь относительно своихъ, всѣ эти видѣнія исчезнутъ сами собою. Самый фактъ, что мое воображеніе работаетъ въ *одномъ* направленіи, рисуя постоянно картины страданія и худшихъ человѣческихъ страстей, доказываетъ ихъ нереальность.

„Если, какъ вы говорите, человѣкъ состоитъ только изъ одной матеріи, доступной физическомъ чувствамъ, и если всѣ виды сознанія лишь результатъ молекулярнаго движенія мозга, въ такомъ случаѣ насъ должно бы привлекать одно матерьяльное, земное"... Мнѣ казалось, что я слышу знакомый голосъ бонзы Тамоора, прервавшаго мои размышленія и повторяющаго одинъ изъ своихъ обычныхъ аргументовъ въ спорахъ со мной.

„Человѣкъ видитъ на двухъ планахъ", снова услыхалъ я его голосъ. „На планѣ безсмертной любви и духовныхъ стремленій, исходящихъ изъ вѣчнаго Свѣта; и на планѣ тревожной, вѣчно мѣняющейся матеріи, въ излученіяхъ которой купаются вводящіе въ заблужденіе Даиджъ-Дзин'ы".

VII.

Вѣчность въ одномъ короткомъ сновидѣніи.

Въ тотъ періодъ своей жизни я не допускалъ даже на минуту мелѣпой вѣры въ какихъ бы то ни было духовъ, какъ добрыхъ такъ и злыхъ. Теперь я понялъ, что такое подразумѣвается подъ этимъ терминомъ, хотя и продолжалъ надѣяться, что все это окажется въ концѣ концовъ физическимъ разстройствомъ или нервной галлюцинаціей. Чтобы укрѣпить еще болѣе свое невѣріе, я старался припомнить всѣ аргументы, когда-либо слышанные мною, направленные противъ подобнаго суевѣрія. Я припоминалъ ѣдкіе сарказмы Вольтера, спокойныя разсужденія Юма и повторялъ до тошноты слова Руссо, сказавшаго, что противъ суевѣрія, этого „разрушителя общества", мы обязаны бороться изо всѣхъ силъ.

Однажды старый капитанъ разсказывалъ намъ различныя суевѣрія, распространенныя между моряками; величественный англійскій мис-

сіонеръ замѣтилъ, что Фильдингъ давно уже высказалъ, до какой степени суевѣріе „дѣлаетъ человѣка глупцомъ“, послѣ чего онъ поколебался на мгновеніе и внезапно замолчалъ. Я смотрѣлъ на почтеннаго миссіонера; когда онъ произносилъ эту цитату, я увидалъ въ окружающей его вибрирующей аурѣ, которую я началъ видѣть почти постоянно вокругъ всѣхъ людей, продолженіе Фильдинговой цитаты *„а скептицизмъ дѣлаетъ его умалишеннымъ“*. Я слышалъ не разъ отъ людей, претендующихъ на ясновидѣніе, что они видятъ мысли людей, отпечатлѣнныя на ихъ аурѣ. Теперь у меня былъ личный опытъ, подтверждающій ихъ претензію, и открытіе это было для меня чрезвычайно тягостно. Я—*ясновидящій*! Новая тяжесть придавила мою жизнь, прибавился нелѣпый и смѣшной даръ, который я долженъ скрывать отъ всѣхъ, стыдясь его какъ проказы. Въ эти минуты моя ненависть къ Іамабуши не знала предѣловъ: вѣдь это онъ своими манипуляціями, въ то время какъ я лежалъ безъ сознанія, затронулъ какую-нибудь неизвѣстную пружину въ моемъ мозгу и, растянувъ ее, вызвалъ способность, обыкновенно скрытую въ человѣческой организаціи!

Но и гнѣвъ мой и мои проклятія были одинаково безцѣльны. Къ тому же мы уже подходили къ европейскимъ морямъ, и черезъ нѣсколько дней должны были высадиться въ Гамбургѣ. И тогда всѣ мои сомнѣнія придутъ къ концу и я докажу, что хотя ясновидѣніе, въ смыслѣ чтенія человѣческихъ мыслей на ближайшемъ разстояніи, и имѣетъ за собой нѣчто дѣйствительное, но возможность узнавать на далекомъ разстояніи прошедшія событія, какъ въ моихъ сновидѣніяхъ, вещь совершенно невозможная для человѣческихъ способностей. И что же? Несмотря на всѣ эти разсужденія, сердце мое отчаянно болѣло и было полно самыхъ мрачныхъ предчувствій: я чувствовалъ, что приближается нѣчто роковое.

Наканунѣ прибытія въ портъ я видѣлъ сонъ: я видѣлъ себя мертвымъ; мое тѣло лежало холодное и окоченѣлое, а умирающее сознаніе готовилось черезъ нѣсколько мгновеній погаснуть совсѣмъ. Я всегда думалъ, что мозгъ долженъ послѣднимъ изъ всѣхъ человѣческихъ органовъ прекращать свою дѣятельность, что мысль на нѣсколько мгновеній должна переживать остального человѣка. Поэтому я нисколько не удивился, что въ моемъ сновидѣніи тѣло уже перешло черезъ ту страшную пропасть „откуда смертный не возвращается во вѣкъ“, тогда какъ сознаніе все еще оставалось въ сѣромъ полусвѣтѣ, предшествующемъ великой Тайнѣ. Такимъ образомъ, моя мысль, связанная, какъ мнѣ казалось, съ остатками исчезающей жизненной силы, слѣдила съ любопытствомъ за приближеніемъ своего собственнаго разрушенія, т. е. *уничтоженія*. „Я“ спѣшило отмѣтить мои послѣднія впечатлѣнія, пре-

жде чѣмъ темный покровъ вѣчнаго забвенія закроетъ меня навсегда, прежде чѣмъ Я испытаю *торжество* подтвержденія всѣхъ моихъ убѣжденій и того, что смерть есть полное прекращеніе сознательнаго бытія. Темнота вокругъ меня росла съ каждой минутой. Передо мною двигались сѣрыя большія тѣни, въ началѣ медленно, затѣмъ движеніе ихъ все ускорялось и подъ конецъ онѣ закружились въ вихревомъ движеніи головокружительной быстроты. Затѣмъ словно движеніе ихъ служило только для сгущенія темноты—оно стало все болѣе замедляться а когда темнота превратилась въ абсолютную темноту, движеніе прекратилось и совсѣмъ. Теперь передо мною не было ничего, кромѣ чернаго, неизмѣримаго Пространства; и оно представлялось мнѣ столь же безграничнымъ и безмолвнымъ, какъ океанъ Вѣчности, надъ которымъ Время, созданіе человѣческаго мозга, скользитъ безостановочно, безсильное переплыть черезъ него.

Сновидѣнія опредѣляются Катономъ какъ „образъ нашихъ надеждъ и опасеній". Никогда не страдавшій страхомъ смерти, я чувствовалъ себя спокойнымъ и яснымъ предъ предстоявшимъ концомъ. Я даже радовался своему скорому избавленію отъ непрерывной тоски, которая непрестанно грызла мое больное сердце въ теченіе томительныхъ мѣсяцевъ и подъ конецъ стала невыносимой; и если—какъ Сенека думаетъ: „смерть лишь прекращеніе того, чѣмъ мы были", въ такомъ случаѣ лучше всего было для меня умереть. Тѣло уже умерло; „я", т. е. его сознаніе, готовится послѣдовать за нимъ. Мысль начнетъ постепенно работать все слабѣе, туманнѣе, пока полное забвеніе не охватитъ меня своимъ холоднымъ саваномъ.

Желанна для Меня таинственная рука Смерти, великаго Міроваго Утѣшителя; глубокъ и безмятеженъ сонъ въ его нерасторжимыхъ объятіяхъ... Тихая пристань среди бушующихъ волнъ жизненнаго океана, шумный прибой которыхъ вотще разбивается о скалистую твердыню Смерти. Счастливъ тотъ одинокій челнъ, который, послѣ страшной борьбы на свирѣпыхъ волнахъ земной жизни, достигъ наконецъ тихихъ водъ ея черной бездны. Прикрѣпленная навсегда, не нуждающаяся ни въ парусѣ, ни въ рулѣ, моя ладья найдетъ тамъ вѣчный покой. Привѣтствую тебя, Смерть-избавительница, и прощай несчастное тѣло, давно уже не знающее ничего иного, кромѣ страданія!...

Произнося этотъ гимнъ смерти, я наклонился надъ распростертымъ тѣломъ своимъ и сталъ разсматривать его съ любопытствомъ. Чувствуя, какъ окружающая темнота давила на меня со всѣхъ сторонъ, я вообразилъ, что ко мнѣ приближается желанный Освободитель. А между тѣмъ... какъ странно! Если послѣ смерти умираетъ *все* мое „я", слѣдовательно и сознаніе; почему же оно не блѣднѣетъ, по-

чему мой *мозгъ* работаетъ энергичнѣе, чѣмъ когда либо... между тѣмъ какъ самъ я вѣдь умеръ? И обычное чувство тоски не уменьшается; наоборотъ, оно становится еще сильнѣе... до невыразимой степени!.. Когда же придетъ забвеніе?... Ахъ, вотъ опять мое тѣло!.. Исчезнувшее изъ вида на одну секунду, оно вновь появляется передо мной. Какое оно блѣдное и страшное! А между тѣмъ его мозгъ еще не умеръ, такъ какъ „я", его сознаніе, все еще дѣйствую, такъ какъ оба мы живемъ и мыслимъ, оторванные отъ нашего создателя и его мысль-творящихъ Клѣтокъ...

И вдругъ меня охватило сильное желаніе узнать, въ какой моментъ разложенія будетъ наложена послѣдняя печать на мозгъ и его дѣятельность. Я сталъ разсматривать свой мозгъ во всѣхъ головныхъ впадинахъ сквозь совершенно прозрачныя (для меня) кости черепа и даже *потрогалъ* мозговое вещество... Какъ, и какими руками, я не могу теперь сказать, но ощущеніе липкой, необычайно холодной матеріи произвело на меня чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Къ великому моему смущенію я убѣдился, что кровь окончательно застыла, а такъ какъ мозговыя волокна не могли при этихъ условіяхъ развивать молекулярную дѣятельность, я совершенно пересталъ понимать то, что происходило со мной. Но у меня не было времени, чтобы предаваться размышленіямъ. Новая и совершенно необыкновенная перемѣна въ моихъ ощущеніяхъ поглотила все мое вниманіе... что это такое?...

Та же тьма была вокругъ меня, какъ и раньше, черное, непроницаемое пространство, простирающееся во всѣхъ направленіяхъ. Но теперь, прямо передо мной, въ какомъ бы направленіи я ни глядѣлъ, передвигаясь вмѣстѣ со мною, куда бы я ни двинулся, повисли гигантскіе круглые часы; огромный дискъ, широкое, до ужаса, бѣлое лицо котораго зловѣще свѣтлѣло на черномъ фонѣ.

Когда я посмотрѣлъ на его огромный циферблатъ и на маятникъ, качавшійся взадъ и впередъ, медленно и мѣрно, словно его взмахи раздѣляли вѣчность, я увидалъ, что его стрѣлки показывали *семь минутъ шестого*. „Тотъ самый часъ, въ который началась моя пытка въ Кіото!" только что успѣлъ я это подумать, какъ къ моему неизобразимому ужасу я почувствовалъ то же самое, что и въ тотъ роковой часъ; я поплылъ подъ землею, быстро подвигаясь впередъ внутри ея состава; я снова былъ въ той же могилѣ и снова узналъ мужа моей сестры въ искалѣченныхъ остаткахъ; я былъ свидѣтелемъ его ужасной смерти; входилъ въ домъ моей сестры; видѣлъ всю ея агонію, и какъ она сошла съ ума. Я проходилъ черезъ тѣ же самыя сцены, не пропустивъ ни единой подробности. Но увы, я уже не былъ тѣмъ безразличнымъ существомъ, которое въ первомъ моемъ видѣніи оста-

валось также равнодушно, какъ кусокъ скалы. Мои нравственныя мученія были выше всякаго описанія и становились почти невыносимы. О, какъ я страдалъ среди всѣхъ этихъ ужасовъ, въ ряду которыхъ увѣренность въ посмертномъ существованіи—ибо *въ этомъ* сновидѣніи я твердо вѣрилъ, что мое тѣло умерло—прибавляло самое устрашающее изъ всѣхъ переживаній!

Сравнительное облегченіе, которое я почувствовалъ, когда на смѣну картинамъ страданія появилось большое бѣлое лицо циферблата, длилось недолго. Длинная заостренная стрѣлка на колоссальномъ дискѣ указывала на *семь съ половиной минутъ шестого*. Но прежде, чѣмъ я успѣлъ подумать о происшедшей перемѣнѣ, стрѣлка медленно передвинулась назадъ и остановилась какъ разъ на семи минутахъ и, о проклятіе!.. я снова былъ принужденъ повторять все сначала! Снова я плылъ подъ землею и видѣлъ, и слышалъ, и переносилъ всѣ пытки, какія только могутъ существовать въ аду; я возвращался назадъ только для того, чтобы снова видѣть, какъ на роковомъ дискѣ, послѣ перенесенныхъ страданій, которыя казались мнѣ вѣчностью, стрѣлка передвигалась ровно на полминуты впередъ. Я смотрѣлъ на нее и видѣлъ съ усиливающимся ужасомъ, какъ она снова двигалась назадъ, меня же, одновременно съ этимъ движеніемъ, гнало снова впередъ. И такъ продолжалось разъ за разомъ, въ безконечной послѣдовательности, которая, казалось, не имѣла начала и никогда не будетъ имѣть конца...

Хуже того: мое сознаніе, мое „я“ пріобрѣло удивительную способность утраиваться, учетверяться и даже удесятеряться. Я жилъ, чувствовалъ и страдалъ въ одно и то же время въ нѣсколькихъ различныхъ мѣстахъ, переживая событія изъ моей собственной жизни, происходившія въ разныя эпохи и при различныхъ условіяхъ, хотя господствовало надо всѣмъ остальнымъ мое *духовное* переживаніе въ Кіото. Какъ въ знаменитой фугѣ Don Giovanni сердце надрывающіе звуки трагической аріи Эльвиры звучатъ *надъ* мелодіей, не сливаясь ни съ минуэтомъ, ни съ пѣсней соблазна, ни съ хорами, такъ и я переживалъ снова и снова мои скорби, повтореніе которыхъ не утоляло ни на іоту ощущеніе невыразимаго отчаянія и ужаса... но и ужасъ этотъ ничуть не ослаблялъ тѣ картины и событія, не имѣвшія съ нимъ ничего общаго, ничѣмъ несвязанныя съ нимъ, которыя я переживалъ одну за другой: это было нѣчто граничившее съ безуміемъ! Рядъ фантасмагорій изъ реальной жизни. Въ теченіе одной и той же полминуты я могъ присутствовать съ *холоднымъ вниманіемъ* при сценѣ сумашествія моей сестры и чувствовать въ то же время адскія муки, какія я переживалъ по поводу того же событія, приходя въ со-

знаніе; или слушать философскія разсужденія бонзы и презрительно пробовать смѣяться надъ нимъ; или чувствовать себя ребенкомъ, юношей, слушающимъ любимые голоса моей матери и моей дорогой сестры, поучающими меня, какъ слѣдуетъ себя вести съ ближними; или спасать утопавшаго друга и въ то же время издѣваться надъ его старымъ отцомъ, который благодарилъ меня за спасеніе „души", еще неготовой предстать передъ своимъ Создателемъ.

„Говорите послѣ этого о *двойственномъ* сознаніи вы, психо-физіологи!" крикнулъ я въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда нравственная агонія достигла такой напряженности, которая могла бы убить цѣлую дюжину живыхъ людей. „Говорите о вашихъ психологическихъ экспериментахъ, ученые мужи, надутые гордостью и книжной му... стью! Я докажу вашу ложь..." и я начиналъ цитировать ученыя пр... веденія и спорить съ профессорами и лекторами, которые привели меня къ этому фатальному скептицизму. И въ то же время, какъ о доказывалъ невозможность сознанія, разлученнаго съ мозгомъ, я п калъ кровавыми слезами надъ предполагаемой судьбой моихъ несчастныхъ племянниковъ. Болѣе того: *я зналъ, какъ только можетъ знать освобожденное сознаніе* что все видѣнное мной въ Японіи и все, что я видѣлъ и слышалъ снова и снова, было зѣрно во всѣхъ подробностяхъ, что это была длинная нить страшныхъ, и въ то же время дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ сотни, можетъ быть, разъ мое вниманіе приковывалось къ стрѣлкѣ часовъ, и я уже терялъ счетъ своимъ круговращеніямъ и приходилъ къ заключенію, что сознаніе въ концѣ концовъ неразрушимо и что такъ должны чувствовать себя осужденные грѣшники—„если бы вѣчныя мученія не были логически и математически невозможны въ вѣчно прогрессирующей вселенной" — все же находилъ я силу для новыхъ разсужденій. Странно, а между тѣмъ въ этотъ часъ все растущей агоніи мое сознаніе продолжало возмущаться и отрицать все, кромѣ *себя*...

Нѣтъ, независимое существованіе своего сознанія я болѣе уже не отрицалъ, но будетъ ли оно со всѣмъ тѣмъ существовать *вѣчно*? О, непостижимая, вѣчно устрашающая Реальность! Но если ты существуешь вѣчно, кто же ты? Откуда приходишь ты, и гдѣ твое начало, если ты не часть этого окоченѣлаго трупа? И куда ведешь ты меня, который есть ты сама, и будетъ ли когда либо конецъ нашимъ мыслямъ и нашему воображенію? И каково истинное имя твое, о неисповѣдимая Реальность и непроницаемая Тайна! Да, я уничтожилъ бы тебя, если бы могъ... „Видѣніе души!.." Кто говоритъ о душѣ и чей это голосъ? Это ложь. Моя душа, духъ жизни во мнѣ умеръ вмѣстѣ съ

сѣрымъ веществомъ мозга. А что это мое „я", это сознаніе будетъ существовать вѣчно, это еще не доказано для меня... Перевоплощеніе въ дѣйствительность котораго бонза такъ стремился убѣдить меня, можетъ быть и существуетъ... почему нѣтъ? Развѣ цвѣтокъ не распускается изъ года въ годъ отъ того же корня? Отсюда слѣдуетъ, что это *я*, отдѣленное отъ своего мозга, утерявшее свое равновѣсіе, и вызывающее такой сонмъ видѣній... до перевоплощенія... Я снова очутился лицомъ къ лицу съ неумолимыми часами, и пока я слѣдилъ за ихъ стрѣлками, я услыхалъ голосъ бонзы, исходящій изнутри бѣлаго циферблата: „въ этомъ случаѣ—Я боюсь—*вамъ придется лишь открывать и закрывать двери храма снова и снова въ теченіе періода, который вамъ покажется цѣлой вѣчностью...*"

Часы исчезли, тьма замѣнилась свѣтомъ, голосъ моего стараго друга потонулъ въ многочисленныхъ голосахъ, раздававшихся съ палубы, и я проснулся на своей койкѣ, покрытый холоднымъ потомъ и всѣмъ измученный.

Глава VIII.

Скорбная повѣсть.

Мы высадились въ Гамбургѣ, и едва я успѣлъ увидать своихъ компаньоновъ, какъ, напутствуемый ихъ добрыми пожеланіями, отправился въ Нюренбергъ. Черезъ полчаса послѣ моего прибытія послѣднее сомнѣніе въ точности моихъ видѣній исчезло. Дѣйствительность оказалась хуже самыхъ мрачныхъ моихъ ожиданій. Мужъ моей сестры, раздавленный въ колесахъ машины, моя сумасшедшая сестра, быстро приближавшаяся къ концу своей жизни; моя племянница, чудный, еле распустившійся цвѣтокъ, обезчещенная въ гнусной берлогѣ, младшія дѣти, погибшія отъ заразной болѣзни въ пріютѣ для сиротъ; мой единственный выжившій племянникъ, исчезнувшій безъ вѣсти...

Все, что я любилъ — погибшее и развѣянное, и я одинъ остался въ живыхъ, чтобы быть свидѣтелемъ смерти, отчаянія и безчестія. Ударъ былъ слишкомъ силенъ, и я лишился сознанія. Послѣднее, что уловила моя мысль — были слова бургомистра: „Если бы вы, покидая Кіото, протелеграфировали властямъ Нюренберга о вашемъ намѣреніи принять участіе въ осиротѣвшихъ дѣтяхъ, мы размѣстили бы ихъ иначе, и они избѣгли бы своей тяжелой участи. Они переселились не очень давно въ Нюренбергъ; никто не зналъ, что у дѣтей есть родственникъ съ обезпеченнымъ состояніемъ. Они остались безъ всякихъ средствъ и

при этихъ обстоятельствахъ нельзя и претендовать на иныя распоряженія... Я могу только высказать искреннее сожалѣніе"...

Если бы я послушался дружескаго совѣта бонзы Тамоора и телеграфировалъ властямъ послѣ того видѣнья въ Кіото, я бы спасъ, по крайней мѣрѣ, мою дорогую племянницу отъ ея тяжкой судьбы. Это сознаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ фактомъ, что я не могъ болѣе сомнѣваться въ ясновидѣніи и яснослышаніи, возможность которыхъ я такъ долго отрицалъ—все это вмѣстѣ раздавило меня. Людского осужденія я могъ избѣгнуть, но не угрызеній совѣсти, не упрековъ моего собственнаго больного сердца, и это навсегда, до послѣдней секунды моей жизни! Я проклиналъ мой упорный скептицизмъ, мое отрицаніе фактовъ, мое воспитаніе, я проклиналъ и себя, и весь міръ...

Въ теченіе нѣсколькихъ дней, пока я устраивалъ свою несчастную сестру и племянницу и добивался наказанія старой еврейки, я еще держался на ногахъ, но затѣмъ силы покинули меня. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль я находился между жизнью и смертью, въ когтяхъ нервной горячки. Подъ конецъ мой сильный организмъ преодолѣлъ, и, къ величайшему моему горю, меня объявили внѣ опасности. Возвратъ къ жизни привелъ меня въ отчаяніе и, конечно, не къ утоленію этого отчаянія послужило немедленное возвращеніе—въ первые же дни моего выздоровленія, тѣхъ непрошенныхъ видѣній, реальность и вѣрность которыхъ я не могъ уже болѣе отрицать. Такимъ образомъ, каждый разъ, когда я оставался хотя бы на минуту одинъ, я испытывалъ безпомощную пытку прикованнаго Прометея. Въ тихіе ночные часы, словно приведенный какой-то безжалостной желѣзной рукой, я снова находился у постели сестры, принужденный слѣдить за медленнымъ умираніемъ ея ослабленнаго организма, переживать тѣ мученія, которыя ея собственный опустошенный мозгъ не могъ уже болѣе отражать. Этого мало: я долженъ былъ день за днемъ смотрѣть на невинное лицо моей молодой племянницы, до того дѣтское и незапятнанное, несмотря на все случившееся, а ночью быть свидѣтелемъ, какъ воспоминаніе о безчестіи, навсегда отравившимъ ея молодую жизнь, возвращалось къ ней немедленно, какъ только она засыпала. Ея сны принимали для меня объективную форму, какъ тогда, на пароходѣ; я долженъ былъ переживать ихъ ночь за ночью и каждый разъ испытывать то же безпредѣльное отчаяніе. Ибо теперь, когда я *вѣрилъ* въ реальность ясновидѣнія и пришелъ къ заключенію, что въ нашемъ тѣлѣ скрыто нѣчто, какъ въ гусеницѣ куколка, которая въ свою очередь заключаетъ въ себѣ бабочку, символъ души, — съ этихъ поръ все мое прежнее равнодушіе къ моимъ душевнымъ переживаніямъ исчезло навсегда. Нѣчто раскрылось во мнѣ, какъ бы внезапно освободилось изъ

своего окоченѣлаго кокона. Для меня стало очевиднымъ, что я видѣлъ уже не благодаря отождествленію моей внутренней сути съ Даиджъ-Дзин'омъ; теперь мои видѣнія возникали благодаря личному психическому развитію, тогда какъ вражеская сила заботилась лишь о томъ, чтобы я не видѣлъ ничего отраднаго и возвышающаго душу. Теперь всѣ страданія моихъ близкихъ находили горячій откликъ въ моемъ кровью исходящемъ сердцѣ. Глубокій родникъ любви и скорби хлынулъ изъ моего земного сердца, отдаваясь въ моей пробужденной и освободившейся изъ тѣла душѣ. Такъ суждено мнѣ было испить всю чашу страданій до послѣдней капли... О, какъ я скорбѣлъ надъ своимъ гордымъ безуміемъ, которое заставило меня отказаться отъ предложеннаго „очищенія"... Да, я дошелъ до того, что повѣрилъ даже и въ это... Даиджъ-Дзинъ дѣйствительно пріобрѣлъ власть надо мной, и врагъ спустилъ самыхъ свирѣпыхъ псовъ со всего ада на свою жертву. Наконецъ, разверзстая пропасть закрылась передо мною. Несчастную мученицу, мою сестру, опустили въ темную могилу, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ за нею послѣдовала и ея молодая дочь. Чахотка быстро разрушила молодое нѣжное тѣло. Не прошло и года послѣ моего возвращенія, какъ я остался одинъ на всемъ свѣтѣ;—единственный оставшійся въ живыхъ племянникъ отправился въ кругосвѣтное плаванье.

Теперь мнѣ остается разсказать немного, лишь грустный конецъ моей грустной исторіи. Превратившійся въ калѣку, имѣя въ тридцать лѣтъ видъ шестидесятилѣтняго старика, и, благодаря никогда не прекращавшимся видѣніямъ, приближавшійся къ границамъ безумія, я остановился внезапно на отчаянномъ рѣшеніи. Я рѣшился вернуться въ Кіото, найти Іамабуши, пасть къ ногамъ святого человѣка и не отставать отъ него до тѣхъ поръ, пока онъ не вернетъ меня въ прежнее состояніе.

Черезъ три мѣсяца я былъ снова въ своемъ японскомъ домѣ; разыскалъ своего стараго, почтеннаго друга, Тамоора Хидейери, умоляя его отвести меня къ Іамабуши. Его отвѣтъ наложилъ послѣднюю печать мою роковую судьбу. Іамабуши покинулъ страну, отправившись въ честивое странствованіе, которое, по обычаямъ его ордена, должно читься не менѣе семи лѣтъ.

своемъ отчаяніи я обращался къ помощи другихъ мудрыхъ чо это не послужило ни къ чему: никакой другой „адептъ" чести мнѣ исцѣленія. Я узналъ отъ нихъ, что только тотъ, ъ Даиджъ-Дзин'а, можетъ имѣть власть надъ этимъ ящаго одержанія. Съ глубокимъ милосердіемъ, которое учился цѣнить, святые люди предложили мнѣ присоед тѣ ихъ учениковъ для того, чтобы узнать все, что

можетъ помочь мнѣ. „Только ваша собственная воля и вѣра въ ваши душевныя силы могутъ помочь вамъ“, говорили они. „Но понадобится нѣсколько лѣтъ, чтобы уничтожить хотя бы часть великаго зла, прибавляли они. „Даиджъ-Дзин'а легко удалить вначалѣ; если же его оставить, онъ овладѣваетъ всѣмъ существомъ человѣка и почти невозможно искоренить врага, не уничтоживъ при этомъ и его жертву.“

Видя, что мнѣ не оставалось ничего иного, я съ благодарностью принялъ ихъ предложеніе, и изъ всѣхъ силъ старался повѣрить всему тому, чему эти святые люди вѣрили. Но старанія эти оказались тщетными: духъ отрицанія и сомнѣнія укоренился во мнѣ глубже даже, чѣмъ Даиджъ-Дзинъ. И все же я рѣшилъ не упускать этотъ послѣдній шансъ на спасенье и принялся за приведеніе въ порядокъ всѣхъ своихъ житейскихъ обязательствъ: я раздѣлался съ своими гамбургскими компаньонами, сдѣлалъ завѣщаніе въ пользу своего племянника—на случай, если бы онъ возвратился изъ своего плаванія, оставивъ для своихъ личныхъ потребностей ничтожную часть своего, оказавшагося очень значительнымъ, состоянія, и то по настоянію своихъ друзей. Я зналъ теперь вмѣстѣ съ Лао-Тзе, что *знаніе*—единственная крѣпкая опора, которой можетъ довѣриться человѣкъ, что она одна не разбиваема никакими бурями. Богатство—слабый якорь въ дни скорби, а самомнѣніе—самый роковой изъ всѣхъ совѣтчиковъ. Устроивъ свои земныя дѣла, я присоединился къ „Учителямъ Дальняго Видѣнія“, которые приняли меня въ свое таинственное мѣстопребываніе. Тамъ я оставался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, серьезно изучая ихъ науку въ полнѣйшемъ уединеніи, не видя никого, кромѣ нѣсколькихъ членовъ нашей религіозной общины.

Много тайнъ природы постигъ я съ тѣхъ поръ. Много поглотилъ тайныхъ фоліантовъ изъ библіотеки Тзіон-ене и пріобрѣлъ, благодаря этому, власть надъ нѣсколькими видами невидимыхъ существъ низшаго порядка. Но пріобрѣсти тайну власти надъ страшнымъ Даиджъ-Дзин'омъ я такъ и не могъ. Тайной этой владѣетъ очень ограниченное число Посвященныхъ Лао-Тзе, и большая часть самихъ Іамабуши не знали, какъ овладѣть этимъ опаснымъ элементалемъ. Чтобы пріобрѣсти такую власть, мнѣ нужно было отождествиться вполнѣ съ Іамабуши, проникнуться ихъ вѣрованіями и достигнуть высшей ступени Посвященія. Естественно, что я оказался неспособнымъ на это, не говоря уже о моемъ неискоренимомъ скептицизмѣ, хотя я искренно старался повѣрить. Такимъ образомъ, облегченный отчасти отъ моихъ страданій и наученный, какимъ образомъ удалять отъ себя непрошенныя видѣнія, я все же и до сихъ поръ не въ состояніи предупреждать ихъ непрошенное появленіе, которое повторяется отъ времени до времени. Относи-

тельно святого человѣка, который былъ первой невинной причиной моего несчастія, я не могъ узнать ничего. И самъ старый бонза, навѣщавшій меня въ моемъ уединеніи, не могъ, или не хотѣлъ указать мнѣ мѣстопребыванія Іамабуши. Когда исчезла всякая надежда на то, что я когда-либо буду освобожденъ отъ моего рокового дара, я рѣшилъ вернуться въ Европу и поселиться въ одиночествѣ на весь остатокъ моей жизни. Съ этой цѣлью я купилъ съ помощью моихъ прежнихъ компаньоновъ швейцарское шалэ, въ которомъ родились и я, и моя покойная сестра, въ которомъ я росъ, окруженный ея нѣжными заботами; его я и выбралъ для своего послѣдняго земного жилища.

Прощаясь со мной навсегда на палубѣ корабля, увозившаго меня на родину, добрый бонза старался утѣшить меня и примирить съ моими разочарованіями. „Сынъ мой, сказалъ онъ, смотрите на все случившееся съ вами, какъ на *вашу карму*—какъ на справедливое возмездіе. Ни одинъ человѣкъ, подвергнувшій себя добровольно власти одного изъ Даиджъ-Дзин'овъ, не можетъ надѣяться стать когда-либо Архатомъ (Адептомъ), не подвергнувшись немедленному очищенію. Въ лучшемъ случаѣ онъ можетъ добиться—какъ сдѣлали это вы — способности противодѣйствовать своему врагу. *Подобно шраму, оставленному послѣ себя ядовитой раной, слѣды Даиджъ-Дзин'а не могутъ никогда быть стерты съ души, пока она не очистится новымъ рожденіемъ.* И все же, не унывайте и не тяготитесь вашимъ положеніемъ: оно повело васъ къ познанію и къ принятію многихъ истинъ, которыя иначе вы отвергли бы съ презрѣніемъ. Этого же безцѣннаго познанія, пріобрѣтеннаго страданіемъ и личными усиліями, ни одинъ Даиджъ-Дзинъ не можетъ лишить васъ никогда! Прощайте же, и да будетъ надъ вами помощь и защита Матери Милосердія, великой Царицы Небесной".

Мы разстались, и съ тѣхъ поръ я веду жизнь отшельника въ непрерываемомъ одиночествѣ, никогда не переставая учиться. Хотя у меня отъ времени до времени еще бываютъ тяжелые дни, я никогда не жалѣю о годахъ, проведенныхъ у Іамабуши, и глубоко благодаренъ имъ за полученныя знанія.

Съ Тамоора Хидейери, искренно почитаемымъ мною, я постоянно переписывался до самаго дня его смерти,—событіе, при которомъ я имѣлъ незаслуженное счастье присутствовать, несмотря на раздѣлявшія насъ моря, въ тотъ самый часъ, когда оно совершилось.

Пер. **Е. П.**

Драгоцѣнные камни Востока.

(Genis of the East).

(Изреченія, собранныя *Е. П. Блаватской*).

Душа есть рѣка: ея священный источникъ—самообладаніе, ея вода—истина, ея берега—праведность, волны ея—страданіе; купайся въ ней, о сынъ Панду, ибо не отъ земной воды становится душа чистой.

Мудрый не говоритъ о томъ, что дѣлаетъ, но не дѣлаетъ ничего чего бы онъ не могъ говорить.

Для того, чтобы выступить въ мірѣ съ обнаженной Правдой нужно больше мужества, чѣмъ для того, чтобы войти въ пещеру хищнаго звѣря.

Орелъ не ловитъ мухъ, но онѣ надоѣдаютъ и ему.

Для мудреца творить добро также естественно, какъ дышать.

Пагоды измѣряются по ихъ тѣни, а великія души—по ихъ завистникамъ.

Какая польза негру въ мылѣ, а глупцу—въ умномъ совѣтѣ?

Если про тебя говорятъ дурно и говорятъ правду, то усовершенствуй себя; если же это неправда, то посмѣйся.

Черезъ радость и скорбь душа приходитъ къ самопознанію.

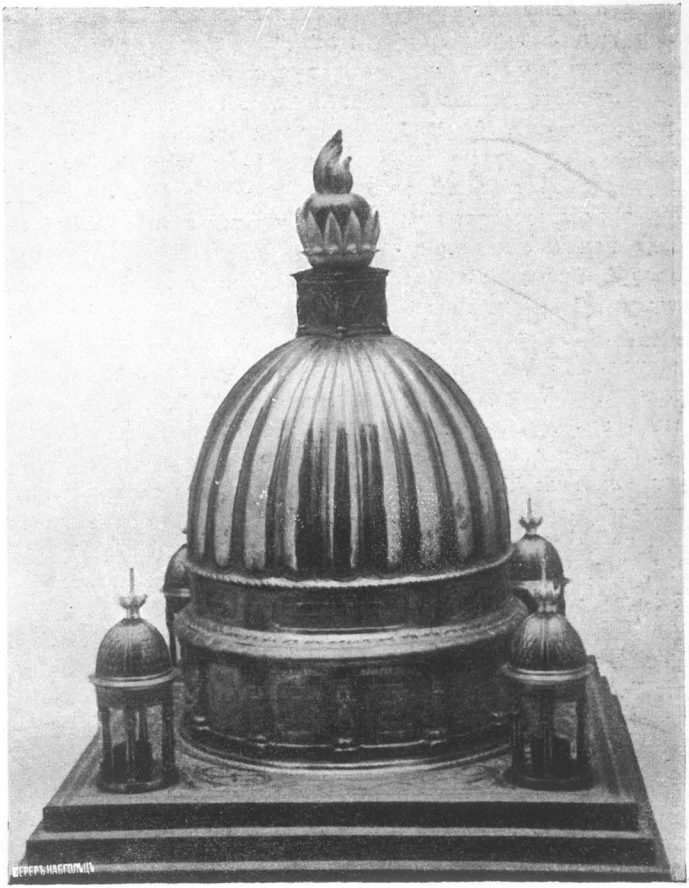
Кто далъ лебедю его бѣлизну, попугаю—зеленыя крылья, а павлину—его оттѣнки радуги, не позаботится ли Тотъ и о тебѣ?

Глупецъ носитъ свое сердце на языкѣ, а мудрецъ держитъ языкъ въ сердцѣ своемъ.

Божественное свойство человѣческой души—неустанно думать о прекрасномъ.

Истинное самопознаніе есть пробужденіе сознанія божественной природы въ человѣкѣ.

Свѣтъ всего плотскаго есть солнце; свѣтъ души есть вѣчная Правда.



Урна, въ которой хранится пепелъ отъ сожженія тѣла Е. П. Блаватской.